УСТ
9
3-671

И. Я. ЗЛАТКИН

ОЧЕРКИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ МОНГОЛИИ

Е 10729
18 10 94 3
30.10.96г. Н
30.6.1997 3
25.10.97 3
10.3.1997 3
02.09.98

Глубокоуважаемому
Николаю Владимировичу
Устрялову
31.1.58г. от автора

© ГПНТБ СО РАН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

1

И. Я. ЗЛАТКИН

ОЧЕРКИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ МОНГОЛИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1957

© ГПНТБ СО РАН

ОЧЕРКИ
НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ
ИСТОРИИ МОНГОЛИИ

Сверено
1991 г.

ГПНТБ СО АН СССР
Техническая библиотека

3-671

4751/64

Сверено
с фондом

Ответственный редактор
СТАРИЦИНА П. П.

*

Автор
Илья Яковлевич ЗЛАТКИН

*

Утверждено к печати
Редакционным советом востоковедной литературы
при Отделении исторических наук Академии наук СССР

*

Редактор издательства *М. Д. Пакасьянц*
Технический редактор *Е. Н. Яковлева*
Корректоры *И. К. Киселева, Л. Г. Тумасова*

*

Сдано в производство 9/IX 1957 г.
Подписано к печати 1/XI 1957 г. Т-10822
Бумага 60×92¹/₁₆ — 9,375 б. л. = 19,02 п. л. Усл. л. 19,02, 19,1 уч.-изд. л.
Тираж 4000. Зак. тип. 1713
Цена 13 р. 40 к.

*

Тип. Издательства восточной литературы
при Институте востоковедения АН СССР. Москва, Б. Кисельный, пер., 4.

ПРЕДИСЛОВИЕ

К середине XVII в. монгольская народность занимала обширную территорию от Южной Сибири до Великой китайской стены и от Хинганского хребта до предгорьев Тянь-Шаня.

Низкий уровень развития производительных сил, господство натурального хозяйства, феодальная раздробленность и длительные междоусобные войны привели к тому, что Монголия к концу средних веков представляла собой четыре обособившиеся друг от друга, фактически самостоятельные части.

Одну из них составляли ханства и княжества Южной Монголии, население которых кочевало вдоль Великой китайской стены, южнее пустыни Гоби. В течение первой половины XVII в. южномонгольские княжества и ханства, несмотря на оказанное ими сопротивление, были уже в большей части завоеваны маньчжурской военно-феодальной державой, сложившейся и вышедшей на историческую арену в начале XVII в. Подкупая одних ханов и князей, силой оружия сокрушая других, маньчжурские правители добились того, что в 1636 г. съезд 49 южномонгольских князей провозгласил правителя маньчжуров Абахая (1626—1643) своим ханом. С этого времени Южная Монголия стала именоваться Внутренней в отличие от других частей Монголии, продолжавших сохранять независимость от маньчжуров и названных поэтому Внешней Монголией. Дальнейшая историческая судьба монголов Внутренней Монголии оказалась теснейшим образом связанной с судьбами китайского народа и составила часть истории последнего.

Северная Монголия, или Халха-Монголия, находилась севернее пустыни Гоби, в основном в пределах современной Монгольской Народной Республики. Завоевание этой части Монголии было очередной задачей захватнической политики маньчжурских феодалов, которые в 1644 г. были призваны китайски-

© ГПНТБ СО РАН

ми феодалами на помощь для подавления развернувшейся в Китае крестьянской войны, овладели Пекином и положили начало своему господству в Китае, образовав маньчжурскую (Цинскую) династию. Новая история Халха-Монголии имеет непосредственное отношение к истории современной Монгольской Народной Республики.

К западу от Халха-Монголии находилась Западная Монголия, на территории которой в 40-х годах XVII в. сложилось объединенное довольно сильное монгольское феодальное государство—Ойратское, или Джунгарское, ханство. Занимая западную часть Монголии и восточную половину современного Синьцзян-Уйгурского Автономного района Китая, это ханство замыкало выход из Китая в страны ближнего и дальнего Запада и вход в Китай из этих стран. История этой части Монголии трагически закончилась в середине XVIII в.

К северу от Халха-Монголии, в районах Восточной Сибири и Забайкалья, располагались кочевья бурятов, которые в основном в первой половине XVII в. добровольно вошли в состав Русского государства. С этого времени история бурятского народа сливается с историей народов СССР.

Таким образом, новая и новейшая история Монголии рассматривается нами как история Монгольской Народной Республики и Ойратского (Джунгарского) ханства.

Предлагаемые «Очерки» состоят из двух частей. Первая часть, посвященная истории Монголии в новое время, представляет попытку осветить общественный строй Монголии в XVII—XIX вв. и дать систематическое изложение основных исторических событий в этой стране в период от середины XVII в. до Великой Октябрьской социалистической революции. Одним из основных источников, откуда автор почерпнул материал для этой части, были русские государственные архивы, главным образом Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) и Архив внешней политики России (АВПР). В этих архивах имеются богатейшие материалы, содержащие сведения не только по истории русско-монгольских отношений, но и по внутренней истории Монголии. Автор считает долгом отметить, что он далеко не исчерпал всех материалов этих архивов; им выполнена лишь сравнительно небольшая часть той работы, которая ждет своих исследователей.

Архивные данные были положены в основу при освещении общественного строя монголов в XVII—XIX вв., при характеристике международного положения Монголии и политики Русского государства на Дальнем Востоке в XVII—XVIII вв., при изложении истории Ойратского ханства, антиманьчжурской борьбы монгольского народа и освободительного движения 1754—1758 гг.

Автор отдает себе отчет в том, что русские архивные материалы, несмотря на всю их научную ценность, могут явиться лишь одним из источников изучения новой истории монгольского народа, что капитальное исследование истории Монголии невозможно без самого тщательного анализа в первую очередь монгольских, а также китайских, в том числе и тибетских, источников. Предлагаемая книга не претендует ни на что большее, чем это определяется самим заголовком ее. Нет сомнения, что дальнейшая работа над источниками в тесном содружестве с учеными Монгольской Народной Республики и Китайской Народной Республики сделает возможной подготовку издания фундаментальной истории Монголии.

В изучении истории культуры монгольского народа делаются еще только первые шаги. Многое в этой области остается невыясненным и спорным. Несомненно одно: культура дореволюционной Монголии была богаче, а уровень ее развития — выше, чем до сих пор обычно считалось. Недооценивал культурное наследие, полученное Монгольской Народной Республикой от дореволюционной Монголии, и автор данной работы. Учитывая, однако, недостаточную изученность этого важного вопроса, автор не счел возможным включить в книгу специальные разделы об истории монгольской культуры.

Вторая часть «Очерков» представляет дополненное и исправленное переиздание работы, вышедшей в свет в 1950 г. под названием «Монгольская Народная Республика — страна новой демократии (Очерк истории)».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ МОНГОЛИИ в XVII—XIX вв.

Кочевое скотоводство — база экономики Монголии

Основой экономики Монголии в XVII в., как и в более ранние века, было экстенсивное кочевое скотоводство, составлявшее важнейший и почти единственный вид производственной деятельности населения.

Главное богатство страны составляли стада крупного и мелкого рогатого скота, верблюдов и табуны коней. Скотоводство обеспечивало население продуктами питания, материалами для строительства жилищ, шерстью для изготовления одежды. Верблюды и лошади служили единственным средством передвижения. В обмен на скот монголы получали от соседних народов продукты земледелия и ремесленного производства. Процесс накопления в феодальных хозяйствах также определялся ростом поголовья. Источники XVII—XVIII вв. содержат достаточно данных, свидетельствующих о том, что подавляющая часть поголовья скота концентрировалась в руках феодалов.

Несмотря на исключительно большое значение скотоводства в жизни народа, оно велось весьма примитивными методами. Скот в течение круглого года содержался на естественных пастбищах на подножном корму. Сенокошением монголы не занимались, кормовых запасов не создавали, возлагая надежды на естественные кормовые ресурсы своих пастбищных угодий. Для обеспечения скота кормами монголы были вынуждены перекочевывать с места на место. Смена пастбищ, происходившая в определенном порядке в зависимости от времени года и состояния травостоя, так же как и строительство колодцев и обеспечение пастбищ водопоями, требовали значительных затрат труда.

Естественно, что при таком уровне развития скотоводческое хозяйство Монголии не могло быть высокопродуктивным. Оно

ежегодно несло огромный урон вследствие гибели скота от болезней, голода и хищных зверей, а в неблагоприятные годы, когда засуха губила степную растительность или когда из-за дзуда [1] скот был обречен на голод зимой, падеж скота приобретал характер стихийного бедствия.

Материальное благополучие каждого монгола и всей Монголии почти целиком зависело от состояния скотоводческого хозяйства.

Земледелие

Земледелие было исстари известно монголам, однако в XVII в. не играло сколько-нибудь заметной роли. Источники приводят некоторые сведения о монгольском земледелии, но все они лишь подтверждают, что в XVII в. обработка земли еще не была постоянным занятием населения.

Так, например, русский посол Василий Турсково, командированный в 1681 г. из Селенгинска в Ургу (современный Улан-Батор), отметил, что в районе речки Бтигей (к югу от современного города Алтан-Булака) он встретил кочевья «пашенных людей», принадлежавших главе ламаистской церкви в Монголии Ундур-гэгэну [2]. Однако в дальнейшем, в XVIII—XIX вв., мы не находим следов монгольского земледелия в этом районе.

В статейном списке другого русского посла — Павла Кульвинского, ездившего в 1667 г. из Томска в Ойратское ханство, есть указание, что бухарские пленники находятся «у тайши — у Сенги, у Чокура, и на тайшей пашню пашут, а хлеб в калмыцкой земле родитца сильной, яровой, всякой, кроме ржи» [3].

Из других источников известно, что ойратский владетельный князь Чокур-убаши в 1673 г. в письме в Москву жаловался на Галдана, который напал на него и, как пишет жалобщик, «землю мою с пашнями и с людьми разорил» [4].

Русский посланник Николай Спафарий в дорожном дневнике в 1675 г. отметил, что ойратский владетельный князь Аблай-

---

[1] Дзуд — явление, при котором пастбища покрываются ледяной коркой или толстым слоем снега с сильно отвердевшей поверхностью, что не дает скоту возможности добраться до травы.

[2] ЦГАДА, ф. 1121, д. 18, л. 2. — Насколько нам известно, это указание единственное, свидетельствующее о наличии земледельческого хозяйства у церковных феодалов Монголии. В последующие двести лет, вплоть до конца XIX в., мы не встречаем в источниках указаний подобного рода.

[3] ЦГАДА, ф. 126, 1667, д. 3, л. 32.

[4] ЦГАДА, ф. 126, 1673, д. 2, л. 52.

© ЭКСПОБРАЗ

тайши поселил в своих владениях пленных бухарцев, обязав их заниматься обработкой земли. Вероятно, так же поступал и главный правитель Ойратского ханства, у которого, по словам Спафария, «родится всякой яровой хлеб и овощи, как у русских» [5].

Иван Унковский, командированный Петром Великим в 1721 г. к ойратскому хану Цеван-Рабдану, записал в журнале своего путешествия, что земледелие в районе главной ставки хана (район современного города Кульджи) возникло лишь в 90-х годах XVII в. и что земледельцами были главным образом пленные бухарцы [6].

Обилие рек и лесов в районе обитания бурят-монголов было одной из причин того, что у них еще в XVII в. в ряде мест сохранился первобытный тип комплексного земледельческо-скотоводческого и охотничьего хозяйства. Однако и здесь отчетливо выявилась тенденция перерастания хозяйства комплексного типа в типично кочевое, скотоводческое[7]. Лишь в дальнейшем, после присоединения к России и под влиянием русского земледельческого населения Сибири, развитие бурятского хозяйства получило новое направление, связанное с переходом к оседлости и к интенсивному земледелию. Аналогично развивалось хозяйство у южных монголов, подвергавшихся влиянию китайской земледельческой культуры. Что касается Халха-Монголии, то там земледелие почти не развивалось.

Земледелие в Монголии имело характер промысла, к которому прибегали вследствие бедности в крайних обстоятельствах, делавших почему-либо невозможным ведение кочевого животноводческого хозяйства. Немногочисленные очаги земледелия были результатом труда главным образом немонгольского населения, преимущественно пленных, переселенных в Монголию. Причины, препятствовавшие прогрессу монгольского земледелия, заключались в особенностях исторического развития Монголии. Серьезный удар производительным силам страны, ее земледелию, был нанесен феодалами Монголии в XIII—XIV вв., когда почти все мужское население было превращено в воинов. Эти войны давали феодалам возможность безнаказанно грабить богатства, накопленные другими странами. В этот период трудовое население Монголии было не только отвлечено

[5] «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году» «Записки Имп. русского географ. об-ва по отд. этнографии», т. X, вып. 1. СПб., 1882, стр. 42.

[6] «Посольство к зюнгорскому хунтайджи Цеван-Рабдану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его на 1722-1724 гг.» «Записки Имп. русского географ. об-ва по отд. этнографии», т. X, вып. 2.

[7] «История Бурят-Монгольской АССР», т. I. Улан-Удэ, 1954, стр. 60.

от производительного труда на родине, но в значительной части оторвано от нее, расселено в завоеванных монгольскими феодалами странах и растворилось среди народов этих стран. Наступивший с конца XIV в. длительный период феодальной раздробленности, сопровождавшийся бесконечными войнами и усобицами, явился второй важной причиной задержки социально-экономического и культурного прогресса страны. Третьей причиной, как мы увидим ниже, явилось маньчжурское завоевание Монголии, законсервировавшее отсталые формы экономики.

Формы землепользования. Роль хотона

Формы землепользования в Монголии были различны в разных частях страны. У ойратов и бурят-монголов землепользование в известной мере было общинным, а в Халха-Монголии и в княжествах Южной Монголии — индивидуальным. В роли общины у ойратов выступал хотон — группа семейств, связанных, как правило, кровными узами, возглавляемая старейшим из глав семей. Изучение хотона и его роли в общественном устройстве монголов облегчается обилием данных, относящихся к той части ойратского населения, которая в первой половине XVII в. в числе 50—55 тыс. семей откочевала из Джунгарии и поселилась в низовьях Волги. Эти данные показывают, что хотон обычно объединял от 10 до 20 семей, часто представлявших три, а то и четыре поколения, — от прадедов до правнуков. Хотон кочевал в пределах отведенной ему территории и вел общее хозяйство [8]. Как видим, хотон XVII в. у ойратов напоминал большесемейную общину, но в нем уже ясно прослеживался процесс разложения, проявлявшийся в имущественном расслоении общинников, в наличии рабов, слуг, работников и т. п.

Одной из особенностей хотона, отличавшей его от подобных общин у оседлых народов, была обширность осваиваемой им территории, доходившей иногда до 200—300 кв. км. Число членов хотона могло быть различным и никаким законом или обычаем не регулировалось. У ойратов каждый молодой человек, ставший взрослым и способный жить самостоятельно, имел право выделиться из семьи родителей и самостоятельно вести хозяйство. Так образовывались новые хотонные группы.

Ойратские хотоны объединялись в аймаки, аймаки — в улу-

[8] Хотон — «купа близких родственных семей, сообща, нераздельно живущих в данной местности... прадед, дед и отец с сыновьями и внуками; правителем хотона был глава семейства» (*Павел Небольсин*. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852, стр. 31).

© ГПИБ РАН

сы. В Ойратском ханстве в XVII в. было четыре крупных улуса, объединявших торгоутов, хошоутов, дэрбэтов и хойтов [9].

В основе общественного устройства ойратов лежал хотон. Аймаки и улусы, будучи объединениями более высокого типа, фактически представляли лишь ту или иную группировку хотонов.

Существование родственных связей у ойратов не препятствовало упрочению феодальных отношений. Если во главе хотона стоял патриархальный глава, старейший из родственников, то во главе аймака находился уже наследственный властитель, аристократ, представитель белой кости («цаган ясун»), носивший титул зайсанга [10], а во главе улуса — такой же наследственный властитель, только рангом выше, носивший титул тайши (тайджи) [11]. Над всеми тайшами и зайсангами стоял хан [12], повелитель Ойрат-монгольского феодального государства. Зайсанги, тайши и ханы, будучи собственниками земли, представляли собой класс феодалов.

Ойратские владетельные князья пользовались неограниченной властью над зависимым крестьянством. Наличие крестьянской общины в виде хотона ни в малой степени не ослабляло общего авторитарного характера управления ханством. Трудящиеся были закрепощены и политически бесправны. У них не сохранилось даже никаких воспоминаний о былой общинно-родовой демократии. «Они, — говорит Паллас об ойратах, — ни в своих писаниях, ни в древних преданиях не имеют ни малейшего следа прежнего образа ни от кого не зависящей жизни... Они утверждают, что издавна ими правили ханы и князья, коих единожды навсегда утвержденная... власть наследственно продолжается» [13].

Владетельные князья, тайши и зайсанги, находясь в вассальной зависимости от ойратского хана, наследственно владели княжествами, эксплуатируя крестьян, кочевавших в пределах княжеств и прикрепленных здесь к земле.

Аналогичным было общественное устройство у бурят-монголов. Однако в отличие от ойратского ханства классовая дифференциация у них была выражена значительно слабее, а традиции общинно-родовой демократии оказались гораздо более живучими и глубокими. Соответственно этому власть князей у бурятов далеко не имела такого абсолютного, неограниченного характера, как у ойратов.

Землепользование у бурят, как и у ойратов, было общинным; в роли общины у тех и других выступал хотон.

Хотонный тип объединений был известен и халха-монголам. Этот факт свидетельствует о том, что в далеком прошлом хотонная община была распространена среди всех монгольских племен. Но в XVII в. халхаский хотон существенно отличался от ойратского и бурятского. Хотон в Халхе объединял, как правило, не 10—20 семейств, а 3—7, его состав был не постоянным, а весьма текучим, менявшимся чуть ли ни с каждой перекочевкой, в его основе лежали не кровные связи, а территориальные, соседские, часто переплетавшиеся с узами экономической зависимости. Хотон в Халхе в XVII в. уже полностью утратил характер родовой общины; непрерывная текучесть его состава помешала ему превратиться в соседскую общину. Отсутствие общины в Халхе исключало возможность общинного землепользования; последнее имело там индивидуальный характер.

В нашем распоряжении нет данных о хотонах южных монголов. Самое отсутствие упоминания о них в источниках служит основанием для предположения, что у них, как и у халха-монголов, хотон, если он и существовал в XVII в., представлял собой не более как пережиточную форму, остаток древней монгольской общины. Землепользование и в Южной Монголии было индивидуальным.

Аграрные отношения

Монголия была страной феодальной. Родовой строй в Халхе и Южной Монголии распался еще в бурный период XIII—

---

[9] «Улусы разделяются на аймаки, составленные из калмыков одного родопроисхождения, а аймаки — на отдельные кочевки, или хотоны. Аймаки заключают в себе до 50, 100 и 200 кибиток, или семейств, а хотоны — от 10 до 15 и 20» (Барон *Бюлер*. Кочующие и оседложивущие в Астраханской губернии инородцы. «Отечественные записки», т. 47. СПб., 1846, стр. 86).

[10] «Зайсанги, находясь в зависимости владельцев, имеют в распоряжении своем наследственные аймаки... Права зайсангов состоят в том, что они пользуются от аймаков своих по очереди прислугой и денежными доходами... Аймаки вообще переходят в наследство от отца к одному из сыновей без раздела с другими» (*Н. Нефедьев*. Подробные сведения о волжских калмыках. СПб., 1834, стр. 94 и 95).

[11] «Лучшим и обширнейшим улусом тайша заведовал сам непосредственно, а менее обширные раздавал и в управление, и в кормленье сыновьям и братьям... Значение тайши сходствует несколько с значением беков у ногаев, султанов — у киргизов, гиреев — у крымцев, и князей нашей старины» (*Павел Небольсин*. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, стр. 8, 9).

[12] «Хан, имея собственный удел, не касается доходов поколенных уделов; владетельный князь, имея собственный участок в своем удельном владении, не касается доходов с поместий родичей. В военное время хан, князья и родичи обязаны содержать свои участки воинов на собственном иждивении» *Н. Я. Бичурин* (Иакинф). Историческое обозрение ойратов. или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834, стр. 2.

[13] *П. С. Паллас*. Собрание исторических известий о монгольских народах «С.-Петербургский вестник», ч. 1, январь—июнь 1778, стр. 298.

XV вв. К XVII в. исчезли не только родовые объединения; стала исчезать в народе даже память о них, стали забываться наименования тех родов, к которым когда-то принадлежали предки халхасов и южных монголов [14]. Несколько иначе обстояло дело в других, менее развитых районах Монголии, где еще сохранялись более или менее значительные пережитки родового строя.

Но независимо от того, насколько значительны и прочны были остатки родо-племенной организации монгольского общества, монополия собственности феодалов на землю была в XVII в. бесспорным фактом во всех районах Монголии. Специфические особенности кочевого скотоводческого хозяйства не создавали в то время условий для таких форм выражения собственности на землю, как купля-продажа и аренда земли. При кочевой системе хозяйства единственно возможной формой феодальной собственности на землю могло быть монопольное право феодалов регулировать перекочевки и распределять пастбища между пользователями [15]. Опираясь на это право, освященное не только обычаем, но и рядом законодательных актов, начиная с «Ясы» Чингис-хана, монгольский феодал имел полную возможность закреплять за собой и своими приближенными наилучшие места для выпаса скота, давать и отнимать пастбищные угодья, предоставлять одним лучшие, другим худшие пастбища, диктовать свои условия пользования ими и т. п. В дальнейшем, в XIX—XX вв., когда Монголия вошла в соприкосновение с миром буржуазных отношений и появился спрос на землю со стороны буржуазных собственников, появились и купля, и продажа, и аренда земли. Право монгольских князей на регулирование перекочевок и распределение пастбищ стало естественным путем превращаться в право продавать эти пастбища и сдавать их в аренду, а доходы присваивать.

Монополия собственности феодалов на землю, составлявшая экономическую основу их политического господства в стране, определяла всю систему производственных отношений в Монголии.

В прошлом, когда власть в стране принадлежала единодержавным ханам, последние выступали в качестве верховных собственников земли, жаловавших ее в пожизненное или наследственное пользование своим вассалам. В дальнейшем по мере

[14] *Б. Я. Владимирцов.* Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Сб. «Северная Монголия», т. II, Л., Изд-во АН СССР, 1927, стр. 20.

[15] «Земельная собственность предполагает монополию известных лиц в распоряжении определенными частями земного шара как исключительными сферами их личной воли, с устранением всех других» *(К. Маркс,* Капитал, т. III, ч. 2. Госполитиздат, 1955, стр. 628).

роста феодальной раздробленности, каждый владетельный князь все более и более превращался в единственного и полновластного владельца земельных угодий княжества, которыми он распоряжался по своему усмотрению. Экономическое и политическое укрепление княжеской собственности на землю в уделах было экономической основой роста феодальной раздробленности.

Каждый владетельный князь располагал определенной территорией, границы которой были более или менее твердо установлены. Самочинный переход на территорию другого феодального владения всегда рассматривался как насильственное вторжение и вел к войне.

Монгольские феодалы, пользуясь трудом зависимых крестьян, вели крупное скотоводческое хозяйство. Им принадлежала большая часть всего поголовья скота в стране.

В основе крупных феодальных хозяйств лежал подневольный труд крестьян. Феодалы раздавали мелкими партиями скот на выпас крестьянам, а также привлекали их к работам в своем хозяйстве, где они использовались в качестве пастухов, стригалей, доильщиков, обрабатывали кожи, изготовляли войлок и т. п. За каждую пропавшую голову скота крестьянин нес ответственность: он был обязан возместить ущерб поставкой собственного скота. Как видим, обе формы эксплуатации труда крестьян представляли собой разновидность барщины.

Помимо этого тяжкого бремени, крестьяне обязаны были вносить князьям натуральный оброк живым скотом в размере от одной двадцатой до одной десятой своего стада, а также продуктами животноводства. Однако этот официальный оброк составлял лишь незначительную часть той массы феодальных поборов и повинностей, которые несли крестьяне.

Источники свидетельствуют, что князьям часто приходилось прибегать к суровым мерам, чтобы взыскивать оброк с крестьян. В своде законов, принятых в 1640 г. на Джунгарском съезде князей, имеется специальная статья, предупреждающая, что за несвоевременный взнос оброка виновных крестьян будут штрафовать в размере от «9 девятков» голов скота до одной лошади, в зависимости от звания и титула «потерпевшего» феодала [16]. Аналогичное указание мы встречаем в одном из указов ойратского Галдан-хана в конце 70-х годов XVII в. Хан предупреждал: «Кто доставляет князю подати не в надлежащее время, с того взыскиваются оные вдвое» [17].

[16] *К. Ф. Голстунский.* Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан Хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. Калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями. СПб., 1880, стр. 36.

[17] Цит. по журн. «Сибирский вестник», СПб., 1819, ч. 6, стр. 59.

Монгольские крестьяне, прикрепленные к земле, были лишены права по своей воле переходить от одного владетельного князя к другому. Закрепощение крестьянства ведет свое начало со времен Чингис-хана, впервые в XIII в. придавшего крепостничеству силу закона. Чингис-хан узаконил порядок, согласно которому ни один крестьянин не мог по своему усмотрению выбирать себе кочевье, а должен был кочевать лишь в тех местах, которые ему указывались князьями. Крепостное право сохранялось в Монголии в течение ряда столетий. Правовые нормы халхаских феодалов, в XVIII в. сформулированные в своде, называемом «Халха-Джирум», устанавливали: «Если кто задержит беглого по истечении трех суток после побега, пусть выдаст его головой основному владельцу его, предварительно обобрав беглого дочиста» [18]. Маньчжурское законодательство по управлению Монголией в конце XVIII — начале XIX в. санкционировало давно установившийся в Монголии крепостнический строй. «Перепутавшихся после галдановых войн халхасов оставить там, где они внесены в списки. Если кто бежит — вернуть, судить и наказать как беглеца. Никаких ходатайств не принимать» или «никому не позволяется отлучаться из своих кочевий без позволения высших, хотя бы кто вздумал посетить своих родственников» [19], — гласили маньчжурские законы.

Многообразные формы внеэкономического принуждения, практиковавшиеся в Монголии, укрепляли право собственности феодалов на землю, давали им возможность эксплуатировать труд прикрепленных к земле крестьян. Чем больше было у феодала крепостных, тем богаче и могущественнее он был. Источники приводят много данных, характеризующих борьбу феодалов за обладание крепостными, особенно зажиточными. В XVII в., когда Монголия была еще политически самостоятельной, эта борьба проявлялась в столкновениях между феодалами, требовавших друг от друга возвращения угнанных или перебежавших крестьян. Став подданными маньчжурской династии, монгольские князья адресовали маньчжурским властям свои жалобы на соседних князей, угнавших к себе или приютивших у себя бежавших крестьян.

В годы правления Цянь-луна (1736—1796) рассматривалась тяжба по поводу незаконного присвоения управлением шабинарами богдо-гэгэна крестьян, принадлежавших правителям шести хошунов аймака Цецен-хана [20].

[18] «Халха-Джирум» (рукопись). Перевод С. Д. Дылыкова. Сектор восточных рукописей Института востоковедения АН СССР, стр. 58.

[19] «Уложение Китайской палаты внешних сношений. Перевел с маньчжурского Степан Липовцов», т. I. СПб., 1828, стр. 67.

[20] *А. Позднеев.* Монголия и монголы. Рукопись. Московский институт востоковедения, т. III, стр. 31.

Данных подобного рода мы находим в источниках много. Они убедительно подтверждают указание К. Маркса о том, что «могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство» [21].

Иным было отношение феодалов к неимущим крестьянам, к беднякам, которым они не мешали уходить из своих владений на все четыре стороны. Но стоило этим беднякам разбогатеть, как они немедленно становились предметом раздора между их бывшим господином и новым хозяином. В 1845 г. восемь семейств, проживавших в районе Дариганги, просили разрешения откочевать в тот хошун, из которого когда-то пришел их прадед Байдуб-Жиргал, бывший тогда очень бедным человеком. Князь Дариганги чинил им препятствия к возвращению на родину.

С аналогичной просьбой обратились к властям в 1870 г. два брата, сыновья арата Цебегжаба, который много лет назад, гонимый нуждой, откочевал к тайджи Цебегмиту в аймак Сайнойон-хана и здесь завел хозяйство. Тайджи Цебегмит жестоко эксплуатировал их. Ввиду этого они хотели вернуться на родину отца, в аймак Тушету-хана [22]. Но их нынешний владелец этого не разрешал.

Ремесленное производство

Особенности исторического развития наложили свой отпечаток и на монгольское ремесло. Сравнивая данные о ремесленном производстве XII—XIII вв. с аналогичными данными XVII в. и более поздними, мы видим, что начиная с периода завоеваний XIII—XIV вв. ремесло в Монголии постепенно приходило в упадок. Этот упадок наметился с того времени, когда Чингис-хан и его преемники, вместо того чтобы содействовать развитию собственного ремесленного производства, нанесли ему удар тем, что стали образовывать мастерские, в которых работали обращенные в рабов мастера, привезенные из завоеванных стран. Монгольские ремесленники, превращенные в воинов и занятые войнами и походами, вынуждены были забросить ремесленное производство. Ремесло в Монголии стало хиреть.

Русские архивные материалы, содержащие сведения о связях Русского государства с монгольскими ханствами и княжествами, позволяют составить довольно ясное представление о монгольском ремесле в XVII в. Из данных этих источников следует, что к тому времени у монголов исчезли или почти исчез-

[21] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 722.

[22] См. *А. Позднеев.* Монголия и монголы, стр. 32.

ли плавка металлов, изготовление ряда металлических изделий, телег на железном ходу, ювелирное производство, изготовление посуды и т. п. Домашнее производство монголов ограничивалось в основном выделкой кож, овчин, войлока; они сами шили себе обувь, верхнюю одежду, головные уборы и т. п. В некоторых районах занимались изготовлением деревянных остовов для юрт.

Монгольские ханы и князья не раз обращались к русским властям с просьбами прислать к ним тех или иных мастеров. Так, в 1650 г. правитель Джунгарского ханства Батур-хунтайджи просил направить к нему двух плотников, двух кузнецов, двух ружейных мастеров и двух каменщиков [23].

В 1676 г. в Нерчинск приезжал посол от монгольского владетельного князя Дайн-хунтайджи. Этот посол сообщил, что в районе реки Аргуни найдена серебряная и оловянная руда. Но у Дайн-хунтайджи нет людей, умеющих плавить руду, и он поэтому ищет таких людей среди русских [24].

В одном из документов царя Михаила Федоровича приводятся сведения о способах добычи руд и плавки металлов, применяемых местным населением в районе г. Кузнецка, а также сообщается, что изготовляемая кузнецкими мастерами продукция, в особенности предметы вооружения и снаряжения, продается ойратам в обмен на лошадей, коров и овец [25].

В другом источнике говорится, что в 1700 г., вернувшись вместе с крупными монгольскими феодалами в родные кочевья после изгнания из Халха-Монголии ойратских войск, Ундургэгэн привел с собой из Китая 300 каменщиков, данных ему маньчжурским императором Китая Кан-си. Другой владетельный князь, Дундук-ван, зять Кан-си, получил от последнего 400 каменщиков «для городового же строения на урочищах вверх по Орхону реке на Хангае» [26].

Внешняя и внутренняя торговля

Хозяйство Монголии было натуральным. Низкий уровень общественного разделения труда, отсутствие земледелия, слабое развитие ремесла и его зависимость от скотоводства, отсутствие производственной специализации отдельных районов страны не создавали условий для развития обмена внутри Монголии. По объему и характеру производства феодальные владения почти не отличались друг от друга.

Одностороннее развитие монгольского хозяйства обусловило заинтересованность страны во внешней торговле.

Монголия остро нуждалась в товарном обмене с соседними странами, откуда она могла бы привозить недостающие ей продукты земледелия и промышленные товары. Этим объясняется то огромное значение, которое имел вопрос о торговле и меновых рынках во взаимоотношениях Монголии с Китаем в период XV—XVI вв.

Потребность в продуктах земледелия становилась особенно острой в годы стихийных бедствий и массового падежа скота, когда продуктов животноводства не хватало для пропитания населения. Известно, что в 60-х годах XIII в., в период междоусобной борьбы за ханский престол между Аригбугой и Хубилаем, когда последний прекратил доставку товаров из Китая, в Монголии начался голод.

Вплоть до XVII в., за исключением короткого периода существования империи монгольских феодалов, Китай был основным, почти единственным рынком сбыта для Монголии и источником снабжения продуктами земледелия и промышленными товарами. Отсюда ясно, как важна была для Монголии торговля с Китаем. Однако зависимость от китайского рынка была неодинакова в разных частях Монголии. Наименьшей она была для Бурят-Монголии, комплексное земледельческо-охотничье-скотоводческое хозяйство которой при всей своей отсталости и малой продуктивности располагало известными внутренними резервами и было поэтому сравнительно устойчиво. Зависимость ойратских княжеств от китайского рынка ослаблялась в известной мере близостью к оседлым земледельческим районам Восточного Туркестана и Средней Азии, связей с которыми ойратские феодалы никогда не порывали, а также теми очагами земледелия, которые создавали ханы и князья. В наибольшей зависимости от Китая находились южномонгольские и халхамонгольские ханства и княжества. Их скотоводческое хозяйство в отличие от Бурят-Монголии не располагало внутренними резервами. Кроме того, княжества эти не имели по соседству, как Ойратское ханство, стран культурного оседлого земледелия, за исключением Китая.

Так продолжалось до XVII в., когда Россия стала непосредственным соседом Монголии и Китая. Появление России коренным образом изменило всю обстановку в Восточной и Центральной Азии. Феодальный Китай, на протяжении столетий бывший в этом районе единственной великой державой, в

---

[23] ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 234.

[24] См. *А. В. Игумнов*. Обозрение Монголии. «Сибирский вестник», 1819, ч. 7, стр. 144.

[25] «Наказ Евдокиму Баскакову, посланному в г. Кузнецк для приведения в русское подданство тех жителей, которые платили ясак калмыкам». «Сборник кн. Хилкова». СПб., 1879, док. № 68, стр. 188—194.

[26] ЦГАДА, ф. 1121, д. 487, л. 100.—Под «городовым строением», вероятно, подразумевается строительство монастырей.

У787/8 64

ГПНТБ СО АН СССР
Гос. публ. научно-техническая библиотека

© ГПНТБ

XVII в. утратил политическую и экономическую гегемонию среди народов Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока. С этого времени судьбы этих народов стали испытывать влияние не только Китая, но и России, причем влияние последней становилось все более определяющим.

Россия экономически была заинтересована в налаживании торгового обмена с Монголией. В этом заключалось одно из важнейших отличий политики Русского государства от политики феодального Китая. Средневековый Китай почти не нуждался в крупном и мелком рогатом скоте, верблюдах, шерсти и кожевенном сырье, предлагавшихся Монголией. Единственной сколько-нибудь значительной статьей монгольского вывоза в Китай были лошади, которые были необходимы главным образом китайской армии. Хроника монголо-китайских отношений в XV и XVI вв. заполнена эпизодами борьбы дипломатической и вооруженной за право монгольских феодалов доставлять на китайские рынки лошадей и другие продукты своего хозяйства в обмен на такие китайские товары, как мука, крупа, чай, ткани и металлические изделия.

В противоположность этому русское население, с начала XVII в. широким потоком устремившееся на просторы Сибири, а также начавшая развиваться местная промышленность предъявили устойчивый спрос на монгольских домашних животных и монгольское скотоводческое сырье.

Экономические интересы Монголии и России диктовали им политику поощрения взаимной торговли. Нужда монгольских феодалов в русском рынке была тем более велика, что события в Китае, связанные с маньчжурской агрессией, фактически закрыли в XVII в. монголам доступ на китайский рынок.

Торговые взаимоотношения этих стран, как о том свидетельствуют источники, развивались быстро и без значительных споров и конфликтов. Так, сибирский летописец Черепанов отмечал, что одной из причин роста Томска являлись прибыльные торги «с живущими в соседстве калмыками (т. е. ойратами. — *И. З.*) и мунгалами» [27]. Предложения монгольских ханов и князей о допуске их торговых людей на русские рынки и о посылке русских купцов к ним встречали положительное отношение центральных и местных русских властей.

Укажем для примера на жалованную грамоту царя Алексея Михайловича правителю Ойратского ханства Батур-хунтайджи, врученную его послу 3 мая 1647 г. в Москве. В этой грамоте царь Алексей, отмечая заслуги отца Батур-хунтайджи перед царем Михаилом Федоровичем и им самим, писал: «А мы, великий государь, наше царское величество, тебя, контайшу (хунтайджи. — *И. З.*), с братею, и с детьми, и с племянники, и со всеми улусными людьми, и впредь учнем жаловать и держать в нашем, царского величества, в милостивом жалованье и в береженье, и торги под сибирскими нашими городами велим вам давать повольные, беспошлинно, по-прежнему» [28].

Правитель Ойратского ханства Сенге, сын и наследник Батур-хунтайджи, в 1665 г. в беседе с русским послом Василием Бубенным сообщил ему, что отправляет в Москву свое посольство, которому поручает в числе других вопросов говорить о разрешении «с торгами ходить в Томской и во все Сибирские городы беспрестанно» [29]. В январе 1684 г. из Селенгинска в Монголию отправилась «для скотинной покупки» группа служилых людей во главе с Тарасом Афанасьевым [30]. В Тункинский острог прибыли в сентябре 1685 г. 23 монгола с товарами от Очирой Сайн-хана [31], а в октябре того же года — посол от Галдан-хана из Ойратского ханства с большим торговым караваном в составе 100 бухарских купцов, привезших товары на 170 верблюдах [32]. Уже упоминавшийся нами ойратский владетельный князь Чокур-убаши в письме в Москву в 1673 г. писал, что он по-прежнему тверд в своем намерении, «чтоб послы с большими торгами беспрестанно ко мне ходили, також к тебе, великому государю, послов своих и всяких охочих людей со всякими товары отпущать стану» [33]. В феврале 1690 г. посол ойратского Галдан-хана в беседе с Головиным сообщил, что во владениях хана имеются русские торговые люди, которые «торгуют по воле... а иные ушли для торгу в Китай». В свою очередь Головин просил передать Галдан-хану, что, если тот пожелает направить в Россию своих торговых людей, они будут иметь все условия для беспрепятственной торговли [34].

Приведенные примеры свидетельствуют о взаимной заинтересованности сторон в дальнейшем расширении торговых связей. Углубление экономических связей Монголии с Россией могло явиться отправным пунктом будущего социально-экономического развития Монголии. Но маньчжурское завоевание, как мы увидим ниже, оборвав эти связи, закрыло перед монгольским народом пути к прогрессу.

Социально-экономическая отсталость Монголии не могла не наложить своего отпечатка на характер ее торговли. В торго-

[27] ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 119.

[28] ЦГАДА, ф. 197, д. 6, л. 2.
[29] ЦГАДА, ф. 126, 1665, д. 1, л. 5.
[30] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 63, л. 37.
[31] Там же, стлб. 644, л. 139.
[32] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 91, л. 9.
[33] ЦГАДА, ф. 126, 1673, д. 2, л. 53.
[34] ЦГАДА, ф. 1121, д. 202, л. 35.

вых операциях участвовали далеко не все товаропроизводители, а лишь верхушка монгольского общества — феодалы и наиболее богатая часть крестьянства. Ханы и князья присваивали труд зависимых крестьян в различных видах феодальной ренты, размеры которой во много раз превышали их потребительские нужды.

Таким образом создавался товарный фонд для меновых операций. Товарные излишки передавались доверенным лицам из среды мусульманского купечества (в Ойратском ханстве) или богатых монголов (в остальных частях Монголии). Доверенные лица с товарами ханов и князей отправлялись с коммерческими караванами или в составе дипломатических посольств за границу, в Китай или Россию. Монгольские люди в 1666 г. говорили енисейскому служилому человеку Оське Васильеву и его товарищам, «что-де посылаютца от наших мунгальских царей и от лутших тайшей по вся годы к богдойскому (китайскому. — *И. З.*) царю торговать всякими товары» [35].

Есть основания полагать, что в Халха-Монголии в XVII в. уже существовали некоторые элементы будущего купеческого сословия, выходцев из среды «сайн хумун» («лучших людей», т. е. богатых и зажиточных простолюдинов), специализировавшихся и богатевших на меновых внешнеторговых операциях. Источники свидетельствуют, что в XVII в. халха-монголы были посредниками в торговом обмене между Бурят-Монголией и Китаем. Известно, например, что чугунные чаши, в которых бурят-монголы варили пищу, доставлялись из Китая халха-монгольскими купцами [36]. Междоусобные войны в Халха-Монголии прерывали связи Бурят-Монголии с китайским рынком [37]. Один бурят-монгол в декабре 1695 г. рассказывал в Селенгинске: «Приезжают-де к нам в улусы мунгальские люди с торгами беспрестанно, и не в давних-де днях у них же-де брацких людей, на Хилке речке были в улусе их 6 человек с товарами» [38]. Сообщений подобного рода встречается много. Они позволяют думать, что халха-монгольские купцы торговали не только от имени и по поручению ханов и князей, но и самостоятельно, на свой страх и риск. Торгуя китайскими товарами с бурят-монголами и другими соседними племенами и народностями, они в свою очередь покупали у них товары для продажи в Халха-Монголии и в Китае. Маньчжурское завоевание прервало и этот процесс.

[35] ЦГАДА, ф. 126, 1666, д. 2, л. 11.
[36] «Описание о сибирских торгах». «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1756, апрель, стр. 357.
[37] «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 94.
[38] ЦГАДА, ф. 1121, д. 319, л. 14.

Система управления

Ханы и князья Монголии держали в своих руках все нити административной, судебной и военной власти. Монопольное владение основным средством производства — землей — обеспечивало им господствующее положение. Будучи монопольными собственниками земли, монгольские феодалы разрешали крестьянам пользоваться соответствующими пастбищными угодьями, на которых они могли вести собственное скотоводческое хозяйство. К этому крестьянскому хозяйству в Монголии может быть применена характеристика, данная В. И. Лениным крестьянскому хозяйству в России в дореформенную эпоху. «Собственное» хозяйство крестьян на своем наделе, — говорил В. И. Ленин, — было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина—средствами к жизни, а помещика — рабочими руками» [39]. Применительно к Монголии XVII в. это ленинское положение означает, что мелкое «собственное» хозяйство монгольского крестьянина с «собственным» скотом было условием существования крупного феодального хозяйства. Такое «собственное» скотоводческое хозяйство монгольских крестьян имело целью не столько снабжение их средствами к жизни, сколько обеспечение феодалов рабочими руками для их крупных хозяйств и воинами для вооруженных сил.

В беседе, состоявшейся 19 марта 1691 г. между иркутским воеводой Кислянским и послами ойратского Галдан-хана, на вопрос воеводы, каким образом Галдан-хан награждает своих служилых людей, послы ответили: «В службе бушухту-хан ратных своих и чиновных людей жалует, смотря по службе, чинами, серебром и скотом... зайсанов жалует улусными людьми юрт по сту и по двести и велит им меж теми людьми ведать расправою, а служилых своих людей меньшего чину в службе ничем не жалует, для того, что-де они, служилые его люди, ходят на службу кочевьем и со своими табуны, а годового-де жалования и иных кормов никому нет» [40]. Как видим, служилые люди в Ойратском ханстве, в основном ойратские крестьяне, обслуживали нужды ханства, в частности военные, в зависимости от состояния своего самостоятельного скотоводческого хозяйства. Крестьяне, лишенные хозяйства, не представляли интереса для ханов, ибо были не в состоянии выполнять повинности.

Вассальная зависимость князей от их хана выражалась в обязанности отправлять по его требованию определенное число людей для отбывания тех или иных повинностей. В военное

[39] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 158.
[40] ЦГАДА, ф. 1121, д. 215, л. 73.

© ГПБ СПбГУ

время князья обязаны были по ханскому повелению выступить в поход со своим войском, которое должно было всегда находиться в готовности. Владетельные князья пользовались полным налоговым и судебным иммунитетом. Свидетельство этому мы находим в рассказах Нормо Даньдзина и других нойонов в мае 1755 г. русскому командованию Усть-каменогорской крепости. Они говорили, что находились в подданстве ойратского хана, не платили ему никаких податей и дани, но по требованию хана отправляли к нему на службу людей. Однако каждый нойон владел своим уделом самостоятельно, без вмешательства хана в дела внутреннего управления [41].

Трудящиеся классы и классовая борьба

Монгольское крестьянство, будучи в целом угнетенным и эксплуатируемым классом, не было, однако, однородным. В средние века уже различали в крестьянстве так называемых «сайн хумун» (хороших, лучших людей), «дунд хумун» (средних людей) и «хара хумун» (черных людей). Источники убедительно свидетельствуют, что расслоение монгольского крестьянства продолжалось и в XVII в. Термины «сайн хумун» и «хара хумун» имели весьма широкое распространение и отразились в языке русских исторических актов, употреблявших понятия «лучшие люди», «лучшие мужики» как вполне обычные. «Лучшие» монгольские крестьяне участвовали вместе с феодалами во внешнеторговых операциях, из их среды владетельные князья избирали всякого рода управителей, приказчиков и низших чиновников.

Из статейного списка Василия Турсково мы узнаем, что летом 1681 г. на речке Бургатай находилось кочевье людей, зависимых от Тушету-хана, во главе с «лучшим мужиком» Ильденубаши, что такое же кочевье во главе с таким же «мужиком» — дарханом Чулюнга, но зависимым от тайши Цебдена, находилось на реке Куйтун. Василию Турсково приходилось иметь дело не только с представителями титулованной монгольской знати, но и с «лучшими мужиками», «лучшими людьми», действовавшими по поручению первых [42]. Расслоение монгольского крестьянства получило отражение и в законах [43].

Примитивная техника труда, слабая защищенность от стихийных сил природы, жестокая феодальная эксплуатация, поборы и повинности, делавшиеся особенно разорительными в периоды войн и усобиц, — все это способствовало разорению крестьян и росту бедноты.

Документы содержат богатый материал, рисующий тяжелое положение трудящихся монголов, их попытки освободиться от бремени феодальной эксплуатации путем самовольных откочевок от своих владык, равно как и борьбу ханов и князей против подобных откочевок. Большое место борьбе против откочевок было отведено в законах 1640 г., категорически запрещавших ханам и князьям принимать и удерживать у себя беглых крестьян и требовавших от владетельных князей безусловного возвращения беглецов их «законным» владельцам [44]. Галдан-хан ойратский специальным указом объявил: «Кто убежит из своего аймака и будет искать покровительства в другом, того должно выдать как беглеца, и он должен отдать своему старшему начальнику в наказание свои 9 скотин» [45]. К вопросу об откочевках монгольские феодалы вынуждены были возвращаться и в дальнейшем, о чем свидетельствуют «Халха-Джирум» и маньчжурские законы [46].

Борьба феодалов против самовольных откочевок крепостных крестьян осложнилась в XVII в. тем, что откочевщики часто уходили в пределы Русского государства, принимали русское подданство и становились недосягаемыми для своих бывших господ. Монгольские ханы и князья требовали от русских властей выдачи бежавших из Монголии людей. Не получая удовлетворения, они нередко снаряжали специальные посольства в Москву, к русским царям и добивались от них указов о выдаче бежавших крестьян.

Самовольные откочевки представляли собой одну из наиболее древних и наиболее распространенных форм классовой борьбы аратов против феодалов. Частые перекочевки и расселение мелкими группами на обширной территории чрезвычайно затрудняли общение, согласование действий трудящихся для массовых и организованных форм классовой борьбы. Вот почему протест народных масс против гнета феодальной эксплуатации чаще всего принимал форму таких самовольных откочевок. В период маньчжурского господства довольно широкое распространение получила еще одна форма классовой борьбы — жалобы аратов в высшие инстанции феодальной власти на своеволие и злоупотребления князей.

---

[41] АВПР, Ф. Зенгорские дела, 1757, д. 2, л. 178.
[42] ЦГАДА, ф. 1121, д. 18, л. 2, 3.
[43] *Ф. И. Леонтович.* К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-бичиг). Одесса, 1879, стр. 201.
[44] *К. Ф. Голстунский.* Монголо-ойратские законы 1640 года., стр. 36.
[45] Цит. по журн.: «Сибирский вестник», 1819, ч. 5, стр. 59.
[46] См. *Н. Я. Бичурин* (Иакинф). Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов, т. I, 2. СПб., 1828, стр. 230, 261; «Уложение Китайской палаты внешних сношений», т. I, стр. 100, 101, 102; т. II, стр. 67, 68.

Однако классовая борьба монгольского крестьянства не ограничивалась только этими пассивными формами. Как мы увидим ниже, пассивное сопротивление нередко перерастало в активную вооруженную борьбу монгольских аратов против «своих» и маньчжурских феодалов.

Заметную роль в общественном строе Монголии в XVII в. играло сословие дарханов. Начало этому сословию было положено во времена Чингис-хана, когда тех или иных монголов за особые заслуги перед ханом жаловали особыми привилегиями — освобождением от податей, поборов и повинностей, от наказания за первые девять совершенных дарханом проступков и т. п. Дарханы — особое привилегированное сословие — представляли собой промежуточную общественную группу между феодалами и крестьянством. В связи с усиленным дроблением феодальных владений и общим их ослаблением роль дарханов стала падать, а в XVII—XIX вв. они совершенно исчезают, растворившись в других сословных группах.

В самом низу общественной системы Монголии в XVII в., как и раньше, находились рабы. Рабство и рабовладение продолжали оставаться вполне нормальным, узаконенным явлением. О рабах упоминается в законах 1640 г., указах Галдан-хана и во многих других источниках. В XVII в. пополнение числа рабов происходило главным образом за счет порабощенных военнопленных. В 1666 г. посол монгольского Алтын-хана на аудиенции у царя Алексея Михайловича в Москве рассказывал, как его повелитель ходил войной против других монгольских феодалов, у которых взял 50 тыс. улусных людей [47].

Халхаский Тушету-хан в 1688 г. напал на брата ойратского Галдан-хана Доржиджаба, у которого взял 10 тыс. человек и роздал их своим родственникам [48]. Случаями подобного рода изобилует хроника Монголии XVII в. Другим средством увеличения числа рабов было обращение в рабство в наказание за совершенное преступление. Этот источник в дальнейшем, по мере сокращения межфеодальных войн и усобиц, становился основным. Рабы использовались главным образом в хозяйствах феодалов в качестве челяди и домашней прислуги, а также в скотоводческом хозяйстве как пастухи, доильщики и т. п. Рабов могли иметь не только феодалы, но и богатые крестьяне. Судя по всему, рабский труд в экономике Монголии в описываемое время не играл значительной роли. В рабах как в рабочей силе нуждались немногие крупные хозяйства феодалов и богачей.

Правовое положение рабов мало чем отличалось от положения крепостного крестьянства. Как тех, так и других можно было свободно покупать, продавать и передавать в дар и по наследству. Торговля людьми в Монголии в XVII в. была настолько распространена, что вызвала необходимость ее ограничения. В одном из указов Галдан-хан призывал владельцев выгонять рабов от себя нагими, но не продавать их. Законы 1640 г., фиксируя размер вознаграждения за разного рода подвиги и заслуги, предусматривали одинаковую награду за спасение панциря, лат и раба. Раб и латы приравнивались феодальными законодателями Монголии к цене одной лошади. Эти же законы лишали рабов права выступать в суде в качестве свидетелей, не разрешали им вступать в ламы. Однако рабство не было наследственным, потомки раба не были рабами.

[47] ЦГАДА, ф. 126, 1666, д. 1, л. 11.
[48] ЦГАДА, ф. 1121, д. 215, л. 67.

Ламаизм и ламаистская церковь

Важное место в общественном строе Монголии занимала ламаистская церковь. Ламаизм — разновидность буддизма — проник в Монголию из Тибета в конце XVI в. и быстро превратился в господствующую религию ханств и княжеств Южной Монголии, Халхи и Ойрат-Монголии. На полтора столетия позже ламаизм стал распространяться среди бурят-монголов. Известные нам источники не дают возможности восстановить во всей полноте историю распространения ламаизма в Монголии и обстоятельства, обеспечившие его быстрый успех. Но несомненно, что крупнейшую роль в этом сыграла заинтересованность монгольских феодалов в союзе с феодалами Тибета. Установление политического союза с Тибетом имело своим результатом перенесение в Монголию и религии Тибета — ламаизма. Достоверно известно, что третий далай-лама Содном Джамцо в 1577 г. был приглашен крупнейшим южномонгольским феодалом Алтан-ханом в город Куку-хото. Следуя его примеру, влиятельный халхаский феодал Тушету-хан Абатай вскоре после этого ездил в Тибет к далай-ламе. Четвертым далай-ламой был внук Алтан-хана, имевший своих резидентов в Халхе и Южной Монголии. Первый ламаистский монастырь в Халха-Монголии был открыт в 1586 г. Вскоре вся страна покрылась сетью монастырей и кумирен. Русские источники сообщают, что уже в 1618 г. в одной из стычек с ойратами русские взяли в плен ламаистского проповедника («бакши», т. е. учитель, наставник), за которого монгольские князья давали богатый выкуп — 50 лошадей [49]. Ламаизм пользовался в Монголии исключительно широким покровительством князей и ханов. Все наиболее влиятельные феодалы посвящали в ламы одного из своих сыновей,

[49] ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 144.

их примеру следовали менее влиятельные князья. Феодалы поощряли переход в ламы крестьян, освобождая их от поборов и повинностей. Эти привилегии оказались достаточно сильным стимулом для измученного крестьянства, устремившегося в ламаистские монастыри. Однако в лице высшего духовенства они получили новых феодальных господ, эксплуатировавших их так же, как и светские феодалы.

Идеология ламаизма находила дорогу к сознанию трудящихся масс, отчаявшихся изменить условия жизни на земле. Ламаизм учил, что материальный мир — иллюзия, что жизнь — зло и страдание, что причина страданий — жажда жизни и жизненных радостей, что избавиться от страданий можно, лишь преодолев в себе эту жажду жизни и радостей. Утверждая, что душа не умирает вместе с человеком, а переходит в другое живое существо, ламаизм стремился внушить людям представление о том, что жизненные условия каждого человека заранее предопределены степенью греховности или добродетельности его предыдущей жизни. Практически это означало: бедняк потому бедняк, что в прошлом существовании вел дурную жизнь, а богач и феодал потому являются таковыми, что, наоборот, вели праведную жизнь, были близки к совершенству, к божеству. В качестве средства избавления от голода, холода, эксплуатации и других тягот жизни ламаизм предлагал трудящимся «накапливать добродетели», т. е. терпеть, молиться, не думать ни о какой борьбе. Лишь при этом условии труженик мог надеяться на лучший удел в следующем перевоплощении.

Представляя известный шаг вперед по сравнению с господствовавшим среди монголов шаманизмом, ламаистская идеология вместе с тем полностью соответствовала интересам класса феодалов и служила им.

По мере роста числа храмов и монастырей в Монголии росла необходимость придать им законченные формы церковной организации. Нужен был глава церкви. Он без труда был найден в семье могущественного феодала Тушету-хана Гомбо, у которого в 1635 г. родился второй сын, Лубсан-Дамба-Джамцан, ставший первым в Монголии главой ламаистской церкви. В возрасте семи лет мальчик был сделан настоятелем монастыря в родовом владении Тушету-ханов. По этому случаю ему были преподнесены всевозможные дары, в том числе несколько крепостных семейств крестьян, получивших наименование «шаби», что значит ученик, послушник. Так было заложено в 1641 г. основание сословию шабинаров, крепостных церковных феодалов.

В это время в Тибете началась очередная междоусобная борьба за власть. В 1641 г. далай-лама Лубсан-Джамцо призвал к себе на помощь ойратского феодала Турубайху, который прибыл в Тибет, перебил противников далай-ламы и оставил в стране в качестве светского правителя своего сына.

В 1643 г. Турубайху и далай-лама впервые направили своих послов и дары в Мукден хану маньчжуров и монголов Абахаю. Тот был весьма доволен установлением союза с правителем столь отдаленного края, щедро одарил Турубайху, пожаловал ему почетный титул Гуши-хана, утвердил его в должности правителя Тибета. Так был установлен контакт между маньчжурскими завоевателями и ламаистской церковью.

В 1649 г. в Тибет был привезен из Халхи сын Тушету-хана, Лубсан-Дамба-Джамцан. Здесь он вскоре получил от далай-ламы посвящение в высший монашеский сан гелуна. Одновременно далай-лама провозгласил молодого гелуна перевоплощенцем («хубилганом») одного из древних буддистских святителей — Джебдзун-Даранаты. В 1651 г. 16-летний глава ламаистской церкви в Монголии с именем Джебдзун-Дамба-хутухта или Ундур-гэгэн вернулся на родину.

С этого времени, опираясь на могущественную поддержку маньчжурских властей и собственных феодалов, ламаистская церковь в Монголии стала быстро превращаться в оплот феодализма и основную опору маньчжурской династии в Монголии.

Глава вторая

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОНГОЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. ЗАВОЕВАНИЕ ХАЛХА-МОНГОЛИИ МАНЬЧЖУРАМИ

Образовавшееся в начале XVII в. маньчжурское военно-феодальное государство с первых дней своего существования угрожало независимости всей Монголии. Отразить эту угрозу можно было лишь при условии прекращения междоусобиц, обессиливавших страну, и объединения сил всех монгольских ханств и княжеств.

Чахарское ханство. Халха и маньчжурские завоеватели

Инициатором борьбы против маньчжуров выступил одним из первых правитель Чахарского ханства (Южная Монголия) Лигдан-хан (1604—1634). Будучи непримиримым врагом маньчжурских завоевателей, Лигдан-хан стремился превратить свое ханство в объединенное, сильное государство, способное противостоять агрессорам. Он добивался ликвидации сепаратизма и требовал от подчиненных ему князей беспрекословного повиновения. В целях борьбы против общего врага — маньчжуров — он вступил в союзные отношения с Минской династией Китая, снабжая ее армию лошадьми и получая денежную субсидию. Однако политика Лигдан-хана не встретила поддержки большинства южномонгольских князей и князей Халха-Монголии. Военные неудачи Лигдан-хана, а также его неотступное стремление сосредоточить в своих руках управление ханством еще более усилили центробежные тенденции среди князей Южной Монголии. Некоторые из них перешли в лагерь завоевателей, изменив своей стране и народу, другие откочевали из Чахара в Халху, к халхаскому Цецен-хану Шолою. Отпадение ряда княжеств ослабило Чахарское ханство, но оно еще располагало значительными силами.

Существование этого независимого ханства представляло

серьезное препятствие на пути маньчжурской агрессии против Китая. Маньчжурские правители, желая избежать войны с чахарами, неоднократно предлагали Лигдану мир, убеждая его заключить союз с ними, обещая за это почет и богатство. Однако Лигдан-хан неизменно отклонял эти предложения.

Вооруженное столкновение между правителями маньчжурского государства и Лигдан-ханом было неизбежно. Оно произошло в 1634 г. в условиях, не благоприятных для Чахарского ханства. Численно превосходящим силам маньчжурских завоевателей, имевших артиллерию, действовавших при активной поддержке некоторых южномонгольских князей, Лигдан-хан смог противопоставить лишь ополчение. Армия чахаров была разбита, Лигдан-хан погиб. Сын Лигдан-хана Эчже пытался продолжать борьбу, но в 1635 г. был взят в плен и казнен.

Маньчжуры сурово расправились с непокорным ханством; чахарское население было роздано монгольским князьям, заслужившим благоволение завоевателей.

Разгром Чахарского ханства открыл маньчжурам путь к подчинению новой группы южномонгольских княжеств.

Халхаские ханы и князья, до этого не проявлявшие интереса к событиям на юге, безучастно наблюдавшие покорение одного южномонгольского княжества за другим, после маньчжурской победы над чахарами оказались перед необходимостью как-то определить свое отношение к могущественному маньчжурскому государству, превратившемуся в их непосредственного соседа. В 1634 г. Цецен-хан Шолой, Тушету-хан Гомбо и Дзасакту-хан Субуди послали к маньчжурскому хану Абахаю (1627—1643) послов с дарами и с предложениями союза и дружбы. Они рассчитывали, что, установив «дружественные» отношения с завоевателями, им удастся обеспечить безопасность своих владений. В действительности, как показали последующие события, «дружба» с завоевателями была началом конца политической самостоятельности монгольских ханов.

В 1636 г. состоялся съезд 49 южномонгольских князей, организованный Абахаем, на котором он был провозглашен ханом Монголии.

К этому времени у Цецен-хана установились торговые связи с Минской династией Китая. Узнав об этом, Абахай отправил Цецен-хану письмо, содержание которого отражает истинные цели маньчжурской внешней политики. «Миньцы, — пишет Абахай, — мои ненавистные враги. Прежде чахарский Лигдан-хан, польстившись на подарки, выдаваемые ежегодно миньцами, не вступал со мной в союз, не допускал меня повоевать миньцев и сверх того еще помогал им, посылая свои войска. Оттого я двинул свою армию и победил чахаров... Ныне вы меняете лошадей с миньцами, а это точно так же есть выра-

жение вспомоществования миньцам. Следовало бы вам усвоить себе пример чахаров. Изменитесь!» [1].

Цецен-хан, не желая портить отношения с Абахаем, прекратил торговлю с Китаем, вернув себе таким путем расположение маньчжурского хана.

Рост могущества маньчжурской державы и слабость халхаских феодалов, вставших на путь угодничества перед завоевателями, толкали мелкие княжества Монголии на капитуляцию перед маньчжурами. В течение 1637—1639 гг. признала господство маньчжуров новая группа княжеств, в том числе те, которые в свое время ушли от Лигдан-хана и отдали себя под покровительство халхаского Цецен-хана.

В 1643 г. умер Абахай. Трон маньчжурского повелителя занял его малолетний сын Шунь-чжи. Вскоре маньчжуры, призванные феодалами Китая на помощь для подавления восстания, поднятого китайским народом, овладели Пекином и положили начало господству в Китае иноземной Цинской династии (1644—1911). Но захват Пекина еще далеко не означал подчинения всего Китая. Китайский народ в течение десятилетий продолжал борьбу против захвативших его страну маньчжурских феодалов.

Халхаские ханы решили воспользоваться затруднительным положением маньчжуров, чтобы восстановить свою былую самостоятельность. Цецен-хан Шолой призвал князя сунитов Тэнгиса и других князей Южной Монголии восстать против маньчжурской власти и перекочевать в Халху. Тэнгис, решив последовать призыву Цецен-хана, стал откочевывать на север. Однако маньчжуры при поддержке южномонгольских князей организовали преследование Тэнгиса. Тогда на помощь последнему с 50-тысячным войском выступили халхаские Цецен-хан и Тушету-хан [2]. Тушету-хан, мало озабоченный судьбой Тэнгиса, воспользовался этим походом, чтобы поживиться за счет южномонгольского владения Бааринь, после чего возвратился домой. Маньчжуры разбили войска Тэнгиса, а затем Цецен-хана. Тэнгису удалось бежать на Селенгу, откуда он в 1648 г. обратился к маньчжурскому императору с покаянным посланием. Последний счел для себя выгодным простить Тэнгиса и разрешить ему вернуться в Южную Монголию. Результатом всего этого явилось подчинение маньчжурам новой группы южномонгольских князей, до этого еще сохранявших независимость.

[1] *А. М. Позднеев.* Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ» с пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883, стр. 125.

[2] Там же, стр. 55, 140.

Ликвидация тэнгисовского мятежа вынудила халхаских ханов снова искать «дружбы» с маньчжурским императорским домом. В том же 1648 г. оба участника мятежа, Цецен-хан и Тушету-хан, отправили в Пекин богатые дары. Тушету-хан послал также особое послание, прося прощения за участие в мятеже. Маньчжурский повелитель на этот раз потребовал от халхаских ханов, чтобы их сыновья или младшие братья всегда находились в Пекине в качестве заложников. Это было серьезным ограничением самостоятельности халхаских ханов, но настолько унизительным, что они рискнули отклонить это требование. Однако, как свидетельствует монгольский летописец, семь лет спустя, в 1655 г., ханы и виднейшие князья Халхи вынуждены были отправить в Пекин требуемых заложников.

Для характеристики взаимоотношений, складывавшихся между маньчжурским императорским двором и халхаскими феодалами, характерен случай, происшедший в 1653 г. Один из вассалов Тушету-хана, некий Бунтар, не поладив со своим сюзереном, решил его покинуть и перейти под власть маньчжурского императора. В Пекине Бунтар был ласково принят, возведен в звание князя первой степени; ему была отведена территория для кочевок в районе города Калган. Тушету-хан стал требовать выдачи ему Бунтара, но его требование было резко и решительно отклонено. Ему напомнили при этом невыполнение распоряжений Пекина о высылке заложников, несвоевременное представление дани, отказ выдать людей и имущество бариньцев. Халхаским феодалам оставалось лишь с горечью вспоминать об утраченной ими независимости.

Ойратское (Джунгарское) ханство. Джунгарский съезд 1640 г.

В 30-е годы XVII в. в западной части Монголии сложилось могущественное Ойратское ханство, возникшее в результате длительной и острой междоусобной борьбы ойратских феодалов. В ходе этой борьбы власть князей из рода Чорос, основное владение которых находилось в долине реки Или (сов. Синьцзян-Уйгурский автономный район) на самом крайнем левом фланге Монголии, значительно усилилась. Среди монголов чоросы назывались «джунгар», что значит левое крыло, левая рука (отсюда — Джунгария, или Зенгория, в русских исторических актах).

Некоторые ойратские владетельные князья, недовольные возвышением чоросских князей, стали покидать Джунгарию. Первыми в 1607 г. тронулись в путь торгоуты во главе с кня-

зем Хо-Урлюком. В 30-х годах XVII в. 50—60 тыс. торгоутских семейств осело в низовьях Волги. Затем, в 1638 г. из Джунгарии в Кукунор откочевал Турубайху (Гуши-хан) со всеми подвластными ему людьми ойратского племени хошоутов.

В 30-х годах XVII в. чоросские князья, окончательно подчинив оставшихся в Джунгарии владетельных князей, захватили трон всеойратского хана. В 1634 г. всеойратским властелином стал сын правителя Чоросского княжества Хара-Хулы Эрдени-Батур-хунтайджи (1634—1665). Сибирский летописец Черепанов в 1635 г. записал: «В сих летах начало свое возымело в калмыцких тайшах Зенгорское владение, ибо Кара-кулы тайши сын Батур тайша благоразумием и храбростью своей, как рассеянные калмыцкие республики с их тайшами вместе совокупил, и часть Бухарии (т. е. Восточного Туркестана. — *И. З.*) завоевал, и с того времени как в 1635 г. он, Батур тайша, стал именоваться контайша» [3].

Так сложилось Ойратское, или Джунгарское, ханство.

В 1640 г. была предпринята новая попытка объединить Монголию для борьбы против маньчжурских завоевателей. Инициатором этой попытки выступил Эрдени-Батур-хунтайджи, предложивший созвать съезд князей всех частей Монголии, сохранявших независимость. Предложение Батур-хунтайджи на этот раз было одобрено монгольскими феодалами.

В конце лета 1640 г. в Джунгарии, в районе Тарбагатая, состоялся съезд князей 44 монгольских владений Джунгарии, Халха-Монголии, Кукунора и Поволжья. Этот съезд утвердил ряд правил и законов («Цааджин бичиг»), регулировавших внутренние взаимоотношения между владетельными князьями, укреплявших власть князей над трудящимся населением Монголии и создававших основы для объединения сил и взаимной помощи в борьбе против внешних врагов. Учитывая представительный характер Джунгарского съезда, есть основания рассматривать принятые им правовые постановления как всемонгольский кодекс законов XVII в.

Первые статьи кодекса были посвящены мерам борьбы за сохранение внутреннего мира в Монголии. Этими статьями устанавливалось, что в случае нападения одного из монгольских князей на какое-либо крупное монгольское княжество правители остальных княжеств должны объединиться и сообща выступить против напавшего. Если же нападение было произведено на небольшое княжество, напавший подвергался штрафу, в размере 100 панцирей, 100 верблюдов и 1 тыс. лошадей [4]. Различия в санкциях за нападения на крупное и мелкое княжество

[3] ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 184.
[4] *К. Ф. Голстунский.* Монголо-ойратские законы, стр. 36.

объясняются, видимо, тем, что в первом случае законодатели усматривали опасность большой междоусобной войны, способной потрясти всю Монголию, а во втором — конфликт, имеющий местный характер.

Ряд статей устанавливал, что пленные и перебежчики, захваченные монгольскими ханами и князьями и бежавшие из одного княжества в другое до 1628 г., остаются у тех правителей, под властью которых они в 1640 г. фактически находились. Пленные же и перебежчики, захваченные и задержанные после 1628 г., подлежали немедленному обмену. За нарушение упомянутых статей устанавливался штраф в размере 20 лошадей и 2 верблюдов за каждого незаконно задержанного человека.

Особое место в этом кодексе занимали меры борьбы против внешней опасности. Смертная казнь угрожала тем, кто, узнав о готовившемся неприятельском вторжении, не примет мер к широкому оповещению и предупреждению о возникшей опасности. Смертной казни подлежали также лица, не явившиеся по тревоге на место сбора для участия в походе, а также те, кто не оказал в бою помощи князю, находящемуся в опасности. Следует отметить, что только эти три вида преступлений карались смертной казнью. За трусость в бою законы предусматривали предание виновного всеобщему осмеянию, повелевая облачить труса в женское одеяние. Подлежали наказанию и те, кто, нарушив порядок, во время сражения кинулся за добычей. Проявленная же в бою доблесть поощрялась наградами.

Несколько статей в кодексе были посвящены ламаистской церкви. Они узаконивали ламаизм как официальную государственную религию Монголии. Кодекс объявлял войну шаманизму и шаманам, поощряя одновременно переход в ламы. Таким образом был оформлен фактически сложившийся союз монгольских феодалов и ламаистской церкви.

Значительная часть статей нового свода была направлена на укрепление власти феодалов над народом. Наказание предусматривалось за самовольные откочевки крестьян, несвоевременное выполнение установленных поборов и повинностей, неподчинение князьям и чиновникам, за нанесение им оскорблений, кражу скота и т. п. Законы разрешали применение телесных наказаний за нарушение крестьянами воли их господ, причем не считалось преступлением забить наказываемого до смерти, а повинные в смерти не подлежали привлечению к ответственности.

Как видим, кодекс 1640 г. охватывал широкий круг важных вопросов внутренней жизни монгольского общества, отражая стремление феодалов укрепить феодальный строй и объединить Монголию хотя бы в виде федерации ханств и княжеств, свя-

занных узами взаимной помощи для борьбы против общих внешних врагов.

Но, как показали последующие события, эта попытка объединить Монголию также не увенчалась успехом.

Усиление маньчжурского вмешательства во внутреннюю жизнь Халха-Монголии

1655 год явился переломным для Халха-Монголии. В этом году ее ханы и виднейшие князья капитулировали перед Пекином, отправив туда заложниками своих сыновей и братьев и поставив себя таким образом в прямую зависимость от маньчжурских властей. Последние, используя благоприятный момент, провели в жизнь ряд мероприятий, направленных к укреплению их позиций в стране халхасов. Маньчжурский император подтвердил право халхаских ханов и князей на правление в ханствах и княжествах, которыми они до этого владели по праву происхождения и которые переходили по наследству от отцов к сыновьям. Так было положено начало превращению императора маньчжуров в верховного сюзерена халхаских феодалов. Маньчжурский император, кроме того, разделил Халху на две части, отдав одну из них Тушету-хану, а другую—Дзасакту-хану. Соправителем («джинонгом») Тушету-хана был назначен владетельный князь Мерген-нойон. В Халхе было образовано еще одно, восьмое по счету, княжество. Особое внимание было оказано главе ламаистской церкви в Монголии Ундур-гэгэну, которому были отпущены средства для строительства монастырей.

В 1659 г. в Пекине был закончен перевод на монгольский язык буддийского канонического сочинения «Алтан гэрэл» («Золотое сияние»). В том же году, действуя по поручению императора маньчжуров, Ундур-гэгэн впервые стал жаловать почетные звания и титулы князьям и высшим ламам.

В 1661 г. умер старый Дзасакту-хан Норбо. Началась борьба за ханское наследство. Закон и традиции требовали передачи ханского трона старшему сыну умершего. Однако ханом стал не старший, а второй сын умершего по имени Ваншук. Это привело к острой и длительной междоусобной борьбе. Владетельный князь Лубсан, владение которого находилось на севере Халхи по хребту Танну-ула, выступил в защиту прав Цу-мергена, старшего сына хана Норбо. В 1662 г. Лубсан напал на ставку Ваншука и убил его. Ханом стал Цу-мерген, но смута в ханстве не прекратилась. Многие князья, недовольные Цу-мергеном, стали откочевывать за пределы ханства, отдаваясь под

покровительство соседей, главным образом Тушету-хана, а некоторые уходили на юг и переходили в подданство маньчжуров. Тушету-хан выступил против Лубсана, заставив его бежать в Ойратское ханство.

Маньчжурские правители решили воспользоваться начавшейся в Халхе смутой для дальнейшего укрепления своих позиций. В 1664 г. они объявили, что линия пустыни Гоби является государственной границей между Южной Монголией и Халхой. Пекинские власти строго запретили кому бы то ни было самовольно переходить установленную ими границу и расположили вдоль нее войска. Этим актом маньчжурские завоеватели окончательно разорвали единство монгольской территории и нарушили исконные связи, существовавшие между двумя частями монгольского народа. Что касается событий во владении Дзасакту-хана, то Пекин, не доверяя Цу-мергену, отказал ему в поддержке. Вместо него маньчжурский император в 1670 г. утвердил Ценгуня ханом Дзасактухановского аймака.

Ценгунь, став правителем, потребовал от Тушету-хана возвращения всех людей — князей, крестьян и их имущества, — перешедших к нему в период борьбы между Ваншуком и Цумергеном. Тушету-хан, однако, не спешил удовлетворить это требование. Взаимоотношения между двумя ханами все более обострялись. Ценгунь обратился с жалобой в Пекин. Однако маньчжурские власти тоже не торопились; они хотели, чтобы пожар междоусобной борьбы в Халхе разгорелся ярче.

В 1682 г. маньчжурские правители начали готовиться к вооруженной борьбе против Русского государства. Они в ультимативной форме потребовали уничтожения русских укреплений и населенных пунктов на Амуре, угрожая в противном случае осуществить это силой оружия. Вскоре началась концентрация маньчжурских войск на подступах к Амуру. Одновременно маньчжурские власти усилили интриги в Монголии, рассчитывая склонить ее ханов и князей к совместной вооруженной борьбе против Русского государства.

Маньчжуры особенно старались привлечь на свою сторону Тушету-хана. Его владения непосредственно граничили с территорией России, и для осуществления своих замыслов маньчжурским правителям было важно заручиться поддержкой этого хана. Кроме того, они рассчитывали использовать растущий религиозный авторитет главы ламаистской церкви Ундур-гэгэна, приходившегося родным братом Тушету-хану. Привлекая на свою сторону Тушету-хана и его родню, маньчжуры в то же время стремились не допустить объединения всех халхаских ханов и князей, считая их единство опасным для своих позиций в Монголии. В этих целях они продолжали политику натравливания одного халхаского князя на другого. Но больше всего

маньчжуры опасались совместных действий Халхи и Ойратского ханства, дружественные отношения которого с Россией находились в резком противоречии с интересами маньчжурской династии. Оторвать Халху от Ойратского ханства, не допустить соглашения между ними, настроить их против Русского государства и натравить на последнее стало ближайшей целью маньчжурской политики в Монголии.

В 1682 г. маньчжурский император Кан-си отправил всем ханам, в том числе и Галдану, специальные посольства с богатыми дарами и письмами, призывая их служить интересам маньчжурского дома. Но уже в 1683 г. Кан-си запретил пропускать в Китай посольства от Галдана, превышавшие 200 человек, нанеся тем самым экономический ущерб Ойратскому ханству. Просьба Галдана разрешить его людям ездить в Китай и «торги производить» была Кан-си отвергнута.

В Халхе в это время не утихала междоусобная борьба между Дзасакту-ханом Ценгунь и Тушету-ханом из-за наследства Дзасакту-хана Норбо. Император маньчжуров, к которому Дзасакту-хан Ценгунь обратился с жалобой на Тушету-хана, уклонился от решения дела о наследстве. Он предложил далай-ламе принять меры к примирению халхаских феодалов. В 1682 г. из Тибета в Халху прибыл представитель далай-ламы, собравший специальный съезд ханов и князей, чтобы положить конец конфликту. Тушету-хан предпочел не явиться на этот съезд. Маньчжурский император ничего не сделал, чтобы понудить Тушету-хана предпринять шаги к примирению. Взаимоотношения между двумя ханами Халхи становились все более обостренными. Для всех заинтересованных было ясно, что император маньчжуров поддерживает Тушету-хана. Что касается Дзасакту-хана, то он опирался на ойратского Галдан-хана, с которым был связан узами родства и общей неприязнью к Тушету-хану, превратившемуся в орудие маньчжурской политики в Монголии. Идя на поводу у маньчжурских завоевателей, Тушету-хан обострял отношения не только с Дзасакту-ханом и ойратским ханом Галданом, но и с Русским государством. В 1684 г. он направил в Иркутск своих послов с требованием восстановить его право собирать дань с бурятского народа, бывшего когда-то в его подчинении. В то же время Тушету-хан предлагал, чтобы одновременно с ним дань с бурятов взимал и русский царь. Послы Тушету-хана были встречены в Иркутске с подчеркнутой торжественностью. Они пытались добиться своей цели, намекая на то, что маньчжурский император послал большую, хорошо снаряженную армию против русских, но вместе с тем решительно отрицая какую-либо связь их хана с с маньчжурскими властями в подготовке войны против России[5]. Однако факты свидетельствуют о том, что действия маньчжурских властей и Тушету-хана были вполне согласованы. Последний знал о военных приготовлениях маньчжурского двора и вел активные переговоры с Пекином по поводу своего участия в предстоявшей войне[6].

В июле 1685 г. многотысячная маньчжурская армия начала военные действия против русской крепости Албазин на Амуре. В результате трехнедельных боев малочисленный гарнизон Албазина, лишенный возможности своевременно получить подкрепления, вынужден был уступить превосходящим силам маньчжуров и покинуть крепость. Через месяц, однако, в Албазин вновь вступил отряд русских войск. В это же время Тушету-хан предпринял ряд вооруженных набегов на Селенгинск, Удинск и другие русские поселения в долине р. Селенги.

Летом 1686 г. бои за Албазин возобновились. Правительство маньчжуров и на этот раз добивалось активного выступления Тушету-хана и Ундур-гэгэна против русских. Однако оба феодала заняли уклончивую позицию, ожидая результатов нового маньчжурского наступления на Албазин. Они вступили в переговоры с русскими властями, надеясь использовать в своих интересах затруднительное положение русских. Тушету-хан и Ундур-гэгэн через своих послов и русских людей, приезжавших в Халху по своим делам, вновь и вновь предъявляли требования о срытии крепостных укреплений Селенгинска, Удинска и других русских селений, о выдаче им бурятов и т. п., угрожая в случае отклонения этих требований применить оружие. Но дальше угроз они не шли. Эта осторожность вызывалась, видимо, еще и соображениями, связанными с выездом из Москвы в январе 1686 г. для переговоров с маньчжурским правительством посольства Головина. В Урге опасались, что Головин ведет за собой многочисленную русскую армию, опираясь на которую сможет диктовать свою волю.

Однако когда Головин прибыл в Селенгинск с отрядом, насчитывавшим всего лишь около 2 тыс. человек, Тушету-хан решил действовать. В начале 1688 г. он послал против Селенгинска и Удинска 4—5 тыс. воинов, чтобы изгнать русских не только из этих городов, но и вообще из Забайкалья. Тушету-хан рассчитывал, что если даже ему не удастся достигнуть этого, произведенная им военная демонстрация заставит Головина пойти на уступки во время русско-маньчжурских переговоров.

Войска Тушету-хана под командованием его брата Батурхунтайджи осадили Удинск и Селенгинск, в котором в это время находился Головин. В конце февраля монгольские отряды,

[5] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 63, л. 100—122.

[6] Там же, л. 37—38, а также д. 84, л. 39.

снабженные маньчжурами артиллерией, предприняли штурм Селенгинска, но потерпели неудачу.

В марте 1688 г. Батур-хунтайджи со своими войсками вернулся в Халху, куда в это время вторгся Галдан-хан.

Усиление Ойратского ханства. Воцарение Галдан-хана

В Ойратском ханстве после смерти Эрдени-Батур-хунтайджи (1665) правителем стал один из его сыновей, Сенге (1665—1671). Эрдени-Батур оставил своему наследнику довольно сильное, относительно единое феодальное государство. Существенное значение для консолидации Ойратского ханства имело введение в 1648 г. новой, ойратской письменности, предложенной крупным деятелем ламаистской церкви Зая-Пандита и вытеснившей общемонгольскую письменность.

Воцарившийся в Джунгарии сравнительно устойчивый внутренний мир, отсутствие постоянных междоусобиц и рост торговли способствовали улучшению хозяйственного положения ханства и усилению его армии.

Сенге, став правителем ханства, продолжал политику своего отца. Он вел борьбу против Алтын-хана и в 1667 г. взял его в плен. Держава Алтын-хана стала клониться к упадку, и в 80-х годах упоминания о ней исчезают.

Сенге недолго был правителем Ойратского ханства. В результате междоусобной борьбы он был убит. Его брат Галдан, еще ребенком посвященный в ламы, жил в это время в Тибете. Узнав об убийстве брата, он с разрешения далай-ламы снял с себя монашеский сан и осенью 1671 г. прибыл на родину. Расправившись с убийцами Сенге, Галдан взял власть в свои руки.

Внешнеполитическое положение ойратского ханства к моменту воцарения Галдана было довольно сложным. На востоке, в Халхе, продолжалась междоусобная борьба, принимавшая подчас острый характер. Ханы и князья Халхи, сохраняя формально политическую самостоятельность, фактически становились все более зависимыми от маньчжурской династии, с помощью которой они старались одолеть своих недругов.

В Кукуноре Даши-Батур, преемник Гуши-хана, продолжая политику своего отца, старался поддерживать с маньчжурской династией дружественные отношения. В результате этой «дружбы» маньчжуры в 1673 г. ввели в Кукунор свои войска, положив начало превращению этого края в плацдарм для дальнейших захватнических войн. После возвращения Галдана в Джунгарию многие владетельные князья Джунгарии бежали в Кукунор к Даши-Батуру, вокруг которого стали группироваться враги Галдана.

Будучи решительным противником подчинения маньчжурским завоевателям, считая своей главной задачей обеспечение независимости Монголии, Галдан относил к числу своих врагов и тех монгольских князей, которые переходили на сторону маньчжуров и становились проводниками их политики.

Проводя антиманьчжурскую политику, Галдан-хан вместе с тем поддерживал регулярные торговые связи с Китаем — единственным источником снабжения ойратов такими специфическими продуктами китайского производства, как чай, табак и др.

В 1677 г. Галдан впервые отправил в Пекин посольство к императору маньчжуров. В дальнейшем подобные посольства отправлялись им почти ежегодно. Они представляли собой не только дипломатические миссии, но и купеческие караваны, число людей в которых доходило до 3 тыс. Караваны сбывали в Китае товары, доставленные из ханства, и приобретали там товары, нужные ханству. Существенное значение имели для Ойратского ханства мусульманские районы Восточного Туркестана, поставлявшие продукты земледелия, и особенно Русское государство. Из России ойраты получали не только зерно и муку, но и промышленные товары. Кроме того, русский рынок предоставлял неограниченные возможности для сбыта продукции ойратского скотоводческого хозяйства.

В этих условиях мир и дружба с Русским государством были для Галдана единственно возможной и разумной политикой.

В 1672 г. Галдан впервые направил своих послов в Москву. Поводом к отправке этого посольства явилось возвращение из Пекина через Ойратское ханство русской дипломатической миссии Сейткула Аблина. Желая обеспечить безопасность Аблина, Галдан дал ему надежную охрану. Вместе с Аблиным Галдан отправил в Россию своих послов, которые прибыли в Москву в августе 1673 г.[7]. Москва высоко оценила этот шаг нового ойратского правителя. В Сибирь был послан указ, предписывавший тобольскому воеводе снарядить к Галдану «доброе посольство», послов же Галдана впредь пропускать в Москву без задержки.

Летописец Черепанов пишет, что ойратские князья со своими улусами и стадами иногда, с разрешения русских властей, могли пользоваться пастбищами в степях Южной Сибири.

Не желая портить отношения с Ойратским ханством, местные русские власти отказывались принимать людей, бежавших

---

[7] ЦГАДА, ф. 126, д. 2, л. 66—67.— Об этом эпизоде рассказывает и Юрий Крижанич (см. *А. Титов.* Сибирь в XVII в. «Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях». М., 1890, стр. 183, 184)

от ойратских князей. «А которые калмыки приходили, от своих тайшей бежав, в поданство Российской державы, таковых не принимали, но отсылали их в степь обратно» [8]. В 1678 г. тарский воевода отправил к Галдану специального представителя с сообщением о том, что русские подданные, совершившие нападение на ойратские кочевья, пойманы и наказаны. Это свидетельствовало о стремлении русских властей поддерживать мирные, добрососедские отношения с Галданом [9].

В том же году в Тобольск прибыл большой торговый караван из Ойратского ханства, а также послы от Галдана. Часть из них отправилась в Москву с письмом, в котором Галдан писал о своих усилиях, «чтоб пограничный соседственный союз содержать, а задоров на границах не было» [10].

Как и при предшественниках Галдан-хана, значительное место в переговорах с русскими властями занимал вопрос о его праве собирать дань с бывших кыштымов (данников) ойратских ханов, ставших подданными Русского государства. Это был едва ли не единственный спорный вопрос в переговорах.

В 1678 г. Галдан выступил против одного из сыновей Гуши-хана, Очирту-хана, владения которого занимали территорию от Ордоса до Кукунора. Очирту-хан был убит. Галдан отправил маньчжурскому военачальнику командовавшему войсками в Кукуноре, уведомление об одержанной им победе, заявив при этом о своих правах как законный наследник одного из первых правителей этого края. Однако не желая военного столкновения с маньчжурскими властями, Галдан не пошел в Кукунор.

Вскоре после этого Галдан овладел Турфаном и всем Восточным Туркестаном, который стал данником Ойратского ханства. Победу Галдан-хану облегчила междоусобная борьба, разгоревшаяся в Кашгарии.

В 1678 г. маньчжурский император пожаловал Галдану ханский титул, а в 1679 г. далай-лама — его наставник и покровитель — присвоил ему почетное звание «бошохту» (благословенный) [11]. Галдан-хан становился заметной фигурой в Центральной Азии.

Стремясь укрепить свою державу, Галдан в конце 70-х годов издал указ, запрещающий под страхом смертной казни продажу ойратов в рабство за границу. Этот указ соблюдался весьма строго. Так, Авезбакиев, направленный в 1680 г. из Тобольска в район города Ямышева, чтобы купить для царского

[8] ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 323.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] *А. Леонтьев,* Уведомление о бывшей с 1677 по 1689 г. войне у китайцев с зенгорцами. СПб., 1777, стр. 8, 9.

дворца в Москве 10 мальчиков и 10 девочек, как сообщает летописец Черепанов, потерпел неудачу. Ему удалось купить лишь одного мальчика и одну девочку [12].

Развитие русско-монгольских отношений

К середине XVII в. возросла роль Русского государства в Восточной Азии.

Русские власти с начала XVII в. стали устанавливать связи с монгольскими ханствами и княжествами. В 1607 г. в город Томск прибыло первое ойратское посольство [13].

Ойратские феодалы, как сторонники, так и противники объединения Джунгарии под властью чоросских князей в этот период стремились заручиться поддержкой Русского государства. Они даже соглашались принять русское подданство, надеясь найти таким образом защиту от своих противников. Переговоры о переходе в подданство России велись с большей или меньшей активностью в зависимости от военной и политической конъюнктуры в Джунгарии. Большое влияние на отношения между Россией и ойратскими князьями оказывала торговля, в развитии которой были заинтересованы обе стороны. Тем не менее ойратские феодалы время от времени совершали вооруженные набеги на русские поселения и требовали от жителей ряда районов Южной и Западной Сибири дани, которую они до своего вхождения в состав России платили ойратским князьям как их кыштымы.

Все это вызывало частый обмен послами; не было года, чтобы в Россию не приезжали ойратские, а в Джунгарию русские послы.

Однако по мере превращения Джунгарии в объединенное ханство с сильной центральной властью в лице Хара-Хулы и его преемников отношения с Россией стали принимать более нормальный и устойчивый характер, а случаи нарушения мира становились все более редкими. В 1628 г. Хара-Хула приказал зависимым от него князьям избегать каких-либо конфликтов с русскими. Летописец писал: «Контайша своим калмыцким тайшам запретил при границах с россиянами иметь ссоры, и во знак миролюбивых обязательств, находящихся у него в улусах беглых барабинских татар до 100 семей выслал в Тару и 1 тыс. лошадей, тоже взяты были при полону, и просил, чтоб его улусы не воевали» [14].

Русское государство со своей стороны стремилось к укреп-

[12] ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 330.
[13] Там же, л. 122.
[14] Там же, л. 172.

© ГПИБ СССР

лению добрососедских отношений с ойратским ханством. Оно стало сноситься по всем вопросам только с центральной властью ханства, способствуя укреплению ее позиций в Джунгарии. По данным русских архивов, за первые 15 лет пребывания у власти Батур-хунтайджи, т. е. с 1635 по 1650 г., Россия и Ойратское ханство обменялись 17 посольствами.

В это же время Русское государство установило тесные связи с одним из крупных в Халха-Монголии феодальных владений, расположенным в северо-западной части страны, между Убсануром и оз. Хубсугул (Косогол). В него входила и территория Урянхая. Правителем этого княжества был Шолой-убаши-хунтайджи, известный в русской литературе и исторических актах под именем Алтын-хана. Первое русское посольство к этому хану было отправлено из Томска в 1608 г. Оно должно было заручиться содействием Алтын-хана для путешествия в Китай, чтобы положить начало непосредственным русско-китайским отношениям. Однако послам не удалось добраться до хана, который в это время вел очередную войну против ойратских князей [15].

В 1616 г. из Тобольска к Алтын-хану отправилось второе посольство. Успешно выполнив свою миссию, оно вернулось на родину. Вместе с ним прибыло ответное посольство Алтын-хана, которое выехало в Москву и вскоре было принято царем Михаилом Федоровичем. В 1618 г. послы вернулись в Джунгарию в сопровождении русской миссии, направившейся через владения Алтын-хана в Пекин.

В 1619 г. Алтын-хан вновь послал в Москву своих представителей с просьбой оказать ему военную помощь в борьбе с Хара-Хулой ойратским, прислать мастеров, которые смогли бы организовать производство пороха и огнестрельного оружия. Представителям хана было поручено также добиваться права свободно торговать в городах Сибири. Однако московское правительство уклонилось от выполнения просьб Алтын-хана.

Вскоре Алтын-хан предъявил русским властям претензии на право сбора дани с приенисейского населения, подчинявшегося когда-то хану. Переговоры об этом продолжались до 30-х годов XVII в., когда усиление ойратского ханства вынудило Омбо-Эрдени, сына Алтын-хана Шолоя, вновь искать дружбы с Россией. В 1632 г. возобновился обмен послами между Халхой, сибирскими городами и Москвой. С этого времени взаимоотношения между Русским государством и Алтын-ханом

[15] ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 127—128; см. также *Н. П. Шастина*. Первые сношения Московского государства с Алтын-ханами Западной Монголии. Л., 1949 (канд. диссертация); *ее же*. Алтын-ханы Западной Монголии. «Советское востоковедение», 1949, № 6.

приняли более устойчивый, добрососедский характер, несмотря на возникавшие временами споры и даже вооруженные конфликты из-за попыток хана собирать дань с бывших его кыштымов.

В 40-е годы XVII в. начался переход первых русских переселенцев через Байкал и освоение ими просторов Забайкалья. В 1645 г. Василий Колесников вступил в непосредственный контакт с халха-монголами, кочевавшими в районе среднего течения Селенги. В начале 1647 г. Колесников отправил группу своих людей во главе с казачьим десятником Константином Москвитиным на юг для разведки месторождений руд. Выполняя это задание, Москвитин попал в ставку владетельного князя Турухая, зятя и вассала халхаского Цецен-хана. В своем статейном списке Москвитин приводит интересные сведения о богатстве и мощи этого феодала, которого он именует «мунгальским большим князем». У него «юрты войлочные, опушены бархатом лазоревым, а в юртах подзоры камка на золоте. А платье носят по-брацки (т. е. по-бурятски. — *И. З.*) — тулупы бархатные и камка на золоте» [16]. По словам Москвитина, Турухай владел армией, насчитывавшей 20 тыс. человек. Статейный список Москвитина свидетельствует также о том, что уже в то время ламаизм получил в Монголии широкое распространение. Москвитину бросились в глаза бурханы, нарисованные красками по листовому золоту, серебряные и позолоченные идолы. «И книги,— сообщает он,—у них по их вере есть же, а писаны по бумаге, а бумага такова ж, как и русская. А молятся они, мунгальский князь Турухай-Табунан и люди его, пред теми своими болваны и написанными лицами на коленках стоя, и по книгам своим говорят своим языком и обеих рук упирают пальцами себя в лоб и падают перед ними [болванами] в землю, и вставая опять говорят по книгам. А перед болванов... ставят чаши серебряные с горячим угольем, а на уголь кладут ладан росной» [17].

Турухай приветливо встретил миссию Москвитина и разъяснил ему, что в его владениях нет серебряных руд, но они есть в Китае. В армии китайского царя имеются «пушки медные большие, и всякое огняное ружье есть, потому ж, как и у вашего государя».

По совету Турухая Москвитин отправился к Цецен-хану. Однако аудиенции у хана ему получить не удалось — русский посол отказался стать на колени и поклониться ханской юрте, как того требовал этикет.

Осенью 1647 г. Москвитин со своими товарищами вернулся

[16] *Н. Оглоблин*. Сибирские дипломаты XVII века. «Исторический вестник», т. 46. СПб., 1891, стр. 168.

[17] Там же, стр. 169.

в Енисейск. На обратном пути он вторично посетил Турухая, который заявил Москвитину о своем желании перейти в русское подданство и в подтверждение добрых намерений подарил русскому царю 200 крестьян.

В том же году к Турухаю прибыл еще один русский — Иван Похабов. Турухай снабдил его проводниками и продовольствием и помог ему добраться до ставки Цецен-хана. Похабов заявил Цецен-хану о своем желании ехать в Китай и просил его помочь ему в этом. Похабов предложил также Цецен-хану вступить в подданство русского царя. Цецен-хан отклонил первую просьбу Похабова, но согласился вступить в переговоры с русским царем. В 1648 г. Похабов с послом Цецен-хана Седиком отправился в Москву.

Для продолжения переговоров с Цецен-ханом и передачи ему даров русского царя из Тобольска в 1649 г. выехал боярский сын Ерофей Заболоцкий, к которому примкнула группа русских купцов и промышленников. В октябре 1650 г. посольство Заболоцкого подверглось внезапному нападению отряда одного из бурятских князей. Заболоцкий, его сын и некоторые другие члены посольства были убиты. Посольство возглавил переводчик Панфил Семенов. Однако, прибыв в ставку, послы не застали Цецен-хана Шолоя в живых. Их приняли вдова Цецен-хана Тайха и Турухай, которые отказались продолжать переговоры о переходе в русское подданство, причем Тайха гордо заявила Семенову, что «мунгальский царь и люди его наперед сего в такой неволе не бывали и никому не служивали, и дани с себя и с людей своих не давывали» [18]. Тайха отказалась также и от посылки новых послов в Россию.

Таким образом, преемники Цецен-хана круто переменили курс. Вероятно, это было вызвано боязнью новых осложнений в отношениях с маньчжурскими властями,—к тому времени еще не был урегулирован конфликт, связанный с восстанием Тэнгиса и с требованием маньчжуров выслать в Пекин заложников.

К 60-м годам XVII в. относится начало официальных посольских сношений между Русским государством и Тушету-ханом, от которого в январе 1667 г в Москву прибыло первое посольство. Это посольство должно было урегулировать два вопроса: об Алтын-хане и о Селенгинске. Алтын-хан незадолго до этого совершил воруженное вторжение в Тушетухановские владения «и многих людей повоевал, и в полон поймал». Тушету-хан просил русского царя потребовать от Алтын-хана прекращения этих вторжений. По поводу Селенгинска его посол заявил, что земли по р. Селенге принадлежат Тушету-хану и русским людям, следовательно, селиться там и строить города нельзя. Послу было поручено также выяснить, не самочинно ли местные жители построили Селенгинск и как русский царь к этому относится [19].

[18] *Н. Оглоблин.* Сибирские дипломаты XVII века, стр. 167.

С этими же целями в 1673 г. в Москву прибыло второе посольство от Тушету-хана, а в 1676 г. — третье. И на этот раз вопрос о Селенгинске стоял в центре переговоров. Послы, представлявшие интересы Тушету-хана и двух его братьев, Ундур-гэгэна и Батур-тайджи, утверждали, что Селенгинск построен на земле Тушету-хана, и жаловались, что русские власти оказывают покровительство людям, бегущим от Тушету-хана. В виде примера они привели случай, когда некий Чохур-убаши со своим улусом бежал под защиту Селенгинского острога. Послы Тушету-хана и Батур-тайджи заявили также претензии на все земли Восточной Сибири и Забайкалья, на которых кочевали бурят-монголы, исстари якобы подвластные монгольским ханам и платившие им дань. Теперь же русские власти препятствовали монгольским ханам собирать с бурятов эту дань. Послы предупреждали, что, если царь не примет необходимых мер, их правители «учнут сами управливаться, и острогам Селенгинскому, Баргузинскому и Даурскому и Иркутскому будет не стоять» [20]. Послы при этом подчеркивали, что с «китайским-де царем хан их в дружбе...» [21].

Представитель Ундур-гэгэна сообщил, что его повелитель пользуется в Халхе большим влиянием, что он не просто священнослужитель, а владетельный князь; ему повинуются и Тушету-хан и все тайши. Посол просил русского царя о содействии в поездке в Ватикан, к римскому папе.

В ходе переговоров монгольским послам было сказано, что Селенгинск и другие русские поселения останутся там, где они находятся, и что монгольским ханам в их просьбе собирать дань с подданных русского царя отказано. Что же касается просьбы Ундур-гэгэна о проезде его послов через русскую территорию в Рим, то для этого необходимо специальное письмо от Ундур-гэгэна, ибо до Рима далеко и путь туда лежит через многие государства.

В эти годы тесные связи с Москвой поддерживал Лоджан, сын Алтын-хана Омбо-Эрдени, утвердившийся на ханском троне после смерти своего отца (1657). Он постоянно отправлял послов в Москву и в сибирские города, испрашивая себе то утверждение в ханском звании, то военную помощь против своих врагов, то семена для посева и т. п. Лоджан вел весьма воин-

[19] ЦГАДА, ф. 126, 1667, д. 2 л. 8—10.
[20] ЦГАДА, ф. 126, 1675, д. 1, л. 72.
[21] Там же.

ственную политику, вторгался на земли киргизов, воевал против ойратов и некоторых халхаских владетельных князей.

В октябре 1667 г. посол Лоджана был принят царем Алексеем Михайловичем и передал ему благодарность своего повелителя за то, что Москва утвердила его в ханском достоинстве. Посол сообщил также, что Лоджан хочет построить город в районе озера Убса, где он намеревается обосноваться. В связи с тем, что жители окрестностей города будут заниматься сельским хозяйством, Лоджан просил русского царя снабдить его семенами.

Либеральная политика России по отношению к народам Сибири и Дальнего Востока была в значительной степени вынужденной. Россия не могла диктовать им свою волю, так как не располагала здесь достаточными военными силами. К тому же основное внимание России было направлено на сложные вопросы взаимоотношений с ее западными и северными соседями. В этих условиях правительство России могло рассчитывать на упрочение своих позиций в Сибири и на Дальнем Востоке лишь путем установления добрососедских отношений с народами Китая и Монголии. Маньчжурские завоеватели считали невозможным допустить укрепление позиций Русского государства в этом районе, в непосредственной близости к захваченному ими Китаю, народ которого еще не покорился завоевателям. Они находили также весьма опасным непосредственное соседство России с Монголией, большая часть которой продолжала сохранять свою независимость. Поэтому они поставили своей целью оттеснить Россию как можно дальше на запад от своих владений, нарушить связи между Россией и завоеванными маньчжурами народами, изолировать Маньчжурскую империю от внешнего мира и в первую очередь от России.

После первой неудачной попытки в 1652 г. изгнать русских с берегов Амура маньчжурские власти встали на путь принудительного выселения местного коренного населения из пограничных районов в глубь Китая. Стараясь создать вокруг русских поселенцев зону пустыни, они надеялись таким образом заставить их отказаться от колонизации Амурской области. Однако и эти планы не дали маньчжурам желаемых результатов. Тогда они приступили к строительству цепи укрепленных пунктов, из которых впоследствии выросли города Сахалян, Цицикар, Айгунь, Мерген, Нингута и др. Многочисленные попытки Москвы и местных сибирских властей урегулировать взаимоотношения с маньчжурской династией не имели успеха. Посольства Байкова (1654), Перфильева (1658), Сеткула Аблина (1668), Спафария (1675) и другие потерпели неудачу. Усилия русского правительства были направлены прежде всего на развитие взаимной торговли с маньчжурской династией, тогда как

маньчжурских правителей это мало интересовало. Их внимание было приковано главным образом к вопросу о границах между Россией и Маньчжурской империей, причем они стремились отодвинуть эту границу чуть ли не до Тобола. Наряду с этим они усилили свое вмешательство в дела Халхи и Ойратского ханства, сея там раздоры между князьями, обостряя старые конфликты и провоцируя новые, толкая стороны на путь обращения к посредничеству Пекина, стараясь испортить их отношения с Россией.

В 1681 г. маньчжурский император Кан-си потребовал от халхаских ханов и князей, чтобы они прекратили торговлю с русскими и не разрешали им переходить за линию р. Чикой. Следует отметить, что к этому времени торговые связи между русскими, халха-монголами и китайцами приобрели широкий и устойчивый характер. Через Халха-Монголию пролег основной торговый путь в Китай. Уже в 1668 г. по нему в Пекин из Селенгинска отправился первый русский купеческий караван. Город Урга [22] (современный Улан-Батор) на р. Тола все больше и больше превращался в торговый центр, где постоянно находились приезжавшие монгольские и иностранные купцы. Вдоль русско-монгольской и русско-китайской границы также велась пограничным населением весьма оживленная торговля, которая шла независимо от того, какой характер имели официальные взаимоотношения между правительствами соответствующих держав. Экономическая заинтересованность народных масс в торговом обмене была сильнее политических планов их правителей. Русско-монгольская торговля была свободна от таможенных ограничений и обложений до 1670 г., когда тобольские власти ввели таможенный осмотр товаров, привозимых в Сибирь из Монголии. Однако пошлины должны были взиматься не с иноземных, а с русских купцов, которые покупали эти товары [23].

В этих условиях требование маньчжурских властей о прекращении русско-монгольской торговли представляло собой мероприятие, откровенно враждебное как русскому, так и монгольскому и китайскому народам.

Халха-ойратская война 1688 г. Поражение Халхи

В августе 1686 г. в Халхе состоялся съезд ханов и князей, созванный новым представителем далай-ламы, специально приехавшим в Халху для примирения Тушету-хана с наследниками

---

[22] Город Урга, по данным монгольского ученого Дугурсурэна, основан в 1639 г.

[23] ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 330.

Дзасакту-хана. На этом съезде присутствовали три представителя от ойратского хана Галдана, защищавшего интересы наследников Дзасакту-хана. Съезд, однако, не достиг цели, примирение не состоялось. Новая междоусобная война становилась неизбежной.

В 1687 г. Галдан-хан предложил Дзасакту-хану Шара напасть на Тушету-хана. Однако последний предупредил их, и первым вторгся во владения Дзасакту-хана. Хан Шара был взят в плен и убит. В ответ на это Галдан-хан осенью 1687 г. направил против Тушету-хана отряд под командованием своего брата Доржиджаба. Тушету-хану удалось разбить этот отряд, а Доржиджаб погиб в бою [24].

Весной 1688 г. 30-тысячная ойратская армия под командованием Галдан-хана вступила в пределы Халхи. Летом 1688 г. в районе оз. Ологой произошло генеральное сражение, закончившееся полным разгромом войск Тушету-хана и его союзников. Ханы, князья и высшее халхаское духовенство в панике бежали. Большинство из них направилось на юг, к Великой китайской стене, ища защиты у императора маньчжуров. Одним из первых туда устремился Ундур-гэгэн, который в это время находился в Эрдени-дзу (монастырь в окрестностях современного г. Цэцэрлэг). Захватив с собой жену и детей своего племянника, Тушету-хана, Ундур-гэгэн бежал на границу суните, откуда «поспешно известил о [своих] крайних обстоятельствах» [25] императора маньчжуров.

В сентябре 1688 г. Ундур-гэгэн отправил в Пекин специального посла, сделавшего там от имени своего повелителя следующее заявление: «Мои ученики весьма многочисленны, и если они будут жить, склонившись под мирное правление святого государя, то мое заветное желание исполнится. Святой, ради милости ко мне, соблаговолит ли дать мне землю, хорошую пастбищами и водой?» [26].

[24] Версия самого Галдан-хана иначе освещает ход событий, приведших к разгрому халхаских войск и к подчинению Халхи маньчжурской династии. Посол Галдан-хана в марте 1691 г. говорил Иркутскому воеводе Кислянскому, что в 1686 г., месяца через три после неудачного съезда, Тушету-хан пошел войной против Галдана, ставка которого в это время находилась на Иртыше. Тушету-хан внезапно напал на кочевья Доржиджаба на р. Кобдо в 15 днях пути от ставки Галдана. Разгромив улус Доржиджаба, Тушету-хан продолжал двигаться в глубь Ойратского ханства, разгромил улус тайджи Дегдек Мерген-Ахая. Убив тайджи, Тушету-хан разграбил его владение, разделив между своими людьми 10-тысячное население улуса. Когда Галдан-хан узнал об этом, он собрал войско и выступил против Тушету-хана. Последний боя не принял и стал отступать, пока не достиг оз. Ологой, где потерпел тяжелое поражение (см. ЦГАДА, ф. 1121, д. 215, л. 67).

[25] См. *А. М. Позднеев.* Монгольская летопись..., стр. 74.

[26] Там же, стр. 75.

Вскоре к Ундур-гэгэну присоединился Тушету-хан. Они просили Кан-си оказать им военную помощь против Галдана. Однако Кан-си отклонил эту просьбу под тем предлогом, что халхаские ханы и князья формально еще не являются его подданными. «Тушету-хан, — сообщает маньчжурский источник, — просил у Кансия в помощь войска, но вельможи Кансию отсоветовали, предложа, что Тушету-хан еще не в совершенном у него, Кансия, подданстве» [27].

Кан-си потребовал, чтобы решение о переходе в маньчжурское подданство было принято на съезде всех ханов и князей Халхи. Это требование было выполнено. Несмотря на то что часть монгольских феодалов не хотела принимать маньчжурское подданство, склоняясь к переходу под эгиду Русского государства, съезд ханов и князей в конце 1688 г. под влиянием Ундур-гэгэна принял решение просить императора маньчжуров о приеме Халхи в его подданство.

В это же время в Пекин прибыл посол Галдан-хана с сообщением о победе, одержанной Галданом. От имени своего хана он вновь повторил просьбу отменить запрещение ойратским караванам свободно торговать в Китае. Галдан просил также сообщить, на чьей стороне Кан-си: на стороне Тушету-хана или Галдана [28]. Одновременно с отъездом посла в Пекин Галдан-хан направил своего представителя в Нерчинск к русским властям с информацией об одержанной им победе.

Император маньчжуров, желая выиграть время, медлил с ответом. Когда Ундур-гэгэн и Тушету-хан бежали от Галдана к Великой стене, пекинские власти готовы были выслать для их охраны войска Внутренней Монголии, но потом решили этого не делать, не желая раздражать Галдана. Маньчжурский источник сообщает: «Велено было выслать из Пекина в степь войско и 8 пушек, однако, отменено по полученному известию, что Галдан Кансиева посла принял ласково и учтиво, а сверх сего прислал к Кансию своего посла с поклоном» [29].

Кан-си предложил Галдану прибегнуть к посредничеству далай-ламы для примирения с Тушету-ханом. Вместе с тем он спешно стягивал войска, готовясь к войне против Ойратского ханства. Считая Галдан-хана серьезным противником, Кан-си вел военные приготовления с большой тщательностью.

Как маньчжурские власти, так и Галдан-хан стремились заручиться поддержкой России. Галдан-хан приложил много усилий к тому, чтобы привлечь Россию к союзу с Ойратским ханством, к совместным действиям против халхаских ханов и князей. Маньчжурские власти также, опасаясь объединения

[27] *А. Леонтьев.* Уведомление о бывшей с 1677 по 1689 г. войне..., стр. 15.

[28] См. там же, стр. 16.

[29] См. там же, стр. 15.

сил России и Галдан-хана, пытались не допустить союза между ними. Кроме того, они были обеспокоены начавшимся среди халхаских князей движением за добровольное присоединение к России: в январе 1689 г. шесть халхаских владетельных князей и группа табангутских князей заключили с Головиным договор о переходе в русское подданство [30].

В августе 1689 г. в Нерчинске начались переговоры между представителями России и Маньчжурской империи об урегулировании спорных вопросов о торговле и границе, завершившиеся подписанием известного Нерчинского договора. Маньчжурские представители упорно добивались оттеснения русских возможно дальше на запад. Их первым предложением было установление границы по р. Тоболу, потом они пошли на уступки, соглашаясь признать границей оз. Байкал. Но в конце концов маньчжуры вынуждены были принять предложение Головина, согласно которому линия границы была установлена по рекам Горбице и Аргуни. Вопрос о границе с Халха-Монголией был оставлен открытым.

Активную дипломатическую деятельность развернул в этот период и Галдан-хан. Он предлагал императору маньчжуров мир при условии выдачи ему Тушету-хана и Ундур-гэгэна и восстановления права посылать в Китай ойратские караваны. В то же время Галдан-хан продолжал настойчиво домогаться союза с Россией и военной помощи со стороны последней. В начале 1690 г. он отправил специального посла с письмами к Иркутскому воеводе Кислянскому и к представителю Москвы Головину. Посол сообщил, что в данное время Галдан стоит в верховьях р. Селенги в полной готовности продолжать войну. Галдан-хан просил Головина направить русские войска против халхаских князей. Он напоминал, что халхаские князья были разбиты в результате совместного удара ойратских и русских войск, подразумевая поражение, нанесенное войскам Тушету-хана в начале 1688 г. под Селенгинском и Удинском. Посол хана заявил, что, бежав в Китай, Ундур-гэгэн и Тушету-хан совместно с маньчжурским императором продолжают враждебные действия против России и против Галдана. Галдан предлагал направить русские войска на Керулен для соединения с его армией [31].

Головин в своем ответном письме от 25 февраля 1690 г. обещал Галдану поддержку русских войск [32].

[30] См. «Полное собрание законов Российской империи с 1649 по 1830 г.», т. III. СПб., 1830, стр. 3, док. № 1329.—«Договор, заключенный мунгальскими тайшами с российским послом на китайской границе, о вечном оных тайшей подданстве российскому престолу».

[31] ЦГАДА, ф. 1121, д. 202, л. 10—17.

[32] Там же, л. 20, 21.

Для сопровождения ханского посла и вручения письма Галдану Головин отправил казачьего десятника Григория Кибирева. 20 июня 1690 г. посол Головина прибыл к Галдан-хану, ставка которого находилась южнее Далайнора, и был принят с большим почетом.

Кибирев вернулся в Иркутск в 1691 г., пробыв в пути около года. Он представил статейный список о переговорах с Галданом и о своем путешествии. Он проехал огромное расстояние— от Иртыша через верховья р. Или и всю Монголию до окрестностей Далайнора. «А по той-де степи мунгальские,—пишет Кибирев, — жилища развоеваны, пусты от калмыцкого бушухту-хана, и те развоеванные достальные мунгальские люди бродят голодные меж камней (т. е. в горах. — *И. З.*) и по степям, и друг друга едят» [33].

Одновременно с Кибиревым к Галдану прибыли представители далай-ламы и маньчжурского императора Кан-си для переговоров о мире. Галдан соглашался на мир при условии, что Тушету-хан и Ундур-гэгэн будут выданы ему или казнены в Китае в присутствии его представителей. В крайнем случае Галдан готов был согласиться на высылку их в распоряжение далай-ламы. Он требовал также права свободно торговать в Китае.

Военные действия между маньчжурскими войсками и Галдан-ханом

22 июня 1690 г. 20-тысячная маньчжурская армия атаковала лагерь Галдана. «Калмыцкий бушухту-хан, — писал Кибирев, бывший очевидцем сражения, — тою богдойскую силу побил без остатку» [34].

Вскоре после этого Галдан отправил своих послов в Москву к царям Ивану и Петру Алексеевичам с предложением заключить союз для совместных действий против общих недругов: Тушету-хана и Ундур-гэгэна. Эти послы сообщили, что после победы над маньчжурским войском Галдан-хан отошел от Великой стены, последовав советам представителя далай-ламы, заверившего Галдана в возможности мира с Кан-си. Но недель через пять после этого к лагерю Галдана вновь подступила огромная маньчжурская армия, оснащенная артиллерией. По словам послов, и на этот раз нападение было успешно отбито войсками Галдан-хана [35]. Однако в действительности второе сражение с маньчжурскими войсками закончилось неудачей для

[33] ЦГАДА, ф. 1121, д. 215, л. 13.

[34] Там же, л. 15.

[35] Там же, л. 58—64.

Галдан-хана. Его армия была в тяжелом положении. В июле 1691 г. в Селенгинск пришли три ойратских воина, заявившие, что отстали от Галдана после боев с маньчжурами в районе Хан-ула (район Улан-Батора), «потому что-де у него, бушухту-хана, в войске за скудостью скота голод великой, и от того-де голоду в войске многие люди помирают» [36].

Готовя войну против Ойратского ханства, Кан-си решил использовать в своих интересах конфликт между Галданом и его племянником Цеван-Рабданом [37]. В 1690 г. Кан-си направил к Цеван-Рабдану в Турфан своего представителя с дарами и с письмом, в котором просил его сообщить причины ссоры с дядей. В ответ Цеван-Рабдан подробно изложил обстоятельства своего конфликта с Галданом. Кан-си поддерживал контакт с Цеван-Рабданом в течение всех лет войны и подстрекал его к активным действиям против Галдан-хана.

В результате военных неудач Галдан-хана, с одной стороны, и заключения Нерчинского договора, с другой — создались условия, при которых правящие круги России перестали интересоваться переговорами о союзе с Галдан-ханом. Переговоры прервались, хотя Галдан неоднократно пытался возобновить их.

Между тем слухи о предполагавшемся союзе между Галдан-ханом и Русским государством дошли до Пекина и вызвали там большую тревогу. 10 января 1692 г. к нерчинскому воеводе Скрыпицыну прибыл специальный посол из Пекина с письмом от сановника Сонготу, главы маньчжурской делегации во время Нерчинских переговоров с Головиным, в котором сообщалось о победах, одержанных маньчжурской армией над Галданом, и выражалось недовольство тем, что при Галдане находятся русские люди. Автор письма просил срочно сообщить, достоверны ли слухи о союзе России с Галданом. В своем ответе от 24 января 1692 г. Скрыпицын подтверждал, что Галдан действительно выступал с предложением совместных действий против халхасов, но его просьбы были отклонены [38].

Долоннорский сейм 1691 г.

Весной 1691 г. Кан-си в торжественной обстановке провозгласил включение Халха-Монголии в состав маньчжурской империи. По его повелению в окрестности Долоннора в апреле этого года съехались все халхаские князья во главе с Тушету-ханом и Ундур-гэгэном, а также владетельные князья Южной Монголии. Сюда же в конце апреля прибыл сам Кан-си в сопровождении целой армии.

Монгольский летописец рассказывает, как в дни Долоннорского съезда халхаские ханы и князья по очереди входили в парадную палатку Кан-си для того, чтобы глава церкви Ундур-гэгэн представил их императору маньчжуров, ставшему отныне их повелителем. Здесь же халхаские феодалы получали высочайшее утверждение в своих званиях и должностях; это положило начало новому порядку, согласно которому введение во владетельные права становилось прерогативой маньчжурского императора. Традиционное монгольское право, по которому старший сын наследовал владетельные права и привилегии, признавалось, таким образом, недостаточным и требовало в каждом отдельном случае санкции маньчжурского императора.

Одновременно с утверждением в правах и званиях Кан-си жаловал халхаских феодалов новыми, маньчжурскими, титулами, отменив при этом ряд старинных монгольских феодальных титулов. Так исчезли титулы джинонгов и нойонов, уступив место маньчжурскому табелю о рангах, включавших шесть княжеских и четыре дворянские степени. Кан-си сохранил монгольский титул «хан», но его значение, как мы увидим ниже, стало совершенно иным. Ундур-гэгэн был официально провозглашен главой ламаистской церкви в Монголии. Летописец пишет, что его «возвели в достоинство великого ламы и дали ему в управление желтую веру» [39].

После окончания церемонии раздачи титулов Кан-си устроил грандиозный смотр своей армии, который должен был продемонстрировать новым подданным могущество маньчжуров. Торжества завершились пиршествами, всевозможными зрелищами и состязаниями. Так был подготовлен переход халхасских феодалов в маньчжурское подданство, пышно отпразднованный маньчжурской династией.

Положение народных масс и классовая борьба в Халхе

Однако если халхаские ханы и князья признали власть маньчжуров и примирились с потерей независимости, то народные массы Халхи пошли другим путем. Капитуляция халхаских феодалов перед маньчжурскими завоевателями положила начало длительному периоду антиманьчжурской освободительной

[36] Там же, л. 136.

[37] Цеван-Рабдан, сын Сенге, в 1678 г. откочевал от своего дяди Галдан-хана. Причиной их ссоры явилось, видимо, убийство Галданом родного брата Цеван-Рабдана. Опасаясь за собственную жизнь, Цеван-Рабдан бежал в район Турфана.

[38] ЦГАДА, ф. Нерчинской приказной избы, стлб. 270, д. 36, л. 93—99.

[39] *А. М. Позднеев.* Монгольская летопись..., стр. 79.

борьбы монгольского народа, сочетавшейся с вспышками классовой борьбы против своих феодалов.

Данные источников весьма скупо освещают ход этого движения. Специфические особенности Монголии, разобщенность ее населения, кочевавшего мелкими группами по огромной территории, темнота и забитость народных масс, тлетворное влияние ламаистской идеологии — все это не могло не отразиться на характере народной борьбы, облегчая феодалам и маньчжурским властям расправу над восставшим народом. Бегство халхаских феодалов от ойратского хана Галдана под защиту маньчжурских властей повело к развалу феодальной государственности, временной дезорганизации феодального аппарата власти, в результате чего значительная часть крестьянства на какое-то время оказалась фактически освобожденной от феодального гнета. В дальнейшем феодалы стали добиваться возвращения крестьян их «законным» владельцам. Однако крестьяне отказывались подчиняться. «Причины для этих отказов от переселений были чрезвычайно разнообразны, — в свое время писал А. Позднеев. — Одни восставали против призывавших их нойонов потому, что находили вновь занятые ими места гораздо более богатыми и обильными для пастбищ, чем их родовые кочевья; другие, смотря безразлично на кочевья, почитали гибельной и изнурительной для своего скота самую перекочевку, как дальнее и утомительное передвижение; третьи не хотели подчиняться власти старых и еще прежде изнурявших их правителей; четвертые, наконец, были рады, что избавились от своих беспокойных соседей, на соединение с которыми теперь вновь приглашали их нойоны» [40].

Уже летом 1689 г., вскоре после Ологойской битвы, началось бегство крестьян из Халхи в пределы России [41]. В 1691 г. произошло восстание крестьян против халхаского князя Шу-вана. Восстали «воровские люди, мунгальские небольшие люди, да бушухтухановых беглых людей человеков с триста, а всех их ста с четыре... Многие-де пешие и на быках» [42]. Повсеместно в Монголии кочевали «небольшие люди», бывшие крепостные владетельных князей, ушедшие от своих господ. Монгольский лама Дамба рассказывал, что у слияния рек Орхона и Селенги к нему подъехали «небольшие люди, а сказываются-де бушухтухановы, а про бушухтухана-де сказывают, что пошел-де со всеми своими войсками в свою землю». Через несколько дней Дамба на р. Джиде нашел «небольших же людей, луков с 20, а называются, — мы-де люди Катан Батуровы, а идем-де на

[40] *А. М. Позднеев.* Монгольская летопись..., стр. 269.
[41] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 164, д. 135, л. 124, 125.
[42] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 256, д. 213, л. 7.

Джиду реку, а Катан-Батур, сказывают, стоит-де на Керулене» [43].

В 1696 г. в Нерчинск бежал халхаский князь Шандук-гун, у которого было около 700 крепостных, а прибыло с ним всего 60 человек. Остальные отбили от него рогатый скот и лошадей и остались в степи. Шандук-гун просил в Нерчинске, чтоб послать на этих людей русских воинов [44]. Владетельный князь Шибтуй-Хатан-Батур в течение пяти лет вел настоящую войну с своими бывшими крепостными, добиваясь возвращения их в свое владение [45].

Указанные здесь факты были не единичными. Они лишь в малой степени отражают борьбу монгольского крестьянства против ханов и князей, отдавших страну в руки иноземных завоевателей. Вспышки классовой борьбы отмечались и в войсках Галдан-хана. Один из ойратских воинов, перебежавший с женой в Селенгинск в мае 1691 г., сообщая о тяжелом положении армии Галдан-хана, испытывавшей острый недостаток скота, сказал, что «скотные люди бесскотных разметали по степи для того, что учинилось у них между собой много грабежу и разорения» [46].

Поражение Галдан-хана и его смерть

Галдан-хан, несмотря на понесенное поражение, не сложил оружия и готовился к продолжению борьбы.

Осенью 1691 г. из Тобольска к Галдану в долину р. Кобдо прибыл в качестве посла Матвей Юдин для переговоров по ряду местных пограничных вопросов. В ходе переговоров Галдан неоднократно подчеркивал свое желание заключить союз с Россией для совместных действий против маньчжуров.

Одновременно с этим Галдан-хан в 1692 г. разослал секретные послания владетельным князьям Внутренней Монголии, предлагая им объединиться для общей борьбы против маньчжурских завоевателей и их монгольских союзников [47].

Не переставая добиваться союза с Русским государством и пытаясь привлечь на свою сторону князей Внутренней Монголии, Галдан-хан в то же время настойчиво предлагал мир Пекину. В 1693 г. он отправил в Пекин посольство, но его послы там были казнены. Новое посольство Галдан-хана, прибывшее к маньчжурам в 1695 г., не было даже допущено в Пекин. Бы-

[43] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 256, д. 213, л. 26.
[44] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 453, д. 377, л. 16.
[45] См. *А. М. Позднеев.* Монгольская летопись..., стр. 270.
[46] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 257, д. 213, л. 81.
[47] См. *Н. Я. Бичурин* (Иакинф). Историческое обозрение ойратов, стр. 78

ло очевидно, что пекинское правительство не желает мира с Галданом и готовит новую войну. Бичурин с полным основанием говорил, что маньчжурский двор, «почитая Халху оплотом Южной Монголии с севера, думал, что если оставить сию страну в пользу Галдана, то северные пределы собственных его владений могут подвергнуться опасности» [48].

Разгром Галдана и завоевание Ойратского ханства стали ближайшей задачей маньчжурских правителей, для осуществления которой Кан-си вновь пытался использовать обосновавшегося в Тарбагатае Цеван-Рабдана. Летом 1695 г. Кан-си предложил Цеван-Рабдану, чтобы тот организовал нападение на Галдана и доставил его в Пекин живым или мертвым. Неизвестно, какой ответ дал императору Цеван-Рабдан, однако никаких столкновений между ним и Галданом в этот период не произошло.

Осенью 1695 г. Галдан-хан оставил район р. Кобдо и расположился между реками Толой и Керуленом. Там он развернул активную деятельность по новой мобилизации сил для продолжения антиманьчжурской борьбы. В это же время он отправил в Россию своего представителя Серен-Даши [49], который в январе 1696 г. прибыл в Иркутск. Он старался выяснить местопребывание халхаских князей, перешедших в русское подданство, и просил разрешения посетить их. Посол сообщил, что его хан, собравшись с силами, выступил в новый поход против халхасских князей. Иркутский воевода Савелов в марте 1696 г. отправил к Галдану своего представителя Максима Посельского, поручив ему убедить Галдана в случае войны с халхаскими феодалами не переходить русскую границу. Галдан выразил Посельскому свое недовольство тем, что русские отдали маньчжурам Албазин [50].

К концу весны 1696 г. Кан-си закончил подготовку к решающему наступлению на Галдан-хана.

20 июля 1696 г. в окрестностях Урги произошло сражение, решившее судьбу Галдан-хана. Его войска не смогли устоять против многочисленной, оснащенной артиллерией армии маньчжурского императора, с трех сторон окружившей его лагерь. Галдан потерпел поражение, потеряв несколько тысяч убитыми и пленными. Однако маньчжурские войска, несмотря на свое численное превосходство, тоже понесли значительные потери, что помешало им организовать преследование Галдана. Последний с небольшим отрядом отошел на запад, в долину р. Тамир, где созвал совет своих родичей и военачальников, среди которых царила полная растерянность.

Галдан пытался получить помощь от далай-ламы. Он отправил к нему посла, но в пути тот был схвачен и выдан маньчжурам.

Кан-си разослал по пограничным с Халха-Монголией районам строгие указы захватить Галдана живым и доставить его в Пекин.

В начале 1697 г. в районе Хами был взят в плен сын Галдана, Цебден-Бальчжир, которого отправили в Пекин. Там по приказу Кан-си его в клетке возили по улицам города.

В апреле 1697 г. двоюродный брат Галдана, Дандзин-нойон, сообщил командующему маньчжурской армией, что Галдан-хан принял яд и умер.

Кан-си, получив это донесение, приказал доставить ему голову Галдана, когда же выяснилось, что труп ойратского хана предан сожжению, он повелел привезти в Пекин его прах.

Так закончилась многолетняя борьба ойратского хана Галдана, пытавшегося объединить под своей властью всю Монголию и отстоять ее независимость от маньчжурских завоевателей.

«Галдан-бошохту, образованный в Лхасе для духовного звания, известен остался в истории как просвещенный государь и законодатель. Он пополнил Степное уложение (законы 1640 г.— *И. З.*), изданное отцом его Батором-Хон-тайцзи, составил новую систему феодального разделения земель, которым нарочито ограничил и власть и силу прочих трех ханов ойратства, и первый, сколь известно, в Монголии начал отливать медную монету» [51], — так писал о Галдан-хане Н. Бичурин.

Поражение Галдан-хана имело своим первым результатом упрочение маньчжурского господства в Халха-Монголии, которая на два с лишним столетия превратилась в одну из колониальных окраин империи маньчжуров.

---

[48] См. *Н. Я. Бичурин* (Иакинф). Историческое обозрение ойратов, стр. 79.

[49] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 453, д. 377, л. 1, 2.

[50] Там же, л. 75.

[51] *Н. Я. Бичурин* (Иакинф). Историческое обозрение ойратов..., стр. 88—89

Глава третья

УКРЕПЛЕНИЕ МАНЬЧЖУРСКОГО ГОСПОДСТВА В ХАЛХЕ. ОЙРАТСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В 1688—1691 гг. ханства и княжества Халха-Монголии перестали существовать как независимые государства. Формально и фактически они стали частью империи маньчжуров. Долоннорский съезд 1691 г. юридически оформил подчинение Халхи власти маньчжуров, а также заложил основы маньчжурской системы управления Монголией, сохранившейся почти без изменений вплоть до народной революции 1921 г.

Маньчжурские реформы в Халха-Монголии

До 1655 г. в Халхе существовало семь княжеств, объединенных в три ханства. Каждое княжество казалось маньчжурам слишком крупным, а потому опасным. Они стремились ослабить ханства и княжества Халхи, ликвидировать самую возможность сколько-нибудь серьезного сопротивления маньчжурскому господству. Так возник курс на раздробление Халхи, на образование возможно большего числа мелких, карликовых феодальных владений, не связанных между собой, целиком зависящих от милостей маньчжурского дома, лишенных всякой возможности к сопротивлению. В период с 1655 по 1686 г. число княжеств возросло до 14. В дни Долоннорского съезда Халха подверглась дальнейшему дроблению: в ней стало уже 34 княжества[1]. В конце XVIII в. в Халхе (вместе с округом Кобдо) было 105 княжеств, т. е. в 13 раз больше, чем в 1655 г. Соответственно этому уменьшились средние размеры феодальных владений Халхи.

[1] По данным китайских источников, в Долонноре было образовано 37 владений.

Стараясь уничтожить связи между монгольскими феодалами, маньчжурские правители лишили халхаских ханов власти над владетельными князьями, находившимися ранее в вассальной от них зависимости. Все правители княжеств в Халхе стали подчиняться непосредственно маньчжурскому императору, а ханы Халхи встали в один ряд с прочими правителями княжеств, пользуясь одинаковыми с ними правами и привилегиями. Титул хана потерял свое былое значение и реальное содержание. Император имел право не только утверждать, но и лишать монгольских феодалов их должностей и званий. Известно много фактов использования маньчжурскими императорами этого права. Первый такой случай имел место в 1701 г., когда по указу Кан-си был лишен звания князя первой степени и отстранен от должности один из членов семьи Тушету-хана Дондоб-Дорджи.

В дни Долоннорского съезда Кан-си приложил немало усилий, чтобы внушить феодалам, что они находятся на положении не союзников, а подданных. Вскоре после съезда Кан-си получил возможность на деле показать халхаским феодалам различие между подданными и союзниками. В 1695 г. халхаский князь Хайду, не желая подчиняться маньчжурской власти, бежал в Россию, но был передан русскими властями в руки маньчжуров. По повелению Кан-си Хайду и его дети были казнены[2]. Из этого урока халхаские ханы и князья должны были сделать вывод, что их былая самостоятельность отошла в прошлое и что отныне всякая попытка самостоятельных внешних сношений будет рассматриваться как государственное преступление.

Кан-си ограничил также судебную компетенцию владетельных князей. Указом 1719 г. князья были лишены права выносить и приводить в исполнение смертные приговоры без санкции императора маньчжуров.

Кан-си и его преемники осуществили ряд мероприятий, существенно изменивших положение халхаских беспоместных дворян — тайджи, к которым принадлежали младшие сыновья владетельных князей. В доманьчжурские времена тайджи обычно занимали места военачальников и высших чиновников феодального государственного аппарата. Со времени утверждения в Халхе ламаизма перед тайджи открылось широкое поле деятельности в качестве высших чинов церковной иерархии. Маньчжурские правители разделили тайджи на четыре группы по степени знатности и по заслугам перед династией, причем каждой из этих групп были присвоены особые права и привилегии. Им были пожалованы крепостные из крестьян, принад-

[2] См. *А. Леонтьев*. Уведомление о бывшей с 1677 по 1689 г. войне..., стр. 42.

лежавших старым владетельным князьям. Образование новой значительной группы владетельных князей из среды беспоместной халхаской аристократии должно было способствовать укреплению маньчжурских позиций. Эти князья, получившие из рук маньчжуров землю и власть, противопоставлялись старой феодальной знати.

В 1692 г. маньчжуры разделили Халху на три аймака, по числу бывших ханств, назвав их по китайской традиции «дорогами». Так, аймак Тушету-хана стал именоваться «Северной дорогой», аймак Цецен-хана — «Восточной дорогой», а аймак Дзасакту-хана — «Западной дорогой». Владетельные князья каждой из этих «дорог» должны были раз в три года собираться на сеймы для рассмотрения текущих дел. Сеймы избирали для каждого аймака из числа князей старшину, который приступал к исполнению своих обязанностей лишь после утверждения маньчжурским императором. Таким образом, место хана, обладавшего наследственной властью, занял чиновник, подчиненный императору маньчжуров.

Кан-си распространил на Халху маньчжурскую военно-административную систему, которая к тому времени была уже введена в княжествах Внутренней Монголии. Согласно этой системе низшей военно-административной единицей признавался сомон, т. е. такое объединение крестьянских семей, которое в состоянии было выделить 150 воинов и снабдить их необходимым вооружением и снаряжением. Во главе сомона стоял сомонный дзангин (начальник). Пять-шесть сомонов объединялись в дзалан во главе с дзаланным дзангином. Над сомонами и дзаланами стояли хошуны, представлявшие в одно и то же время военную единицу и феодальное владение. Хошуном управлял наследственный владетельный князь, полновластный правитель («дзасак»), совмещавший функции гражданской, судебной и военной власти.

Все мужчины в возрасте от 18 до 60 лет считались находящимися на военной службе и обязаны были по первому требованию выступить в поход за интересы маньчжурских феодалов. В каждом хошуне были учреждены особые должности заместителей хошунных князей по военным делам, на которых возлагалась ответственность за состояние хошунного войска, боевую подготовку воинов, сохранность и исправность оружия и которым непосредственно подчинялись сомонные и дзаланные дзангины. В дальнейшем, в 1724 г. маньчжуры учредили должность помощников («тусалакчи») по военным делам при старшинах аймачных сеймов, отдав в их ведение войска хошунов. Войска аймаков были подчинены верховному главнокомандующему («ихэ дзянь-дзюнь»), назначаемому из Пекина, а через него — императору маньчжуров.

Маньчжурские правители продолжали расширять бюрократический аппарат в Халхе, учреждая все новые и новые должности для управления сомонами, хошунами и аймаками. Из чиновников, занимавших эти должности, образовалась новая общественная прослойка тушимэлов.

Укреплению в Халхе маньчжурской бюрократической системы способствовал и перевод в 1719 г. всего делопроизводства на маньчжурский язык. Этому предшествовало издание в 1708 г. в Пекине маньчжурско-монгольского словаря.

Поражение Галдан-хана в 1696 г. сделало возможным возвращение халхаских феодалов в родные кочевья. Весной 1697 г. они оставили степи Внутренней Монголии и вернулись на родину. Если в 1688 г. халхаские феодалы, преследуемые Галдан-ханом, покидали Халху, еще сохраняя видимость независимых правителей, то возвращались они как покорные подданные маньчжурского императора.

Таков был результат узкоклассовой политики халхаских феодалов, толкнувшей их на путь угодничества перед завоевателями, на путь срыва соглашения 1640 г., предательства интересов Монголии.

Русско-маньчжурские отношения и Монголия

В годы войны с Галдан-ханом маньчжурские правители старательно избегали конфликтов на русско-китайских и русско-монгольских границах. Убедившись в том, что Русское государство не оказывало помощи ойратскому Галдан-хану, пекинские правители устроили торжественную встречу русскому послу Избранду Идесу, направленному в 1692 г. в Пекин для переговоров о нормализации русско-китайской торговли. Требования русской стороны были удовлетворены правительством маньчжуров, которое на этот раз примирилось даже с тем, что в тексте русской грамоты, врученной Идесом, титул императора маньчжуров стоял на втором месте, после титула русского царя. В прошлом подобные нарушения китайского этикета не раз служили маньчжурским правителям поводом для прекращения переговоров.

В результате договоренности, достигнутой миссией Идеса, началось регулярное движение русских казенных караванов в Пекин. Первый такой караван пересек границу в районе Нерчинска в 1696 г.; в дальнейшем караваны шли в Пекин из Селенгинска через Халху.

2 марта 1697 г. из Халхи в Селенгинск приехали послы, сообщившие, что некоторые князья уже вернулись на родину и кочуют в долине р. Селенги, но что Ундур-гэгэн, Тушету-хан и

Батур-хунтайджи еще продолжают оставаться в районе Великой стены [3]. 21 марта в Селенгинск прибыло новое посольство от владетельных князей, вернувшихся в Монголию. Послы сообщили, что им поручено передать русским властям письмо маньчжурского императора «с добрыми переговорами», т. е. с предложением поддерживать мир и дружбу [4].

Обстановка в пограничных районах России с Халха-Монголией в 90-х годах XVII в. была довольно напряженной. Анархия, воцарившаяся в Халхе в связи с событиями 1688 г., хозяйственная разруха и голод привели к увеличению числа пограничных инцидентов. Участились набеги на русские и бурятские селения, сопровождавшиеся угоном скота, а иногда и кровопролитием. Русские и бурятские поселенцы, пытаясь наказать грабителей и вернуть угнанный скот, совершали ответные нападения на монгольские кочевья. Значительные осложнения вызывали также вопросы, связанные с перебежчиками, которые проникали из Халхи в русские пределы и принимали затем русское подданство. Часто они вновь возвращались в Халху, обычно с угнанным скотом и награбленным имуществом местного населения. Русские власти, считая таких перебежчиков изменниками, добивались их выдачи и наказания. Таким образом, ко времени возвращения ханов и князей в Халху у обеих сторон накопилось немало взаимных претензий. Стремясь урегулировать пограничные инциденты, маньчжурский император направил русским властям упомянутое выше письмо с предложением «добрых переговоров».

Петр I с первых лет самостоятельного царствования уделял большое внимание Дальнему Востоку и дальневосточной политике Русского государства. 18 июня 1700 г. Петр приказал отобрать двух-трех «добрых» иноков для обучения их монгольскому и китайскому языкам. Он требовал от местных сибирских властей неукоснительного соблюдения Нерчинского договора, невмешательства в монголо-маньчжурскую борьбу, сохранения добрососедских отношений как с Китаем, так и с монгольскими ханствами и княжествами. В то же время русское правительство не упускало случая присоединить к России новые территории, если это могло быть достигнуто без войны.

Руководствуясь указаниями Петра, местные власти Сибири стремились к развитию мирной торговли с соседями. Как и раньше, в торговле с Монголией было весьма заинтересовано русское население пограничной полосы, а также многих более отдаленных районов. Этим объясняется поощрительная политика, проводившаяся русскими властями как в отношении китайских, так и монгольских купцов.

[3] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 704, л. 15, 16.
[4] Там же, л. 32, 33.

17 июня 1697 г. Сибирский приказ писал Иркутскому воеводе, что «мунгальские новые выходцы, тайши и зайсаны, с улусными людьми и иные ясачные и неясачные иноземцы живут и кочуют промеж Байкала озера и Даурских и около иных острогов, и к ним велено им держать бережение и привет, и того смотреть, чтоб им от прикащиков и от ратных людей никаких обид, и налог, и разорения, и грабежу никакого отнюдь не было, и задоров бы с ними, и с китайскими, и с мунгальскими, и с калмыцкими, и с иными никакими людьми отнюдь не чинили, чтобы тем с китайским государством, и с калмыки, и с мунгалы ссоры не учинить, а новоподданных мунгальских тайшей и зайсанов с улусными их людьми, и ясачных и неясачных иноземцев от нашей государской милости не отогнать и в ясачном сборе недобору не учинить» [5]. Указания подобного рода повторялись неоднократно.

В 1699 г. в Халху прибыла из Пекина группа маньчжурских сановников для дальнейшего укрепления «порядка» в стране. Иркутский воевода решил выслать к ним специальных представителей для переговоров по ряду спорных вопросов.

Пекинские чиновники приняли русских послов в своей ставке на р. Орхон близ устья р. Тола. Выслушав их, они отклонили требование русской стороны о привлечении к ответственности виновных в набегах и возвращении скота и другого имущества, похищенного нападавшими у жителей русских и бурятских селений России. Свой отказ они мотивировали тем, что не имеют от маньчжурского императора полномочий на рассмотрение этих вопросов, ибо присланы в Халху «к мунгальским людям, для многих их, мунгальских, расправных дел промеж ними, мунгальскими людьми, по их челобитию» [6].

Не добившись от маньчжурских сановников удовлетворительного решения затронутых вопросов, иркутский воевода предпринял попытку договориться непосредственно с местными князьями.

В марте 1699 г. он отправил к халхаскому князю Эрдени-хунтайджи [7] своих послов с наказом требовать от князя прекращения набегов и возврата угнанного скота. За это воевода гарантировал княжеским людям возможность беспрепятственной торговли в России. Эрдени-хунтайджи послы уже не застали в живых и переговоры вели с вдовой князя и с зай-

[5] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 475, д. 394, л. 7, 8.
[6] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 514, д. 201, л. 146.
[7] Эрдени-хунтайджи — он же «Дайчин-хунтайджи» и «Дайчи Контазей» в русских исторических актах.

сангом Сербе. Вдова и зайсанг Сербе отклонили все претензии русских, сняв с себя ответственность за набеги и грабежи. Они ссылались на смутное время, связанное с ойратским вторжением в Халху, и на появление в стране большого числа никому не подчинявшихся беглых людей. Однако вдова сообщила, что в августе 1689 г. из Пекина от богдыхана на имя малолетнего сына Эрдени-хунтайджи был прислан вместе с золотой печатью (знаком инвеституры) указ, требовавший поддержания мирных отношений с русскими. В мае 1699 г. послы вернулись в Иркутск. На обратном пути они были очевидцами энергичных мер, принимавшихся вдовствующей княгиней и Сербе к пресечению набегов в русские пределы [8]. В своем докладе послы отметили, что монгольское население повсеместно встречало их с лаской.

В мае же иркутский воевода отправил к наследнику Эрдени-хунтайджи посла Ивана Михалева для продолжения переговоров. Через три месяца Михалев вернулся и доложил, что выполнить поручение ему не удалось, так как к малолетнему наследнику Дайчин-хунтайджи его не допустили. Сербе же отбыл на съезд халхаских князей, созванный маньчжурскими сановниками [9].

Подготовка маньчжуро-ойратской войны 1715 г.

Маньчжурские завоеватели отнюдь не отказались от мысли подчинить Джунгарию. Напротив, теперь, после того как было покончено с независимостью Халхи, завоевание Джунгарии стало одной из главных задач политики маньчжуров. Политический и хозяйственный развал в Халхе явился, видимо, одной из причин того, что в 1696 г. Кан-си, разгромив армию Галдан-хана, отказался от немедленного вторжения в Джунгарию. Известную роль в этом решении сыграло и то, что маньчжурские правители боялись вмешательства Русского государства в монгольские дела.

Началась длительная подготовка к борьбе против Ойратского государства. Наведение «порядка» в Халхе было одним из важнейших мероприятий этой подготовки. Съезд халхаских князей, созванный в 1699 г. маньчжурскими правителями, служит свидетельством усиленной деятельности завоевателей в этом направлении.

Важнейшим военно-административным мероприятием маньчжуров в 1699 г. явилось территориальное размежевание феодальных владений Халхи и уточнение хошунных границ. Усиленное дробление Халхи маньчжурами привело к обострению пограничных споров между хошунами, к конфликтам, в которых после овладения Халхой маньчжурская династия не была заинтересована.

Весной 1700 г. в Халху на родные кочевья вернулись из-под Великой стены последние халхаские князья во главе с Ундур-гэгэном и Тушету-ханом. В это же время из Пекина в Халху прибыла новая группа маньчжурских сановников, чтобы продолжить наведение «порядка», в частности, «указать, которому тайше кого ведать и в которых местах кочевать и заказ учинить крепкий, чтобы в сторону царского величества и окраинные города мунгальские люди не ходили» [10] во избежание строгого наказания. В результате деятельности этих сановников была проведена значительная перегруппировка владений халхаских князей, связанная с появлением большого числа новых владетельных князей. Так, очевидцы рассказывали, что феодалы, кочевавшие с подвластным им населением и стадами в верховьях р. Онон, по повелению маньчжурских сановников были выведены оттуда и направлены в назначенные каждому районы к западу от этой реки.

Готовясь к войне, Кан-си продолжал уделять большое внимание ламаистской церкви в Халхе, которая в условиях крайней раздробленности страны представляла собой единственную организованную силу. Он систематически подкупал высшее духовенство, щедро награждая его представителей титулами и почетными званиями, отпуская средства на строительство и украшение монастырей, содействуя укреплению положения духовных феодалов и т. п.

Возвращение из Китая в Халху главы ламаистской церкви, прибывшего в сопровождении большой свиты, в которую входили даже два маньчжурских царевича, вызвало массовое паломничество монгольской знати в район Урги, ставшей основной резиденцией Ундур-гэгэна. Источники сообщают, что «которые тайши под его, китайским богдыхановым подданством, все собравшись с женами и с детьми, поехали на поклон, и юрты де их повезли, и всякий скот,—коней, и рогатого скота, и баранов погнали множество. А с тайшей и с улусных-де их людей со всякого их скота, и с коней, и с рогатых, и с баранов для поклону брано от 9 скотин десятая скотина, и с верблюдов также» [11].

На княжеских съездах, начиная с 1709 г. обсуждались и утверждались при участии представителей пекинского прави-

[8] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 542, д. 444, л. 1—28.
[9] Там же, л. 44.
[10] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 551, д. 460, л. 28.
[11] ЦГАДА, ф. 1121, стлб. 718, д. 487, л. 100.

тельства нормы гражданского и уголовного права. Свод этих норм получил название «Халха-Джирум». Центральное место в «Халха-Джируме» отведено законодательному оформлению прав и привилегий класса феодалов, фиксированию повинностей крестьянства. Большое внимание свод уделяет укреплению положения ламаистской церкви и определению прав высшего духовенства.

Первый глава ламаистской церкви в Монголии умер в начале 1724 г. Выдвижение нового богдо-гэгэна вызвало серьезные разногласия среди халхаских феодалов. В конце концов выбор опять пал на дом Тушету-хана — главой церкви в Монголии был провозглашен один из членов семьи этого хана.

22 июня 1729 г. состоялась церемония возведения на кафедру второго богдо-гэгэна. Очевидцы свидетельствуют, что для участия в торжествах по этому поводу в Ургу прибыло более 25 тыс. лам и свыше 100 тыс. крестьян [12].

Маньчжурские правители уделили также большое внимание мероприятиям, направленным на непосредственную военную подготовку Халхи. В 1696 г. маньчжурские чиновники провели учет конского поголовья Халхи: на всех лошадей, годных для армии, были наложены маньчжурские клейма, а владельцы этих лошадей были лишены права продавать или убивать их.

В 1699 г. маньчжурские власти впервые стали призывать на военную службу халхаских ополченцев для отправки их на ойратскую границу, в район р. Кобдо, где уже была сосредоточена внушительная маньчжурская армия — 60 тыс. человек. Летом следующего года в Халхе собрали из всех княжеств около 10 тыс. воинов и послали их на запад в подкрепление маньчжурским войскам.

Важное военное и политическое значение в предстоящей борьбе против Джунгарского ханства имело подчинение маньчжурам Хамийского княжества [13], правитель которого Абдуллах способствовал поимке и отправке в Пекин сына Галдан-хана Цебден-Бальчжира.

Придавая большое значение Хамийскому плацдарму, маньчжурские власти приняли меры к укреплению своих позиций в монгольских владениях Кукунора, территория которого прилегала к Хами с востока. В 1698 г. по указанию Кан-си в Кукуноре состоялся съезд, на котором должны были присутствовать даже малолетние сыновья князей. На этом съезде все участники получили утверждение в своих правах и привилегиях, а также им были пожалованы различные маньчжурские титулы. Сын Гуши-хана, Даши-Батур, уже до этого снискавший расположение завоевателей своим враждебным отношением к ойратскому Галдан-хану, получил в жены дочь Кан-си, титулы князя первой степени и царского зятя («хошо-эфу»). Фактически он стал правителем Кукунора. Еще через пять лет, в 1703 г., все князья Кукунора были приведены к присяге на верность маньчжурской династии. Им было положено определенное жалование и установлена очередность приезда каждого из них ко двору императора.

Вскоре после этого в Кукуноре появился первый отряд маньчжурских войск.

В эти же годы маньчжурские правители стали усиленно добиваться заключения военного союза с волжскими торгоутами (калмыками, как их именовали в России).

В ноябре 1712 г. сибирский губернатор князь Гагарин докладывал сенату о прибытии на русско-монгольскую границу маньчжурского посольства. Официальной целью его было продолжение переговоров с Аюка-ханом о судьбе его родственника Арабджура, ехавшего с Волги в Тибет и задержанного в Пекине.

Русские власти понимали, что маньчжурское правительство придает большое значение этим переговорам. Ранее из Китая за границу не выезжало ни одно официальное посольство, и решение Кан-си нарушить вековые традиции, отправив официальное представительство к торгоутскому хану Аюке, диктовалось соображениями чрезвычайной важности. Вопрос об этом посольстве 26 ноября 1712 г. обсуждался правительствующим сенатом России, который разрешил пекинским послам проезд на Волгу, к Аюка-хану [14]. Правительство России было осведомлено, что они имеют задание склонить Аюка-хана к военному союзу с маньчжурской династией для совместного нападения на Ойратское ханство. Учитывая, что заключение такого союза противоречило интересам России, сенат принял меры, чтобы не допустить вмешательства Аюки в маньчжурско-ойратскую войну [15]. В августе 1713 г. пекинское посольство проехало через Тобольск, направляясь на Волгу, откуда вскоре вернулось, не достигнув цели.

[12] ЦГАДА, ф. 199, портфели Миллера, д. 11, «О кутухте ламе».

[13] Хамийское княжество располагалось вдоль старинной караванной дороги, издревле связывавшей Китай со странами ближнего и дальнего Запада; владея им, маньчжуры приобретали важнейший опорный пункт для дальнейшего продвижения на запад и юг, в глубь Восточного Туркестана и Ойратского ханства.

[14] См. «Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого», т. II, кн. 2. СПб., 1883, стр. 353, док. № 893.

[15] Там же.

Ойратское ханство в начале XVIII в.

В то время как в других частях Монголии маньчжурам удалось взять власть в свои руки, Джунгария продолжала оставаться самостоятельной. Верховная власть в Ойратском ханстве после смерти Галдана перешла к его племяннику Цеван-Рабдану, сыну Сенге. Данные использованных источников не дают возможности установить точно дату и обстоятельства его воцарения. Известно лишь, что в 1698 г. Цеван-Рабдан отправил к Кан-си посла с письмом, в котором сообщал, что ведет войну с казахским ханом Тауке, совершившим нападение на караван, с которым ехала невеста Цеван-Рабдана, дочь правителя Волжских калмыков Аюка-хана.

Следует отметить, что военные неудачи и смерть Галдан-хана развязали руки многим подчиненным ему князьям. В связи с этим в Южной Сибири, в районах, смежных с ойратскими владениями, участились случаи нападения на русские селения, сопровождавшиеся разграблением имущества поселенцев и другими бесчинствами. Дипломатические меры, принимавшиеся русскими властями к предотвращению подобных набегов, не приносили в эти смутные годы успеха. Малоэффективными были и вооруженные экспедиции, время от времени организовывавшиеся властями Тобольска, Красноярска и других западносибирских городов. По указу Петра I местные власти Сибири стали вооружать все русское население приграничной полосы.

В 1700 г. Цеван-Рабдан отправил в Москву свое первое посольство, которое в январе 1701 г. выехало из Тобольска. 10 января 1703 г. это посольство вернулось из Москвы в Тобольск, откуда «с честью», согласно указанию русского царя, было препровождено до границы.

В июле 1700 г. тобольский воевода вновь послал к Цеван-Рабдану представителя с требованием принять меры против набегов на русские селения. Решительными мерами хан добился прекращения своеволия подчиненных ему князей, что положило конец их набегам на территорию России.

Существенное значение в укреплении власти Цеван-Рабдана имели его связи с торгоутами на Волге. В 1701 г. в семье Аюка-хана начались раздоры, в результате которых один из его сыновей, Санжиб, покинул берега Волги и откочевал в Джунгарию к Цеван-Рабдану, уведя с собой 15—20 тыс. подвластных ему аратских семей.

Цеван-Рабдан избегал в эти годы всего, что могло бы осложнить взаимоотношения с маньчжурскими правителями Китая, а также с Русским государством. Маньчжурские же власти в первые годы его правления не проявляли открыто своей враждебности к Ойратскому ханству.

Вначале Кан-си надеялся, что ему удастся подкупить Цеван-Рабдана и таким путем подчинить его себе. Кан-си дважды — в 1702 и 1703 гг. — отправлял посла Боочжу к Цеван-Рабдану. Боочжу убеждал Цеван-Рабдана признать власть маньчжурской династии и объявить себя вассалом императора маньчжуров. Он приводил Цеван-Рабдану в пример далай-ламу и наследников Гуши-хана, которые склонились перед маньчжурской властью, а теперь, «управляя своими народами, мирно проживают в своих кочевьях, сохраняя свои достоинства правителей. „Неужели же они хуже тебя?"—спрашивал Боочжу»[16].

Цеван-Рабдан, однако, отклонил все маньчжурские посулы. Он продолжал вести самостоятельную политику, укрепляя ханство и свою власть. Это делало неизбежным возобновление войны между маньчжурами и Ойратским ханством, не желавшим подчиняться чужеземному господству и отстаивавшим свою независимость.

Готовясь к войне, обе стороны стремились обеспечить себе поддержку Тибета, религиозное влияние которого во всех частях Монголии было чрезвычайно велико. Понимая, какую неоценимую помощь может оказать ей ламаистская церковь в борьбе за окончательное овладение Монголией, маньчжурская династия приложила много усилий, чтобы далай-ламами становились послушные ей люди. Поражение и гибель Галдан-хана облегчали решение этой задачи.

Цеван-Рабдан начал свою активную внешнеполитическую деятельность также с борьбы за Тибет.

После того как кукунорские князья отказались пропустить через свои владения ойратские войска, Цеван-Рабдан в 1706 г. направил шеститысячный отряд во главе с Церен-Дондобом в горы Куэнь-Луня. Преодолев труднопроходимые перевалы, ойраты проникли в Тибет. Князья, высшее духовенство и население Тибета не оказали им сопротивления и признали себя подданными Цеван-Рабдана. Однако власть ойратов над Тибетом длилась недолго.

Цеван-Рабдан, почувствовав себя достаточно сильным, потребовал, чтобы пекинские власти вернули Ойратскому ханству захваченные маньчжурами после гибели Галдан-хана и отданные халхаским князьям территории к западу и северу от Алтая. Правительство маньчжуров, отклонив требования Цеван-Рабдана и усилив военные приготовления на границе, выдвинуло встречные предложения, направленные к тому, чтобы ойратский правитель восстановил былую самостоятельность, права и вольности каждого ойратского владетельного князя. Та-

[16] «Записки Имп. русского географ. об-ва по отд. этнографии», т. X. вып. 1, 1882, стр. 258.

кие мероприятия, по расчету маньчжуров, помогли бы разрушить единство Ойратского ханства, взорвать его изнутри. Крепкая центральная власть, держащая в своих руках нити внутреннего управления и внешней политики, была главным препятствием, мешавшим маньчжурам овладеть Джунгарией. Цеван-Рабдан решительно отверг предложение Кан-си.

В 1715 г. началась война между Маньчжурской империей и Ойратским ханством. Попытка Кан-си овладеть районами к западу от Хами в Восточном Туркестане была отбита ойратами, нанесшими поражение маньчжурским войскам; армия Цеван-Рабдана заняла и разрушила Хами.

Русско-ойратские отношения

В это время начали ухудшаться отношения между Ойратским ханством и Россией. Начало этому ухудшению положил сам Цеван-Рабдан. Возобновив старую практику ойратских ханов, он ежегодно посылал в Барабинскую степь сборщиков дани, игнорируя то обстоятельство, что местное население уже в течение ряда десятилетий формально и фактически состояло в подданстве России. Для переговоров по этому вопросу из Тобольска летом 1713 г. к Цеван-Рабдану был послан Иван Чередов. Однако миссия Чередова успеха не имела.

Наиболее острый характер русско-ойратские отношения приняли в связи с авантюристическими планами сибирского губернатора князя Гагарина, стремившегося овладеть районом Яркенд в западной части Восточного Туркестана, где якобы имелись богатые месторождения золота. Гагарин представил Петру I проект строительства цепи укрепленных пунктов от оз. Ямышево до Яркенда. Убеждая Петра I в осуществимости своего проекта, губернатор явно недооценил то, что речь идет о территории, большей частью подвластной ойратскому хану, который к этому времени добился значительных военных и политических успехов и явно не собирался уступать эту территорию русскому царю.

22 мая 1714 г. Петр I подписал указ о назначении подполковника Бухгольца начальником экспедиции, посылаемой овладеть местами, где добывают золото [17]. В ноябре 1714 г. Бухгольц прибыл в Тобольск, где в это время находились два посла Цеван-Рабдана, которых Гагарин пытался убедить в том, что экспедиция ставит своей целью только изыскание руд и строительство укреплений по Иртышу. Летом 1715 г. Бухгольц выступил из Тобольска во главе отряда, в котором было около 3 тыс.

[17] ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 145—148.

человек. 1 октября экспедиция прибыла к оз. Ямышево, где вынуждена была зимовать. Предвидя трудности, Бухгольц в конце декабря отправил доклад царю, предупреждая о возможном сопротивлении ойратского хана. Петр I, бывший в то время в Копенгагене, ответил Бухгольцу письмом, в котором сообщал, что им уже раньше были даны Гагарину необходимые указания по вопросу об обеспечении безопасности экспедиции и что теперь ему посланы дополнительные распоряжения об этом [18].

В начале 1716 г. Бухгольц отправил к Цеван-Рабдану поручика Трубникова с письмом, в котором заверял хана ойратов, что экспедиция не несет ничего враждебного Ойратскому ханству. Однако эти заверения не успокоили Цеван-Рабдана. 9 февраля ойратское войско численностью в 10 тыс. человек под командованием двоюродного брата хана Церен-Дондоба подступило к Ямышеву. Завязались бои. После двухмесячной осады Бухгольц срыл крепостные сооружения в Ямышеве, погрузил имущество и людей на суда и отплыл по Иртышу вниз, в Тобольск.

Сибирский губернатор Гагарин, получив сведения об осаде Ямышева ойратами, 17 февраля направил сотника Василия Чередова к Цеван-Рабдану с поручением разъяснить ему, что экспедиция Бухгольца послана «для проведывания серебряных и золотых, медных и иных руд и для строения городков и чтоб он, контайша, от посланных людей царского величества никакого опасения не имел» [19]. Чередову было поручено склонить Цеван-Рабдана к принятию русского подданства, обещая ему всяческую — не исключая и военной — поддержку в борьбе против его недругов [20].

Однако ойратский хан был до такой степени недоволен действиями русских властей, что отказал Чередову в аудиенции. В течение пяти лет русского посла не отпускали в Россию.

Вслед за Чередовым Гагарин послал к Цеван-Рабдану боярского сына Маремьянинова с требованием вернуть пленных и захваченное у Бухгольца имущество. Но и посольство Маремьянинова не имело успеха. 18 декабря 1716 г. Петр I по пути в Амстердам написал письмо Цеван-Рабдану, убеждая его в мирном назначении экспедиции Бухгольца, которому он, Петр, просит не только не мешать, но, наоборот, оказать содействие. Со

[18] См. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» СПб., 1760, стр. 39, см. также «Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 2, отд. V. М., 1868. стр. 13.

[19] ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 167; см. также «Памятники сибирской истории XVIII века». СПб., 1889, стр. 517—525.

[20] См. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», стр. 53; «Памятники сибирской истории XVIII века», стр. 148.

своей стороны Петр предлагал хану ойратов помощь и разрешал ему и его подданным кочевать на землях, где будут строиться города, хотя эти земли и принадлежат к «нашему Сибирскому царству».

7 марта 1717 г. к Цеван-Рабдану с письмом царя Петра был отправлен дворянин Вельяминов, который вручил письмо повелителю ойратов в его ставке у горы Музарт (между городами Кульджа и Аксу). В ответном письме Петру Цеван-Рабдан выразил свое недовольство тем, что власти Томска, Кузнецка и Красноярска строят города на его земле и собирают ясак с его подданных. Письмо заканчивалось угрозой начать войну против России. Однако политика Ойратского хана по отношению к России вскоре изменилась.

Захват маньчжурами Хами и Турфана, готовящееся вторжение их армий в Джунгарию, неприязненные взаимоотношения с казахскими феодалами — все это тревожило Цеван-Рабдана и заставило его искать сближения с Русским государством. В 1720 г. в Петербург было отправлено посольство. Петр I охотно пошел на мирное урегулирование конфликта, связанного с экспедицией Бухгольца, и уже в начале 1721 г. издал указ о восстановлении мирных отношений и торговли с Ойратским ханством.

В сентябре 1721 г. посол Цеван-Рабдана был принят Петром I, а в начале 1722 г. из Петербурга к хану ойратов выехал русский посол капитан Унковский. Правительство России соглашалось удовлетворить просьбу Цеван-Рабдана об оказании ему военной помощи, но при условии, что он признает себя подданным русского царя.

Цеван-Рабдан колебался. Желание получить военную помощь от Русского государства боролось у него с опасениями последствий перехода в русское подданство.

Подготовка новой маньчжуро-ойратской войны

В 1717 г. маньчжурские власти восстановили Хамийскую крепость и стали продвигаться к Турфану. Заняв Турфан, они повели наступление дальше, на запад, пытаясь захватить Карашар, но потерпели поражение и вынуждены были отступить. Однако линия Хами—Турфан осталась в их руках. Было очевидно, что маньчжуры готовят большую войну против Цеван-Рабдана.

В Халхе продолжалась мобилизация. Одновременно проходила реквизиция лошадей и другого скота. Многие крупные халхаские феодалы, полностью перешедшие на сторону маньчжуров, вносили добровольные пожертвования на нужды многотысячной армии маньчжурского императора. Так, в 1716 г.

Цецен-хан отдал около 6 тыс. верблюдов, в 1719 г. Тушету-хан — около 100 тыс. овец и т. п. В конечном счете за эти щедрые дары расплачивались трудящиеся араты, на плечи которых ложилось тройное бремя поборов и повинностей в пользу монгольских феодалов, ламаистской церкви и маньчжурских завоевателей.

Готовя войну против Ойратского ханства, маньчжуры усиленно укрепляли свой тыл в Халхе.

В 1718 г. Кан-си предложил главе церкви Монголии богдо-гэгэну попытаться повлиять на Цеван-Рабдана и склонить его к капитуляции. Заведомо зная, что хан ойратов не пойдет на капитуляцию, маньчжурские правители рассчитывали таким путем натравить на него ламаистскую церковь, представить его в глазах верующих халхасов нарушителем воли священного богдо-гэгэна. Через год, в 1719 г., большая маньчжурская армия вторглась в Тибет и нанесла поражение ойратским войскам. Тибет вновь перешел в руки маньчжуров. На этот раз завоеватели решили радикально расправиться со всеми, кто враждебно относился к маньчжурам и сочувствовал власти ойратских князей. Они предали казни лам, оказывавших какое-либо содействие ойратам. Этим был нанесен сокрушительный удар антиманьчжурски настроенным элементам среди тибетцев. Пекинские власти реорганизовали аппарат управления Тибетом, подчинив его бдительному контролю маньчжурских чиновников, назначавшихся императором.

Упрочив свои позиции в Тибете, маньчжурские власти позаботились об охране коммуникаций в этой стране.

В 1720 г. маньчжуры созвали новый съезд кукунорских князей, на котором уточнили границы их владений, решили вопрос о выделении участков для организуемых в Кукуноре военно-земледельческих поселений и заставили монгольских князей принять маньчжурских чиновников в аппарат управления областью. Так была подготовлена полная ликвидация автономии местных владетельных князей.

Наряду с успехами, достигнутыми маньчжурскими завоевателями в Халхе, Кукуноре и Тибете, продолжавшаяся против Ойратского ханства война требовала исключительного напряжения сил и средств. Трудности, усугубленные отдельными военными неудачами, подсказывали маньчжурским правителям мысль о необходимости одновременного удара по ойратским силам с востока, со стороны Пекина и Халхи, и с запада, из владений Аюка-хана. Лишь такой комбинированный удар мог принести маньчжурам быструю и сравнительно легкую победу.

В 1721 г. из Пекина для подготовки коммуникаций и баз снабжения была отправлена экспедиция во главе с видными са-

новниками военного ведомства. В задачу этой экспедиции входила организация почтовых станций через каждые 30 км от г. Кукухото до ойратской границы на р. Кобдо, а также заселение их монгольскими крестьянами, на которых возлагалась обязанность обслуживать проезжающих курьеров и чиновников, предоставлять им лошадей и продовольствие. Экспедиция должна была, кроме того, создать в соответствующих местах сеть военно-земледельческих поселений. Для осуществления этого маньчжурские власти мобилизовали значительное число монгольских крестьянских семей из Внутренней Монголии. Участник экспедиции, один из маньчжурских сановников, Фань Шао-куй, в дневнике путешествия приводит множество фактов, ярко рисующих бедствия и страдания, выпавшие на долю переселенцев в пути, при переходе через Гобийскую пустыню. Некоторые записи в его дневнике свидетельствуют о том, что маньчжурам не раз приходилось принимать особые меры к подавлению недовольства и сопротивления переселенцев [21].

Одновременно с этим маньчжуры заканчивали подготовку к непосредственному вторжению в Джунгарию своих армий, которые должны были двинуться туда по трем дорогам.

Однако императору Кан-си не удалось осуществить этот тщательно разработанный план завоевания Ойратского ханства — 9 декабря 1722 г. он умер.

Преемником Кан-си стал его сын Юнь-Чжень.

Одной из первых задач, вставших перед молодым императором, было подавление восстания монголов Кукунора, начавшегося еще в 1722 г. при жизни его отца. Причиной этого восстания было недовольство местных князей установленным Кан-си режимом, который лишал их самостоятельности и подчинял присланным из Пекина чиновникам.

Кукунорская знать решила использовать недовольство народных масс, беспощадно эксплуатируемых феодалами, чтобы сбросить с себя гнет маньчжурской власти. Это движение возглавил правитель Кукунора, правнук Гуши-хана, Лубсан-Даньдзинь, который заключил тайный союз с ханом ойратов Цеван-Рабданом, рассчитывая с его помощью овладеть Тибетом и изгнать оттуда маньчжуров. Лубсан-Даньдзинь созвал съезд кукунорских князей и предложил план свержения власти маньчжуров. Однако часть князей, присутствовавших на съезде, отказалась поддержать Лубсан-Даньдзиня и призвала сохранить верность маньчжурам. Несмотря на разногласия среди феодалов, восстание началось. На помощь восставшим прибыл от

[21] См. «Дневник Фань Шао-куй'я из путешествия на Запад». «Записки Имп. русского географ. об-ва по общей географии», т. 5, 1875, стр. 168, 170, 172, 177 и др.

Цеван-Рабдана отряд воинов под командованием Цебденжаба. Маньчжурские чиновники были изгнаны из Кукунора.

Опасаясь, чтобы пламя восстания не перекинулось в Халху и другие монгольские районы, Юнь-Чжень решил действовать быстро и энергично. Он немедленно направил в Кукунор крупные маньчжурские силы и в конце 1723 г. разгромил повстанцев, захватив при этом в плен мать и сына Лубсан-Даньдзиня. Сам Лубсан-Даньдзинь бежал к Цеван-Рабдану. В 1724 г. маньчжуры окончательно подавили кукунорский мятеж и полностью восстановили свою власть. Они реорганизовали административную систему Кукунора, образовав 29 самостоятельных мелких феодальных княжеств — хошунов, подчинявшихся непосредственно маньчжурским военным и гражданским чиновникам, назначаемым из Пекина. Потомки Гуши-хана были лишены принадлежавшей им наследственной власти над Кукунором. Маньчжурские резиденты должны были ежегодно собирать подчиненных им князей и строго следить за тем, чтобы никто из них без разрешения не покидал отведенных им для кочевок мест. Маньчжуры опасались всякого скопления монголов. В 1727 г. Юнь-Чжень издал указ, по которому число лам в каждом из Кукунорских монастырей не должно было превышать 300 человек.

Хотя кукунорское восстание было подавлено, тем не менее оно имело большое влияние на положение Монголии. Для борьбы против повстанцев маньчжурские правители вынуждены были послать войска, сосредоточенные на халхаско-ойратской границе и предназначавшиеся для вторжения в Джунгарию. После вывода маньчжурских войск из Халхи была проведена новая мобилизация халхаских воинов. Их отправили на западную границу. Во главе всей халхаской армии стоял крупный феодал Даньдзинь-Дорджи, его помощниками были также халхаские князья.

Отказ правительства маньчжуров от планов немедленного нападения на Джунгарию сказался и на положении Ойратского ханства, повлияв на исход переговоров Цеван-Рабдана с представителем Петра I капитаном Унковским. Переданное послом предложение Петра о переходе Ойратского ханства в русское подданство было отклонено Цеван-Рабданом, вследствие чего остался нерешенным вопрос о военной помощи ханству со стороны Русского государства.

Так сложилось неустойчивое равновесие, характерное для Дальнего Востока и Центральной Азии во второй половине 20-х и начале 30-х годов XVIII в. Ни одна сторона не была еще достаточно сильной, чтобы навязать свою волю другой. Все сохранили свои позиции, хотя противоречия во взаимоотношениях между ними и не были разрешены.

Буринский договор 1727 г. и его последствия для Монголии

Заинтересованность России в развитии торговли с Китаем и необходимость урегулирования накопившихся спорных вопросов обусловили назначение специального посольства Саввы Владиславича, отбывшего в Китай летом 1725 г. Главной задачей Владиславича, как свидетельствует наказ, данный ему в Петербурге, было восстановление нормальной торговли с Китаем и Монголией. Коммерц-коллегия, в частности, поручила ему добиться у маньчжуров признания за русскими купцами права «как с китайцами, так и с мунгалами и с прочими тамошними народами свободный иметь торг»[22]. Ему было поручено также выяснить характер и особенности торговли с монголами: какие товары могут они предложить, в каких нуждаются сами, каковы в Монголии цены, какие меры и деньги там в ходу.

В августе 1727 г. начались длительные и трудные переговоры. Маньчжурские представители, в числе которых находился и Тушету-хан, упорно добивались признания р. Ангары государственной границей между их державой и Россией. Они требовали также выдачи им 6 тыс. перебежчиков, укрывавшихся на русской территории. Все испробованные средства давления на Владиславича вплоть до подкупа потерпели неудачу.

Стремясь помешать сближению Русского государства с Ойратским ханством, пекинские правители пошли на уступки и подписали в 1727 г. Буринский договор. Договор установил линию границы, в основном совпадающую с современной границей между СССР и Монгольской Народной Республикой. Маньчжуры согласились пропускать в Пекин один раз в три года русские караваны, число купцов в которых не должно было, однако, превышать 200 человек. Что касается перебежчиков, то было решено оставить на прежних местах тех из них, которые перешли границу до дня подписания договора, в дальнейшем же всех перебежчиков было решено высылать или предавать смертной казни.

Буринский договор, урегулировавший взаимоотношения между Россией и Маньчжурской династией, в известной мере развязывал последней руки в ее борьбе против Ойратского ханства. Предвидя серьезные трудности в предстоящей борьбе, маньчжуры стали искать союзников. В связи с этим в Пекине вновь вспомнили о волжских торгоутах, военного союза с которыми безуспешно добивался еще Кан-си. Юнь-Чжень решил повторить попытку отца.

[22] *Николай Бантыш-Каменский.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882, стр. 119.

На Волгу снарядили новое посольство. Не будучи, однако, уверенными, что правительство России разрешит непосредственные сношения с калмыкским ханством на Волге, маньчжурские власти направили миссии в Петербург, чтобы поздравить Петра II с восшествием на престол, и в Калмыкское ханство.

В январе 1731 г. первая из этих миссий прибыла в Москву. На приеме у царицы Анны Ивановны, занявшей русский престол после смерти Петра II, маньчжурские послы заявили, что их держава готовится захватить Ойратское ханство, земли которого она согласна разделить с Россией. Царица Анна ответила на это предложение весьма уклончиво, отметив, что у России своей земли достаточно, да и планы маньчжуров в отношении Ойратского ханства еще не осуществлены. Послы сообщили также, что их правительство не будет возражать против того, чтобы русские власти принимали ойратское население, которое будет переходить в русские пределы, но ойратских князей оно просит передавать в руки маньчжурских властей.

Другая группа маньчжурских послов прибыла летом на Волгу, где вела переговоры с ханом Церен-Дондуком и с другими влиятельными лицами ханства, выясняя возможности военного союза с ними. Послы пытались, в частности, натравить на хана ойратов сына Цеван-Рабдана Лубсан-Шонона, брата Галдан-Церена, откочевавшего из Джунгарии на Волгу. Они убеждали его принять маньчжурское подданство, обещая за это трон всеойратского хана. Лубсан-Шонон отклонил предложения маньчжуров.

В апреле 1731 г. в Кяхту прибыло еще одно маньчжурское посольство. Поводом для приезда этого посольства было принесение поздравлений царице Анне по случаю ее вступления на Российский престол. Посольство везло дары новой русской императрице на сумму 100 тыс. руб.[23]. Однако состав посольства указывает на истинное его назначение. В него входила группа людей, которым было поручено продолжить переговоры с правителями волжских торгоутов. Заслуживает внимания и то, что это посольство прибыло в Россию тогда, когда предыдущее еще не успело покинуть русской столицы. Нетерпение пекинских правителей объясняется их военными неудачами на ойратском фронте, нарастанием общего недовольства в Монголии, стремлением маньчжуров во что бы то ни стало добиться поддержки России. Послы были встречены в Петербурге с большой торжественностью[24]. Однако на Волгу их не пропустили на том основании, что волжские торгоуты являются подданными Рос-

[23] См. *Николай Бантыш-Каменский.* Дипломатическое собрание дел..., стр. 188.

[24] ЦГАДА, ф. Воронцовых, д. 1566, л. 15—21.

сии и поэтому не могут самостоятельно принимать специальные дипломатические миссии. Помогать маньчжурам в их войне против Ойратского ханства Россия также отказалась. В июле 1732 г. маньчжурское посольство покинуло Петербург.

В начале 1732 г. пекинское правительство переслало в Петербург три письма. В одном из них оно просило отпустить в Китай брата Галдан-Церена, Лубсан-Шонона, который якобы бедствует на Волге. В другом содержалась просьба приказать волжским торгоутам напасть на Галдан-Церена. Третье письмо было посвящено вопросу о перебежчиках. Нетерпение и нервозность пекинских правителей были так велики, что они не могли дождаться возвращения своих послов, которые в это время еще находились в Петербурге и вели там переговоры по тем же вопросам.

Русский представитель Ланг доносил в эти дни из Пекина, что маньчжурские завоеватели, «находясь ныне в неприятном положении (поелику не токмо России опасаются, но и имеют в ней нужду, ожидая себе пособия в провианте и лошадях для тяжкой их с зенгорцами войны), никакого особливого затруднения не учинят в принятии от России сильного предложения... ибо доколе зенгорцы в поле их одолевают, то они весьма не похотят с российским двором в несогласии пребывать; и потому время ныне способно учинить реку Амур по-прежнему границею» [25].

Позиция России спасла Ойратское ханство от разгрома, который был бы неминуем в случае, если бы ойратам пришлось бороться на два фронта. Правительство России отказалось поддержать маньчжурских завоевателей потому, что завоевание ими Джунгарии противоречило русским планам.

Коллегия иностранных дел 4 февраля 1731 г. предписывала иркутскому вице-губернатору поддерживать с правителями Ойратского ханства «дружеское соседство... и ласковое обхождение», ибо существование этого ханства весьма полезно Российским интересам [26].

Начало маньчжуро-ойратской войны и положение в Халхе

Крушение надежд на возможность заключения антиойратского военного союза с Россией или хотя бы с волжскими торгоутами вызвало резкое ухудшение русско-маньчжурских отношений. В этот период положение маньчжуров в Монголии было весьма затруднительным. В 1729 г. начались активные операции ойратских войск вдоль всей их границы с Маньчжурской империей. Маньчжуры ответили на это строительством ряда новых крепостей вдоль границы, усиленной мобилизацией своей армии и войск местных монгольских князей.

[25] *Николай Бантыш-Каменский.* Дипломатическое собрание дел..., стр. 199.

[26] ЦГАДА, ф. 199, портфели Миллера, д. 20, л. 9.

Маньчжурские правители превратили Халху в военный лагерь, где через каждые 40—50 км были расставлены сторожевые посты, имевшие задачей не только борьбу против возможных ойратских вторжений, но и поддержание «порядка» внутри Халхи. Поборы и повинности, связанные с содержанием войск, с перевозками военного снаряжения, продовольствия и почты, бесконечными разъездами гонцов и чиновников, мобилизация людей и реквизация скота — все это делало положение народных масс Халхи невыносимо тяжелым. Неся тяжкое бремя налогов, введенных завоевателями, араты подвергались жестокой эксплуатации со стороны «своих» феодалов, светских и церковных. Внося оброк, араты, кроме того, оплачивали их расходы, связанные с переездами и перекочевками, различными семейными событиями, обслуживали их стада и т. п. В народных массах зрело недовольство угнетателями, в первую очередь чужеземными. Оно находило выражение в самовольных откочевках, в бегстве за границу, на территорию Русского государства. Случаи перехода русской границы стали довольно частыми, и каждый раз они вызывали сильнейшее беспокойство маньчжурских властей, посылавших письма и посольства с требованием выдачи бежавших. Уже тогда русские пограничные власти доносили, что тысячи монголов хотели бы добровольно переселиться в русские пределы, но опасаются принудительной их выдачи маньчжурским властям. Вопрос о монгольских перебежчиках наряду с вопросом о русско-монгольской границе занимал все большее место в отношениях маньчжурских правителей к Русскому государству. Летом 1726 г. в Россию бежало около тысячи монголов и плененных маньчжурами ойратов. Не добившись от русских властей выдачи этих беглецов, правительство маньчжуров в 1727 г. издало указ, запрещающий русским купцам переход через р. Чикой, рассчитывая таким путем воздвигнуть непроходимый барьер между Русским государством и Монголией.

В 1730 г. вернулись в Россию 1028 семейств, бежавших в Халху за 39 лет до этого. Затем перешел границу владетельный князь Абагам Йрки-тайджи с семью сыновьями и с 1065 семействами крестьян; потом пришли еще 47 семейств. Перепись перебежчиков показала, что среди них было 2430 человек, годных к военной службе. Все они были хорошо вооружены. Русские власти, строго соблюдая условия Буринского договора, требовали, чтобы перебежчики возвратились в Халху. «И выслать их не без великого труда, — доносили местные власти, — по-

неже, хотя им о возвращении их в китайскую сторону сказывано, однакож добровольно возвратиться не хотят» [27].

Аналогичные события происходили и в других районах пограничной полосы. В феврале 1730 г. в районе Цурухайту перешли границу пять семейств, в марте — 150, потом еще 100, в июне и июле перебежки приняли массовый характер. Несмотря на вооруженное вмешательство маньчжурской пограничной охраны, в Россию бежали 2132 семьи. Перебежчики говорили, что раньше они вносили своим князьям обычную подать и несли обычные повинности, теперь же, в связи с войной против Джунгарии, на них легла непосильная тяжесть всевозможных поборов, к тому же их поголовно принуждают переселиться с семьями в пограничные с Ойратским ханством районы. В результате принятых русскими властями мер в том же году вернулись в Монголию 1443 семьи; 689 семей были высланы из пределов России принудительно.

Такое выселение русскими властями перебежчиков нередко приобретало драматический характер — их приходилось связывать и в таком виде вести на границу для передачи монгольским и маньчжурским властям, «понеже, — как гласит одно донесение, — оные по высылке их и паки было возвратились в Российскую сторону» [28].

В апреле 1732 г. в район Нерчинска прибыло со скотом и имуществом более 1500 семейств. Они объявили о своем желании навсегда остаться в России. Все попытки убедить их добровольно покинуть Россию не имели успеха. Монгольская пограничная охрана не только не помогала русской стороне принудительно вернуть перебежчиков, но не препятствовала переходу через границу новых групп беглецов.

Иркутский вице-губернатор Жолобов докладывал в Петербург, что «мунгальцы многие и едва не все... желают перейти в Империю Российскую, и ежели бы прежних две тысячи сто сорок две юрты не выслали, то по сие время перешло бы уже десять тысяч, но принимать их не можно и по указам, и по трактату с китайцами, и за безлюдством; ибо содержать некем и регулярного войска мало. А ежели бы пять полков пехотных и шестой драгунский, все бы мунгалы были под рукою ея императорского величества... И теперь непрестанно разспрашивают караульных российских: имеют ли они позволение их принимать?» [29].

---

[27] ЦГАДА, ф. 199, портфели Миллера, д. 20, л. 5.

[28] «Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1875, кн. 2, стр. 113.

[29] *Николай Бантыш-Каменский.* Дипломатическое собрание дел..., стр. 203, 204.

Переход монгольских трудящихся из Халхи в Россию продолжался в течение 1731—1736 гг. Иногда перебежчики приходили вместе со своими князьями, но чаще всего без них, что свидетельствует не только об антиманьчжурском, но в известной мере и об антифеодальном характере движения, развертывавшегося в Халхе. В 1734 г. в район Нерчинска перебежало 935 семейств во главе с двумя беспоместными халхаскими дворянами. Отказ беглецов вернуться на родину вынудил русские власти направить против них вооруженную силу. В конце сентября перебежчики были переправлены в пределы Монголии, но через две недели 540 семейств вновь перешли границу. Они были еще раз изгнаны из России и переданы трехтысячному маньчжурскому отряду, специально прибывшему на границу. Вскоре, однако, 227 семейств в третий раз перешли на русскую территорию, заявив, что предпочитают умереть здесь, но не возвращаться под маньчжурскую власть. Постепенно число перебежчиков стало уменьшаться, что в немалой степени объясняется политикой русских властей, не останавливавшихся перед крайними мерами их принудительного выселения. Лишь в 1733 г. был издан указ о запрещении применять против перебежчиков оружие.

Наступление ойратских войск. Мир 1739 г. и его последствия

В 1727 г. умер Цеван-Рабдан. Ханом ойратов стал его старший сын Галдан-Церен.

Галдан-Церен с самого начала правления проводил активную антиманьчжурскую политику, целью которой было изгнание маньчжурских завоевателей из Халхи, подчинение Халхи его власти и образование независимого северомонгольского государства. Он стал деятельно готовиться к войне.

В 1731 г. Галдан-Церен начал наступление. Ойратские войска под командованием двух полководцев, Церен-Дондоба старшего и Церен-Дондоба младшего, вторглись в Халху. Здесь они наголову разбили 20-тысячную маньчжурскую армию под командованием начальника императорской гвардии Фурданя, расположенную в районе незадолго до этого выстроенной крепости Кобдо.

В 1732 г. ойратская армия продолжала наступать на восток, в глубь Халхи, но в районе монастыря Эрдени-дзу потерпела поражение и вынуждена была отступить.

Начались переговоры о мире. Галдан-Церен требовал включения в состав Ойратского ханства территории к востоку от Алтайского хребта до Хангайских гор и верховья Енисея, предо-

ставления ойратским купцам права свободной торговли в Китае, свободного сообщения с Тибетом для паломничества и торговли. Маньчжурская сторона решительно отклонила территориальные притязания Галдан-Церена. В 1739 г. было, наконец, достигнуто соглашение, по которому границей между Ойратским государством и Халхой была признана линия Алтайских гор.

Так закончилась очередная маньчжуро-ойратская война. Ойратскому ханству не удалось осуществить планы образования северомонгольского государства, независимо от маньчжуров и подчиняющегося власти ойратского хана. Но и планы маньчжурских завоевателей, направленные к уничтожению последнего очага национальной независимости монголов — Ойратского ханства, потерпели очередной провал.

Война 1731—1739 гг. не изменила того состояния неустойчивого равновесия, которое сложилось здесь после завоевания Халхи маньчжурскими феодалами. Маньчжурские правители были вынуждены заключить мир, ибо продолжение войны было для них бесперспективным и угрожало потерей Кукунора и Халхи, волнения в которых не прекращались и могли в любой момент перерасти во всенародное восстание. Маньчжуры понимали реальную опасность стихийного движения в пользу добровольного присоединения Халхи к России, которое стало ширится в массах халхаского населения и привело к массовым перекочевкам в Россию.

Подозревая богдо-гэгэна в прорусской ориентации, пекинские власти в 1732 г. вывезли его из Халхи в район Долоннора и не выпускали оттуда, несмотря на его настойчивые просьбы. Селенгинский комендант Якоби в своих донесениях отмечал, что маньчжуры не доверяли халхасам, опасаясь их ухода в Россию и подозревая, что и богдо-гэгэн склоняется к мысли о переходе в русское подданство. «А когда б он ушел, — писал Якоби, — то из мунгальцев не только подлой народ, но и владельцы китайцам (т. е. маньчжурским завоевателям. — *И. З.*) были б ненадежны, ибо оной народ по своему закону и обычаю имеют того кутухту (богдо-гэгэна. — *И. З.*) в великом почтении» [30].

Мир 1739 г. был компромиссом, а потому не мог быть длительным. Галдан-Церен хотя и не добился полного осуществления своих планов, тем не менее чувствовал себя победителем, по доброй воле пошедшим на мир с правительством маньчжуров. Это сказывалось на взаимоотношениях Ойратского ханства с Русским государством, которые определялись, с одной стороны, торговыми связями, а с другой — ойратско-казахскими отношениями.

[30] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755, д. 1, л. 34.

В результате непрерывного роста торговли между Россией и Ойратским ханством возник вопрос о регулировании торговых отношений, о таможенном досмотре и пошлинах. Галдан-Церен добивался полного освобождения ойратских купцов от таможенного контроля и сборов. Сибирская губернская канцелярия в январе 1729 г. докладывала в Петербург, что с товаров, принадлежащих лично хану ойратов, пошлин в Сибири не берут, облагаются пошлиной лишь товары, принадлежащие ойратским купцам. Сибирские власти считали невозможным освободить купцов от пошлинных сборов, ибо иначе казне будет нанесен большой убыток, «понеже оные приезжают немалыми караванами со многим числом товаров» [31].

Пока торговля с ойратским купечеством ограничивалась меновыми операциями в Ямышево и Семипалатинске, спорные вопросы без большого труда разрешались на месте. Но с течением времени русско-ойратская торговля стала выходить за рамки местных рынков. Ойратские караваны начали появляться во многих сибирских городах. Особый интерес ойратские купцы проявляли к Ирбитской ярмарке, куда стали направлять караваны со своими товарами. Не облагаемые пошлинами, они оказывались в более выгодном положении, чем русские купцы. Сам хан играл крупную роль в торговле ойратов. Караваны с принадлежащими ему товарами посещали города Сибири, Ирбитскую ярмарку, а также города Средней Азии — Андижан, Наманган, Ташкент, Маргелан, Туркестан, Сайрам и др.

В эти годы русские купцы довольно часто отправлялись с торгами в города и кочевья Ойратского ханства; некоторые русские купцы и мастеровые постоянно проживали на территории ханства. Уроженец города Тары Иван Ушаков, проживший среди ойратов около пяти лет, в 1745 г. назвал губернатору Сибири Сухареву имена известных ему 17 русских купцов, находившихся в Ойратском ханстве, причем у некоторых из них были и русские «работные люди». Он же сообщил, что в Яркенде живут семь русских мастеровых, обслуживавших местный плавильный завод, а в ставке ойратского хана на р. Или находится русский плавильный мастер Иван Михайлов. Добываемое серебро, медь и золото мастера сдают в казну хана. По наблюдениям Ушакова, ойраты приветливо и дружелюбно относятся к русским людям, говоря, что «с российскими людьми у них все мирно и ссоры никакой не имеют, чего же для между собой и торги производят» [32].

Рост торговых связей вызывал необходимость заключить торговое соглашение с Ойратским ханством. Переговоры по

[31] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1742, д. 4, л. 43.

[32] «Сборник историко-статических сведений о Сибири и сопредельных ей странах», т. 2. вып. 1. СПб., 1875, стр. 6.

этому вопросу продолжались вплоть до смерти Галдан-Церена, последовавшей в 1745 г.

Более сложным был вопрос об ойратско-казахских отношениях. К этому времени феодальные правители основных казахских улусов, присягнувшие в 1731 г. на верность русскому царю, стали подданными Русского государства. Воспользовавшись тем, что Галдан-Церен был занят антиманьчжурской войной, казахские феодалы в 30-х годах совершили несколько нападений на ойратские улусы. В ответ на это Галдан-Церен в 1741 г. направил против казахов армию в 15—20 тыс. человек под командованием Цебден-нойона. Ойраты обрушились на Средний жуз, заставив его бежать под стены Оренбурга.

Россия выступила в защиту казахов, так как не была заинтересована в чрезмерном усилении Ойратского ханства.

Из Оренбурга в Ойратское ханство неоднократно посылались представители, добивавшиеся урегулирования ойратско-казахских отношений и предотвращения новых вооруженных конфликтов между ними. В сентябре 1742 г. из Оренбурга был послан к Галдан-Церену майор Миллер с поручением добиться освобождения правителя Среднего жуза Аблай-султана, захваченного в плен ойратскими войсками весной этого года. Ойратские власти долго не соглашались признать казахов русскими подданными, заявляя, что считают это выдумкой оренбургского губернатора Неплюева, что если бы казахи действительно были подданными России, то не стали бы вторгаться в Джунгарию и разорять Ойратское ханство, которое исстари находится в дружбе с Россией [33].

В годы правления Галдан-Церена Ойратское ханство достигло наибольшего могущества. «Галдан-Чирин, — докладывали в Петербург сибирские власти, — своими авантажами над китайцами (над маньчжурской династией. — *И. З.*) и киргиз-кайсаками (казахскими феодалами. — *И. З.*) войско свое привел в хорошую исправность, и пред прежним оных больше прибыло» [34].

В результате увеличения ойратской армии обезлюдели улусы, усилилось податное бремя и ухудшилось положение народных масс. На охране одной лишь ойратско-маньчжурской границы постоянно находилось 17—20 тыс. человек, а кроме того, у хана всегда было готово к походу не менее 40—50 тыс. воинов. Сержант Подзоров в апреле 1743 г. сообщал: «А едучи их землею по улусам, кроме женска пола, да старых людей, да малых, малое число видали» [35].

[33] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1743, д. 2, л. 69.
[34] Там же, л. 20.
[35] Там же.

По свидетельству Подзорова, трудящиеся ойраты вносили своим господам подать в размере десятой части своего скота. Феодалы, кроме того, своих крестьян «по очереди в работу употребляли» [36] и по требованию всеойратского хана отправляли к нему для отбывания различных повинностей. Трудящиеся ойраты изнывали от военных тягот. Они мечтали о мире и о возможности вернуться к мирному труду. Очевидцы говорили: «Подлый же их народ, чирики (воины.— *И. З.*) и прочие весьма желают быть в покое и о войне слышать не хотят» [37].

В отношении Русского государства Галдан-Церен до конца своей жизни проводил сдержанную, но лояльную политику, пресекая малейшие попытки подчиненных ему князей совершать набеги на русские селения и города.

[36] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1743, д. 2, л. 20.
[37] «Сборник историко-статистических сведений о Сибири...», стр. 41.

Глава четвертая

АНТИМАНЬЧЖУРСКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В МОНГОЛИИ В 1754—1758 гг. ГИБЕЛЬ ОЙРАТСКОГО ХАНСТВА

Упадок Ойратского ханства

Смерть Галдан-Церена послужила толчком к длительной междоусобной борьбе между ойратскими феодалами. Междоусобицы подорвали прежнее единство и силу ханства и привели в конце концов, несмотря на героическое сопротивление народа, к завоеванию Джунгарии маньчжурами и ликвидации ойратского ханства.

После смерти Галдан-Церена среди ойратских феодалов началась борьба за ханский престол. В 1746 г. ханом был провозглашен под именем Аджа-хана средний сын Галдан-Церена, Цеван-Дорджи, которому было 13 лет. Однако Аджа-хан недолго оставался у власти. В 1749 г. он был убит заговорщиками. Ханом стал побочный сын Галдан-Церена, Лама-Дорджи, принявший титул Эрдени-Лама-Батур-хунтайджи. Но и его правление не было продолжительным. Ойратская знать, возмущенная тем, что ею управляет сын служанки, организовала против него заговор. Заговорщики собирались возвести на ханский престол младшего сына Галдан-Церена, Цеван-Даши. Но Лама-Дорджи умертвил последнего. Тогда, по словам современников, «все подлые, жестоко оскорбясь, и почти вся Зенгория к нойону Дебаче (Даваци. — *И. З.*) склонны явились» [1].

В такой обстановке появился новый претендент на ханский престол — Даваци, принадлежащий к царствующему роду чоросов, племянник Галдан-Церена. Родовое владение Даваци, как и владение другого ойратского нойона — Амурсаны, с которым Даваци был в тесной дружбе, находилось в Тарбагатае.

Даваци и Амурсана принимали активное участие в борьбе

[1] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1757, д. 6, л. 36.

против Лама-Дорджи. Потерпев вначале поражение, они в 1751 г. вынуждены были бежать к казахам в Средний жуз, где нашли убежище у Аблай-султана. Когда сведения об этом дошли до Петербурга, оттуда 31 августа 1752 г. был отправлен указ генералам Неплюеву и Тевкелеву, предлагавший им пригласить Даваци и Амурсану в Оренбург. Указ обязывал оренбургского губернатора использовать приезд Даваци и Амурсаны, которые рассматривались как возможные правители Ойратского ханства, для дальнейшего улучшения отношений между ханством и Русским государством [2].

Выполняя распоряжение правительства, Неплюев и Тевкелев направили в сентябре 1752 г. капитана Яковлева в ставку Аблай-султана. Однако Даваци и Амурсаны Яковлев уже не застал. Они вернулись в Джунгарию и возобновили борьбу против Лама-Дорджи. Использовав удобный случай, они внезапно с небольшим отрядом напали на ставку Лама-Дорджи, схватили его и убили. Освободившийся ханский престол должен был занять Даваци, но он оказался не единственным претендентом. Как сообщают источники, поднялись «малосильные зайсанги и нойоны», которые провозгласили ханом своего ставленника Немеху-Жиргала[3]. В Джунгарии оказалось сразу два хана. Все же Даваци удалось одержать верх с помощью Амурсаны, который помогал ему «не щадя живота», как писали современники. «Немеху-Жиргала и Тогус-Кашка с прочими их сообщниками умертвив Даваци, и паки ханом удостоен был» [4]. За оказанные услуги Даваци обещал Амурсане богатый удел. Подавив сопротивление своих противников, Даваци в конце 1752 г. стал ханом ойратов.

Но ханство в это время было уже далеко не тем, каким его оставил Галдан-Церен. В 1750 г. появились первые признаки начавшегося распада Ойратской державы. В ноябре этого года через маньчжуро-ойратскую границу бежало несколько ойратских семейств, решивших искать у маньчжуров спасения от трудностей, которые они испытывали вследствие войн и усобиц. Через несколько месяцев к маньчжурам ушла новая группа ойратских семейств во главе с демечи (старостой 40 семейств) и даже один из ойратских чиновников. Так, впервые в истории Ойратского ханства начался переход ойратов в лагерь маньчжурских завоевателей. Маньчжуры всячески поощряли подобные перебежки, щедро одаривая бежавших ойратов. На первых

[2] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755—1757, д. 4, л. 316.

[3] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1757, д. 6, л. 36. Немеху-Жиргал происходил из дэрбэтов. Указание источника на «малосильных зайсангов и нойонов» мы относим не к имущественному положению, а к происхождению этих зайсангов и нойонов.

[4] Там же.

порах маньчжурские власти предоставляли им налоговые и иные льготы, а ойратских князей и чиновников награждали пышными титулами и званиями.

Осенью 1753 г. на сторону маньчжуров из Джунгарии вновь перебежало более 3 тыс. ойратских семейств во главе с двумя видными нойонами, внуками Галдан-Церена, и двумя зайсангами, противниками Даваци [5]. Маньчжурские правители вызвали ойратских князей в Пекин, где их ждали почести и награды. Не были оставлены без внимания и ойратские труженики, для раздачи которым у халхаских крестьян стали отбирать лошадей и другой домашний скот. Правительство маньчжуров выделило перебежавшим нойонам и зависимым от них крестьянам территорию для кочевок в районе Дариганги, на крайнем юго-востоке Халхи, подальше от их родины, хотя те просили отвести им кочевье в районе между Селенгой и Орхоном. В связи с этим среди бежавших стало быстро нарастать недовольство маньчжурами, они начали раскаиваться в том, что оставили Джунгарию. Вскоре маньчжурские войска, охранявшие ойратскую границу, задержали двух перебежчиков, пытавшихся вернуться в Джунгарию. При обыске у них нашли письмо, сообщавшее, что маньчжуры не доверяют им и не дают никакой воли, что идет усиленное пополнение маньчжурских войск на ойратской границе, «и ежели б-де и война началась, тоб они, перебежчики, им, контайшинцам, вспомогать стали» [6].

Ослаблением Ойратской державы не замедлили воспользоваться ее противники, в первую очередь маньчжуры, внимательно следившие за происходящими в ханстве событиями. Со времени заключения маньчжуро-ойратского мира 1739 г. обе стороны стремились не допускать нарушения установленной между ними границы и бдительно ее охраняли. В районах Баркуля, Хами, Модон-Куля, Хара-Усу, Кобдо и Улясутая были расположены значительные маньчжурские войска.

Подготовка маньчжурами новой войны против Ойратского ханства

Маньчжурские власти деятельно готовились к новой войне против Ойратского ханства, рассчитывая, что в обстановке начавшегося развала оно не сможет оказать эффективного сопротивления.

Правительство маньчжуров приступило к мобилизации сил для предстоящей войны; соответствующие распоряжения были

[5] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1751, д. 1, л. 8.
[6] Там же, л. 53.

даны и в Халху. Выполняя полученные указания, владетельные князья Халхи со своей стороны начали проводить учения и смотры, чтобы улучшить боеспособность своего ополчения.

Весной 1751 г. в Пекин прибыл посол от ойратского хана Лама-Дорджи. Хан предлагал императору маньчжуров мир и дружбу, а взамен просил 100 тыс. лан серебра. Предложение Лама-Дорджи было в Пекине отвергнуто, причем его послу было заявлено, «чтоб они вперед со своими посольствами в Пекин не ездили, ибо-де они не за посольством, но за торгами приезжают» [7]. Осенью того же года посольство Лама-Дорджи вернулось в Джунгарию.

В 1752 г. подготовка к войне против ойратов усилилась. В Халхе был получен приказ о поголовной проверке и переписи всех годных к военной службе мужчин и их вооружения. На лето 1752 г. был назначен смотр войскам Халхи в районе монастыря Эрдени-дзу. Здесь же маньчжуры построили крепость, от стен которой протянули цепь постов и застав до самой ойратской границы, используя для этого войска халхаских князей [8].

С весны 1753 г. к ойратско-маньчжурской границе стали подтягиваться новые части маньчжурской армии, снабженные артиллерией, значительными запасами снаряжения, вооружения и продовольствия.

Маньчжурские правители начали широко привлекать в ряды армии, вместе с маньчжурскими воинами китайцев, жителей Внутренней Монголии и халхасов, ставя их, как правило, под начало маньчжурских военачальников.

Правительство маньчжуров рассчитывало использовать благоприятно складывавшуюся обстановку для захвата Ойратского ханства собственными силами, без посторонней помощи. Оно на этот раз не искало союзников на Волге и не просило помощи России. Наоборот, отношение маньчжурских правителей к Русскому государству было в это время весьма сдержанным, а подчас и прямо враждебным. Они принимали меры к образованию в пограничных с Россией районах полосы военных поселений. Казна безвозмездно давала переселенцам на обзаведение по пять коров, пять лошадей и 50 овец, а также выплачивала им годовое жалование в размере 12 лан. В города и крепости, расположенные на русско-маньчжурской границе, были введены постоянные маньчжурские гарнизоны. Стремясь изолировать свою империю, в частности Монголию, от России, правительство маньчжуров строго следило за соблюдением Буринского договора 1727 г., согласно которому русская торговля

[7] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1754, д. 1, л. 4.
[8] АВПР, ф. Мунгальские дела, 1750, д. 1, л. 1. 10.

© ГПНТБ СССР

в Китае или Монголии непосредственно с местными жителями была запрещена. Исключение составляли русские казенные караваны, которые могли, как об этом уже говорилось выше, один раз в три года ходить в Пекин. Частная торговля между русскими и китайскими купцами могла производиться только в двух пограничных пунктах—Кяхте и Цурухайту, на реке Аргуни). Но даже и эта торговля, к участию в которой монголы вообще не допускались, по распоряжению Пекина довольно часто прерывалась, и китайские купцы лишались права переходить через границу для торговли с русскими.

Взаимоотношения Ойратского ханства с Россией

Отношение Русского государства к Ойратскому ханству не менялось и в эти критические для ханства годы. Русско-ойратская торговля продолжала развиваться. Правительство России пошло на уступки в вопросе о сборе ясака в пользу ойратского хана в районах Барабинской степи, Алтая и других, где проживали народности, бывшие в прошлом кыштымами ойратских ханов, но сто и более лет назад перешедшие в русское подданство. Так появилось фактически легализованное двоеданство, явившееся результатом настойчивых домогательств ойратских ханов, с одной стороны, и вынужденной уступчивости русских властей, в распоряжении которых не было достаточных военных сил, с другой. В то же время правительство России принимало меры к усилению своих позиций в районах, прилегающих к Джунгарии. Оно строило укрепленные линии, которые постепенно выдвигались все дальше на юго-восток, в глубь степей современного Казахстана. Но русских войск во вновь построенных крепостях было мало.

В начале 1755 г., когда возникла угроза вторжения маньчжурских войск в пределы России, командующий войсками Сибири генерал Крофт издал приказ, в котором требовал от военных и гражданских властей максимального использования местных ресурсов для нужд обороны и готовности в любое время оказать отпор возможному нападению, имея в виду «крайнюю нужду и малолюдство регулярного и нерегулярного войска» [9].

Летом 1755 г. Крофт излагал Коллегии иностранных дел свое мнение о том, возможно ли принять ойратских беженцев, искавших спасения от маньчжурского меча в русских пределах. Он был против их приема, так как опасался, что маньчжурские войска последуют за беженцами в Россию, что было бы весьма

[9] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755—1757, д. 4, л. 8.

опасно, ибо «в тамошних верх-иртышских и прочих по линии крепостях, команды столь малолюдны, что инде в случае воровских и неприятельских нападениев не только над ними поиску учинить не в состоянии, но едва и себя охранить могут» [10].

К 50-м годам уже было закончено строительство трех линий пограничных укреплений и проектировалась четвертая. При укреплениях были воинские команды, а кое-где и артиллерия. Общая протяженность этих линий равнялась 2019 верстам, крепости находились на расстоянии не менее 30 верст одна от другой, участки между ними не охранялись, так как для этого не хватало войск [11]. В этих условиях опасения русских военных и гражданских властей были достаточно обоснованными.

Взаимоотношения ойратских и казахских феодалов внушали беспокойство русским властям. Казахские феодалы стремились использовать ослабление Ойратского ханства в своих интересах. Еще в 1745 г. Оренбургскому губернатору Неплюеву пришлось отговаривать правителей Среднего жуза от задуманного ими вторжения в ойратские улусы. Принимая меры к предотвращению новых вооруженных конфликтов между ойратскими и казахскими феодалами, правительство России в то же время стремилось воспрепятствовать объединению их сил, усматривая в этом угрозу своим интересам. Поэтому оно было серьезно обеспокоено проектом брачного союза между ойратским ханом и дочерью казахского Абулхаир-хана, за которой в 1748 г. прибыло специальное посольство. Казахские феодалы, опасаясь мести ойратского хана, готовы были принять сватовство Лама-Дорджи, но болезнь, а затем и смерть невесты, помешали осуществлению этого брака.

Особую активность казахские феодалы стали проявлять, когда в Джунгарии развернулась острая борьба за ханский престол. Они охотно вмешивались в междоусобицы, помогая противникам своими войсками и тем самым способствуя усилению развала Ойратского ханства.

События 1753 г. положили начало активному вмешательству казахских феодалов во внутреннюю борьбу в Джунгарии. Летом этого года в Ойратское ханство вступил Аблай-султан с отрядом в 5 тыс. воинов. Он прибыл по просьбе Даваци и Амурсаны для совместного похода против Немеху-Жиргала и поддерживавших его дэрбэтских князей. Разорив дэрбэтские улусы, союзники поделили добычу. Около 3 тыс. мужчин, женщин и детей были захвачены казахскими феодалами, а скот взял себе Даваци. Осенью 1753 г. Аблай-султан с добычей вернулся домой.

[10] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755—1757, д. 4, л. 28.
[11] Там же, л. 250.

Борьба за власть в Ойратском ханстве накануне вторжения маньчжуров

Правление Даваци оказалось непродолжительным. Вскоре против него восстал его недавний союзник и друг Амурсана [12].

Обстановка усиливавшегося развала ханства пробудила в Амурсане желание самому стать всеойратским ханом. Зимой 1753 г. между Даваци и Амурсаном началась борьба за ханский престол. Не надеясь своими силами одолеть Даваци, Амурсана обратился за помощью к казахскому Аблай-султану, прося дать ему 4 тыс. лошадей и верблюдов, 10 тыс. овец и баранов, «обещая за то учинить плату чем бы не потребовал» [13]. Аблай-султан согласился удовлетворить просьбу Амурсаны. В уплату за обещанную помощь Амурсана прислал Аблай-султану дорогие бухарские ковры и оружие, а также пленных, захваченных до этого Амурсаной в улусах Даваци. Амурсана предложил Аблай-султану напасть на ставку Даваци.

Весной 1754 г. Даваци направил против Амурсаны 30-тысячную армию, разделив ее на две части. Одну из них он послал в тыл лагеря Амурсаны, а сам во главе другой группы ударил с фронта. Произошло сражение, в результате которого войска Амурсаны были разбиты и обращены в бегство.

Аблай-султан, приглашенный Амурсаной, вторгся с войсками в Джунгарию, но также понес поражение в бою с Даваци. Это не помешало ему на обратном пути разорить немало ойратских кочевий и взять богатую добычу. После этого Аблай со своими войсками не раз вступал в пределы Ойратского ханства, возвращаясь из этих походов со скотом, ценностями разного рода и пленными [14].

Между тем Амурсана, потерпев поражение от Даваци, бежал в Халху через Телеское озеро, Кобдо и Улангом. Здесь он явился к маньчжурским властям с заявлением о желании перейти на службу к маньчжурскому императору. Амурсана был отправлен в Пекин, где ему оказали торжественный прием. Император маньчжуров Цянь-лун пожаловал Амурсане титул цинвана (князя первой степени) и обещал ему помощь в борьбе за овладение Ойратским ханским престолом. Маньчжурские феодалы увидели в Амурсане орудие для осуществления своей заветной цели — разгрома Ойратского ханства.

[12] Амурсана не принадлежал к высшей ойратской знати. Он происходил из скромного аристократического рода «цаган туг хойт» (хойт белого знамени). Предки Амурсаны в начале XVII в. вместе с торгоутами Хо-Урлюка покинули Джунгарию и до начала XVIII в. жили на Волге. Его дед в 1701 г. вместе с сыном Аюка-хана Санжибом прибыл с Волги в Джунгарию. Отец Амурсаны Уйзен-хошучи был женат на дочери Галдан-Церена, от брака с которой в 1722 г. и родился Амурсана. Первой женой Амурсаны была Иши-Соном. После ее смерти Амурсана взял в жены Делег-Дорж, дочь одного из дэрбэтских князей, от которой он имел одного сына и двух дочерей. Женой Амурсаны была также вдова его старшего брата, умершего от оспы, по имени Битей, у которой был сын Пунцук (АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755—1757, д. 4, л. 84; см. там же, д. 2, л. 249; д. 6, л. 39).

[13] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1757, д. 2, л. 10.

[14] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1754, д. 1, л. 4, 46, 57; д. 2, л. 1, 4.

Первое маньчжурское вторжение в Джунгарию (1755). Пленение Даваци

Приготовления к наступлению на Джунгарию подходили к концу. На ойратскую границу в спешном порядке были двинуты новые подкрепления. Маньчжурское командование решило посадить всех своих воинов на коней, что вызвало очередную волну массовых поборов лошадьми в Монголии. Маньчжурские власти реквизировали лошадей и верблюдов у своих пограничников, охранявших русско-маньчжурскую границу в Забайкалье [15], отбирали гужевой транспорт у проходящих купеческих караванов. Всякое движение гражданского населения по дорогам вскоре прекратилось. Все было подчинено подготовке к решающему наступлению. По свидетельству очевидцев, на границу с Джунгарией, в район Улясутая и Кобдо, для содержания сосредоточенной там огромной маньчжурской армии «всякие харчевые и съестные припасы свозят отовсюду множество» [16]. Во главе армии стояли маньчжурские полководцы, монгольские же князья занимали второстепенные посты.

В начале 1755 г. император маньчжуров Цянь-лун издал указ, обязывавший всех халхаских владетельных князей со всеми подчиненными им «военными, или хотя невоенными, а годными к военному делу людьми, в немедленном времени ехать на контайшинскую границу в мунгальское войско» [17]. От этой мобилизации маньчжурские власти не освободили даже шабинаров (крепостных богдо-гэгэна и других церковных феодалов), которые по закону освобождались от военной службы.

В это же время Даваци направил в Пекин со специальным посольством своего сына, который от имени ойратского хана предложил правительству маньчжуров мир, а в знак искренности этого предложения передал личное боевое знамя Даваци и его обещание приехать в Пекин, если того пожелает император маньчжуров. Но правительству маньчжуров нужен был не

[15] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755, д. 1, л. 48.

[16] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1754, д. 2, л. 12.

[17] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755, д. 1, л. 50.

мир с Ойратским ханством, а полное его уничтожение. Предложения Даваци остались без ответа.

Ранней весной 1755 г. маньчжурская армия двумя колоннами вторглась в Джунгарию. Одна колонна под командованием военачальника Баньди шла из Улясутая, другая во главе с полководцем Юнь-ханем выступила из Баркуля. Обе армии, общая численность которых определяется источниками по-разному, в пределах от 90 тыс. до 200 тыс. человек, должны были соединиться в Тарбагатае, в районе оз. Эби-нор на Боротале. Амурсана был назначен императором маньчжуров командиром авангарда армии Баньди. В конце апреля обе армии, соединившись в условленном месте, подошли к р. Или, переправились через нее и двинулись дальше, не встретив сопротивления и не сделав ни одного выстрела.

Ойратское ханство — предмет давней ненависти маньчжурских завоевателей, — войну против которого начал еще император Кан-си и продолжали его преемники, фактически перестало существовать еще до маньчжурского наступления 1755 г. Никто не поднялся, как бывало раньше, на защиту независимости ханства. Ойратские феодалы сдавались на милость победителя, даже не пытаясь оказать сопротивления; ойратский народ, деморализованный бесконечными княжескими распрями, лишенный руководства, измученный и разоренный, также на первых порах был не в состоянии противиться завоевателям. Излишними оказались чрезвычайные приготовления маньчжуров и огромная маньчжурская армия.

14 мая 1755 г. авангард маньчжурской армии во главе с Амурсаной вступил в долину р. Текес, где вошел в соприкосновение с немногочисленной и небоеспособной армией Даваци. Последний, не приняв боя, бежал в сторону Кашгара, оставив жену и детей, но был схвачен 8 июня в г. Куча местными мусульманскими правителями и отдан в руки Амурсаны. Амурсана доставил пленника в ставку маньчжурского главнокомандующего. Присутствовавший при этом русский казак Бурков свидетельствует, что Даваци, узнав в нем и его товарищах русских людей, просил, чтобы они «об нем сказали в Российской стороне, что он никакой ссоры иметь не желал, и что ныне в таком несчастьи находится, — а больше оного ему говорить не дали» [18].

Цянь-лун получил сообщение о поимке Даваци, когда находился на охоте в провинции Жэхэ. Он приказал доставить Даваци в Калган, а пленных нойонов и зайсангов отвести в тюрьмы Пекина.

Одновременно с военными действиями против Даваци

[18] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1756, д. 1, л. 57.

маньчжуры распространяли листовки на тибетском языке в монастырях и среди отдельных лам Джунгарии, стремясь склонить ойратов к переходу в подданство маньчжурскому императору, обещавшему им за это вознаграждение и защиту от внешних врагов [19].

Считая Джунгарию окончательно покоренной, маньчжурские власти намеревались торжественно оформить включение ее в состав империи. Местом для соответствующей церемонии, куда должны были съехаться влиятельные лица со всех концов маньчжурской державы, был избран Долоннор.

Оккупировав Ойратское ханство, маньчжурские власти коренным образом перестроили в нем аппарат управления. Они распространили на Джунгарию административную систему, введенную ими в ранее завоеванных частях Монголии. Институт всеойратского хана маньчжуры упразднили, уничтожив таким образом и ханство как единое государство. На обломках Ойратского ханства было образовано четыре самостоятельных, независимых друг от друга княжества — Хойт, Дэрбэт, Хошут и Чорос, подчиненные непосредственно Пекину.

Так, к концу лета 1755 г. была закончена война в Джунгарии. Празднуя победу, маньчжурские правители стали выводить из Джунгарии войска и распускать их по домам. Они не могли медлить с этим, так как трудности, связанные с содержанием многочисленной армии в таком отдаленном крае, как Джунгария, были слишком велики. Приходилось также считаться с тем, что в Халхе — ближнем тылу этой армии — растет недовольство, грозящее свести на нет победы в Джунгарии.

Рост народного недовольства в Халхе

Народные массы Халхи вновь в эти годы, как и во время войны 30-х годов, испытали на себе всю тяжесть военной политики Цинской династии. Трудящиеся Халхи были основными, если не единственными, поставщиками транспортных средств, фуража и продовольствия для маньчжурских войск, чиновников и курьеров. Помимо этого, крестьяне продолжали нести обычные повинности в пользу своих феодалов и ламаистской церкви. Привлечение халхасов к военной службе в маньчжурской армии явилось источником новых тягот для тружеников Халхи. Они должны были обзаводиться за свой счет оружием и снаряжением, отрываться от производительного труда для военных учений и походов. Все эти обстоятельства вызывали неуклонный рост антиманьчжурских настроений в народных массах.

[19] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1756, д. 1, л. 57.

По мере усиления темпов подготовки к войне против Ойратского ханства росли страдания народных масс. Очевидцы свидетельствуют, что в начале 1755 г. все монгольское население Урги было втянуто «в беспокойные труды» и все монголы «в великом огорчении и в печали, а подлые и плачут, ибо они через те приуготовления видят не только великие убытки, но разорение и беспокойство»[20]. В степи в кочевьях заметна «немалая скудость как в пище их, мунгальцев, так и в подводах» [21], повсеместно с монголов «чинены многие неумеренные поборы верблюдов, лошадей и баранов, и напоследок у всех людей все оставшие лошади, кроме тех, кои по третьему году, да кобыл, заклеймены ханским клеймом и записаны» [22], и всюду для нужд маньчжурской армии «чинятся... безмерные поборы с разорением улусных людей» [23].

Монгольские князья стремились переложить на плечи трудящихся тяготы войны. В стране обострялась классовая борьба. Источники сообщают, что в хошуне Далай-бейсе аймака Цецен-хана, к северу от р. Онон, образовалась группа в 200 человек, которая нападала на пограничные заставы и караулы, отбирала у них лошадей и другой скот. Цецен-хан направил против восставших отряд в три сотни воинов. Командир отряда послал к мятежникам 50 солдат и 11 старшин с предложением сдаться, но те «оных не допустили до себя, перестегав плетьми и отняв лошадей, прогнали обратно». После этого Цецен-хану пришлось направить против бунтовщиков новый отряд в тысячу воинов [24].

В 50-е годы не возникло такого массового стихийного бегства в пределы России, как в 30-х годах. Монголы не решались переходить русскую границу, опасаясь, что будут вновь принудительно возвращены в Монголию, где их ожидало наказание за побег. Трудящиеся ойраты, например, прямо говорили, что с радостью ушли бы в Россию, «но только-де проситься они не смеют за тем, что-де кто из них, калмыков, в русские городы для вечного житья не уйдут, то-де их обратно к зенгорскому владельцу высылают, и он-де за то их мучит разными муками и битьем, чтоб не бегали» [25]. Естественно, что участь халхаских перебежчиков, возвращенных под власть своих и маньчжурских угнетателей, была еще более тяжелой.

К русским властям Сибири со всех концов Монголии все чаще стали обращаться с вопросами, можно ли монголам перейти границу и будут ли они приняты в России? Как свидетельствуют источники, массы трудящихся монголов и низших лам открыто выражали свое стремление принять российское подданство, видя в этом единственный выход из тяжелых условий жизни, но боялись, «что Российская сторона их не примет и вышлет обратно» [26].

Разорение народных масс и растущее недовольство среди них заставляли колебаться и многих феодалов, доходы которых также падали. В этих условиях рост освободительного антиманьчжурского движения становился неизбежным, что угрожало свержением власти завоевателей и изгнанием их из страны. Маньчжурские власти принимали меры к ослаблению этой опасности и к укреплению своих позиций. Они прежде всего обратили внимание на богдо-гэгэна, от политики которого в немалой степени зависела прочность маньчжурской власти. Желая обезопасить себя с этой стороны, император маньчжуров еще в 1750 г., будучи якобы обеспокоен безопасностью главы церкви, приставил к нему «для его личной охраны» двух своих представителей. В действительности же обязанностью этих представителей было постоянно наблюдать за действиями богдо-гэгэна [27].

Они установили строжайший контроль за приезжавшими в Ургу русскими, препятствуя их общению с монголами. Русский курьер Савва Фролов в августе 1754 г. докладывал, что в Урге за ним все время следили и не давали возможности оставаться с кем-либо из монголов наедине, что монгол Шарга, у которого Фролов ночевал, беседовал с ним «с немалой опасностью и таясь от своего отца и братий родных» [28]. Желая, наконец, застраховать себя от возможных проявлений нелояльности богдо-гэгэна, Цянь-лун в июне 1755 г. вызвал его и Тушету-хана к себе, в Долоннор, якобы для участия в церемонии, связанной с оформлением маньчжурского подданства Джунгарии, причем предложил им захватить с собой продовольствия на четыре месяца. Не смея ослушаться, богдо-гэгэн и Тушету-хан в августе 1755 г. выехали из Урги в Долоннор [29].

Обстановка заставляла маньчжурских правителей спешить с выводом лишних войск из Монголии и роспуском их по домам. В конце июня началось движение частей маньчжурской армии из Джунгарии и Халхи, где были оставлены лишь сравнительно немногочисленные отряды для поддержания «порядка». Мобилизованные воины стали расходиться по домам.

---

[20] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755, д. 1, л. 48.
[21] Там же.
[22] Там же, л. 62.
[23] Там же.
[24] Там же, л. 81.
[25] Там же, л. 48.
[26] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755—1757, д. 4, л. 310.
[27] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1750, д. 1, л. 9.
[28] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1754, д. 1, л. 53—54.
[29] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755—1757, д. 4, л. 56—58 и др.

Весть об окончании войны, о наступившем мире и роспуске войск быстро распространилась по всей Монголии, вызывая повсюду чувство облегчения. Но это радостное настроение длилось недолго.

Антиманьчжурское восстание под руководством Амурсаны и второе вторжение маньчжуров в Джунгарию (1756)

В сентябре 1755 г. Амурсана видя, что маньчжуры, сулившие ему трон ойратского хана, не собираются выполнять своих обещаний, изменил Цинской династии и начал вооруженную борьбу против нее. В это время он находился на западной границе Халхи, куда прибыл, сопровождая плененного Даваци. Действуя в сговоре с некоторыми халхаскими военачальниками, в частности с Делег-ваном и Ванжил-ваном из аймака Цеценхана, Амурсана с небольшим отрядом ойратских воинов напал на маньчжурские войска, охранявшие границу, разбил их и ушел в Джунгарию. Маньчжурское командование отправило в погоню за ним крупный отряд, но не достигло успеха.

Бегство Амурсаны вызвало в Пекине необычайный переполох. По приказу императора Цянь-луна в Пекин был вызван и предан казни халхаский военачальник Эринцин-Дорджи, знатный феодал из рода Тушету-хана, родной брат богдо-гэгэна, который, неся ответственность за охрану границы, не воспрепятствовал бегству Амурсаны. Торжественная церемония присоединения Джунгарии к маньчжурской империи была отменена.

Обосновавшись сначала в Тарбагатае, потом в бывшей главной ставке ойратских ханов на р. Или, Амурсана использовал зимние месяцы 1755/56 г. для организации своих сил, склоняя других ойратских князей присоединиться к нему, чтобы изгнать с родной земли маньчжурских завоевателей и восстановить независимость Ойратского ханства [30].

Однако на призыв Амурсаны откликнулись не все феодалы. Одни отказали ему в поддержке, так как в свое время выступали на стороне Даваци, против Амурсаны и теперь опасались его мести; другие считали для себя унизительным подчиняться человеку недостаточно высокого происхождения.

Тем не менее Амурсана в начале 1755 г. был провозглашен своими сторонниками ханом. Вскоре, однако, в его стане начались раздоры и вооруженные столкновения с отколовшейся группой князей. Тогда Амурсана опять призвал на помощь казахского Аблай-султана. Тот согласился помочь Амурсане и с 10-тысячным отрядом прибыл в Джунгарию. Но это не спасло положения. В это время большая маньчжурская армия вторглась в Джунгарию. Амурсана в начале лета 1756 г. бежал в

[30] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755—1757, д. 4, л. 91, 105, 127—128 и др.

Средний Казахский жуз, где вновь нашел убежище [31]. Казахские феодалы в эти годы постоянно «помогали» то одному, то другому ойратскому князю из враждовавших лагерей и каждый раз возвращались с богатой добычей в виде скота и пленных. В этих операциях участвовали не только феодалы Среднего жуза, но и других казахских владений [32].

Антиманьчжурское восстание Амурсаны опрокинуло все расчеты маньчжурских властей. Всем воинам, вернувшимся из Джунгарии к своим семьям, было приказано немедленно вновь выступить на ойратскую границу. В дополнение к находившимся там прежде частям в Джунгарию были направлены новые войска, общая численность которых, по данным источников, доходила чуть ли не до 400 тыс. человек. В распоряжение армии поступили значительные группы мобилизованных ремесленников, задачей которых было прокладывать дороги, строить мосты и лодки.

Маньчжурские власти пытались привлечь к борьбе против Амурсаны и правителей Среднего Казахского жуза. Они отправили к Аблай-султану специальную миссию из 30 человек, которая в январе 1756 г. появилась в Урянхайских улусах, намереваясь пройти к Аблай-султану прямым путем через территорию России, так как путь через Или был для них закрыт Амурсаной. Однако маньчжурское посольство не было пропущено через русскую территорию и вернулось, не выполнив поручения [33].

Маньчжурский император начал наступление на Джунгарию в феврале—марте 1756 г., приказав захватить Амурсану и угрожая казнить своих генералов в случае неудачи.

Маньчжурские войска, вступившие в Джунгарию, не имея перед собой организованного противника, без особого труда преодолевали отдельные попытки сопротивления ойратов. В июле 1756 г. двухтысячный отряд маньчжурских войск вступил в пределы России и, разыскивая Амурсану, подошел к Колыванскому заводу, под стенами которого укрывались ойратские беженцы из Урянхайских улусов [34]. 25 октября 1756 г. многочисленный маньчжурский отряд приблизился к Усть-каменогорской крепости, пытаясь увести с собой находившихся там урянхайцев, бывших подданных ойратского хана. Еще до этого, узнав, что Амурсана скрывается у Аблай-султана, маньчжурские войска направились в кочевья последнего. В августе 1756 г. произошло сражение между ополчением Аблай-султана и маньч-

[31] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755—1757, д. 4, л. 149, 168, 220 и др.
[32] Там же, л. 311—312, 317.
[33] Там же, л. 169—170.
[34] Там же, л. 340, 548 и др.

журскими войсками, закончившееся поражением казахов, причем сам Аблай-султан был ранен. Казахи отступили к русским укрепленным линиям, ища у русских властей защиты от преследовавших их маньчжуров [35].

Бегство ойратов в Россию

С просьбами о защите и приеме в русское подданство стали обращаться к русским властям и многие феодалы Джунгарии. Еще в 1753 г. нойоны и зайсанги жаловались на «злое время» и выясняли возможность перехода под власть России. В дальнейшем движение за добровольное присоединение к России стало усиливаться. В сентябре 1755 г. уже около 40 ойратских зайсангов ждали решения русского правительства по вопросу об их переходе в русское подданство. Одновременно из отдаленных пунктов Ойратского ханства к русской границе шли десятки и сотни беженцев, князей и крестьян, ищущих на русской земле спасения от беспощадного меча маньчжурских завоевателей.

Правительство России находилось в затруднительном положении. Располагая в этом районе весьма малыми военными силами, оно оказалось перед угрозой агрессии со стороны маньчжурской империи, стремившейся распространить свою экспансию за пределы Джунгарии, на территории Восточного Туркестана, Казахстана и Средней Азии. В силу этого Россия решила не вмешиваться во внутреннюю борьбу в Ойратском ханстве, «понеже со здешней стороны никакого резону или пользы нет в их междоусобные ссоры вступаться, и одного против другого оборонять» [36].

Существование по соседству с Сибирью сильного Ойратского ханства, правители которого постоянно предъявляли претензии на сибирскую территорию, собирая ясак со своих бывших данников, представляло известную опасность для Русского государства. Вместе с тем чрезмерное ослабление этого ханства и тем более полное завоевание Джунгарии маньчжурской династией противоречило интересам России. Сибирский губернатор Мятлев 26 июля 1756 г. докладывал в Петербурге, что если маньчжуры подчинят себе ойратов и казахов, то пограничные районы России «подвержены будут всекрайней опасности» [37].

Учитывая особенности момента, правительство России разрешило местным властям принимать ойратских беженцев и отводить им места для кочевок [38]. Возможные претензии маньчжурских властей предполагалось отклонять, ссылаясь на то, что ойраты не являются подданными маньчжурского императора, что Россия не вмешивается во внутренние дела Ойратского ханства и что маньчжурам также не следовало бы в них вмешиваться. К тому же в 1731 г. маньчжурские послы в Петербурге сами говорили об отсутствии у их императора возражений против приема Россией беженцев из Джунгарии и официально предлагали России часть ойратской территории.

Руководствуясь этими указаниями, русские пограничные власти стали принимать ойратских беженцев, поток которых не прекращался вплоть до 1758 г.

Когда стало известно, что Амурсана, потерпев поражение, вновь бежал из Джунгарии и находится у Аблай-султана, местные власти решили пригласить его в Оренбург. 1 июля 1756 г. в Средний жуз был послан башкирский старшина Абдулла Каскинов, которому официально поручалось выяснить у Аблай-султана, почему казахские купцы не приезжают в Орск, где их ожидают русские купцы с товарами. Неофициально же Каскинов был уполномочен передать тайно от казахских правителей письмо Амурсане с приглашением прибыть в Оренбург, где его ожидали «покой и безопасность» [39].

Абдулла Каскинов прибыл в улус Аблай-султана в конце августа. Как выяснилось, Амурсана находился у Аблая под бдительным надзором, «дабы он от них не скрылся и сбежать не мог» [40]. Каскинов связался с его приближенными, которые «столько были тому рады, что по своему бедственному состоянию от слез удержаться не могли» [41]. Амурсана через них сообщил Каскинову, что Аблай-султан держит его и прибывших с ним 230 ойратов как невольников. Амурсана намеревался бежать от Аблая и просил предупредить об этом русских пограничных начальников. На следующее утро от Аблая прибыл отряд казахов, который, взяв с собой Амурсану и других ойратов, вновь отправился против маньчжуров. 31 октября 1756 г. Абдулла Каскинов вернулся в Оренбург и представил Неплюеву и Тевкелеву письменный доклад о своей поездке.

Антиманьчжурская освободительная борьба в Джунгарии и Халхе

Между тем в Джунгарии в ответ на зверства маньчжурских завоевателей стало нарастать сопротивление ойратов. Уже пос-

[35] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755—1757, д. 4, л. 386, 556.
[36] Там же, л. 37.
[37] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1757, д. 10, л. 25.
[38] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755—1757, д. 4, л. 251.
[39] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1755—1757, д. 4, л. 322.
[40] Там же, л. 556—559.
[41] Там же.

ле того как Амурсана бежал в Средний жуз, ойраты, по свидетельству очевидцев, стали собираться с силами и совершать нападения на отряды и гарнизоны завоевателей. Но разрозненные партизанские действия ойратских воинов не могли освободить Джунгарию от наводнивших ее войск маньчжурского императора. Эти войска, несмотря на урон, который им причиняли ойратские партизаны, продолжали продвигаться в глубь страны, истребляя население Джунгарии.

В конце осени 1756 г. Амурсана, после пятимесячного пребывания у Аблай-султана, вновь появился в Джунгарии. Зиму 1756/57 г. он провел в горах Тарбагатая, собирая новые силы для борьбы против маньчжурских завоевателей. Он рассчитывал объединиться с антиманьчжурскими силами Халхи, где летом 1756 г. вспыхнуло вооруженное восстание, во главе которого стоял крупный феодал Цэнгуньжаб.

Положение в Халхе в это время было весьма напряженным. Восстание Амурсаны и возобновление военных действий в Джунгарии вызвали новую волну мобилизаций, реквизиций и всяческих поборов. Местные маньчжурские гражданские и военные власти стали отбирать у населения Халхи последних лошадей, коров и т. д. Дело дошло до того, что почтовые станции на тракте Кяхта — Урга были оставлены без сменных лошадей, вследствие чего проезжавшие по этому тракту должны были всю дорогу ехать на одних и тех же лошадях. Нужда, вызванная маньчжурскими поборами, усугублялась стихийным бедствием. Вследствие неблагоприятной зимы 1755/56 г., сопровождавшейся сильными морозами и глубокими снегами, начался массовый падеж скота из-за бескормицы. К тому же в стране свирепствовала эпидемия оспы, уносившая много жизней. В этих условиях с новой силой вспыхнуло антиманьчжурское движение, пошедшее было на убыль летом 1755 г.

Усилению брожения в Халхе способствовали также слухи о том, что император маньчжуров насильно задерживает у себя главу церкви, богдо-гэгэна, и не разрешает ему и Тушету-хану вернуться на родину. Несмотря на неоднократные и настойчивые просьбы богдо-гэгэна помиловать его брата Эринцин-Дорджи, тот был в апреле 1756 г. повешен в Пекине. Маньчжурские власти заставили богдо-гэгэна присутствовать при этой казни. Но и после этого маньчжурский император не хотел отпускать богдо-гэгэна и Тушету-хана домой. Он приказал им оставаться в Долонноре. Император уступил настояниям главы монгольской ламаистской церкви только тогда, когда тот дал ему понять, что его длительное отсутствие может толкнуть халхаский народ на крайние меры. В конце концов богдо-гэгэну и Тушету-хану было разрешено ехать домой. Летом 1756 г. они прибыли в Ургу, куда привезли и труп казненного маньчжурами брата

богдо-гэгэна. Здесь тело предали сожжению. Казнь Эринцин-Дорджи послужила поводом к антиманьчжурскому вооруженному восстанию, начавшемуся в июле 1756 г. во главе с Цэнгуньжабом.

Цэнгуньжаб некоторое время находился в составе маньчжурской армии в Джунгарии, где он командовал двухтысячным отрядом халхаских воинов. Решив начать вооруженную борьбу против маньчжурской власти в Монголии, он вместе с подчиненными ему войсками вернулся в Халху, в район оз. Косогол, где находилось его родовое владение. Отсюда Цэнгуньжаб рассылал гонцов во все концы Халхи к владетельным князьям, приглашая их объединиться и совместно выступить против маньчжурских завоевателей. Одновременно он вступил в контакт с ойратскими антиманьчжурскими силами и с Амурсаной. В ответ на требование маньчжурских властей сдаться Цэнгуньжаб ответил, что не боится угроз, ибо вся Халха против маньчжуров, никто из халхасов не поддержит завоевателей и не присоединится к их войскам [42].

И действительно, за исключением некоторых, получавших регулярное маньчжурское жалованье, никто из монголов не стал на защиту маньчжурской власти. Восстание Цэнгуньжаба получило широкий отклик во всей Монголии. Халхаские князья, через владения которых пролегали маньчжурские коммуникации в Джунгарию, бросали посты, почтовые станции и откочевывали в глухие, отдаленные районы, вне пределов досягаемости маньчжурских властей. Это серьезно ухудшало службу связи и снабжение маньчжурских войск, действовавших в Ойратском ханстве. Не доверяя халхаским князьям и опасаясь дальнейшего ослабления своих позиций в Монголии, пекинское правительство сняло с фронта в Джунгарии все халхаские войска и вернуло их в Халху.

Тайные переговоры о присоединении Халхи к России

Восстание Цэнгуньжаба дало новый толчок движению за добровольное присоединение к России. Это движение, распространяясь стихийно, охватило самые широкие массы монгольского крестьянства. К нему стали присоединяться и князья Халхи. Поколебалась преданность маньчжурскому дому даже таких его верных слуг, как Тушету-хан и богдо-гэгэн, который не мог простить императору маньчжуров казни брата. Начались секретные переговоры между ханами и князьями Халхи, с одной стороны, и представителями русского правительства — с другой.

---

[42] АВПР. ф. Зенгорские дела, 1755—1757, д. 4, л. 482.

В 1756 г. селенгинский комендант Якоби писал в Петербург в Коллегию иностранных дел, запрашивавшую его мнение по данному вопросу: «Хотя некоторые мунгальцы и объявляют свое желание перейти в Российскую сторону, однако ж оные все из подлых, а из начальных их людей такого желания не объявляли; и ежели бы тем желающим мунгальцам от Российской стороны объявить, что они по их желанию, сюда приняты будут, то уповательно такой их переход, ежели подлинно из начальных их людей мало к тому охотников будет, не может быть с надлежащим им успехом, и не минует многих в том затруднений, из которых едва может ли обойтись, что не коснулось до беспокойства здешней границы» [43], ибо маньчжурское правительство, зная о военной слабости России в Сибири, не примирится с русским покровительством Монголии и может причинить серьезные неприятности. Но когда выяснилось, что к движению за добровольное присоединение к России примкнули и «начальные люди», Якоби изменил свое мнение и стал активно выступать за удовлетворение просьбы монголов об их принятии в русское подданство.

Правительство России также заняло в этом вопросе положительную позицию, считая, что монголы на весьма безлюдных сибирских границах могут быть использованы для несения военной службы [44]. Правительствующий сенат указом от 29 октября 1756 г. предложил местным властям продолжить переговоры, «и ежели он, кутухта (богдо-гэгэн. — *И. З.*) и другие с ним совершенное к тому намерение примут и просьба от них произойдет, то... не отказывать, однако ж наперед истребовать известия на каком основании и на каких кондициях он, кутухта, в подданство здешнее прийти намерен, и в которых местах кочевье свое расположить, или на прежних местах остаться имеют» [45]. Предвидя возможность вооруженного конфликта с маньчжурскими властями, правительство России запрашивало мнение сибирского командования о том, какими силами можно было бы оборонять Монголию в случае ее присоединения к России.

Террористическая политика маньчжурских властей усилила нерешительность халхаских феодалов, готовых было присоединиться к движению за добровольное присоединение к России. Время шло, феодалы во главе с богдо-гэгэном колебались; народ, лишенный организации и руководителей, был не подготовлен к самостоятельному выступлению. «Небольшие мунгальские начальники, — свидетельствуют очевидцы, — и подлые мунгальцы нескрытно говорят и желают быть в подданстве Российском, но того явно не начинают делать, за тем одним, что главные их начальники и кутухта еще о том не пересоветовали» [46]. Переходить границу в одиночку и просить русские власти о приеме в подданство России князья и рядовые халхасы не решались, опасаясь принудительного возвращения, как это бывало в 30-х годах. Владетельный князь Лемпыл-Дорджи, сменивший на посту старшины сейма в Урге разжалованного Тушету-хана, был сторонником добровольного присоединения Монголии к России. Но и он не рискнул действовать самостоятельно, заявив русскому курьеру Шарину: «Куда кутухта, туда и мунгальцы, куда мунгальцы, туда и кутухта» [47]. Все ждали, что летом 1757 г., когда халхаские князья съедутся на очередное поклонение Ургинским святыням и богдо-гэгэну, состоится, наконец, давно подготавливаемое тайное совещание богдо-гэгэна и руководящей группы князей и тогда будет принято окончательное решение о всеобщем восстании против маньчжуров и о немедленном обращении к правительству России с просьбой принять Монголию в состав Русского государства. Совещание это должно было проходить тайно не только от маньчжурских властей, но и от монгольского князя Уйзен-вана, сменившего казненного Эринцин-Дорджи на посту командующего халхаскими войсками. Этот князь сыграл известную роль в поимке Ценгуньжаба и его детей и выступал в роли верного слуги маньчжурской династии. О совещании не должен был знать и шанзотба (начальник управления при богдо-гэгэне), также находившийся на службе у маньчжурских властей.

В мае 1757 г. селенгинский комендант Якоби беседовал с двумя крупными халхаскими чиновниками, которые ему вновь подтвердили, что все четыре хана Халхи и почти все князья «имеют совершенное общее намерение и согласие быть в Российском подданстве, токмо стало то за одним кутухтой, который как их гэгэн, ничего им о том в резолюцию не сказывает, а без того им то намерение действом производить нельзя» [48]. Во время своей поездки вместе с русским послом Братищевым зимой 1757/58 г. в Пекин и обратно через территорию Халхи майор Якоби имел возможность лично убедиться в том, насколько широкое распространение получило в Монголии движение за добровольное присоединение к России. Совершенно посторонние люди говорили ему в пути, что «вся Монголия до одного челове-

[43] «Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-савского пограничного управления Сычевским в 1846 г.». «Чтения в Имп. обществе истории древностей российских при Московском университете», кн. 2. М., 1875, стр. 136.
[44] См. там же, стр. 150.
[45] Там же, стр. 147.

[46] «Историческая записка о китайской границе...», стр. 156.
[47] Там же, стр. 142.
[48] Там же, стр. 161.

ка (кроме чахаров...) непременное намерение имеют принять Российское подданство, что они в самом деле оного не исполняют, то только за несогласованностью их начальников» [49]. Владетельный князь сунитов из Внутренней Монголии Баир также готов был вслед за халхасами бежать в Россию.

Однако прошло лето 1757 г., разъехались из Урги все прибывшие туда князья, а решение, которого с нетерпением ожидала вся Монголия, так и не было принято: дворец богдо-гэгэна по-прежнему хранил молчание. Руководящая верхушка халхаских феодалов оказалась неспособной возглавить антиманьчжурское движение народных масс, она колебалась и бездействовала. В конце 1757 г. Лемпыл-Дорджи говорил, что намерение о переходе «в Российское подданство не исполнилось за тем, что некоторые многие из главных ханов и ванов к тому согласию тогда не пристали, и многие ж из самых лучших знатных мунгальцов переказнены; к тому ж ныне мунгальцы так утеснены, что им того намерения в действо произвесть никоим образом не можно» [50].

Подавление народно-освободительной борьбы в Халхе

Маньчжурские правители принимали чрезвычайные меры для восстановления былых позиций в Монголии и укрепления своего пошатнувшегося положения. В Халхе они широко использовали средства провокации, шпионажа, подкупа и террора. 17 января 1757 г. им удалось захватить Ценгуньжаба и увезти его в Пекин. Наводнив Халху шпионами, маньчжуры начали охоту за всеми недовольными, вступившими или собиравшимися вступить на путь борьбы против их господства. Им удалось открыть местопребывание двух скрывавшихся сыновей Ценгуньжаба, которых они также увезли в Пекин. 12 июня 1757 г. в Пекине Ценгуньжаб и два его сына были преданы казни. Третий, семилетний сын Ценгуньжаба находился у родственников на северо-западе Халхи. Пекинские власти послали туда специальных агентов, поручив им умертвить ребенка на месте. Многие участники восстания Ценгуньжаба с женами и детьми были схвачены, увезены в Пекин и там казнены. Сорок других сторонников Ценгуньжаба были казнены публично в Урге. Тушету-хан, Цецен-хан и ряд других высших чиновников Халхи были сняты с постов, разжалованы, лишены титулов и званий. «Вся Мунгалия сумневается, — писали современники,—

[49] «Историческая записка о китайской границе...», стр. 164.
[50] Там же, стр. 163.

что их мунгальские главные начальники будут один по одному искоренены» [51].

Нерешительность и колебания монгольских феодалов в борьбе против маньчжурской династии дали возможность маньчжурским властям выиграть время для подготовки к разгрому освободительного движения, охватившего Монголию. Отдельные антиманьчжурские выступления в Халхе были подавлены прежде, чем они успели превратиться в массовое освободительное движение. Маньчжурские правители сурово наказывали каждого, кто так или иначе проявлял нелояльность по отношению к ним.

24 января 1758 г. в возрасте 34 лет умер богдо-гэгэн, через два месяца после него — Лемпыл-Дорджи, а два месяца спустя был похоронен Тушету-хан. Есть основания полагать, что смерть этих трех халхаских деятелей, известных антиманьчжурской ориентацией, была не случайностью, а делом рук агентов маньчжурского правительства.

Император маньчжуров издал специальный указ, в котором перечислялись заслуги умершего богдо-гэгэна. В указе между прочим говорилось: «Когда изменник Ценгуньжаб, распустив пустые и ложные слухи, смутил и взволновал многих халхасов, Чжебцзун-Дамба-хутухта тотчас же внушил толпе, что невозможно верить... болтовне вора Ценгуньжаба и, собрав на сейм ханов, гунов и тайчжиев четырех аймаков, заставил толпу жить мирно» [52]. Вероятно, авторы этого указа неумеренным восхвалением заслуг умершего хотели устранить возможность подозрений насчет их подлинной роли во внезапной смерти второго богдо-гэгэна. Слухи об его отравлении были в то время широко распространены в Халхе. Маньчжурский террор царил в Монголии. Возвращавшиеся из Пекина русский посол Братищев и майор Якоби встретили маньчжурский отряд, который вез на расправу в Пекин жену и детей незадолго до этого казненного князя Дамдина, схваченного при попытке бежать в Россию. Русский курьер Шарин, будучи в Халхе, видел, как вели «мунгальских баб и девок и малолетних девок же 21 человека для отдачи китайским купцам в платеж за пограбленное у них в прошлом 1756 г., за неимением скота, лошадей и прочего иждивения» [53].

Положение народных масс Халхи было исключительно тяжелым. Монгольские крестьяне, вконец разоренные, лишенные скота, становились нищими. «Во всем монгольском народе, —

[51] «Историческая записка о китайской границе...», стр. 155.
[52] *А. М. Позднеев.* Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1880, стр. 38.
[53] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1757, д. 2, л. 446.

говорят источники, — премногое множество бедных, не имеющих пропитания... По всей дороге (из Урги в Кяхту. — *И. З.*), инде и на одной версте местах в 10 и больше, находились нищие, и стоя на коленях, просили милостыню» [54].

После подавления народно-освободительного движения в Халхе маньчжурские резиденты и агенты еще долго не чувствовали себя в безопасности. Боясь новой вспышки народного гнева, они окружали себя многочисленными телохранителями. Так, одного из новых Ургинских правителей, Санзай-вана, всюду сопровождал отряд в 100 всадников и 100 пехотинцев. Монголам одного халхаского княжества строго запрещалось жить на территории другого. Никто не имел права пустить к себе на ночлег человека из другого хошуна или сомона. Любое собрание нескольких монголов вызывало подозрение.

Гибель ойратского ханства

Тем временем Амурсана, зимовавший в горах Тарбагатая (в конце 1756 г. ему удалось бежать от Аблай-султана), старался собрать силы для продолжения антиманьчжурской борьбы. Он решил просить помощи у Русского государства и в начале января 1757 г. отправил послов с письмом на имя русской императрицы Елизаветы. В течение июня — июля 1757 г. в Петербурге шли переговоры между прибывшим от Амурсаны зайсангом Дава и представителями правительства России. Дава просил русские власти помочь собрать под власть Амурсаны всех ойратов, построить крепость между Иртышем и оз. Зайсан, защитить ойратов от маньчжурских войск. Русское правительство ответило, что удовлетворить все просьбы Амурсаны оно не может, так как это чревато опасностью возникновения конфликта России с Китаем. Безопасное убежище Амурсана с небольшой свитой может получить в России, где он будет «не только принят, но и со всяким удовольствием в пище, в платье и в протчем призрением... пока сам похочет, содержан быть может» [55]. Если предложения русского правительства окажутся для Амурсаны неприемлемыми и он решит остаться в Джунгарии, чтобы занять там трон ойратского хана, то со стороны России ему в этом «препятствовано не будет, да и впредь, без задаваемых разве от него самого причин, он и зенгорский народ оставлены быть имеют в покое» [56].

Пока послы были в Петербурге, в Джунгарии вновь развернулись военные действия. В феврале 1757 г. Амурсана, узнав о казни в Пекине своего союзника Ценгуньжаба, совершил нападение на маньчжурский гарнизон в Баркуле и уничтожил его. Весной и летом 1757 г. в Тарбагатае и в долине р. Или руководимые Амурсаной отряды ойратов, насчитывавшие 10 тыс. воинов, проводили активные операции против маньчжуров. Несмотря на оказанное этими отрядами героическое сопротивление, они не могли противостоять маньчжурской армии, превышавшей их численностью и оснащением. Ойраты были разбиты и обращены в бегство. Маньчжуры беспощадно истребляли всех, кого им удавалось настигнуть. Один из высших ойратских лам, Делег-гелун, бежавший в Россию из района Или, в письме 17 июля 1757 г. рассказывал, что маньчжуры всех, «кто б им из зенгорцев в руки не попал, то уже, как мужск[их], женск[их], больших и малых, ни единого не упущая, наголову побивают» [57].

22 июля представители маньчжурского командования появились в районе Семипалатинска. В беседе с русскими властями они заявили, что посланы для усмирения и истребления бунтующих ойратов и поимки Амурсаны. По словам прибывших, маньчжурские войска разгромили ойратские улусы в долине р. Боротала, но захватить Амурсану им не удалось. А так как бежать ему, кроме России, некуда, маньчжурское командование хочет знать, не обнаружен ли Амурсана в пределах российских, дабы войска «напрасно о нем сыску иметь не могли». Для поисков Амурсаны и других «таковых злодеев» невдалеке находится маньчжурская армия численностью в 50 тыс. человек во главе с шурином императора [58]. Маньчжуры выражали надежду, что русские власти выдадут им Амурсану.

Между тем Амурсана, потерпевший ряд поражений, 28 июля 1757 г действительно явился в Семипалатинск, прося убежища. Он был принят местным командованием и через два дня доставлен в Ямышево. Здесь он заявил, что болен. После оказания ему медицинской помощи 31 июля он был отослан в Тобольск. В беседе с вице-губернатором Сибири Грабленовым Амурсана сообщил, что он прибыл в Россию, как и другие ойратские князья, убедившись, что «Зенгория вся разорена и множество народу побито» [59]. Следуя к русской границе, Амурсана подвергся нападению отряда казахов Аблай-султана, действовавшего в это время в союзе с маньчжурами. Он лишился всего скота и имущества, а люди его были либо убиты, либо захвачены в плен казахами. С восемью спутниками он бежал к Ир-

[54] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1757, д. 2, л. 446.
[55] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1757, д. 6, л. 79.
[56] Там же.
[57] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1757, д. 2, л. 232.
[58] Там же, л. 245.
[59] Там же, л. 250.

тышу. Теперь он просит Грабленова, чтобы к нему направляли подчиненных ему ойратов (всего около 4 тыс. человек), идущих разными дорогами и тропами к русской границе.

Правительство маньчжуров решило любой ценой заполучить в руки Амурсану и других вождей ойратской освободительной борьбы. Еще в конце 1756 г. из Пекина в Петербург было отправлено письмо, извещавшее русское правительство, что ойратский народ принят в маньчжурское подданство, а изменник Амурсана бежал к казахам, к которым отправлены маньчжурские войска с требованием выдать Амурсану и других его сообщников. В ответном письме от 20 мая 1757 г. правительство России отклонило требование о выдаче ойратских беженцев, ссылаясь на то, что ойраты и их князья были не подданными императора маньчжуров, а независимыми. Поэтому, говорилось в письме, маньчжурские власти могут лишь просить, а не требовать выдачи Амурсаны, русские же власти не обязаны выдавать им этого человека, но могут это сделать в интересах дружбы, если Амурсана будет обнаружен в пределах России. Этот уклончивый ответ не удовлетворил императора маньчжуров. Находившийся в это время в Пекине представитель правительства России Братищев докладывал, что маньчжурские правители угрожают России войной.

14 июня 1757 г. пекинское правительство отправило в Петербург новое письмо, извещавшее, что маньчжурские войска отбили у Амурсаны обоз, в котором обнаружили четыре письма русских пограничных начальников, предлагавших Амурсане перейти в русское подданство. На этом основании правительство маньчжуров обвиняло русские власти в поддержке бунтовщиков и решительно требовало выдачи Амурсаны и его сообщников.

Амурсана был поселен в окрестностях Тобольска, где жил в полном довольстве, ожидая возвращения из Петербурга Давы. Но 15 сентября 1757 г. Амурсана вновь заболел и через шесть дней скончался в возрасте 35 лет. Монгольский народ сохранил память об Амурсане, как о вожде всенародного освободительного движения против маньчжурских завоевателей, как о борце за монгольскую независимость [60].

Между тем маньчжуры неустанно искали Амурсану. Получив сведения, что он утонул в Иртыше, они послали специальный отряд, чтобы обыскать дно реки. Когда пришло официальное извещение о том, что Амурсана был задержан русскими властями и что он, находясь в заключении, умер от оспы, маньчжурские правители потребовали выдачи им его трупа. Отклонив это требование, правительство России 1 ноября 1757 г. предложило Сибирскому губернатору отправить тело Амурсаны на границу, в Кяхту, и пригласить представителей маньчжурской администрации, чтобы они могли убедиться в его смерти. 18 февраля 1758 г. пекинское правительство направило русским властям письмо, в котором император маньчжуров объяснял причины своей настойчивости в вопросе о выдаче ему Амурсаны тем, «что его, яко знатного бунтовщика и пренебрегателя милости моей, ни по какому образу, по правам нашим, простить нельзя» [61].

13 марта 1758 г. в Кяхту прибыли представители маньчжурских властей — несколько халхаских князей и чиновников, которым была дана возможность удостовериться, что Амурсана действительно мертв. Однако маньчжуры на этом не успокоились. 28 марта 1758 г. пекинское правительство направило русским властям новое письмо, в котором опять настаивало на выдаче трупа. Решительное отклонение русским правительством этого требования послужило толчком к резкому ухудшению русско-маньчжурских отношений. Почти вся переписка между Пекином и Петербургом в 1758 и 1759 гг. была посвящена вопросу о выдаче маньчжурам тела Амурсаны, а также передаче им ойратских повстанцев, бежавших в пределы России [62].

Маньчжурским завоевателям удалось окончательно подавить сопротивление ойратского народа лишь в 1759 г., когда был ликвидирован последний крупный очаг освободительной борьбы ойратов в горах Юлдуза.

---

[60] Академик Владимирцов писал: «Народная память сохранила лишь немногие черты истинного Амурсаны. Ему простили многое: его вероломство, нетвердость и непостоянство во взглядах и симпатиях, его честолюбие; народная память остановилась на одном моменте его бурной жизни: на борьбе с маньчжуро-китайцами; она приукрасила поступки своего героя и сделала его последним борцом за независимость, за независимое и славное существование ойратского племени» (см. *Б. Владимирцов.* Монгольские сказания об Амурсане. «Восточные записки», т. I. Л., 1927, стр. 271—272).

[61] Два китайских листа об Амурсане». «Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 4, 1875, стр. 10.

[62] В статье «Краткое известие о бывшем пред несколькими годами в Зенгорском калмыцком народе смятении, и происшедшем от того рассеянии и совершенной оному погибели», опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях» 14 декабря 1761 г. сообщалось, что известие о смерти Амурсаны вызвало «великую радость» маньчжурских правителей, «причем он столь дорог был для них, что им хотелось получить и мертвое его тело, для учинения над ним таких обрядов, по которым народ их видел бы, какой казни он от них ожидать имел, есть ли бы попался в их руки живой; но Сибирский губернатор почел за непристойно на то поступить, а вместо того удовольствовал их во уважение соседственной между обоими государствами дружбы тем, что с их стороны тело его на границе осматривано было двоекратно; сперва присыланными от мунгальского командира нарочными, а потом присланным для того ж из самого Пекина на здешнюю границу знатным человеком, имеющим чин Асхани Амба...»

Так было ликвидировано Ойратское ханство — последнее независимое монгольское государство. В то время как в других частях Монголии маньчжуры удовлетворились захватом власти и подчинением себе управления страной, в Джунгарии они решили полностью уничтожить коренное население. Все источники единодушно отмечают проводившееся маньчжурскими войсками методическое истребление ойратов. Сибирский летописец пишет, что в Джунгарии «люди и скот весь вырублены без остатку, так что и в плен их не брали, только те спаслись, которые могли убежать в Российские границы... Многие их князья в Тобольск приезжали»[63]. Ойратский народ, численность которого в описываемое время достигала, по данным китайских источников, 600 тыс. человек[64], был полностью, за исключением 30—40 тыс., бежавших в Россию, истреблен завоевателями. Небольшое число ойратских семейств сохранилось в районе Кобдо, присоединенном впоследствии маньчжурами к Халха-Монголии. Территория Ойратского ханства была использована маньчжурами как место ссылки и принудительного поселения.

[63] ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 362.
[64] См. *Н. Я. Бичурин* (Иакинф). Историческое обозрение ойратов.

Глава пятая

МОНГОЛИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ МАНЬЧЖУРСКОЙ ДИНАСТИИ

Гибель Ойратского ханства не могла не отразиться на международном положении Монголии, равно как и на общей обстановке в Средней Азии. После уничтожения самостоятельного Ойратского государства границы империи маньчжуров подошли вплотную к ханствам Средней Азии. Близость агрессивной маньчжурской державы создавала реальную угрозу независимости среднеазиатских государств. Ойратское ханство было беспокойным и опасным соседом, но оно в то же время прикрывало их от неизмеримо более сильного противника — маньчжурских завоевателей, экспансионистские планы которых отнюдь не ограничивались захватом Джунгарии.

Казахские феодалы, особенно феодалы Среднего жуза, вначале пытались оказать сопротивление маньчжурам, но, потерпев поражение, вынуждены были признать свою зависимость от маньчжурского императора. В 1759 г. в состав империи были включены княжества Восточного Туркестана. Завоеватели стали претендовать на господство над народами Алтая, с которых уже в 1758 г. начали взыскивать подати.

Опасность, нависшая над ханствами Средней Азии, вынудила их правителей принимать меры к защите своей самостоятельности[1]. Они обратились за помощью к шаху Афганистана Ахмету. Ахмет-шах весной 1763 г. направил в Среднюю Азию значительную армию, которая расположилась в районе Ходжента, между Кокандом и Ташкентом.

Разгром Ойратского ханства вызвал немалое беспокой-

[1] «Падение сильной Джунгарии, бывшей грозой для Средней Азии и, наконец, завоевание единоверной Малой Бухарии навели на всю Азию панический страх», — писал Ч. Валиханов (см. «О состоянии Алтышара». «Записки Имп. русского географ. об-ва», кн. 3, 1861, стр. 47).

© ГПНТБ СО РАН

ство и правящих кругов России, которые вплоть до 90-х годов XVIII в. опасались вторжения маньчжурских войск в русские пределы. В марте 1758 г. Военная коллегия сообщала Коллегии иностранных дел, что ею получены сведения о намерении маньчжурского правительства начать весной 1759 г. войну с Россией [2]. Русское правительство учитывало, что в условиях продолжавшейся войны с Пруссией и еще не ликвидированного восстания в Башкирии оно будет не в состоянии послать в Сибирь достаточно сильные войска. Этим объясняется сделанное в марте того же года от имени императрицы Елизаветы хану Малого жуза Нурали и хану Среднего жуза Аблаю предложение оказать русским войскам активную помощь в борьбе против маньчжуров, которые, «наруша мир, учинили на наши сибирские границы наступление» [3].

Правительство маньчжуров, упоенное своими успехами, длительное время держалось заносчиво и высокомерно по отношению к России. В конце 1759 г. маньчжурские власти, обращаясь к правительству России, писали, что позиция Русского государства, не желавшего вмешиваться в маньчжуро-ойратскую войну, объясняется тем, что Россия «ни силы, ни возможности к тому не имела: в противном же случае от победоносного китайского войска тогда бы и российские силы вместе с зенгорцами легко разбиты были» [4].

Не желая доводить дело до открытого разрыва, русское правительство в 1762 г. приказало местным властям передать маньчжурам требуемых ими 280 человек из перебежавших в Россию монголов. Маньчжуры увезли переданных им людей в район Улясутая и здесь учинили над ними кровавую расправу, казнив всех мужчин. Женщины и дети были превращены в рабов и отосланы в Пекин. Вскоре после этого, 29 марта 1763 г., правительство России издало указ, разрешавший принимать монгольских и иных перебежчиков, отводить им место для поселения и кочевок; принудительная их высылка и передача маньчжурским властям были запрещены.

В 1785 г., воспользовавшись мелким пограничным инцидентом, правительство маньчжуров направило в Петербург новую серию писем, в которых пыталось запугать Россию своей «великой силой». Однако к этому времени обстановка в Русском государстве существенно изменилась. Россия укрепилась на берегах Балтийского и Черного морей. Упрочение международного положения России отразилось на характере

[2] АВПР, ф. Зенгорские дела, 1758, д. 2, л. 17.

[3] *А. Левшин.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей, ч. 2. СПб., 1832, стр. 225.

[4] *Николай Бантыш-Каменский.* Дипломатическое собрание дел..., стр. 296.

ответа Петербурга Пекину. Отвечая на маньчжурскую угрозу послать «великое войско, мня по-видимому нас устрашить», письмо русского правительства от 6 июля 1785 г. гласило: «Ведайте же, что империя Российская выше всякого страха; что она между множеством бранных и сильных соседей обитая, находится всегда в полном сплочении, что окрестные государства довольно опытом сознали тягость силы и оружия ея, что войска наши весьма поворотливы и скоро там бывают, куда их нужда зовет» [5]. Одновременно с письмом маньчжурскому правительству были посланы указания о мерах мирного урегулирования возникших конфликтов командующему войсками Сибири генерал-поручику Якоби. Эти указания заканчивались требованием, чтобы с представителями маньчжурского правительства «все вышние и нижние чины службы Нашей говорили гласом твердости и величия..., чем отымется у них повод заводить с нами споры в надежде найти всегда со стороны Нашей податливость» [6].

Маньчжурские завоеватели, однако, не рискнули привести в исполнение свои экспансионистские планы. Они остановились на западных и северных рубежах Ойратского ханства и Восточного Туркестана, не переступив за эти пределы.

Одной из причин, объясняющих отказ маньчжурских феодалов от дальнейших завоеваний, была их неуверенность в монгольском тыле. Они не рискнули начать новую захватническую войну, опасаясь, что народные массы Монголии вновь поднимутся на борьбу против маньчжурского господства и возобновится движение за присоединение Монголии к России. Беспокойство маньчжурских правителей было, как мы увидим ниже, не лишено оснований.

Важнейшее место в политике маньчжурских властей по отношению к покоренным ими народам, в том числе к монголам, занимала система изоляции одного народа от другого, а всей созданной ими империи — от внешнего мира.

Еще в 1757 г. император маньчжуров утвердил инструкцию о торговле китайских купцов с русскими в Кяхте. Статья третья этой инструкции требовала, чтобы «монголов без опытных купцов... и совсем к торгу не допускать, дабы они ошибками не сделали расстройства общей связи» [7]. Выше отмечался ряд других мер, направленных к тому, чтобы нарушить связи между монгольским и русским народами, не допустить развития отношений между ними. Не менее настойчиво добивались маньчжуры прекращения всяческих связей монголов

[5] ЦГАДА, ф. Воронцовых, д. 639, л. 10.

[6] ЦГАДА, ф. Воронцовых, д. 892, л. 1.

[7] ЦГАДА, ф. 181, д. 1098. «Инструкция по торговле с Россией».

с китайцами. Они ограничили торговый обмен между монголами и китайцами и поставили этот обмен под строгий контроль своих местных органов власти. В январе 1776 г. три русских студента, изучавшие в Пекине китайский и маньчжурский языки, Агафонов, Бакшеев и Парышев, беседовали с группой маньчжурских солдат. Те им сообщили, что маньчжурские командиры строго следят за тем, «чтобы мунгалы без причины не имели вход в китайский курень, а китайцы — в маньчжурский и тем строгим смотрением всех солдат томят, мучат и не дозволяют без ведома за версту из лагерей выходить» [8].

Проводившаяся маньчжурскими правителями политика изоляции была глубоко реакционной, обрекавшей Монголию, как и всю империю, на отсталость и застой.

Народные массы Монголии после кровопролития 1754—1758 гг. более столетия не находили в себе сил на широкое и активное сопротивление. Освободительная борьба в этот период не была общей для всей страны, она выливалась в отдельные, хотя и многочисленные частные конфликты, имевшие локальный характер. В большинстве случаев они принимали форму петиций с жалобами на тех или иных представителей маньчжурской или местной монгольской администрации. Перебежки в Россию, так же как и самовольные откочевки крестьян от своих владельцев, почти полностью прекратились.

Внутреннее положение Монголии во второй половине XVIII—начале XIX в.

Главной целью маньчжурской политики в Монголии было превращение страны в достаточно сильное, но послушное орудие борьбы за интересы династии, за осуществление экспансионистских планов маньчжурских феодалов.

Вот почему в течение почти всей второй половины XVIII в. главное внимание маньчжурских властей было направлено на ликвидацию последствий разорительных войн с Ойратским ханством и установление порядка в Халхе.

Особый ущерб маньчжуро-ойратские войны нанесли экономике Халхи. Значительная часть населения нищенствовала. Положение страны было настолько тяжелым, что вынудило правительство маньчжуров в 1758 г. принять ряд крайних мер. Аймак Цецен-хана был на три года освобожден от всяких поборов и повинностей, аймаку Тушету-хана было выделено 10 тыс. лан для оказания помощи бедствующему населению, аймак Сайн-нойон-хана на год освобождался от поставки лошадей и т. п. Эти меры, помимо стремления приостановить хозяйственный упадок страны, преследовали демагогическую цель — укрепить в массах монгольского населения доверие к маньчжурской династии.

[8] ЦГАДА, ф. 181, д. 1098, л. 55.

С самого начала своего господства в Халхе маньчжуры (как уже упоминалось выше) взяли курс на ослабление власти ее ханов и князей. Известно, что одним из важнейших средств к достижению этой цели явилось дробление ханств и княжеств.

Подчинив себе Монголию, маньчжурские завоеватели не затронули основ ее социального строя. Классовая структура монгольского общества, существовавшая до потери страной независимости, сохранилась и при маньчжурах. Они подтвердили все привилегии монгольских феодалов, в основе которых лежала полная собственность князей на основное средство производства — землю. Князья и тайджи, как и раньше, пользовались налоговым и судебным иммунитетом, из их среды формировался аппарат власти в Монголии. Преимущество при замещении должностей отдавалось тем, кто отличался преданной службой маньчжурам или богатством. Степень знатности постепенно утрачивала свое решающее значение при утверждении того или иного феодала в должности и звании.

Маньчжурские правители установили для монгольских феодалов новые звания и новый табель о рангах. Сохранив титул ханов, они учредили шесть княжеских степеней, которым дали маньчжурские наименования. Для каждой из этих степеней были введены особые знаки различия и церемониальные одежды. В 1733 г. всем монгольским феодалам было определено годовое жалованье серебром и шелком из средств маньчжурской казны [9].

Сложная система различий и привилегий должна была затруднить объединение монгольских князей и перевести их на положение чиновников, благополучие которых целиком зависело от расположения и милостей императора.

Этим же целям служили браки между монгольскими князьями и маньчжурскими принцессами и княжнами, рассматривавшиеся императорами как награда за особые заслуги перед династией. Для зятьев императора были введены особые почетные звания—«эфу»; они получали дополнительное жалованье серебром и шелковыми тканями, а их мужское потомство пользовалось преимуществом при получении титулов и в продвижении по служебной лестнице. Такие браки давали

[9] «Уложение Китайской палаты внешних сношений», т. I, ч. I, гл. II. СПб., 1828, стр. 20—30; гл. XII, стр. 133—151.

© ЛитРес

маньчжурскому дому еще одно средство воздействия на монгольских феодалов, интересы которых оказывались связанными с интересами династии.

Маньчжурские власти не забыли и беспоместных дворян-тайджи, составлявших довольно значительную часть класса монгольских феодалов. Они выделили каждому невладетельному князю и тайджи известное число аратских семейств за счет крепостных владетельных князей. В дальнейшем подобные пожалования были узаконены и вошли в маньчжурское законодательство по управлению Монголией. К князьям приписывалось от 30 до 60 аратских семейств, к тайджи — от 4 до 15 семейств. Семьи, прикрепленные к князьям и тайджи, составили особое сословие — «хамджилга».

Хамджилга были обязаны служить пожизненно своим новым хозяевам и их потомкам, к которым переходили вместе с имуществом умершего. В то же время они могли быть проданы своими господами, подарены или отданы в ламы. По закону хамджилга выделялись «для разных домашних прислуг и других употреблений»; они использовались своими хозяевами на пастьбе, в извозе и на других работах. Хамджилга не имели права отказаться ни от какой работы, предложенной им феодалами. Вместе с тем хамджилга были свободны от каких-либо повинностей в пользу хошунных дзасаков и не привлекались к военной службе, продолжая во время войны обслуживать семью своего господина и его хозяйство.

В распоряжении дзасаков находилась самая большая часть аратства, представлявшая сословие, члены которого выполняли повинности как хошунные, в пользу дзасаков, так и общемонгольские, в пользу маньчжуров. Это сословие называлось «албату»[10].

Главной обязанностью албату было содержание дзасака и членов его семьи. Уложения 1789 и 1815 гг. обязывали албату вносить своим дзасакам ежегодный оброк. Албату, имевшие сорок и больше овец, пять и больше голов рогатого скота, платили феодалу оброк в размере трех баранов. Кроме того, они обязаны были принимать на себя издержки, связанные с несением феодалом государственной службы и с чрезвычайными событиями в семье феодала, т. е. с поездками на сеймы, в Пекин, перекочевками, свадьбами и т. д. Князь, которому принадлежало более ста семейств албату, имел право получить от каждых десяти хозяйств одну лошадь, одну бычью упряжку с телегой и т. п. Такова была рента, которую монгольские араты иостари вносили своим господам. Однако этот

[10] Албан — налог, подать, повинность; албату — люди, обязанные вносить налоги, подати и выполнять повинности.

оброк составлял лишь ничтожную часть всех налогов и повинностей, возложенных на албату. Содержание маньчжурского военно-феодального аппарата также ложилось на плечи монгольского крестьянства.

Маньчжуры не облагали Монголию сборами в пользу своей казны. Однако эта кажущаяся мягкость лишь маскировала чрезвычайно тяжелое бремя поборов и повинностей в пользу маньчжуров, которые араты несли в самых различных формах: в виде барщины, продуктовой и денежной ренты. Маньчжурские власти переложили на монгольских аратов огромные расходы по охране границ, обеспечению своих коммуникаций с Джунгарией, транспортировке войск, военных грузов и чиновников, по содержанию монгольского ополчения и др.

Особенно тягостной и ненавистной для трудящихся была уртонная (почтовая) повинность, которая отнимала у них не менее 45% всех принадлежавших им рабочих лошадей.

Маньчжурские правители отлично понимали, что их чиновники живут не столько на ничтожное жалованье, получаемое ими от казны, сколько за счет «доходов» от населения. Очевидцы рассказывали, что когда в 1834 г. маньчжурский наместник в Улясутае объезжал монгольские пограничные караулы, расположенные вдоль границы с Россией, для прокормления сановника и его свиты с окрестного крестьянства был собран скот из расчета пять баранов в день наместнику, два барана — старшему чину свиты и один — младшему. Так как это количество скота намного превышало потребности чиновников в продовольствии, то они продавали оставшийся скот тем же крестьянам по ценам, вдвое выше обычных[11].

Русский консул в Урге Шишмарев, около 40 лет пробывший на этом посту, рассказывал, что маньчжурский амбань, казенное жалованье которого составляло 600 лан в год (около 1200 руб. по курсу того времени), получал от местного населения бесплатное натуральное довольствие, стоимость которого достигала 40 тыс. руб. в год[12]. Ургинский амбань в 1909 г., объезжая границу с Россией, собрал с крестьян в свою пользу около 60 тыс. руб.[13].

К многочисленным поборам в пользу маньчжуров и монгольских светских феодалов добавлялись еще расходы по со-

[11] «Поездка Монгольского губернатора по русско-китайской границе». Рассказ казака. «Библиотека для чтения», т. 133. СПб., 1885, стр. 33—34.

[12] «Донесения русского консула в Урге Шишмарева о положении Монголии». «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XXII. СПб., 1886, стр. 157.

[13] *М. И. Боголепов* и *М. Н. Соболев*. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция в Монголию. Томск, 1910, стр. 149.

держанию церкви и стотысячной армии лам. Все эти тяготы, бесконечные повинности, налоги всех видов делали жизнь трудящихся масс Монголии чрезвычайно тяжелой.

Государственный строй Монголии

В период независимости феодальные ханства и княжества Монголии имели несложный аппарат власти. В каждом из них всеми делами своего владения единолично управлял дзасак, не нуждавшийся в услугах постоянных кадров чиновников.

Маньчжурские власти уделили много внимания организации управления Монголией. В 1789 г. был издан первый свод законов, так называемое «Уложение китайской палаты внешних сношений», который был затем пересмотрен, дополнен, утвержден новым императором Цзя-цином (1796—1820) и издан в 1815 г. Уложения узаконили маньчжурскую систему управления с ее сложной феодально-бюрократической иерархией.

Уложения 1789 и 1815 гг. были не только кодексами законов, но и своего рода соглашениями между маньчжурской династией и монгольскими феодалами. Они обязывали последних служить маньчжурским властям всеми своими людскими и материальными ресурсами. Маньчжуры же гарантировали монгольским феодалам сохранение их прав и привилегий. В эксплуатации аратства были заинтересованы как монгольские феодалы, так и маньчжурские завоеватели; это делало их союзниками. Созданный маньчжурами аппарат власти должен был увековечить существование отсталой, раздробленной феодальной Монголии.

Маньчжуры всеми мерами помогали монгольским феодалам держать аратов в полном подчинении. Оскорбление феодала «простолюдином» было преступлением, за которое маньчжурские законы предусматривали суровое наказание. «Кто из простолюдинов дерзнет поносить или злословить явно монгольского князя, — гласил закон, — тот подлежит наказанию». Степень наказания зависела от положения, занимаемого «оскорбленным» [14]. Чем более высоким было это положение, тем более тяжкая кара ждала оскорбителя. «Если какой-либо необузданный раб, — говорилось в другом законе, — посягнет на жизнь своего господина и успеет совершить злодеяние, изрезать такого злодея на части» [15].

На нижней ступени иерархической лестницы стоял дарга (старшина), возглавлявший традиционный монгольский «десяток» аратских хозяйств. Пятнадцать таких десятков составляли сомон, глава которого — сомонный дзангин (начальник) имел в своем распоряжении нескольких помощников. В мирное время все они представляли собой обычных феодальных чиновников, наблюдавших за выполнением аратами распоряжений властей. В крупных хошунах пять-шесть таких сомонов объединялись в дзалан, имевший своего начальника. По делам гражданского управления каждый сомон подчинялся непосредственно тусалакчи (помощнику) хошунного дзасака.

[14] «Уложение Китайской палаты внешних сношений», т. II, ч. 3, гл. XX, стр. 172.

[15] Там же, гл. I, стр. 77.

Хошунный дзасак имел над собой твердую и суровую власть в лице маньчжурского императора, который мог сместить его с должности, но внутри хошуна он оставался неограниченным царьком. Своим владением дзасак управлял с помощью целого штата чиновников: двух-трех помощников, утверждавшихся в должности императором, дзахирахчи (управляющего военными делами), мейрена (управляющего финансами), писарей, адъютантов и охраны.

Хошуны объединялись в аймаки, или сеймы. Закон требовал, чтобы хошунные князья регулярно, раз в три года, собирались на съезды для подведения итогов периодических переписей и связанных с ними переформирований сомонов, обсуждения указов императора и распоряжений Палаты внешних сношений, раскладки между хошунами повинностей и т. п. В периоды между съездами аймаки управлялись старшиной сейма (чулган-дарга), который был, однако, только посредником между Палатой внешних сношений и хошунными дзасаками, а также между последними и амбанями. Вмешиваться в дела хошунов по своей инициативе чулган-дарга не имел права.

В каждом аймаке был свой тусалакчи цзянь-цзюня, который командовал войсками всех хошунов аймака и был помощником чулган-дарги по военным делам. В аймачном звене все монгольские руководящие чиновники подлежали утверждению императором маньчжуров. Если маньчжуры, по крайней мере внешне, не вмешивались во внутренние дела хошунов, то в аймачном звене всеми делами фактически руководили их амбани. Над всеми аймаками Монголии стояла власть Улясутайского цзянь-цзюня, которому непосредственно были подчинены все аймачные командующие войсками, а также в порядке верховного надзора были подконтрольны все гражданские власти Внешней Монголии. Над всеми органами власти Внешней Монголии стояла Палата внешних сношений в Пекине, а над ней — император, верховный повелитель всех монголов. Он награждал, раздавал титулы и чины. Право помилования и право утверждения смертных приговоров принадлежало также только ему.

Таков был аппарат власти, созданный маньчжурами во Внешней Монголии. Маньчжурские законы и суды, застенки и тюрьмы, маньчжуро-китайские гарнизоны в Улясутае, Урге и Кобдо должны были служить монголам постоянным напоминанием о могуществе их маньчжурского правителя и о близости его карающей руки, готовой обрушиться на непослушных.

В 1781 г. по приказу императора маньчжуров началось уточнение границ между хошунными владениями. В 1806 г. появилась первая административная карта Внешней Монголии, на которую были нанесены 105 княжеств Халхи и Кобдоского округа.

Одним из результатов маньчжурского завоевания было образование значительного слоя монгольской феодальной бюрократии. После 1758 г. расширение управленческого аппарата стало проводиться ускоренными темпами. В 1761 г. были установлены должности амбаней в Урге, Улясутае и Кобдо, причем в каждом из этих пунктов наряду с монгольским амбанем, утверждавшимся Пекином, должен был находиться амбань из маньчжуров, непосредственно назначаемый маньчжурскими властями. Эта система оставалась неизменной до самого конца маньчжурского господства.

В 1762 г. маньчжуры переименовали аймаки Халхи, носившие исстари имена своих ханов. Так, аймак Цецен-хана стал называться сеймом Керулен-барс-хото, Тушету-хана — сеймом Богдо-хан-ула, Сайн-нойон-хана — сеймом Цецерлинг-мандал, Дзасакту-хана — сеймом Цзаг-гол [16]. Одновременно им были вручены особые знамена: аймаку Тушету-хана—желтое с каймой, аймаку Цецен-хана—красное, аймаку Сайн-нойон-хана—желтое, аймаку Дзасакту-хана — белое.

Маньчжурское правительство потребовало, чтобы все князья и тайджи регулярно, раз в три года, являлись ко двору императора для поднесения дани и поздравления с новым годом. Маньчжуры, тщательно следившие за поведением своих вассалов, получали благодаря этим визитам возможность непосредственно реагировать на их поведение, награждая одного и карая другого.

Ламаистская церковь

Привилегированным сословием в стране было и ламство. Верующие отдавали одного из своих сыновей в монастыри. Там они с семилетнего возраста начинали жизнь лам. В дальнейшем им предстояло пройти ряд ступеней монашеского посвящения.

[16] «Уложение Китайской палаты внешних сношений», т. I, ч. I, гл. I, стр. 6—12.

Первая ступень — баньди — была непременной для каждого будущего ламы. В течение 10 и более лет баньди под руководством бакши (учителя) должны были постигать ламаистскую обрядность, изучать тибетские молитвы и свои обязанности. Фактически баньди, слепо повиновавшиеся своим наставникам (бакши), больше всего были заняты их обслуживанием. Бакши имели право наказывать баньди и широко пользовались этим правом. Молодым ламам внушались чувства почтения к старшим, безусловное послушание, кротость и смирение. Монгольскому языку в монастырях не обучали, поэтому подавляющее большинство лам в дореволюционной Монголии не умело читать и писать на родном языке. Все монастыри в Монголии совершали богослужения на непонятном народу тибетском языке.

В возрасте от 15 до 30 лет молодой лама мог подняться на ступень выше и подготовиться к принятию обетов гецуля. Главную роль при этом играли не обеты и не экзамены, а характеристика бакши. Степенью гецуля, как правило, заканчивалось продвижение простого ламы по лестнице церковной иерархии.

Так была положена грань между огромной массой рядовых лам и ламской верхушкой. Низшие ламы, еще вчера бывшие простыми аратами-скотоводами, пришли в монастырь из-за нужды и темноты. К ним вполне применима характеристика, данная Энгельсом духовенству эпохи крестьянской войны в Германии. «Духовенство, — говорил Энгельс, — распадалось на два совершенно различных класса. Духовная феодальная иерархия составляла *аристократический класс*». Что касается плебейской части духовенства, то «они стояли... достаточно близко к условиям жизни массы, чтобы сохранить бюргерские и плебейские симпатии» [17].

Низшие ламы, чуть ли не с пеленок воспитанные в духе беспрекословного подчинения начальству, служили послушным орудием в руках ламской верхушки, которая с их помощью осуществляла свое воздействие на аратство Монголии. Ламы прививали аратам благоговение к наставникам, особенно к богдогэгэну. Получая систематически отпуска из монастыря, лама половину года, а то и больше проводил дома, где помогал своим родичам пасти скот. В степи он считался самым авторитетным человеком. К нему обращались как к врачу и ветеринару, у него узнавали, в какой день начать перекочевку или назначить свадьбу, советовались по всем важным для арата вопросам. Лама был источником сведений о различных событиях, он же толковал эти события.

[17] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. VIII, стр. 120, 121.

Ламы были проводниками влияния монгольских феодалов и маньчжурской династии среди аратов. Используя ламство, маньчжурские поработители и монгольские феодалы стремились подавить в народе волю к борьбе за улучшение условий жизни. Ламаистская церковь — один из важнейших феодальных институтов—представляла собой надежный оплот маньчжурского господства и власти феодалов. Она была мощной идеологической, политической и хозяйственной организацией, пользовавшейся исключительным религиозным влиянием в массах трудящихся. Трудно было найти в стране семейство, хотя бы один из членов которого не был ламой.

Своим могуществом в Монголии ламаистская церковь была обязана маньчжурским завоевателям и монгольским феодалам. Первые богдо-гэгэны, опираясь на финансовую поддержку маньчжурских правителей, развернули широкое строительство монастырей, организовали подготовку высшего духовенства в монастырских школах, где преподавались богословие, астрология, тибетская медицина и т. п. В распоряжении богдо-гэгэна находился мощный пропагандистский аппарат из десятков тысяч лам. Все это обеспечивало богдо-гэгэнам исключительное влияние в стране. Так складывались условия для превращения богдо-гэгэнов в теократических монархов, держащих в своих руках не только церковную, но и светскую власть.

Однако усиление власти богдо-гэгэна не могло не встревожить маньчжурскую династию. Она не для того расчленила Халху на десятки независимых друг от друга княжеств, чтобы допустить объединение страны под властью богдо-гэгэнов. И маньчжурские правители приняли меры к предотвращению этой возможности.

Еще в 1741 г. пекинское правительство учредило при особе богдо-гэгэна должности двух «телохранителей». В 1754 г. был издан новый указ, лишавший богдо-гэгэнов права непосредственно участвовать в светских делах своих крепостных. Управление этими делами передавалось в ведение специального учреждения, так называемого шаби-ямына, во главе которого должен был стоять особый чиновник из лам,— шанзодба, утверждаемый в этой должности императором маньчжуров. Желая уничтожить единодержавное управление делами духовного ведомства, пекинские правители указом 1758 г. установили в Урге должность амбаня. В указе говорилось, что «для управления всеми низшими шабинарами недостаточно одного только человека» [18] и что новый амбань должен будет управлять ими

[18] *А. Позднеев.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг., т. I. СПб., 1896, стр. 67.

вместе с шанзодбой [19]. Но этот чиновник был все-таки монголом. В 1761 г. был назначен второй амбань, на этот раз из маньчжурских сановников.

Ликвидация Ойратского ханства позволила маньчжурам принять решение, которое, как им казалось, навсегда устраняло опасность того, что один из богдо-гэгэнов станет объединителем Монголии. Правительство маньчжуров постановило, что богдо-гэгэны не должны быть выходцами из семей монгольских феодалов. Провести в жизнь такое решение маньчжурам не стоило особого труда: далай-лама, руководствуясь «советами» Пекина, неизменно отказывал в утверждении выставлявшихся Халхой кандидатур на роль «перевоплощенцев» Джебдзун-Даранаты. Второй богдо-гэгэн, умерший в 1758 г., был последним главой церкви, родиной которого была Халха. Все его преемники были тибетцами.

Гэгэны, привезенные в Халху из Тибета, будучи в ней чужестранцами, не зная страны и народа, не могли претендовать на авторитет, подобный авторитету и влиянию первых двух гэгэнов.

Халхаские же феодалы были весьма заинтересованы в том, чтобы иметь в качестве духовного владыки человека, с помощью которого они могли бы отстаивать свои позиции перед Пекином. Убедившись в невозможности добиться назначения своего ставленника, халхаские феодалы решили вообще отказаться от чести иметь в Халхе резиденцию богдо-гэгэна, содержание которого требовало крупных затрат. В конце 50-х годов XVIII в. они выступили перед Пекином с предложением поселить нового богдо-гэгэна в Долонноре, взять его на содержание маньчжурского казначейства, а шабинаров в Халхе передать в распоряжение халхаских феодалов. Однако эти предложения были отклонены. Специальная статья, включенная в Уложение, гласила: «Да будет известно всем монголам и прочим народам, исповедующим ламскую веру, чтобы те, которым предоставлено право доносить... о смерти какого-либо хутухты или ламы высшей степени и объявлять места их возрождения, отнюдь не указывали на родившихся в то время... детей и внуков всех монгольских ханов, разностепенных князей и тайджи... иначе подвергнутся за сие строжайшей ответственности» [20]. Чтобы полностью гарантировать себя от возможности появления в Монголии нежелательных им церковных руководителей, маньчжурское правительство присвоило себе право утверждения не только богдо-гэгэнов, но и других крупных деятелей церкви. Закон определил, что «никакой хубилган не может быть признан за таково-

[19] *А. Позднеев.* Монголия и монголы..., стр. 67.

[20] «Уложение Китайской палаты внешних сношений», т. II, ч. 4, гл. V, стр. 205.

го, если не будет утвержден в сем звании законным порядком от установленных властей»[21].

Порядок, утвержденный этим законом, заключался в следующем: предложенные кандидаты проходили двукратную жеребьевку, в Пекине и Лхассе. В Пекине жребий тянули чиновники Палаты внешних сношений и настоятель Пекинского ламаистского монастыря, ставленник маньчжурских властей, а в Лхассе — далай-лама и маньчжурский резидент в Тибете. Кандидат, благополучно прошедший эти две жеребьевки, получал официальное подтверждение, что именно в его телесную оболочку переселился святой; это в свою очередь давало ему право на управление соответствующим монастырем, распоряжение его богатствами, шабинарами и т. д. При таком способе возможность получения неугодными маньчжурам лицами важных церковных должностей сводилась к минимуму.

Надолго обезопасив себя от возможности превращения богдо-гэгэнов в теократических монархов, окружив их своими чиновниками и шпионами, маньчжуры крепко держали в своих руках ламаистскую церковь. Опираясь на поддержку маньчжурских властей, используя свое влияние в массах аратства, церковь стала к концу маньчжурского господства огромной силой. Быстро росло число шабинаров—крепостных церковных феодалов. В 1750 г. их было 30 тыс., в 1810 г.— 50 тыс., в 1862 г.—72 тыс., а к 1911 г. стало уже около 100 тыс.

Сословие шабинаров ведет свое начало с 1641 г., когда первому богдо-гэгэну, тогда еще ребенку, сиятельные родственники преподнесли в дар несколько семейств крепостных аратов. В дальнейшем вошло в обычай, чтобы владетельные князья в торжественных случаях дарили церковным феодалам или их монастырям своих крепостных. В шабинары переводились также араты, бежавшие из районов, подвергшихся стихийным бедствиям, и искавшие помощи в монастырях. Шабинары не несли повинностей в пользу светских князей и были освобождены от военной, уртонной и пограничной службы. Они подчинялись лишь власти своего церковного князя. Шабинары были наследственными крепостными церковных феодалов.

Так как церковные феодалы до конца маньчжурского господства не имели своей земли, за исключением самого богдо-гэгэна, то шабинары продолжали кочевать вместе с другими аратами на землях, принадлежавших светским князьям, хотя по отношению к последним шабинары не несли никаких повинностей. Светский феодал, подаривший духовному собрату часть крепостных, предоставлял ему также право пользоваться

[21] «Уложение Китайской палаты внешних сношений», т. II, ч. 4, гл. V, стр. 205—206.

своими земельными угодьями для выпаса скота аратов, ставших шабинарами. Шабинары обладали правом своеобразной экстерриториальности и могли быть судимы лишь судами церковных феодалов.

Изменение маньчжурской политики в Монголии во второй половине XIX в.

Политика маньчжурских завоевателей в Монголии страдала неразрешимыми внутренними противоречиями. С одной стороны, она была направлена на превращение монгольских феодалов в союзников, с другой — отражала страх завоевателей перед их усилением. По мере укрепления маньчжурского господства уменьшалась заинтересованность маньчжуров в монгольских князьях как в союзниках и на первый план выдвигалась задача превращения их в покорных исполнителей воли императора. Начиная со второй половины XVIII в. маньчжурские правители постепенно лишали монгольских вассалов предоставленных им в свое время льгот и привилегий. Они прекратили выплату жалованья большинству князей и тайджи. О былых почестях и наградах уже не было и речи.

Положение резко изменилось в середине второй половины XIX в., когда под ударами пушек Англии и других капиталистических государств рухнула маньчжурская система «варварской и герметической изоляции» (Маркс), когда иностранный капитал стал подрывать самые устои маньчжурского военно-феодального строя и власть начала ускользать из рук маньчжурской династии. Китай превращался в полуколонию, в которой решающие экономические и политические позиции стали переходить в руки капиталистических держав. В этих условиях маньчжуры вновь оказались перед необходимостью союза с монгольскими феодалами. Но, пожиная плоды своей собственной политики, они должны были признать, что не могут рассчитывать на сколько-нибудь эффективную помощь феодалов Халхи.

К середине XIX в. наметились коренные изменения в международном и внутреннем положении Монголии. Вслед за Китаем Монголия стала быстро вовлекаться в мировой капиталистический товарооборот. На мировом рынке повысился спрос на продукты монгольского животноводческого хозяйства. На этой основе стал быстро расти вывоз из Монголии скота и сырья. В качестве посредников между европейскими, американскими, японскими и другими капиталистическими фирмами и монголами выступили китайские компрадоры, купцы-ростовщики. В 60-х годах XIX в. Монголия была вновь открыта для непосредственного торгового обмена с Россией. Изоляции Монголии пришел конец.

В новых условиях продолжение традиционной политики маньчжурской династии в Монголии, сводившейся к консервации отсталых форм ее хозяйства, общественной жизни и культуры, было невозможно. Раньше всего подверглась пересмотру политика маньчжурских правителей в вопросах торговли. При всей примитивности монгольского хозяйства его товарность всегда была довольно высокой: не менее одной трети валовой продукции страна обычно отдавала внешнему рынку. Но если до маньчжурского завоевания Монголия отчуждала на внешние рынки только ту часть своей продукции, которая составляла ее действительные излишки, то после завоевания по мере сращивания маньчжурской бюрократии с китайским торгово-ростовщическим капиталом товаризация монгольского хозяйства стала искусственно форсироваться за счет все большего нарушения эквивалентности обмена в пользу китайских купцов-ростовщиков.

Проводя политику строгой изоляции монголов от народов России и Китая, маньчжурские власти решительно противились образованию китайских поселений на монгольской территории. Они издали законы, запрещавшие китайским женщинам под угрозой смертной казни переход через Великую стену. Не имея возможности полностью прекратить торговлю между монголами и китайцами, они стремились замкнуть ее в рамки пограничной меновой торговли. Меновые операции должны были производиться под постоянным наблюдением маньчжурских властей, в строго определенных пунктах. Закон гласил: «Торговля, производимая между китайцами и монголами на западной и северной границе, впредь должна продолжаться таким образом, чтобы китайские купцы и монголы съезжались в такие места, которые состоят под управлением главноначальствующих пограничных генералов и других амбаней» [22]. Маньчжурские власти вплоть до середины XIX в. выступали против перенесения торговли на монгольскую территорию. Китайским купцам было запрещено переходить границу без особого пропуска, который они должны были получать у пограничных властей. По истечении срока действия пропуска, не превышавшего одного года, они обязаны были вернуться в Китай. «Мера сия, — говорилось в законе, — необходима для того, чтобы шатающиеся сего рода торгаши, через долговременное пребывание в Монголии, не произвели каких-либо беззаконных связей и не нанесли через то вреда общественному спокойствию» [23]. Закон запрещал вывоз в Монголию железных изделий, за исключением домашней посуды и земледельческих орудий, «чтобы злонамеренные из монголов не перековали оных в воинское оружие» [24].

[22] «Уложение Китайской палаты внешних сношений», т. II, ч. 2, гл. VI, стр. 71.

[23] Там же.

Следует, однако, отметить, что суровые правила, регулировавшие и ограничивавшие монголо-китайскую торговлю, с течением времени стали все чаще нарушаться, терять прежнюю силу. С конца XVIII в. ламаистские монастыри в Монголии, являвшиеся единственными очагами оседлости, стали постепенно обрастать лавками, складами и жилищами китайских купцов и их служащих. Если сначала образование китайских факторий на монгольской территории шло медленно, то с 50-х годов XIX в. при поддержке и покровительстве пекинских и местных маньчжурских властей деятельность китайского компрадорского капитала в Монголии стала активизироваться.

До середины XIX в. китайское купечество было заинтересовано главным образом в сбыте изделий китайского ремесла и продуктов китайского земледелия, со второй же половины XIX в. оно стремилось вывезти из Монголии возможно больше продуктов скотоводческого хозяйства. Спрос на монгольский скот и сырье, прежде ограничивавшийся потребностями Шаньси-Шэньсийского района Китая, теперь неизмеримо вырос, подчиняясь запросам огромного мирового рынка.

Навязанный Китаю русским царизмом в ноябре 1860 г. Пекинский договор вновь открыл русским товарам доступ в Монголию. В 1861 г. в Урге появился русский консул, а еще через год была узаконена беспошлинная русско-монгольская торговля в полосе шириной 50 км по обе стороны русско-монгольской границы. В феврале 1881 г. в Петербурге был заключен новый договор с Китаем, по которому Россия получила право на беспошлинную торговлю на территории всей Монголии и на учреждение русских консульств в Кобдо и Улясутае.

Однако развитие русско-монгольских экономических связей встретило противодействие китайского купечества. Используя поддержку маньчжурской администрации и капиталистических монополий Англии, США, Японии и других стран, китайский торгово-ростовщический капитал преодолевал конкуренцию русских капиталистов и подчинял себе монгольскую экономику, закабаляя и разоряя монгольский народ. Монголия становилась колонией полуколониального Китая, в котором решающие экономические и политические позиции переходили в руки главных капиталистических государств.

Кредитуя товарами и деньгами монгольских феодалов и аратов, торгово-ростовщические фирмы Китая делали все для того, чтобы превратить их в неоплатных должников. Они начисляли

[24] «Уложение Китайской палаты внешних сношений», т. I, ч. I, гл. XI, стр. 130.

высокие проценты на первоначальную сумму долга. Через некоторое время на эту сумму с процентами начислялись новые проценты и так продолжалось до тех пор, пока погасить долг практически становилось невозможно. Китайские ростовщические фирмы ежегодно отбирали у монгольских аратов в счет погашения долгов и процентов все большее количество скота и сырья, которые вывозились в Китай, а оттуда на рынки Англии, США и других стран мира. Проведению этой хищнической политики содействовала существовавшая в Монголии система круговой поруки, по которой все население хошуна несло ответственность за долги каждого жителя данного хошуна. Практически это означало, что крестьяне должны были расплачиваться за долги князя.

Изменения в экономике и общественном строе Монголии во второй половине XIX в.

Феодальная собственность на землю в Монголии в конце XIX в. стала постепенно приобретать буржуазные черты. Право монгольских феодалов распределять пастбища и регулировать перекочевки в новых условиях, когда появился повышенный спрос на землю, автоматически стало превращаться в право продавать землю и сдавать ее в аренду. Особенно широко развернулись операции с землей во Внутренней Монголии, куда элементы капиталистических отношений начали проникать раньше, чем в Халха-Монголию.

С начала второй половины XIX в. в Монголии ясно наметилась тенденция к превращению натуральных форм феодальной ренты в денежную. С течением времени эта тенденция усиливалась и укреплялась, охватывая все новые районы страны. «Раньше, — пишут очевидцы, — уплата повинностей производилась скотом или пушниной; теперь же с каждым годом распространяется практика платежа их серебром. В этом отношении большую роль играют китайские и русские купцы, облегчившие хошунным властям обирание монголов» [25]. Аналогичные сведения сообщают многие исследователи и путешественники [26].

В конце XIX—начале XX в. широкое распространение получили купля-продажа и аренда земли в Монголии. Владетельный князь хошуна Дзасакту-вана Удай продал в 1892 г. харачинам (жителям одного из княжеств Внутренней Монголии) часть своего удела по цене 20 лан за 1 ли (около 0,5 кв. км). Богатые покупатели приобретали по нескольку участков, бедные — по одному или по половине. В 1903 г. этот же князь продал часть оставшейся у него земли китайским колонистам, а заключенные ранее сделки были им пересмотрены и с покупателей было истребовано еще по 36—40 лан [27]. В Ордосе китайские колонисты начали арендовать землю у монгольских владетельных князей еще в 60-е годы XIX в.

Как свидетельствуют многочисленные сообщения русских путешественников и официальные данные маньчжурских властей, торговля землей получила распространение и в Халха-Монголии. Например, в долине рек Селенги и Орхона на землях, арендованных у владетельных князей, образовался ряд земледельческих поселений. В одном случае князь, сдав часть земли своего хошуна в аренду, взял на себя обязательство охранять землю арендаторов, «для чего наряжает из хошуна несколько семей монголов, которые должны кочевать неподалеку от пашен и воспрещать как поселения здесь монголов, так и остановку в этих местах караванов» [28]. Аналогичные сведения мы находим в отчете членов Московской торговой экспедиции [29], в материалах экспедиции Соболева и Боголепова [30] и т. п.

Развитие товарно-денежных отношений и их проникновение в степь, в монгольские кочевья, повлекло за собой появление монгольского купечества, специализировавшегося на обмене скота, пушнины и другого сырья на чай, табак, текстильные и другие товары. В роли купцов выступали по преимуществу мелкие и средние чиновники, а также выходцы из зажиточных слоев крестьянства. Еще в первой половине XIX в. было замечено, что «монгольские чиновники, вместе с тем, и торговцы: каждый из них везет заодно с деловыми бумагами, кирпичный чай, табак, холст, и выменивает шкуры домашних животных и зверей» [31].

Особенностью этого купечества было то, что оно не играло в экономике страны сколько-нибудь заметной и самостоятельной роли. В подавляющем большинстве оно было подчинено китайским фирмам, по поручению, а часто и на средства которых вело торговлю.

Под влиянием новых факторов, связанных с вовлечением Монголии в мировой капиталистический товарооборот, в стране появились и стали крепнуть элементы новых общественных отношений. Но они не несли с собой подъема экономики и культу-

---

[25] *М. И. Боголепов* и *М. Н. Соболев*. Очерки русско-монгольской торговли, стр. 145.

[26] См. *А. Позднеев*. Этнографические заметки. Рукопись. Московский институт востоковедения, стр. 24.

[27] *А. Баранов*. Харачины в хошуне Чжасакту вана. В сб. «Материалы по Маньчжурии и Монголии», вып. 10. Харбин, 1907.

[28] *А. Позднеев*. Монголия и монголы, т. I, стр. 10.

[29] «Московская торговая экспедиция в Монголию». М., 1912.

[30] *М. И. Боголепов* и *М. Н. Соболев*. Очерки русско-монгольской торговли.

[31] «Поездка монгольского губернатора...», стр. 46.

ры страны, не способствовали облегчению положения ее народных масс. Наоборот, все источники единодушно отмечают обеднение Монголии и упадок ее культуры. Общее количество скота в стране и, следовательно, средняя обеспеченность монгольской семьи скотом быстро уменьшались. В ряде районов монголы стали ограничиваться двумя перекочевками в год. Кочевали они все более мелкими группами, объединявшими, как правило, два-три хозяйства; лишь изредка число хозяйств в группе доходило до 15—20. Традиционный монгольский народный праздник «надом», который прежде проводился регулярно один раз в три года, собирая в Ургу со всех концов страны до 20 тыс. монголов, принимавших участие в состязаниях,—стрельбе из лука, борьбе, скачках и т. п. —во второй половине XIX в. стал отмечаться с гораздо большими промежутками, с меньшим числом участников, не так пышно и богато.

Экономическое положение Монголии еще более ухудшилось в результате стихийных бедствий, постигших ее в 1868, 1869 и 1870 гг. и вызвавших массовый падеж скота.

Возраставшее обеднение страны неминуемо вело к падению доходов феодалов. Постоянно нуждаясь в деньгах, князья и тайджи обращались за помощью к ростовщикам, которые охотно ссужали их средствами, ибо знали, что система круговой поруки, при которой расплачиваться будут крестьяне, гарантирует им возврат ссуды с процентами.

Феодалы усиливали нажим на состоятельных крестьян, облагая их новыми тяжелыми поборами и повинностями, ускоряя тем самым разорение этого немногочисленного слоя монгольского крестьянства [32]. Результатом такой политики могло быть лишь дальнейшее, еще более ускоренное обнищание страны и народа. Положение усугублялось чрезвычайными поборами маньчжуров в связи с их военными мероприятиями. Проводились новые мобилизации монгольских ополченцев, строились казармы и крепости, по всей стране разъезжали чиновники и курьеры, причем вся тяжесть затрат по содержанию войск, строительству и транспорту падала на аратство.

В этих условиях благоприятные в климатическом отношении годы, дававшие более или менее значительный прирост поголовья скота в стране, даже если они следовали один за другим, как это было, например, в период 1883—1885 гг., могли лишь замедлить, но не остановить процесс разорения Монголии.

Все эти обстоятельства имели своим следствием дальнейшее расслоение внутри закрепощенного крестьянства. На одном полюсе сосредоточивались зажиточные крестьяне, помимо скотоводства, занимавшиеся торговлей и разного рода промыслами, а на другом — бедняки, животноводческое хозяйство которых не обеспечивало их средствами к существованию. Росла зависимость бедняков от богачей, без помощи которых они уже не могли кочевать. С другой стороны, зажиточные крестьяне, ощущая недостаток в рабочей силе для пастьбы своих стад и выполнения других работ, стали все чаще прибегать к найму батраков. Новые отношения нашли свое отражение в составе хотонов, которые стали объединять зажиточных аратов и эксплуатируемых ими бедняков.

Процессы, наметившиеся в Монголии во второй половине XIX в., получили дальнейшее развитие в первые десятилетия XX в. в эпоху империализма.

---

[32] «Приходилось встречать такие случаи, когда хошунная алба в три-четыре года окончательно разоряла довольно состоятельных монголов. Один монгол-торговец, разъезшавший по Западной Монголии с небольшим запасом товаров, жаловался, что он боится расширить удачно налаженное торговое дело, так как повышение его состоятельности, при наличии массы бедняков в его хошуне, прежде всего повысит притязания к его имуществу со стороны князя и он может прогореть в три года.» (*М. И. Боголепов* и *М. Н. Соболев*. Очерки русско-монгольской торговли, стр. 145, 146).

Глава шестая

МОНГОЛИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА. ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1911—1912 гг. И ОБРАЗОВАНИЕ АВТОНОМНОГО МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

Изменение маньчжурской политики в Монголии

По издавна установленному завоевателями режиму в Монголии не было крупных маньчжуро-китайских гарнизонов — их содержание обходилось бы империи слишком дорого. Службу по охране границ и поддержанию внутреннего порядка несли местные войска владетельных монгольских князей. Однако в новых условиях маньчжурские правители стали отходить от традиционной политики, готовя прямую оккупацию Монголии своими войсками.

Уложения 1789 и 1815 гг. отжили свой век; они уже не отражали новых взаимоотношений между монгольскими феодалами и маньчжурской династией. Если в давно прошедшие времена Монголия была нужна маньчжурам как союзно-вассальная страна, то теперь они стремились превратить ее в обыкновенную внутреннюю провинцию, управляемую обычной маньчжуро-китайской администрацией с помощью маньчжуро-китайских войск.

Старая маньчжурская политика препятствовала проникновению в Монголию китайской торговой и земледельческой колонизации. Теперь маньчжуры широко раскрыли двери Монголии для этой колонизации и взяли на себя роль защитников и покровителей китайских купцов-ростовщиков и колонистов-земледельцев. С начала XX в. в Монголию устремились тысячи трудящихся китайцев, завербованных маньчжурскими властями для заселения страны и в первую очередь пограничных с Россией районов. В дальнейшем эти районы и образовавшиеся здесь китайские поселения были освобождены от подчинения монгольским владетельным князьям. В них были созданы особые волости и уезды с китайскими органами власти, находившимися в ведении маньчжурской администрации.

Изменившееся отношение маньчжуров к китайской колонизации Монголии было вызвано стремлением, во-первых, ослабить недовольство китайского крестьянства, страдавшего от безземелья; во-вторых, воспрепятствовать укреплению позиций России в Монголии, образовав вдоль границы широкую полосу китайских поселений. Предполагалось, что таким путем будет создан прочный барьер, преграждающий путь русскому влиянию в Монголии. Маньчжуры не останавливались перед тем, чтобы в принудительном порядке переселять от границы в глубь страны коренное население и заменять его переселенцами из Китая, которые должны были по расчетам пекинских правителей стать их надежным оплотом.

Нараставшее в Монголии сопротивление новому курсу маньчжурских властей толкало маньчжурское правительство на путь укрепления собственной, маньчжуро-китайской администрации, на путь все более решительного оттеснения монгольских владетельных князей от власти. Маньчжуры перестроили и свою военную политику. Маньчжуро-китайские войска, ввод которых в Монголию подготавливался, должны были подавить сопротивление монголов, обеспечив необходимый маньчжурам внутренний порядок, а также усилить маньчжурские позиции на Севере.

Изменение маньчжурской политики своеобразно отразило межимпериалистическую борьбу за колонии, в частности, борьбу за монгольский рынок.

Ухудшение положения народных масс Монголии

В результате усиливавшейся грабительской эксплуатации аратства феодалами, ламаистской церковью, маньчжуро-китайской феодальной бюрократией и китайским торгово-ростовщическим капиталом углублялся процесс обнищания народных масс. Главное достояние аратов—скот все быстрее стал переходить в собственность китайских ростовщиков, крупных феодалов и монастырей. Араты же становились нищими или вынуждены были пасти чужие стада.

О бедственном положении аратов можно судить по рассказу тусалакчи хошуна Цэрэн-Дондоба из аймака Тушету-хана. Этот тусалакчи в 1892 г. сообщал, что население хошуна за последние шесть-семь лет до такой степени разорено, что не только не может выполнять повинности и платить долги, но не в состоянии себя прокормить: многие умерли от голода, а еще большее число людей ушло из хошуна. Хошунный дзасак Цэрэн-Дондоб и он, тусалакчи, обращались за помощью в аймачный сейм, просили освобождения от податей и повинностей или хотя бы отсрочки платежей по ним. Но просьбы их были отклонены, так

как все хошуны аймака находились в таком же положении. Аймачное начальство рекомендовало дзасаку и его помощникам любыми методами, вплоть до побоев, взыскивать с народа налоги. «Теперь мы дошли уже до того,—говорил рассказчик,— что если снять со всех нас последний халат и оставить голыми, так и то нельзя удовлетворить всего того, что с нас требуется» [1].

О хошуне Цэ-дзасака рассказывали, что все его жители были бедняками, пастухами стад китайских торгово-ростовщических фирм и возчиками их товаров. Сами китайцы, разъезжавшие по хошунам для сбора долгов, жаловались на то, «как обеднели монголы и как трудно стало собирать с них долги» [2].

Положение в других хошунах Внешней Монголии мало чем отличалось от хошуна Цэ-дзасака. Известно, например, что в 1912 г. в хошуне Гончик-чойнджон (аймак Сайн-нойон-хана) на одно аратское хозяйство приходилось в среднем всего по две лошади, по две головы рогатого скота и по 15 коз и овец. Зато на каждую юрту падало 100 лан общехошунной задолженности. Во владениях Нойон-хутухты в этом же аймаке 100 аратских хозяйств из 300 вовсе не имели скота или имели по нескольку коз и овец. Хошун Балдан-дзасака был настолько разорен, что для погашения текущих платежей хошунному князю пришлось обложить налогом охотников за право устанавливать капканы, эмчи (тибетских лекарей) за право лечить больных и даже нищих за право собирать милостыню.

На грабеже народа наживались в первую очередь китайские и русские купцы и ростовщики, крупные монгольские светские феодалы и ламаистские монастыри, накапливавшие огромные богатства в виде скота, товаров и денег. Но эти богатства не использовались их владельцами на развитие производительных сил страны, не вкладывались в народное хозяйство, не становились капиталом, а вывозились китайскими и русскими капиталистами за границу или обращались в сокровища, оседавшие в монастырях и у отдельных князей.

Замечание К. Маркса о ростовщическом капитале, который исторически предшествует промышленному капиталу, но не всегда превращается в последний, подтверждается опытом Монголии. Отмечая концентрацию денежных капиталов в руках ростовщиков, Маркс говорил: «Но как далеко заходит это разложение старого способа производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведет этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на место старого, — это зависит не от торговли, а от характера самого способа производства» [3].

[1] *А. Позднеев.* Монголия и монголы, т. I, стр. 20.
[2] «Московская торговая экспедиция в Монголию», стр. 132.
[3] *К. Маркс.* Капитал, т. III. Госполитиздат, 1955, стр. 344.

Внешняя Монголия к концу маньчжурского господства насильственно задерживалась маньчжуро-китайскими колонизаторами на очень низкой ступени исторического развития. Процесс концентрации богатства у ростовщиков и монастырей в условиях чрезвычайной отсталости экономики страны сопровождался превращением аратов в нищих, труд и рабочая сила которых не могли найти себе производительного применения. Монголия, управляемая феодалами, угнетаемая иноземными завоевателями, превращалась в страну нищих.

Низкий жизненный уровень монгольского народа обусловил упадок культуры в стране. На протяжении двух столетий, в течение которых Монголия находилась под игом маньчжурской династии, в ней не было создано ни одной светской школы, за исключением немногочисленных училищ для подготовки переводчиков и низших чиновников, которые открывал и вскоре вновь закрывал тот или иной маньчжурский наместник. Даже в монастырях, где изучение тибетского языка было непременным условием продвижения по лестнице церковной иерархии, монгольскую грамоту не изучали. До последних дней маньчжурского господства в стране не издавалось ни одной газеты или журнала.

Маньчжурское владычество губительно отразилось не только на материальных условиях жизни трудящихся масс, но и на росте народонаселения. Под тяжестью колониального и феодального ига монгольский народ был обречен на вымирание. «Все чиновники единогласно утверждают, — писал агент русского министерства торговли и промышленности Болобан, — что население хошунов уменьшается, то же подтверждают и старики монголы» [4]. Специальное обследование, произведенное в 1914 г. в трех хошунах аймака Тушету-хана, показало, что 48% детей умерло, не дожив до 3 лет [5]. Уход в ламы почти половины мужского населения имел своим неизбежным результатом сокращение числа браков и рождений. Стотысячная армия лам была одним из источников распространения социальных заболеваний, губительно отражавшихся на естественном приросте населения.

Сама жизнь диктовала аратству необходимость борьбы против порядков, несших ему разорение, голод и нищету. Лишь революция могла спасти монгольский народ от гибели. Революция была объективно-исторической необходимостью для Монголии. Обновление Монголии должно было начаться со сверже-

[4] См. *А. П. Болобан.* Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. Отчет агента Мин-ва торговли и промышленности за 1912—1913 гг. Пг., 1914, стр. 51—52.
[5] *Иоханнес Кооль-Эстивенд.* О движении населения в Монголии «Вестник Азии», кн. III—IV, 1915, № 35—36, стр. 8.

ния маньчжурского господства, которое было главной причиной политического, экономического и культурного закабаления народа. На маньчжурских штыках держалась в Монголии власть светских и духовных феодалов, эти же штыки поддерживали и защищали китайский торгово-ростовщический капитал.

Рост недовольства народных масс. Подъем освободительной борьбы

Иностранные путешественники, посещавшие в ту пору страну, отмечали растущее недовольство аратских масс. А. Позднеев еще в 1882 г. был поражен упорством, с которым распространялись слухи о появлении хубилгана Амурсаны, который якобы пришел освободить монгольский народ. Позднеев вскоре убедился, что основной причиной популярности этой легенды является глубокая ненависть народа к маньчжурским захватчикам. Немалое значение имело недовольство аратов собственными князьями и тайджи, эксплуатировавших и обиравших свой народ. Уже тогда были люди, которые понимали, что для спасения монгольского народа необходимо не только национальное освобождение, но и социальное раскрепощение [6].

Политическая обстановка в Монголии в конце прошлого века становилась все более накаленной. В 1890 г. в Кобдоском округе появился Дамби-Джамцан, назвавший себя хубилганом Амурсаны и получивший известность под именем Джа-ламы. Он развернул агитацию против маньчжуров, за независимую Монголию. Эта агитация сделала его имя популярным по всей стране.

Брожение, охватившее народ, вынудило феодалов Джалханза-хутухту, Илагусхан-хутухту и Ханда-Дорджи обратиться в Пекин с жалобой на наместника Улясутая, обложившего население непомерными налогами и чинившего всяческие притеснения. В своей жалобе они предупреждали маньчжуров, что «если дело и дальше будет идти так, то монголам больше ничего не останется, как взяться за оружие» [7].

В 1900 г. в связи с антиимпериалистическим восстанием в Китае пекинское правительство объявило мобилизацию монгольского ополчения. В западных аймаках, где мобилизации

[6] «Притеснения и обирательство переносились прежде безропотно, — писал в 1885 г. русский консул в Урге Шишмарев, — а в последнее время среди монголов становится заметным недовольство...» («Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XXII, стр. 156).

[7] *А. Каллиников.* Аратское революционное движение в доавтономной Монголии. «Революционный Восток», 1934, № 6, стр. 52.

подлежало 2 тыс. солдат, на сборный пункт явилось около 200 человек, которые тут же взбунтовались, пытались убить маньчжурского цзянь-цзюня и самовольно разошлись по домам.

Влияние первой русской революции 1905 г. проникло и в монгольские степи. Под воздействием этой революции Монголия, как и вся Азия, стала, по выражению В. И. Ленина, пробуждаться «к борьбе за азбучные права человека, за демократию» [8]. Русский путешественник Свечников писал о том, с каким интересом в 1905 г. монголы расспрашивали его о характере «беспорядков» в России [9].

Под влиянием русской революции 1905 г. развернулось движение аратов в хошуне Дархан-бэйле Дзасактухановского аймака, возникшее еще в 1903 г. Дарга одного из багов [10] Цецегнурского сомона Аюши был арестован и подвергнут пыткам за то, что заявил хошунному князю об отказе аратов выплачивать китайским ростовщикам княжеские долги. Однако через три месяца князь вынужден был освободить Аюши из-за угрозы бунта аратов хошуна. Под руководством Аюши сложилась первая в Монголии аратская революционная организация, требовавшая сокращения оброка для аратов, обложения налогами и повинностями князей и тайджи, освобождения аратов от платежей по личным княжеским долгам и т. д. К осени 1906 г. влияние этой организации распространилось по всей южной части аймака Дзасакту-хана, хотя сам Аюши был в это время вновь арестован и отправлен в Ургу.

В марте 1910 г. в Урге произошло столкновение между толпой аратов и лам и отрядом маньчжурских солдат. Араты с камнями и палками набросились на солдат, а когда к месту происшествия приехал маньчжурский амбань Сань До-вень, толпа забросала его камнями и заставила удалиться.

Идеи освободительной борьбы, шедшие из России, несмотря на все препятствия, находили дорогу к сердцам аратов. Росту симпатий к России не могло помешать даже хищничество русских купцов. Русский купец почти ничем не отличался от китайского ростовщика, но монголы не могли не видеть, что первые в стране предприятия по переработке животноводческого сырья были созданы русскими, русские открыли первый в Монголии ветеринарный пункт, организовали первые противочумные прививки, привезли первые партии оспенного детрита и сделали

[8] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 66.

[9] *Свечников.* Русские в Монголии. «Вестник Азии». СПб., 1910, № 3, стр. 159.

[10] Баг — низшая административная единица.

первые противооспенные прививки [11]. В народе росла надежда на получение помощи из России. Всем этим объясняется широкое распространение наивного убеждения монголов, что перерожденец Амурсаны должен появиться со стороны России и в сопровождении русских войск.

Необходимость активной борьбы медленно, но неотвратимо проникала в сознание аратства. Пробуждение Монголии происходило под знаком все усиливавшегося революционного влияния русского народа, причем это влияние оказывалось как непосредственно, путем прямого контакта передовых людей Монголии с русскими революционерами, так и через Китай, где назревала своя революция.

Рост сознательности монгольских трудящихся чрезвычайно затруднялся раздробленностью и разобщенностью аратства, привитым ему с детства преклонением перед хутухтами и хубилганами. Аратство было основной движущей силой поднимавшегося национально-освободительного движения Монголии, развивавшегося под влиянием русской революции 1905 г. и в непосредственной связи с революцией 1911 г. в Китае. Но вековая отсталость страны, отсутствие в Монголии рабочего класса и революционной партии привели к тому, что руководство движением оказалось в руках высшего ламства и светских феодалов.

Рост антиманьчжурских настроений среди монгольских феодалов

В конце XIX и начале XX в. среди монгольских феодалов назревало своеобразное феодально-монархическое национальное движение. Монгольские феодалы стремились к освобождению Монголии от маньчжуров, так как это вернуло бы им право на монопольную эксплуатацию монгольского аратства. Переход феодалов от покорности маньчжурам к борьбе против них объясняется рядом причин. Главными из них были коренное изменение маньчжурской политики в Монголии, общее ослабление внутренних и внешних позиций маньчжурской династии, разорение страны и обнищание аратства, ведущее к обеднению феодалов, расширение и углубление массовой национально-освободительной борьбы народных масс, грозившей перерасти в борьбу против самих феодалов.

[11] Первые два современных моста через р. Тола на тракте Кяхта — Калган были построены в 1888 г. русскими купеческими фирмами. А. Позднеев свидетельствует, что араты, выезжая на эти мосты, слезали с лошадей и возносили молитву за «белого царя», а ламы и князья выразили русскому консульству письменную благодарность (см. *А. Позднеев.* Очерк истории торговых отношений России с Монголией. Московский институт востоковедения, стр. 273—274. Рукопись).

В условиях нараставшего антиманьчжурского движения особенно возросли роль и влияние богдо-гэгэна. Религиозный авторитет его среди аратства был чрезвычайно велик. Араты видели в богдо-гэгэне живого бога, воплощение Будды. Феодалы же вынуждены были признать его вождем, так как у них не было на эту роль другого кандидата, который мог бы соперничать с богдо-гэгэном по своему влиянию.

Монгольские феодалы понимали, что собственными силами они не смогут добиться успеха, народу же они не доверяли и боялись его. Поэтому они пытались искать опору в русском царизме.

Непрерывное ухудшение отношений с маньчжурами и нараставшее напряжение в стране заставляли монгольских феодалов все чаще обращаться к представителям русского царизма с просьбой о помощи в предстоящей борьбе. Идея возможности такой помощи поддерживалась на протяжении многих лет самим царизмом через его официальных и неофициальных представителей в Монголии. Об этом с предельной ясностью сказано в материалах правительственного Особого совещания по монгольским вопросам 17 августа 1911 г., обсуждавшего вопрос о принятии Монголии под протекторат России: «Наступивший в монгольских делах кризис не является для нас неожиданным: с давних пор мы оказываем монголам нашу поддержку и покровительство; некоторые наши агенты в Монголии в значительной мере содействовали создавшемуся среди монголов убеждению, что они могут рассчитывать на русскую помощь в случае попытки порвать с Китаем» [12].

Россия и Монголия в начале XX в.

Политика «поддержки и покровительства», которую царская Россия проводила по отношению к Монголии, диктовалась отнюдь не благородными побуждениями и не имела ничего общего с действительной защитой интересов монгольского народа. После неудачной для царизма русско-японской войны 1904—1905 гг., когда стали ясными далеко идущие агрессивные планы Японии, направленные, в частности, против позиций России на Дальнем Востоке, правительство царской России стало проявлять повышенный интерес к Монголии.

[12] «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг.», серия 2, т. XVIII, ч. I, стр. 339, 340.

Стремясь овладеть русским Дальним Востоком, японские империалисты обратили свои взоры на Монголию, исключительно выгодное географическое положение которой превращало ее в важный плацдарм как для нападения на русский Дальний Восток, так и для дальнейшей борьбы за господство над всей Азией. Утвердившись в результате русско-японской войны в Корее и Южной Маньчжурии, японские империалисты стали открыто готовиться к захвату Монголии.

Царская Россия пыталась помешать этому. Важнейшим обстоятельством, определявшим политику царизма в Монголии, являлась также растущая заинтересованность русской промышленности в монгольском сырье. Как свидетельствуют данные таможенной статистики, уже в 1909 г. Монголия давала 12% всего ввозимого в Россию кожевенного сырья, 13% шерсти, 25% конского волоса, 10,5% крупного рогатого скота, 10,8% лошадей, 24,9% мелкого рогатого скота и 34,2% пушнины [13]. Этим объясняется тот особый нажим, который оказывали на царя и царское правительство представители крупного купеческого капитала России, владельцы текстильных и других фабрик. Они требовали от царизма такой политики во Внешней Монголии, которая облегчила бы им борьбу против китайских конкурентов, почти монопольно владевших монгольским рынком и неуклонно вытеснявших русские товары. Пассив русской торговли в Монголии из года в год увеличивался, вынуждая русских капиталистов в больших размерах ввозить в Монголию серебро. Отчетные данные русских таможен показывают, что за период 1891—1908 гг. вывоз из России в Монголию вырос на 22%, а ввоз в Россию из Монголии за это же время увеличился на 566%. Общий оборот русско-монгольской торговли в 1908 г. составил 8 млн. руб. при обороте китайско-монгольской торговли 50 млн. руб.

Идя навстречу купцам и фабрикантам, с которыми были связаны дворянские круги и придворная знать, заинтересованные в колониальных авантюрах, царское правительство предприняло ряд мер. В Монголию стали выезжать экспедиции генерального штаба и военных округов Сибири и Дальнего Востока. При иркутском генерал-губернаторе было создано постоянное Особое совещание по монгольским вопросам, при Министерстве торговли и промышленности в 1909 г. образовано Особое междуведомственное совещание по делам Монголии. Правительственная печать, как и печать торгово-промышленных кругов, выступила с теорией об «особой миссии» России в Монголии, провозгласив, что пустыня Гоби должна

[13] «Московская торговая экспедиция в Монголию», стр. 12.

явиться «естественной границей» русской империи на ее крайнем востоке.

Буржуазные круги, купеческие и промышленные организации России также стали проявлять немалую активность. В 1910 г. в Монголию выехала большая экономическая экспедиция; в 1912 г. в Москве было основано «Русское экспортное товарищество», во главе которого стал известный миллионер, купец и фабрикант Рябушинский, открывший филиалы «Товарищества» в Урге и Улясутае.

Однако царское самодержавие вынуждено было добиваться утверждения своего господства в Монголии с известной осторожностью. Несмотря на соглашение с Японией и поддержку со стороны Франции и Англии, оно не без основания опасалось, что прямые действия во Внешней Монголии могут вызвать нежелательную для него реакцию в лагере партнеров по колониальному грабежу Дальнего Востока. В этот период Дальний Восток, как и весь мир, был уже полностью поделен между империалистическими государствами, и любое нарушение установившегося империалистического равновесия могло послужить толчком к борьбе за новый передел сфер влияния. Царская Россия, ослабленная русско-японской войной, боялась сделать первый шаг и развязать эту борьбу. Будучи недостаточно сильной, она могла лишь проиграть при новом переделе.

В июле 1911 г. в Урге состоялось секретное совещание князей и высших лам, на котором обсуждался вопрос об отделении Монголии от Китая. Совещанием руководил богдо-гэгэн. Участники совещания пришли к заключению, что в условиях начинающейся в Китае революции наступил благоприятный момент для такого отделения и решили послать в Петербург делегацию.

Депутаты монгольских феодалов во главе с цин-ваном Ханда-Дорджи 15 августа 1911 г. прибыли в Петербург. Царское правительство после некоторых колебаний приняло делегацию с тем, чтобы «попытаться придать этому делу желательный для нас характер», как выразился исполнявший обязанности премьер-министра Коковцев в письме временному главе Министерства иностранных дел Нератову[14]. Делегация вручила министру иностранных дел Сазонову письмо богдо-гэгэна, адресованное русскому царю, в котором богдо-гэгэн предлагал заключить договор о признании независимости Внешней Монголии и подписать соглашение о торговле, железнодорожном строительстве, организации почтовой связи и

[14] «Международные отношения в эпоху империализма», серия 2, т. XVIII, ч. I, стр. 277.

т. д. В письме подробно перечислялись «обиды», причиненные маньчжурами монгольским феодалам. Авторы письма жаловались на то, что в былые времена феодалы могли сами награждать титулами и званиями, распоряжаться по своему усмотрению наследством, а сейчас «китайские тушемылы (чиновники) захватили это право себе и за наследование и жалование титулами берут себе дань в тысячи и десятки тысяч ланов... Под видом насаждения органов новой власти приехало к нам в Монголию очень много китайцев. Они превратили несколько хошунов на севере Халхи в земледельческие районы, где и селятся». «Крайне нетерпимо то положение, что китайское правительство, переселяя во множестве китайцев в Монголию, создавая особые районы, находящиеся под непосредственным китайским управлением, урезывает и уменьшает права многих монгольских дзасаков» [15].

Монгольские феодалы, как видно из приведенных отрывков, добивались прежде всего восстановления своих прав на неограниченную эксплуатацию аратства. К этому они сводили всю программу освободительной борьбы, фактически предавая интересы страны русскому царизму, так же как 220 лет назад их предки предали страну и народ маньчжурам.

Превращение Монголии в колонию было конечной целью царизма, но достигнуть ее царская дипломатия рассчитывала постепенно, в результате ряда последовательных мероприятий. Царское правительство отклонило просьбу монгольских феодалов о признании полной независимости Внешней Монголии от Китая и об официальном протекторате России над нею. Однако оно решило выступить в качестве посредника между Пекином и Ургой, чтобы удержать пекинское правительство от осуществления реформ, против которых возражали монгольские феодалы. Царское правительство охотно приняло на себя роль посредника, так как оно само было встревожено новым курсом политики маньчжуров в Монголии. Осуществление этой политики могло серьезно затруднить русскому империализму выполнение его собственных планов.

В соответствии с принятым решением царское правительство через своих представителей стало оказывать давление на агонизировавшее, но еще цеплявшееся за власть правительство маньчжуров, требуя отказа от намеченных реформ. Наряду с этим оно пыталось воздействовать на монгольскую делегацию и руководящие круги феодалов, рекомендуя им умеренность в требованиях.

Царское правительство использовало начавшееся в Китае в конце лета 1911 г. антиманьчжурское революционно-демократическое движение и потребовало в октябре 1911 г., чтобы Китай не проводил во Внешней Монголии никаких реформ без согласования с Россией. В телеграфной директиве послу в Китае Коростовцеву Министерство иностранных дел 13 октября 1911 г. писало: «Настоящая минута, когда наше внимание по необходимости сосредоточено на Ближнем Востоке, неблагоприятна для каких-либо активных выступлений на Дальнем Востоке и для крупных шагов в сторону разрешения монгольского вопроса. Но с другой стороны, затруднения, которые создает китайскому правительству революционное движение на юге Китая, могли бы быть использованы нами для закрепления каким-либо письменным актом признаваемого китайцами на словах положения нашего в вопросе о судьбах Монголии. В крайнем случае мы могли бы пока удовольствоваться письменным обязательством китайского правительства не вводить в Монголии реформ иначе, как по соглашению с нами. Этим документом мы воспользовались бы в будущем» [16].

Свержение маньчжурского господства. Образование монгольского феодально-теократического государства

В середине октября 1911 г. миссия Ханда-Дорджи вернулась в Ургу. Руководящая феодальная верхушка решила, что настал благоприятный момент для провозглашения независимости Внешней Монголии.

Образованный для руководства переворотом комитет князей 28 ноября вызвал в Ургу монгольские воинские подразделения из ближайших хошунов. 30 ноября комитет предъявил маньчжурскому амбаню Сань До-веню требование покинуть Монголию, а 1 декабря обратился к народу с воззванием, в котором говорилось: «Наша Монголия в своем первоначальном основании была отдельным государством, а потому, основываясь на древнем праве, Монголия утверждает себя независимым государством с новым правительством, с независимой от других властью в вершении своих дел. Ввиду изложенного, сим объявляется, что мы, монголы, отныне не подчиняемся маньчжурским и китайским чиновникам, власть которых совершенно уничтожается, и они вследствие этого должны отправиться на родину» [17].

Китайский гарнизон в Урге, состоявший из 300 солдат, перешел на сторону монгольского народа. Опасаясь гнева народных масс, Сань До-вень укрылся в стенах русского консуль-

[15] «Краткая история Монголии», кн. 4. Улан-Батор, 1934, стр. 13—14

[16] «Международные отношения в эпоху империализма», серия 2, т. XVIII, ч. II, стр. 149.

[17] «Современная Монголия», 1934, № 1, стр. 13.

ства, откуда через некоторое время в сопровождении русской охраны выехал на родину.

Улясутайский цзянь-цзюнь тоже не оказал серьезного сопротивления и в конце декабря 1911 г. покинул Монголию.

Иную позицию занял Кобдоский амбань. Он отказался подчиниться решению новой монгольской власти и заперся в крепости. Опираясь на крупный гарнизон, хорошо обеспеченный продовольствием и боеприпасами, амбань подготовился к обороне. Он ждал помощи из Синьцзяна, откуда к нему по приказу Пекина двигались войска. Однако в результате активного вмешательства царского правительства синьцзянские части вынуждены были остановиться, недоходя до Кобдо. 6 августа 1912 г. город был штурмом взят восставшим народом. Захватив Кобдоскую крепость, араты разгромили лавки и склады китайских купцов-ростовщиков, уничтожили долговые книги и другие документы.

Подъем национально-освободительного движения, принявшего местами характер вооруженного восстания, привел к освобождению Внешней Монголии от маньчжурского ига, а также к изгнанию маньчжуро-китайских чиновников. Однако высшие ламы и светские феодалы воспользовались этим, чтобы взять власть в свои руки. Монголия стала феодально-теократическим государством, а богдо-гэгэн, принявший титул «многими возведенного»,— ханом Внешней Монголии. Вступив на ханский престол, богдо-гэгэн сформировал правительство, составленное из крупных феодалов и высших лам. Это правительство, как показал дальнейший ход событий, было врагом свободы и независимости монгольского народа.

Победа национально-освободительного движения во Внешней Монголии явилась сигналом для аратов Внутренней Монголии, также поднявшихся на борьбу против маньчжурских и китайских ростовщиков и чиновников, за освобождение от иноземного гнета. Наибольшего размаха движение достигло в Барге, где в начале января 1912 г. восставшими был занят Хайлар. Барга объявила о своем желании присоединиться к Внешней Монголии; ее примеру последовали многие княжества Внутренней Монголии, изгнавшие маньчжурскую и китайскую администрацию и признавшие над собой власть богдо-гэгэна, хана Внешней Монголии. Однако и здесь класс феодалов захватил в свои руки руководство национально-освободительным движением.

Общественный строй нового монгольского государства

Внешняя Монголия, освободившись от маньчжурского ига, превратилась в феодально-теократическую монархию. Поль-

зуясь тем, что на ханском престоле оказался глава церкви, духовные феодалы стали теснить светских феодалов, занимая наиболее выгодные места, присваивая себе большую часть феодальных доходов. Высшие ламы составляли ближайшее и наиболее влиятельное окружение богдо-гэгэна, из их среды назначались члены правительства, министры, в значительной мере определявшие внешнюю и внутреннюю политику страны. Высшее духовенство получало от государства огромные суммы в виде пенсий и пособий. Личный бюджет только богдо-гэгэна доходил до 900 тыс. руб. в год. Ламаин-гэгэну, одному из крупнейших церковных сановников, владевшему огромной территорией в 20 тыс. кв. км и имевшему 2 тыс. крепостных семейств, выдавалось из казны ежегодное «пособие» в сумме 15—18 тыс. руб. золотом.

Глава ламаистской церкви получил светскую власть и превратился в неограниченного самодержавного монарха. При нем было образовано правительство из пяти ответственных лишь перед ним министров, которых он назначал и смещал. Эти министры ведали иностранными, внутренними, военными делами, финансами и юстицией. Кроме кабинета министров, в стране было создано подобие парламента из двух совещательных палат — верхней, куда входили министры, высшие ламы и владетельные светские феодалы, и нижней, состоявшей из чиновников и невладетельных феодалов. Эти палаты собирались и распускались по усмотрению богдо-гэгэна.

Богдо-гэгэновское правительство сохранило в автономной Монголии маньчжурское законодательство и созданный маньчжурами сословный суд, т. е. отдельные суды для феодалов, лам, крепостных аратов и шабинаров. Полновластным судьей аратов остался хошунный дзасак, который по-прежнему совмещал в себе судебную, административную и военную власть.

На местах, в хошунах, все оставалось по-старому. Как и при маньчжурах, хошуны продолжали делиться на сомоны и баги. Аппарат угнетения и эксплуатации народа, созданный маньчжурами, после свержения их власти сохранился почти без изменений. Только место маньчжурских амбаней заняли богдо-гэгэновские наместники—сайты.

Главной задачей феодально-теократического государства являлось сохранение крепостнического строя. Араты по-прежнему оставались крепостными, своим трудом они содержали господствующий класс. Они продолжали делиться на сословия хамджилга, шабинаров и албату. Бесправное при маньчжурах аратство осталось бесправным и при богдо-гэгэновском правительстве.

Число шабинаров во владениях только богдо-гэгэна за годы автономии увеличилось с 55 479 до 89 862. Шабинары при

богдо-гэгэновском режиме, как и при маньчжурах, были освобождены от общегосударственных налогов и повинностей; они работали исключительно на своих господ, высших лам.

И все же освобождение от маньчжурского ига принесло некоторое облегчение аратству. Араты освободились от расходов по содержанию маньчжуро-китайского бюрократического аппарата, маньчжурских гарнизонов и т. п. Это заметно облегчило податное бремя, под тяжестью которого до 1911 г. аратство буквально задыхалось. Араты также были в значительной мере освобождены от ростовщической кабалы и огромного долга (почти в полтора десятка миллиона рублей) китайским ростовщикам. Правда, задолженность ростовщикам не была официально аннулирована богдо-гэгэновским правительством. Напротив, известно много случаев, когда правительство в ответ на жалобы ростовщических фирм издавало распоряжения, обязывавшие местных дзасаков взыскать старые долги и проценты. Однако араты отказывались от платежей по старым кабальным сделкам, встречая при этом известную поддержку своих князей, которые мало беспокоились об интересах китайских ростовщиков, предпочитая обирать аратов в свою пользу.

Антинародный характер государственного строя политики автономной Монголии находил свое выражение в ее государственном бюджете. Бюджет центрального правительства автономной Монголии был из года в год дефицитным. Расходы правительства богдо-гэгэна за пять лет превысили сумму доходов на 3 497 438 руб. Эти деньги были взяты из «чрезвычайных доходов», т. е. из царских займов. Царская Россия трижды ссужала деньгами правительство богдо-гэгэна. Общая сумма займов за годы автономии составила 5,1 млн. руб. Первый заем, предоставленный в начале 1913 г. в сумме 100 тыс. золотых рублей сроком на 10 лет, предназначался на организацию вооруженных сил. Второй заем в сумме 2 млн. руб. сроком на 20 лет был получен в начале 1914 г. на расходы по формированию армии и управлению страной; третий — в сумме 3 млн. руб. сроком на 30 лет (также в 1914 г.) также был направлен на покрытие расходов по организации армии. Царские займы каждый раз приводили к новым уступкам России со стороны правительства автономной Монголии. Последний трехмиллионный заем был дан с условием принять представителя министерства финансов царской России в качестве советника, который должен был участвовать в составлении смет по займу и контролировать его расходование.

Три четверти всех бюджетных доходов составляли таможенные сборы. При этом большую часть давали не внешние таможни (русский экспорт и импорт по договору от 3 ноября 1912 г. были освобождены от обложения), а внутренние, взимавшие пошлины за товары, перевозившиеся из одного района страны в другой. Пошлина выплачивалась китайцами и монголами, покупавшими скот и сырье. Эта система, установленная правительством богдо-гэгэна по инициативе русского царизма, препятствовала внутреннему товарообороту и образованию единого рынка. Рост доходов от таможен в последние годы автономии объясняется увеличением торговли с Китаем и повышением ставок внутреннего обложения, произведенным в 1916 г. Таможенный тариф 1916 г. облагал пошлиной в размере 50% рыночной цены все ввозимые и вывозимые китайцами и монголами товары, а также товары, продававшиеся на рынках Урги, Улясутая, Кобдо и других городов. Кроме того, с каждого груженого верблюда и с каждой груженой телеги взималось по 10 коп. за провоз на расстояние до 60 км. На русских купцов все эти сборы не распространялись.

Следует отметить, что внутренние таможни и пошлины были введены впервые в истории Монголии. Правительство богдо-гэгэна согласилось на образование внутренних таможен, не умея найти других источников государственного дохода. Царское правительство со своей стороны одобрило это «нововведение», рассчитывая, что оно затруднит проникновение на территорию Внешней Монголии европейского, американского и японского капиталов [18].

Доходы от прочих статей бюджета на протяжении всей истории автономной Монголии не играли большой роли.

Автономная Монголия ежегодно расходовала от одной пятой до одной четвертой части бюджета на содержание армии и административно-управленческого аппарата, одна десятая бюджета шла на пенсии феодалам, от одной седьмой до одной четвертой отводилось на хозяйственные и канцелярские нужды и от одной седьмой до одной трети составлял «фонд реформ», предназначенный для хозяйственного и культурного развития страны.

Государственный бюджет автономной Монголии был в основном направлен на содержание феодалов. Являясь орудием крепостнического, реакционного государства, этот бюджет не только не способствовал развитию производительных сил и культуры страны, но, наоборот, задерживал это развитие.

В государственном бюджете отсутствовали статьи, предназначенные на народное здравоохранение, но зато пенсии и пособия князьям в два с половиной раза превышали расходы на просвещение и ветеринарию. В стране, где главным бо-

[18] «Международные отношения в эпоху империализма», серия 3, т. I, стр. 526, 527.

гатством был скот, ветеринарная служба — борьба с эпизоотиями, профилактика и лечение болезней скота имели огромное значение для обеспечения благосостояния народа. Личные расходы хана были почти в два раза больше всего «фонда реформ». Игнорируя действительные нужды страны и народа, богдо-гэгэновское правительство одним из первых своих актов восстановило выплату всем феодалам жалования за звания и титулы в размерах, установленных в 1733 г. Юнь-чженем. Кроме того, всем министрам и высшим чиновникам были определены высокие оклады.

О «фонде реформ» и характере последних свидетельствуют отчетные данные 1916 г. Фонд составлялся из поступлений от лесных такс, доходов от эксплуатации телеграфа и телефона, кирпичного завода и угольной шахты в Налайхе. В 1916 г. в этот фонд поступило всего 524 726 золотых руб., из которых более 40% было истрачено на содержание комитета реформ, его местных органов и т. д. На мероприятия социально-культурного характера — народное образование, ветеринарию, экспедиции и обследования — в 1916 г. было израсходовано менее 20% фонда реформ. Около 40% фонда пришлось на финансирование предприятий народного хозяйства — телеграфа, телефона, электростанции в Урге, кирпичного завода, угольной шахты, типографии.

Если учесть, что опекаемые комитетом реформ промышленные предприятия должны были обслуживать главным образом чиновную знать столицы, что под народным образованием подразумевалась единственная школа, открытая в Урге, а ветеринарная служба ограничивалась противочумными прививками скоту, предназначенному на вывоз в Россию, становится ясно, насколько узко было социальное, экономическое и культурное значение этих «реформ». В условиях реакционного, антинародного феодально-теократического строя автономной Монголии подлинные реформы, направленные на действительное преобразование страны, были невозможны.

Нельзя, однако, отрицать, что даже такие половинчатые реформы имели прогрессивный характер.

Местные бюджеты хошунов страны, так же как центральный бюджет, свидетельствуют об антинародной сущности автономного государства, о реакционности политики ее господствующих классов. Хошунные дзасаки выкачивали из крепостных аратов огромные средства, используя их затем по собственному усмотрению. В 1915 г. 36% средств хошунных бюджетов расходовалось на уртонную службу, 20,8 — на погашение хошунных долгов, 14,3 — на нужды религии, 9 — на военное дело, а остальные 19,9% уходили на содержание чиновников, стражи, тюрем и т. п.[19]. Экономическая политика правительства богдо-гэгэна на протяжении восьми лет существования автономной Монголии в основных чертах оставалась неизменной — узкоклассовой и антинародной.

Внешняя политика правительства богдо-гэгэна

Добиваясь признания самостоятельности созданного ими государства, феодалы Внешней Монголии вместе с тем претендовали на включение в его состав Барги и Внутренней Монголии, что должно было расширить сферу их эксплуатации. Они рассчитывали, что Россия поможет им в осуществлении этих планов. Но царское правительство отказалось поддержать требование полной независимости Внешней Монголии от Китая. Отклонило оно и проект присоединения к Внешней Монголии Барги, Внутренней Монголии и других районов Китая, населенных монголами. Царская Россия была связана соглашениями с Японией, заключенными в 1907, 1910 и 1912 гг. и избегала всего, что могло бы ухудшить отношение с ней. Секретные пункты о разграничении сфер влияния, содержавшиеся в этих соглашениях, вынуждали Россию отказаться от поддержки панмонгольских планов правительства богдо-гэгэна [20].

В 1912 г. русское правительство вступило в переговоры с Юань Ши-каем, сменившим у власти в Китае свергнутую маньчжурскую династию. Царизм добивался признания автономии Внешней Монголии. Юань Ши-кай, отстаивая интересы торгово-ростовщических кругов, стремившихся восстановить свои позиции во Внешней Монголии, решительно отказался признать как отделение Монголии от Китая, так и ее автономию. Он убеждал богдо-гэгэна и феодалов Внешней Монголии отказаться от провозглашенной ими независимости и вернуться в состав Китая.

Однако феодалы Монголии, рассчитывая на поддержку царской России, в этот период твердо отстаивали полное отделение от Китая и не поддавались ни убеждениям, ни угрозам.

Столкнувшись с неуступчивостью Юань Ши-кая, царское правительство 21 ноября 1912 г. заключило с правительством богдо-гэгэна особое соглашение.

Обходя вопрос об официальном признании независимости Монголии, соглашение констатировало, что прежние отношения Монголии с Китаем прекратились. Россия обещала пра-

[19] «Современная Монголия», 1935, № 1, стр. 48—49.

[20] См. «Международные отношения в эпоху империализма», серия 2, т. XX, ч. 1, стр. 268—269.

вительству Внешней Монголии помощь в сохранении ее автономии, создании монгольских вооруженных сил и недопущении на ее территорию китайских войск.

Протокол, приложенный к соглашению и определявший права русских подданных в Монголии, представляет типичный образец неравноправного договора, навязанного империалистическим государством отсталой стране. Согласно этому протоколу русским подданным предоставлялось право поселения, беспрепятственного передвижения по всей стране, занятия любыми промыслами, приобретения недвижимости, беспошлинного ввоза в Монголию товаров и вывоза из нее скота и сырья; русские освобождались от всех внутренних налогов, получали право экстерриториальности и т. п. Политика царизма в Монголии была по достоинству оценена В. И. Лениным, характеризовавшим ее, как «политику авантюр и грабежа вчера в Корее или на реке Ялу, сегодня в Монголии» [21], направленную «к порабощению Персии, Монголии» [22].

Отказ царизма поддержать великодержавные планы монгольских феодалов вызвал разочарование среди них. Уже тогда появилась группа влиятельных лиц, главным образом из высшего духовенства, которые стали добиваться сближения с Японией или самостоятельного сговора с Китаем. Русский посол в Китае Коростовец, который по поручению царского правительства вел в Урге переговоры с правительством богдо-гэгэна, 5 октября 1912 г. писал в Петербург: «Под влиянием враждебной России агитации Да-ламы, шанзотбы и некоторых других сановников, за последние дни заметно охлаждение к соглашению с нами и поворот в пользу сближения с Китаем, негласные сношения с коим, как мне точно известно, продолжаются» [23].

Богдо-гэгэн вскоре после подписания русско-монгольского договора направил своего министра внутренних дел Далам Церен-Чимита в Японию с письмом, в котором предлагал японскому императору дружбу. Правда, японцы, не желавшие в то время портить отношение с царской Россией, не пропустили богдо-гэгэновского посла дальше Хайлара, но сама попытка договориться с Японией достаточно характеризует настроения богдо-гэгэна и окружающей его ламской клики.

В конце 1912 г. из Урги в Петербург выехала вторая миссия во главе с Ханда-Дорджи для переговоров о границах

[21] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 117.
[22] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 334.
[23] «Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу». СПб., 1912, стр. 10.

монгольского государства, займе, снабжении оружием и т. д. В результате этих переговоров послам удалось заручиться обещанием царского правительства поддержать требование богдо-гэгэна о присоединении к автономной Монголии Кобдоского округа. Все остальные территориальные притязания монгольских феодалов были решительно отклонены. 16 февраля 1913 г. было подписано соглашение сроком на один год о снабжении оружием, которое обязывало монгольское правительство сформировать бригаду из двух конных полков (состоявших из 1900 солдат и офицеров с пулеметами и несколькими пушками) и пригласить для обучения русских инструкторов. Царское правительство согласилось также предоставить Монголии заем в 2 млн. руб. В марте 1913 г. миссия Ханда-Дорджи вернулась в Ургу.

Неравноправные соглашения, займы, аппарат советников и инструкторов позволили царскому правительству к концу 1912 г. полностью взять в руки руководство внешней политикой автономной Монголии. Русским капиталистам были гарантированы решающие позиции в экономике страны. Формирование вооруженных сил и оборона Монголии осуществлялась русским генеральным штабом.

Кяхтинское русско-китайско-монгольское соглашение 1915 г. и его последствия

Для окончательного закрепления своих позиций в Монголии царизму недоставало лишь одного — формального их признания Китаем. Поэтому усилия царских дипломатов в 1913 г. были направлены на достижение соглашения с правительством Юань Ши-кая, которое в течение длительного времени не желало примириться с автономией Монголии. Реакционный лагерь в Китае настойчиво требовал от правительства принятия решительных мер против «взбунтовавшейся» Внешней Монголии и принудительного возвращения ее в состав Китая.

Однако Юань Ши-кай не мог начать военные действия против автономной Монголии, так как это вызвало бы столкновение с царским правительством. Ссориться же и тем более воевать с Россией он не хотел и не мог. Напротив, он рассчитывал на ее поддержку в борьбе против китайской демократии. И вот, в результате длительного торга, 23 октября 1913 г. была подписана русско-китайская декларация, признававшая Внешнюю Монголию автономной, ее территорию — частью территории Китая, а правительство Китая — сюзереном автономной Монголии.

«Признавая исключительное право монголов Внешней Монголии, — говорилось в декларации, — самим ведать внутренним управлением автономной Монголии и решать все касающиеся этой страны вопросы, относящиеся к торговой и промышленной областям, Китай обязуется не вмешиваться в эти дела и посему не будет посылать войск во Внешнюю Монголию, не будет содержать там никаких гражданских или военных властей и будет воздерживаться от всякой колонизации этой страны... Россия, со своей стороны, обязуется не содержать войск во Внешней Монголии, за исключением консульских конвоев, не вмешиваться в какую-либо отрасль управления этой страны и воздерживаться от ее колонизации» [24].

Декларация определяла, что автономная Монголия включает районы Урги, Улясутая и Кобдо. Царское правительство вынудило Китай отказаться от самостоятельного рассмотрения территориальных вопросов автономной Монголии и решать их только по согласованию с царским правительством.

Русско-китайская декларация фактически предоставила автономной Монголии полную независимость от Китая в вопросах внутренней политики и даже признала за ней право заключать международные договоры по экономическим вопросам. В то же время автономной Монголии запрещалось самостоятельно вести политические переговоры и заключать политические соглашения с другими странами. Сторонником таких ограничений была в первую очередь царская Россия. Установление сюзеренитета Китая над автономной Монголией было только фикцией, так как правительство Китая не имело реальных средств и сил для осуществления верховных прав по управлению Монголией. Неравноправный договор, навязанный монгольскому народу царизмом в ноябре 1912 г., был в 1913 г. признан правительством Китая.

В конце 1913 г. из Урги в Петербург отправилась новая миссия на этот раз во главе с председателем Совета министров Сайн-нойон-ханом [25] для переговоров о новом займе, поставках оружия и т. п. Сайн-нойон-хан заявил правительству России, что правительство богдо-гэгэна не признает зависимости от Китая и по-прежнему настаивает на присоединении к стране княжеств Внутренней Монголии.

Но царское правительство потребовало, чтобы богдо-гэгэн отозвал войска, посланные в Баргу для оказания помощи ей

[24] «Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу», стр. 87, 88.

[25] Сайн-нойон-хан стал премьер-министром в конце 1912 г.

в борьбе против Китая, ставя это условием предоставления займа, снабжения оружием и т. д.

В ходе переговоров было согласовано, что Россия предоставит богдо-гэгэну ссуду в 3 млн. руб. и выделит вооружение. Правительство же богдо-гэгэна дало обязательство отозвать все свои войска с китайской территории, а также согласилось принять назначенного царским правительством финансового советника и участвовать в предстоящих тройственных русско-китайско-монгольских переговорах.

Ценой трехмиллионного займа был достигнут отказ богдо-гэгэновского правительства от упорно отстаивавшейся им ранее идеи образования большого монгольского государства, в которое должны были войти Барга и вся Внутренняя Монголия. Согласившись на назначение царского финансового советника, богдо-гэгэновская клика фактически поставила под контроль России всю экономику страны.

25 мая 1915 г. в Кяхте после восьмимесячных переговоров представители царской России, Китая и автономной Монголии подписали соглашение, окончательно определившее международный статут страны. Участники соглашения договорились о том, что Внешняя Монголия, оставаясь в составе Китая, превращается в автономное государство, что Китай не будет вводить в нее свои войска, претендовать на колонизацию ее земель и вмешиваться в ее внутреннее управление. Это соглашение подтвердило основные принципы русско-китайской декларации от 23 октября 1913 г. Богдо-гэгэновское правительство, подписав соглашение, примирилось с навязанным ему Россией и Китаем решением судьбы Внешней Монголии. Таковы были итоги внешней политики богдо-гэгэновского правительства.

Заключение Кяхтинского русско-китайско-монгольского соглашения от 25 мая 1915 г. было, несомненно, крупной победой царской дипломатии и создавало русским капиталистам исключительно благоприятные условия для овладения монгольским рынком. Однако русские капиталисты не сумели воспользоваться предоставленными им преимуществами и занять место изгнанных в 1911—1912 гг. китайских купцов. Отлив китайского капитала с монгольского рынка очень скоро привел к острому товарному голоду, так как завоз товаров из России не превышал 30—35% потребностей рынка. К тому же эти товары продавались русскими купцами по непомерно высоким ценам. Хищническая практика русских капиталистов и ростовщиков вызывала все возраставшее недовольство монголов. Влияние царской России в Монголии стало падать, чему в немалой степени способствовали военные неудачи царизма на фронтах первой мировой войны.

Вскоре после заключения тройственного русско-китайско-монгольского соглашения китайские торгово-ростовщические фирмы вновь стали превращаться в основных поставщиков товаров и покупателей скота и сырья на монгольском рынке.

В этот период Япония активизировала империалистическую политику в Монголии. Еще в конце 1913 г. Ургу посетил японский чиновник Кодама, который вел переговоры с Ханда-Дорджи, предлагая помощь Японии в объединении Внешней и Внутренней Монголии в одно, независимое от Китая государство. Взамен Кодама просил предоставить Японии «известные торговые и территориальные права и льготы». Миссия Кодама не имела успеха, хотя его предложения были сочувственно встречены многими влиятельными монгольскими феодалами и высшими ламами. 13 января 1914 г. японскому императору было отправлено от имени богдо-гэгэна специальное письмо, выражавшее сожаление, что прежние попытки установить связь и дружбу между Монголией и Японией не увенчались успехом, и надежду на то, что японский император согласится оказать «содействие доброму делу» объединения всех монголов. Вмешательство правительства царской России, в руки которого попали соответствующие документы, оборвало начавшиеся переговоры. Однако с началом первой мировой войны и по мере ослабления царской России, японские правящие круги все чаще пренебрегали соглашением о разделе сфер влияния и все решительнее переходили к прямым действиям, направленным к вытеснению России из Монголии.

«21 требование», предъявленное японским правительством 18 января 1915 г. правительству Китая, было началом нового широкого наступления японского империализма на Азиатском материке. В числе этих требований были пункты, выполнение которых превратило бы восточную часть Внутренней Монголии в японскую колонию. Империалистическая Япония стала бы непосредственным соседом автономной Монголии.

Таким образом межимпериалистическая борьба за Внешнюю Монголию вступала в новую фазу. Над монгольским народом нависла опасность порабощения японским империализмом. Лишь победа Великой Октябрьской социалистической революции в России отвела от него эту угрозу, вывела его на широкую дорогу строительства независимого, демократического государства, идущего по пути к социализму, минуя капитализм.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МОНГОЛИИ. ОБРАЗОВАНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (1921—1924)

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России произвела грандиозный переворот в истории человечества. Она открыла новую эру — эру социализма и коммунизма.

Октябрьская революция привела к установлению диктатуры пролетариата и к ликвидации эксплуататорских классов в России. Она разбила цепи национально-колониального гнета и освободила все угнетенные народы России. Освобождение угнетенных царизмом народностей происходило под флагом пролетарского интернационализма, под руководством пролетариата.

Велико и многообразно влияние победы Октября на судьбы народов всех стран земного шара. В. И. Ленин в мае 1920 г. писал: «Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т. е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции» [1].

Великая Октябрьская социалистическая революция нанесла удар колониальной системе, подорвала господство империализма в колониальных и зависимых странах, вызвав подъем на-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 5.

© ГПИБ СОАН

ционально-освободительного движения среди угнетенных народов.

Успешное социалистическое строительство в СССР и странах народной демократии, расцвет их экономики и культуры убедительно доказали способность угнетенных народов самостоятельно управлять государством, развивать свою национальную культуру, внося свой вклад в сокровищницу мировой цивилизации. Таким образом, были опровергнуты клеветнические измышления буржуазных идеологов, утверждавших, что человечество самой природой разделено на высшие и низшие расы и что только люди, принадлежащие к высшей расе, в состоянии двигать культуру вперед.

Октябрьская революция разоблачила и другую «теорию», утверждавшую, что имеется лишь один путь к освобождению народов — путь буржуазного национализма, ведущий в действительности к разъединению наций, усилению и обострению вражды между ними. Опыт Октября и практика советского строительства доказали, что существует другой путь освобождения народов, путь пролетарского интернационализма, обеспечивающий братский союз и равноправное сотрудничество трудящихся разных национальностей. Именно на этой основе сложилось, окрепло и успешно развивается многонациональное советское государство.

Советская страна самим фактом своего существования и своих успехов все более воздействует на международную обстановку, укрепляет лагерь мира, демократии и социализма.

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Монголию

Новейшая история монгольского народа дает яркое подтверждение ленинской характеристики международной роли и значения Октябрьской революции. Великая Октябрьская социалистическая революция указала монгольскому народу путь к освобождению от феодально-колониального гнета, путь к социализму. Победа Октября создала условия для национального возрождения, социального раскрепощения, экономического и культурного возрождения Монголии. Если прежде монгольский народ не в состоянии был отстоять свою свободу и независимость в борьбе против внешних и внутренних поработителей, то после Октября, получив могучего союзника, бескорыстного друга и идейного руководителя в лице русского рабочего класса и его славной коммунистической партии, он сумел преодолеть трудности и одержать победу. Под непосредственным влиянием Октябрьской революции изменились способы борьбы монгольского народа. В стране была создана аратская революционная партия. Она стала во главе стихийного движения народных масс и организовала их на вооруженное восстание.

Народная революция давно назрела в Монголии и стала для нее объективно-исторической необходимостью. Но предстояла суровая и упорная борьба монгольского народа за то, чтобы объективные возможности, особенно возросшие с победой Октября, стали в Монголии реальностью и воплотились в жизнь. Если великие освободительные идеи Октября звали к борьбе эксплуатируемое аратство, то среди феодально-теократической верхушки они вызывали страх и ненависть.

В январе—феврале 1918 г. советская власть, совершая свое «триумфальное шествие» [2], утвердилась в Забайкалье, в городах и селах, расположенных вдоль русско-монгольской границы. Монгольские араты, кочевавшие в пограничных, северных хошунах Монголии, более или менее свободно общаясь с русским и бурятским пограничным населением, с огромным интересом слушали рассказы о новой власти в России, власти рабочих и крестьян, отобравшей земли у помещиков, фабрики у капиталистов.

Вести о революции дошли до Урги и вызвали раскол среди членов русской колонии, ожесточенную борьбу между революционно настроенными русскими рабочими и служащими и реакционной группой купцов, бывших крупных чиновников. В апреле 1918 г. правительство богдо-гэгэна по просьбе консула царской России разогнало русских рабочих и служащих, собравшихся, чтобы приветствовать установление советской власти в России и произвести выборы органов демократического самоуправления. Раскол среди проживавших в Монголии русских, острая политическая борьба между сторонниками и противниками революции способствовали росту политического сознания монгольских народных масс. Урга превращалась в важнейший источник информации об Октябрьской социалистической революции, о советской власти, о большевиках, о великом вожде трудящихся В. И. Ленине.

В результате победы пролетарской революции в России весной 1918 г. началось массовое бегство в Монголию русских и бурятских помещиков и кулаков, торговцев и ростовщиков, царских чиновников и офицеров. Араты понимали, что бегство представителей эксплуататорских классов свидетельствует о справедливости политики советской власти, направленной на защиту интересов обездоленных и неимущих.

Осенью и зимой 1918 г. русская буржуазно-помещичья контрреволюция, опираясь на прямую поддержку японских, американских, английских и других интервентов, добилась времен-

[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 27, стр. 66.

ной победы на Дальнем Востоке, свергнув там власть Советов. Белый террор, воцарившийся на граничивших с Монголией территориях Восточной Сибири и Забайкалья, сведения о котором доходили до монгольских кочевий, служил аратам новым уроком классовой борьбы.

Дальнейший рост политической сознательности монгольского народа проходил под непосредственным влиянием развернувшейся на Дальнем Востоке в 1919—1920 гг. партизанской войны русских и бурятских рабочих и крестьян против вооруженных отрядов буржуазно-помещичьей реакции и против армии интервентов. Партизанские отряды, действовавшие вдоль монгольской границы, приносили монгольскому народу вести о победоносном продвижении на Восток Красной Армии, о близости окончательной победы рабочих и крестьян Советской России.

Великие освободительные идеи Октября овладевали массами обездоленного монгольского народа, способствовали формированию революционных кадров, воспитанию вождей будущей народной революции. Монгольский народ все больше убеждался в невозможности жить по-старому. В то же время становилось ясным, что и правящий класс не может управлять народом прежними методами. В стране назревал революционный кризис.

Феодально-теократическое антинародное правительство богдо-гэгэна, враждебно относившееся к Советской России и боявшееся своего народа, стало на путь сговора с китайскими милитаристами и японскими империалистами.

Японские империалисты в течение 1918 г. заключили с китайскими милитаристами три секретных соглашения о совместной вооруженной борьбе против Советской России [3]. По этим соглашениям из Китая должны были ввести войска во Внешнюю Монголию и оттуда начать наступление против советского Забайкалья в направлении Чита—Верхнеудинск—оз. Байкал.

В марте 1918 г. с согласия правительства богдо-гэгэна в Ургу впервые после провозглашения автономии вступил батальон китайских войск якобы для оказания помощи правительству автономной Монголии в борьбе против «большевистских беспорядков». В действительности это было началом вооруженной японо-китайской интервенции, направленной на ликвидацию автономии Монголии, подчинение страны японскому империализму и превращение ее в базу антисоветской войны.

В первой половине 1918 г. на территории Внешней Монголии при содействии клики «Ань-фу», стоявшей у власти в Китае, шло формирование русских белогвардейских отрядов, принявших впоследствии активное участие в гражданской войне. Богдо-гэгэн и его окружение не мешали контрреволюционным силам развертывать их преступную деятельность.

[3] *Mac Murrey.* Treaties and agreements with and concerning China. London, 1921, p. 1407—1413.

Панмонгольская авантюра японского империализма. Ликвидация автономии

Японские империалисты решили использовать сложившуюся обстановку для захвата Внешней Монголии. Опасаясь восстановить против себя империалистов Англии, США и других стран, японская военщина попыталась замаскировать свои разбойничьи планы. С этой целью она выдвинула старый план образования «Великой Монголии», в которую должны были войти на федеративных началах Бурят-Монголия, Внешняя и Внутренняя Монголия, Барга, Кукунор и другие районы, населенные монголами. Этот план открывал перед японским империализмом заманчивую перспективу превращения в свою колонию огромной территории, примыкающей к Советской России и Китаю. Осуществление этих замыслов дало бы Японии возможность проникнуть в самое сердце Азии, получить плацдарм для агрессии против России и Китая и отдало бы в ее распоряжение огромные материальные ресурсы. В качестве исполнителя своих планов японцы избрали атамана Семенова, снабдив его деньгами и оружием и командировав к нему своих инструкторов и советников. Семенов привлек к участию в панмонгольской авантюре видного деятеля ламаистской церкви Нейсе-гэгэна и несколько светских феодалов Внутренней Монголии, а также некоторых представителей бурятского буржуазно-националистического лагеря.

Однако все попытки Семенова втянуть в панмонгольский фронт Внешнюю Монголию неизменно проваливались. Богдо-гэгэновская клика, сама разделявшая реакционные идеи панмонголизма, отказалась участвовать в борьбе за «Великую Монголию», опасаясь быть оттесненной на второй план деятелями Внутренней Монголии и буржуазными националистами Бурят-Монголии. Она боялась, кроме того, оказаться связанной с движением, против которого были решительно настроены китайские милитаристы, войска которых в это время находились в Монголии.

Натолкнувшись на сопротивление империалистов США, Англии, Франции, а также Китая и Внешней Монголии, японская военщина вынуждена была отказаться от своего плана. Организация атамана Семенова, лишенная поддержки масс, осенью 1919 г. перестала существовать. Решающую роль в этом сыграли победы Красной Армии на Восточном фронте.

Для автономной Монголии организованное Японией панмонгольское «движение» имело тяжелые последствия: под предлогом беззащитности страны и ее неспособности оказать сопротивление вооруженным силам панмонголистов, готовившихся якобы к вторжению в Монголию, китайские милитаристы в течение 1919 г. во много раз увеличили численность своих войск во всех крупных пунктах Монголии.

Успехи Красной Армии, начавшей летом 1919 г. на восточном фронте победоносное наступление, которое привело затем к полному разгрому колчаковщины и дальневосточной интервенции, заставили японских империалистов изменить тактику.

После провала панмонгольской авантюры японская военщина возложила все надежды на клику «Ань-фу», всячески добиваясь уничтожения автономии Монголии. Японские империалисты рассчитывали, что таким образом они получат возможность распоряжаться страной по своему усмотрению. В то же время, действуя через аньфуистов, выступавших в роли «законного» и «суверенного» правительства Китая, японские империалисты отводили от себя обвинения во вмешательстве в дела Монголии.

Правительство богдо-гэгэна во главе с премьер-министром Бадма-Дорджи было готово отдать страну в руки японских империалистов или их ставленников из лагеря китайских милитаристов. Однако большая часть светских феодалов, особенно средних и мелких, не разделяла позиции правительства. Феодалы были заинтересованы в сохранении автономии, освободившей их фактически от задолженности китайским ростовщикам и от подчинения чужеземной администрации и предоставившей им возможность монопольно эксплуатировать свой народ.

Светские феодалы имели в своем распоряжении вооруженные силы и опирались в известной мере на аратство, которое, как бы мало оно ни выиграло от автономии, не хотело восстановления прежнего колониального режима. Чтобы осуществить свои планы, японским империалистам и их китайской агентуре пришлось бы ввести в страну значительные вооруженные силы. Пытаясь добиться осуществления своих планов «мирным путем», они начали летом 1919 г. официальные переговоры о ликвидации автономии. Китайский наместник в Урге Чен И убеждал правительство богдо-гэгэна добровольно отказаться от автономии и подчиниться правительству Китая, обещая сохранить за классом феодалов льготы и привилегии. Последовал длительный торг об условиях сдачи позиций, завоеванных аратскими массами в 1911—1912 гг. В результате переговоров появился документ, известный под названием «64 пункта об улучшении будущего положения Монголии». Содержание этих «пунктов» сводилось к следующему: а) правительство автономной Монголии «добровольно» ликвидируется; б) Монголия будет управляться китайским наместником в Урге и помощниками наместника в Кобдо, Улясутае и Кяхте; при наместниках будут заместители из числа монгольских князей; в) китайская колонизация в Монголии не будет допущена; г) будет восстановлена выплата жалованья ханам, князьям и тайджи, и, кроме того, назначено жалованье самому богдо-гэгэну и высшим ламам; поездки за жалованьем в Пекин будут отменены, и оно будет выплачиваться по месту жительства; д) будет полностью сохранено право феодалов на получение от крепостного аратства податей и повинностей; е) владетельным князьям Внешней Монголии будет дано право послать представителей в китайский парламент; ж) богдо-гэгэн сохранит титул хана, и ему и его жене будет назначено содержание в сумме 66 тыс. лан (около 80 тыс. руб.) в год; з) расходы по содержанию китайских гарнизонов в Монголии будут возложены на аратство и т. д.

Однако нижняя палата, созванная богдо-гэгэном в июле 1919 г. для обсуждения согласованных между сторонами условий, высказалась за сохранение автономии и отклонила «64 пункта». Разгневанный богдо-гэгэн распустил непокорную палату.

Между тем приближение к границам Китая и Монголии наступающей Красной Армии заставляло реакционные круги Японии и Китая настойчиво добиваться быстрейшего решения монгольского вопроса. В ноябре 1919 г. аньфуистская клика направила в Ургу одного из своих лидеров, генерала Сюй Шу-чжена. Отстранив Чен И, Сюй Шу-чжен, имевший в своем распоряжении шеститысячный гарнизон в Урге, приступил к выполнению поставленной перед ним задачи. Он вызвал к себе главу правительства автономной Монголии Бадма-Дорджи и в ультимативной форме потребовал немедленного подписания богдо-гэгэном, министрами и князьями петиции о приеме Внешней Монголии в состав Китая.

17 ноября 1919 г. Сюй Шу-чжен получил желаемую петицию. Через пять дней, 22 ноября, он обнародовал декрет аньфуистского президента Китая об удовлетворении «просьбы» богдо-гэгэна и князей Внешней Монголии о ликвидации автономии. Аньфуистское правительство Китая объявило, что Внешняя Монголия вновь становится частью Китая и что в Урге учреждается «Главное управление по делам северо-западного края Китайской республики» во главе с Сюй Шу-чженом. Монголия, преданная богдо-гэгэном, крупными феодалами и верхушкой ламства, перестала существовать как автономное государство.

Диктатура Сюй Шу-чжена. Унгерновщина

Сюй Шу-чжен распустил правительство автономной Монголии и его центральные органы, разоружил и демобилизовал монгольскую армию [4]. Опираясь на многотысячные китайские гарнизоны в Урге и в других пунктах страны, он установил во Внешней Монголии режим военной диктатуры. По всем дорогам были расставлены караулы. Свободное передвижение по стране было прекращено. Жителей, казавшихся властям подозрительными, обыскивали, арестовывали, пытали, судили, казнили по суду и без суда. Содержание 12-тысячной китайской оккупационной армии легло на плечи аратства, которое было обязано снабжать ее продовольствием, топливом, фуражом и обслуживать транспортом.

Сюй объявил действующими все сделки и долговые обязательства, заключенные до 1912 г. Китайские ростовщики немедленно стали взыскивать со своих должников старые долги со всеми накопившимися за годы автономии процентами. Более того, китайские купцы и ростовщики потребовали от монголов возмещения ущерба, понесенного ими в 1911—1912 гг. Населению Кобдоского округа был предъявлен счет на 55 тыс. верблюдов, 75 тыс. лошадей, 400 тыс. голов крупного и 500 тыс. мелкого рогатого скота. В денежном выражении (по ценам 1913 г.) это составляло сумму в 20 млн. руб. Легко себе представить положение населения Кобдоского округа, если там всего, по данным переписи 1918 г., было 35 тыс. верблюдов, 130 тыс. лошадей, 120 тыс. голов крупного и около 1 млн. мелкого рогатого скота. Аналогичные счета были предъявлены всем аймакам и хошунам.

Сюй Шу-чжен вновь ввел в действие старый закон о круговой поруке, отмененный в 1912 г. правительством автономной Монголии. На основании этих декретов по всей стране начался открытый грабеж аратского населения под видом взыскания старых долгов, процентов и возмещения «убытков».

Так продолжалось до июля 1920 г., когда прояпонская клика аньфуистов в Китае была разгромлена войсками чжилийцев, за которыми стоял англо-американский империализм. Аньфуистское правительство Дуань Ци-жуя было свергнуто, и к власти пришли лидеры чжилийской клики У Пей-фу и Цао-кунь. Сюй Шу-чжен бежал из Монголии.

[4] Автономная Монголия могла бы защищаться, если бы правящий класс хотел этого. По данным монгольского историка Максар-хурца, власти автономной Монголии сдали Сюй Шу-чжену более 9 тыс. винтовок, 5 пушек, 10 пулеметов и большое количество снарядов и патронов.

Незадолго до этих событий из Урги в Пекин, по предложению Сюй Шу-чжена, была отправлена депутация в составе Джал-ханза-хутухты, Делиб-хутухты и Цецен-хана с целью засвидетельствовать преданность монгольских ханов и князей аньфуистским правителям Китая. Но депутаты, прибыв в Пекин, не застали там тех, кому предназначались эти верноподданнические изъявления. Вступив в переговоры с новыми правителями, они просили направить в Монголию в качестве представителя Китая старого друга монгольских феодалов Чен И и поручить ему провести в жизнь «64 пункта».

В октябре 1920 г. Чен И прибыл в Ургу в сопровождении отряда китайских войск. Стремясь найти опору среди монгольских феодалов, Чен И назначил своим заместителем влиятельного феодала цин-вана Пунцук-Церена из дома Тушету-хана, а помощниками — восемь светских и духовных феодалов. Однако об осуществлении соглашения по «64 пунктам» уже не могло быть и речи.

Обстановка за истекший год существенно изменилась. К этому времени весь Дальний Восток был охвачен огнем партизанской войны против иностранных интервентов и их белогвардейских ставленников. В октябре 1920 г. партизаны освободили Читу, а в начале декабря была полностью очищена от белогвардейцев и интервентов территория Восточного Забайкалья вплоть до границ Монголии и Маньчжурии. Близилось полное освобождение всего советского Приамурья и Приморья.

Планы японского империализма в отношении Монголии терпели неудачу. В 1919 г. окончилась крахом инспирированная японцами панмонгольская авантюра атамана Семенова, в 1920 г. оказалась битой их ставка на аньфуистов. Теперь японские империалисты решили использовать бежавшие в Монголию остатки белогвардейских войск, разбитых Красной Армией. В районе Кобдо в это время осела банда Кайгородова, в Улясутае — Казанцева, в районе Косогола — Казагранди и т. д. Проводником своих планов японская военщина избрала барона Унгерна, звериная ненависть которого к Советской России гарантировала ей его верную службу.

В октябре 1920 г. Унгерн во главе «азиатской конной дивизии» появился в аймаке Цецен-хана. В его дивизии было около 800 солдат, шесть орудий и два десятка пулеметов. В конце октября Унгерн подошел к Урге, но его попытка захватить город была отбита китайскими войсками. Унгерн отошел на юго-восток и, расположившись в районе монастыря Манзушри-хит, начал активную подготовку к новому наступлению на Ургу. Он установил связи с высшими ламами и феодалами, демагогически заявляя, что его цель — восстановление автономного монгольского государства во главе с богдо-гэгэном. В начале ян-

варя 1921 г. Унгерну удалось вывезти из Урги богдо-гэгэна, религиозный авторитет которого он рассчитывал использовать, и поместил его невдалеке от своей ставки. 27 января к Унгерну из Урги явилась депутация в составе Джалханза-хутухты, шанзодбы Даши-Джаба и других для выяснения его планов и намерений. Унгерн заявил им: «Я ставлю своей целью восстановление трех монархий: русской, монгольской и маньчжурской... Следует теперь вновь восстановить автономное монгольское правительство... Необходимо выбрать счастливый день для восшествия на трон, пригласить богдо-хана с его супругой в Ургу и вновь организовать пять министерств» [5].

Лозунги восстановления автономии, поддержки ламаистской религии и возвращения на ханский престол богдо-гэгэна обеспечили на первых порах Унгерну успех. Светские и духовные феодалы мобилизовывали аратов в унгерновскую армию, а также снабжали ее всем необходимым.

Унгерну удалось временно использовать в своих целях национально-освободительную борьбу монгольского народа, для которого диктатура Сюй Шу-чжена была тем более тяжелой, что за восемь лет автономии он стал забывать о чужеземных войсках, о китайских ростовщиках, круговой поруке, реквизициях и других открытых проявлениях колониального гнета.

К середине января 1921 г. под командованием Унгерна было около 5 тыс. солдат. Унгерн перешел в наступление и 4 февраля овладел Ургой. Китайский гарнизон города отступил на север в Кяхтинский Маймачен (современный Алтан-Булак), где объединился с местным гарнизоном. Сюда же прибыл и бежавший Чен И.

15 февраля богдо-гэгэн вновь занял трон хана монголов. Унгерн за свои «заслуги» был возведен им в звание цин-вана. Почетные титулы получили и сподвижники Унгерна. Богдо-гэгэн назначил по указанию Унгерна правительство во главе с Джалханза-хутухтой [6].

Автономная Монголия, казалось, была восстановлена. Войска китайских милитаристов были изгнаны из столицы, богдо-гэгэн вернулся на трон, страной опять управляло национальное правительство. Но эта мнимая независимость была лишь

[5] *Чойбалсан.* Краткий очерк истории монгольской народной революции. М., 1952, стр. 34.

[6] Этот престарелый «святитель» имел уже большой опыт политического приспособленчества. Он стоял в 1911 г. у купели автономии, был членом и премьером автономного правительства, вместе с другими феодалами предал автономию, служил сначала царизму, затем Унгерну и, наконец, сумел войти в доверие Народно-революционной партии и проникнуть в состав народного правительства, где использовал свое положение для организации контрреволюционных заговоров. Он умер в 1923 г.

средством обмана аратов. В действительности же над трудящимися Монголии нависла реальная угроза превращения в колониальных рабов империалистической Японии. Послушное Унгерну правительство богдо-гэгэна способствовало осуществлению его преступных планов.

Уже первые дни пребывания Унгерна в Урге были ознаменованы зверской расправой унгерновцев с неугодными их атаману лицами, со всеми, подозревавшимися в сочувствии русской революции. Один иностранный чиновник, находившийся на службе в ведомстве связи Китая и бывший в это время в Урге, свидетельствует, что уже 4 февраля он видел в воротах одной лавки трех повешенных: двух монголов (мужчину и женщину) и русского. В этот же день на стенах домов был расклеен приказ Унгерна, требовавший истребления всех евреев. Во исполнение этого приказа в ночь с 4 на 5 февраля началась резня. С 4 по 8 февраля было умерщвлено около 40 евреев и 80 русских и монголов, заподозренных в сочувствии большевизму [7].

Расположившись со штабом в Урге, Унгерн объединил под своим командованием белогвардейцев, бежавших в Монголию из Советской России, провел мобилизацию русских и бурятов, живших в стране, а также всех монголов в возрасте от 19 до 25 лет, сформировал новые воинские части и организовал их обучение. Армия Унгерна должна была сыграть большую роль в новом наступлении против Советской России, планировавшемся японской военщиной. Японский генеральный штаб прикомандировал к Унгерну значительную группу инструкторов и военных советников. К концу мая 1921 г. в его армии насчитывалось уже более 11 тыс. штыков и сабель, 23 орудия, много пулеметов, патронов и снарядов.

Однако восстановленная Унгерном феодально-теократическая «автономная» Монголия на этот раз была очень недолговечной. Созданное Унгерном марионеточное правительство просуществовало всего лишь пять месяцев. Этого времени было достаточно, чтобы Унгерн своими преступными деяниями полностью разоблачил себя в качестве японского наймита, смертельного врага советского и монгольского народов.

Режим Унгерна и политика, которую проводило в угоду ему правительство богдо-гэгэна, не только не принесли народу никакого облегчения, но ухудшили его положение. Скрытое вначале противодействие унгерновским мобилизациям стало перерастать в прямое сопротивление. Унгерн ответил на это усилением репрессий и террором. Но белый террор лишь ускорил

[7] Extracts from the Diary of Mr. K. P. Albertsen. Recent events in Urga. A foreigner's experiences. Reprinted from the «Peking and Tientsin Times», March 18, 19 and 21. 1921.

процесс перехода масс в латерь революции. В стране начала складываться революционная ситуация.

Зарождение Народно-революционной партии. Сухэ-Батор и Чойбалсан

Десятилетие, прошедшее со дня свержения маньчжурского ига, не прошло даром. Национально-освободительное движение 1911—1912 гг., восемь лет существования автономии, предательство феодалов в ноябре 1919 г., аньфуистская интервенция и диктатура Сюй Шу-чжена, унгерновщина — все это было школой, в которой народные массы Монголии получили серьезное политическое воспитание, научились критически подходить к традиционным авторитетам.

Великая Октябрьская социалистическая революция помогла передовым людям Монголии найти правильные ответы на вставшие перед ними вопросы. Лучшие сыны монгольского народа Сухэ-Батор и его друг и ближайший соратник Чойбалсан стали организаторами революционной борьбы.

Сухэ-Батор, выходец из бедняцкой аратской семьи, родился 2 февраля 1893 г. в предместье Урги. С 14-летнего возраста Сухэ начал трудовую жизнь, работая то ямщиком на уртонных станциях по тракту Урга — Кяхта, то поденным рабочим в Урге. Решив овладеть грамотой, он использовал для этого каждый свободный от тяжелого труда час. В период автономии Сухэ был призван в ряды монгольской армии, формировавшейся и обучавшейся под руководством инструкторов-офицеров царской России. Сухэ выделялся своими способностями. Он был отмечен командованием и направлен в школу младших командиров, по окончании которой командовал эскадроном. За личную отвагу, проявленную им в боях против войск китайских милитаристов, Сухэ был много раз награжден и получил почетное звание «батор» (богатырь), ставшее впоследствии частью его имени. После демобилизации Сухэ-Батор поступил наборщиком в Ургинскую типографию. Оккупация страны войсками аньфуистов и ликвидация автономии положили начало активной революционной работе Сухэ-Батора.

Чойбалсан, как и Сухэ-Батор, был выходцем из бедняцкой аратской семьи. Он родился 8 февраля 1895 г. в одном из хошунов аймака Цецен-хана. Тяжелые жизненные условия вынудили мать Чойбалсана поместить мальчика в монастырь в качестве ученика. Но Чойбалсан не выдержал монастырского режима и через два года бежал. В 1912 г. он попал в Ургу, где работал сторожем, носильщиком и т. п. Благоприятное стечение обстоятельств помогло Чойбалсану устроиться на учебу в школу, незадолго до этого открытую в Урге. Благодаря выдающимся способностям Чойбалсан в 1914 г. с группой учеников был направлен для продолжения образования в Иркутск в высшее начальное училище. Там Чойбалсан стал свидетелем революционной борьбы рабочего класса, а также событий, последовавших за февральской революцией, и познакомился с русскими большевиками, с учением Ленина. Незадолго до Октября Чойбалсан и другие ученики-монголы были отозваны из Иркутска богдо-гэгэновским правительством, опасавшимся влияния революционных идей на монгольскую молодежь, находившуюся в России.

Сухэ-Батор и Чойбалсан одни из первых в Монголии поняли, что надежным и бескорыстным союзником монгольского народа может быть лишь та страна, народ которой сбросил власть помещиков и капиталистов и создал свое рабочее и крестьянское правительство, провозгласившее и претворившее в жизнь великие принципы равенства и дружбы народов. Они узнали, что правительство РСФСР еще в августе 1919 г. обратилось со специальным воззванием к правительству и народу автономной Монголии, в котором говорилось: «Как только русские рабочие и крестьяне отняли власть у царских генералов, жандармов и капиталистов 25 октября 1917 г., они тотчас же обратились к трудящимся всего мира с предложением установить такой порядок, при котором ни одно сильное государство не смеет ни присоединить к себе силой, ни удерживать в своих границах маленькие и слабые народы... Монголия есть свободная страна... Вся власть и суд в стране должны принадлежать монгольскому народу. Ни один иностранец не в праве вмешиваться во внутренние дела Монголии. В отмену соглашения 1913 г. Монголия как независимая страна имеет право непосредственно сноситься со всеми другими народами без всякой опеки со стороны Пекина и Петрограда...» [8].

Обращение советского правительства способствовало активизации революционной деятельности Сухэ-Батора и Чойбалсана.

Осенью 1919 г. в Урге организовались два самостоятельных нелегальных кружка революционеров. Одним из этих кружков руководил Сухэ-Батор, другим — Чойбалсан. Чойбалсан, достаточно хорошо знавший русский язык, поддерживал связь с немногочисленными русскими революционерами, находившимися в Урге. Это были доктор Цыбиктаров, Гембаржевский, Кучеренко, Агафонов, Сороковиков и другие русские рабочие и служащие. Многие из них впоследствии пали жертвами унгер-

[8] Цит. по журн.: «Хозяйство Монголии». Улан-Батор, 1928, № 2, стр. 79.

новского террора. Русские революционеры участвовали в работе монгольских нелегальных кружков. Они оказались посредниками между обоими кружками, способствовали встрече Сухэ-Батора с Чойбалсаном, которая состоялась в конце 1919 г. Эта встреча положила начало тесной дружбе и сотрудничеству двух будущих вождей революции. Вскоре произошло слияние обоих кружков. Возникла единая революционная организация, готовившая всенародное вооруженное восстание. В городе стали появляться листовки, призывавшие народ на борьбу за освобождение страны от иноземного угнетения. В революционную работу включались широкие круги монгольского населения. В ряды организации начали вступать араты, низшие ламы и отдельные представители привилегированных сословий. В числе последних были популярные деятели национально-освободительного движения 1911—1912 гг. Хатан-Батор-Максаржаб и Манлай-Батор Дамдин-Сурэн.

В начале 1920 г. организация решила командировать Сухэ-Батора в Советскую Россию, чтобы выяснить возможность получения помощи со стороны русского пролетариата.

Но Сухэ-Батору не удалось в тот период попасть в Москву: между Монголией и Советской Россией еще лежали фронты гражданской войны и интервенции. Однако победы Красной Армии вскоре открыли путь из Монголии в Советскую страну, и в июне — июле 1920 г. из Урги тайно выехала делегация, в составе которой были Сухэ-Батор и Чойбалсан. Желая придать официальный характер обращению к советскому правительству, члены делегации дважды обращались к богдо-гэгэну с предложением снабдить их соответствующим письмом от его имени, но оба раза из дворца «многими возведенного» отвечали: «Пока воздержаться». В конце концов богдо-гэгэн приложил печать к письму, адресованному в Москву. Но одновременно с этим он отправил два других письма с просьбой о помощи: одно Америке, а другое — Японии.

В ноябре 1920 г. делегация вернулась на родину, заручившись обещанием советского правительства оказать помощь в освобождении Монголии от общего врага — русских белогвардейцев и поддерживающих их иностранных империалистов. Пограничный город Кяхта был превращен в центр революционной работы. Отсюда во все районы страны потянулись нити, связывавшие организацию революционеров с широкими массами аратства. Из Кяхты по всей Монголии распространялись лозунги, звавшие народ к борьбе и к оружию. В ноябре 1920 г. вышел в свет первый номер литографированной нелегальной газеты «Монголын үнэн» («Монгольская правда»). Всего вышло шесть номеров этой газеты.

Первый съезд народно-революционной партии. Подготовка всенародного вооруженного восстания

1 марта 1921 г. в Кяхте состоялось собрание монгольских революционеров, вошедшее в историю как I съезд монгольской Народно-революционной партии. На этом съезде обсуждались вопросы о текущем моменте, об организации штаба народной армии, а также был избран Центральный комитет из пяти человек. В состав Центрального комитета вошли Сухэ-Батор и Чойбалсан. Съезд утвердил на основе доклада Сухэ-Батора текст обращения к монгольскому народу, ставшего политической платформой партии и до 1925 г. игравшего роль ее программы.

Главной задачей партии была объявлена борьба за образование независимого монгольского государства и переход власти в руки народа. Партия выражала готовность координировать свои действия с любой другой монгольской организацией, желающей и могущей содействовать достижению этих целей. В обращении отмечалось, что партия стремится установить дружественный контакт с революционными организациями Китая, России и других стран, «одинаково с нашей партией стремящихся к уничтожению деспотизма, к прогрессу и к утверждению народовластия» [9].

Таково основное содержание этого первого программного документа партии революционного аратства. Несмотря на нечеткость некоторых формулировок, политическая платформа ясно выражала решимость партии бороться в тесной связи с революционным и демократическим движением рабочего класса других стран за доведение до конца национально-освободительной революции и за демократизацию политического строя. Единственный в этом обращении уставный пункт, объявлявший о приеме в партию «каждого монгола», признающего ее программу, отражает стремление партии образовать единый общенациональный антиимпериалистический фронт освободительной борьбы. Очень скоро, однако, партии пришлось отказаться от этого принципа приема вследствие резкого обострения классовой борьбы.

Впервые за свою многовековую историю монгольское аратство выходило на арену политической борьбы, возглавляемое своей революционной партией. Историческая задача этой партии состояла в том, чтобы внести революционное сознание в стихийную борьбу аратства за национальное и социальное раскрепощение.

Съезд принял решение об установлении постоянной связи

[9] «Постановления съездов, конференций и пленумов ЦК МНРП». Улан-Батор, 1946, стр. 42—46.

с Коммунистическим Интернационалом. Не будучи коммунистической, Народная партия не могла стать членом Коминтерна и была им принята в качестве сочувствующей организации. Связь Народной партии с Коминтерном, установленная в 1921 г., сыграла важнейшую роль в ее развитии, как партии нового типа.

Съезд имел большое значение и для непосредственной подготовки революции. В соответствии с его решением 13 марта в Кяхте состоялось собрание представителей партии, партизанских отрядов и аратства приграничных хошунов Монголии. На этом совещании по предложению Сухэ-Батора было создано Временное народное правительство как орган подготовки и проведения вооруженного восстания. В принятой на совещании резолюции говорилось:

«Мы обязываем Временное правительство освободить нашу страну от китайской власти, очистить страну от русских белогвардейских банд, от вооруженных китайских разбойников, а также установить дружественные взаимоотношения с соседними государствами... созвать Великий Хурал народных представителей Монголии, который установит постоянное правительство и утвердит Конституцию Монголии» [10].

Временное народное правительство, сформированное совещанием, состояло из семи человек. Сухэ-Батор был назначен главнокомандующим и военным министром, Чойбалсан — его заместителем.

Освобождение Алтан-Булака

Мелкие и разрозненные партизанские группы, образовавшиеся в северных хошунах страны из аратов, восставших против гнета унгерновщины, были к этому времени сведены штабом Сухэ-Батора в сравнительно крупные отряды, прошедшие известную военную подготовку и подчиненные единому командованию. Несколько успешных стычек с китайскими оккупантами укрепили боевой дух партизан и вселили в них уверенность в свои силы.

Имея 700 вооруженных бойцов, Сухэ-Батор повел наступление на Маймачен (Алтан-Булак), гарнизон которого состоял из пяти полков пехоты и кавалерии с двумя артиллерийскими батареями и 30 пулеметами. Несмотря на свое огромное численное превосходство, китайские оккупанты не выдержали натиска отрядов Сухэ-Батора и 18 марта город был освобожден. Этот день вошел в историю Монголии как национальный праздник — день рождения Народно-революционной армии. Революция праздновала свою первую крупную победу. Народная партия и Временное правительство получили важный опорный пункт на монгольской территории. В Монголии оказалось два правительства: богдо-гэгэновское феодально-теократическое правительство Джалханцза-хутухты и Временное народное правительство. Первое было послушным орудием в руках Унгерна и могло рассчитывать только на его банды; второе — выступало с программой действительного и полного национального освобождения, завоевания независимости, перехода власти в руки народа; оно опиралось на аратство, на помощь Советской России.

Через несколько дней после освобождения Маймачена руководители Народной партии и Временного народного правительства обратились с письмом в Ургу, к Джалханцза-хутухте, предлагая ему совместными действиями освободить страну как от остатков китайских войск, так и от русских белогвардейцев. Однако предложение о едином национальном фронте было отвергнуто. Вместо этого богдо-гэгэн и его правительство предложили руководителям Народной партии и Временного народного правительства прекратить борьбу, сложить оружие и подчиниться богдо-гэгэну. Они старались представить Унгерна другом и защитником религии и монгольского государства. Таким образом, монгольский народ еще раз смог убедиться в том, что в борьбе с врагами родины он не должен рассчитывать на поддержку феодалов и высшего ламства.

Всенародное вооруженное восстание. Победа революции

Партия и правительство стали деятельно готовиться к дальнейшим боям, накапливая силы, расширяя и укрепляя связи с аратскими массами, ведя устную и печатную агитацию. Лозунги, звавшие к борьбе за освобождение от иностранного гнета и к образованию подлинно народной власти, имели огромную притягательную силу, завоевывая молодой партии авторитет и доверие масс. Битва под Маймаченом и разгром многочисленного китайского гарнизона партизанскими отрядами Сухэ-Батора вселили в массы уверенность в победу.

Апрель и май 1921 г. были использованы руководством Народной партии и Временным народным правительством для организации и укрепления армии, для боевой и политической учебы бойцов. Была сформирована кавалерийская бригада из двух полков. 10 апреля 1921 г. Временное народное правительство обратилось к правительству РСФСР с просьбой оказать помощь в борьбе против общих врагов — белогвардейских банд. Советское правительство удовлетворило эту просьбу.

[10] «Постановления съездов, конференций и пленумов ЦК МНРП», стр. 46, 47.

11 июня в районе Троицкосавска начались бои с частями Унгерна, рассчитывавшего уничтожить войска Сухэ-Батора и прорваться к байкальским железнодорожным тоннелям, чтобы отрезать Дальний Восток от Советской России. В результате трехдневных упорных боев части Красной Армии совместно с бойцами Сухэ-Батора разгромили унгерновцев, взяли много пленных и трофеев — орудий, пулеметов и боеприпасов. Японский план общего генерального наступления на Советскую Россию, частью которого являлась операция Унгерна, был сорван благодаря мужеству бойцов советских частей и монгольской революционной армии.

Получив сокрушительный удар под Троицкосавском, Унгерн уже не сумел оправиться от него. Правда, в июле ему еще раз удалось проникнуть на советскую территорию и даже занять Селенгинск, но вскоре советские войска вторично разбили его отряд. Сам Унгерн бежал в Монголию, где был схвачен и выдан советскому командованию. Военный трибунал вынес решение расстрелять Унгерна.

По просьбе Временного народного правительства 2 июля 1921 г. советские войска вступили на монгольскую территорию, чтобы совместно с Народной армией освободить страну. Не давая врагу собраться с силами, части Красной Армии и монгольской Народной армии развернули операцию по освобождению Урги. 6 июля туда вступили передовые части, а 8 июля — основные силы обеих армий. Вместе с ними прибыли Временное народное правительство и Центральный комитет Народной партии. Освобождение Урги поставило перед Народной партией в качестве первоочередной задачи организацию революционной власти. Решение этого вопроса должно было в значительной мере предопределить дальнейший ход революции. Сохранение власти в руках феодалов означало бы поражение революции, но, решая вопрос о власти, партия не могла игнорировать уровень развития страны и сознательности народа.

В обращении, принятом Кяхтинским съездом, отмечалось, что «по своему развитию Монголия недалеко ушла от средневекового строя, и это должно быть учтено при проведении реформы и мероприятий по обновлению страны» [11]. В отсталой стране, где господствовали докапиталистические отношения, а ламаистская церковь представляла собой огромную экономическую, политическую и идеологическую силу, где первоочередной задачей революции была борьба против империализма за национальную независимость, партия не могла пойти на провозглашение демократической республики, не рискуя оторваться от основных масс народа. В этих условиях партия приняла единственно правильное решение: она сохранила в Монголии монархический строй и оставила в качестве монарха богдо-гэгэна, лишив его, однако, права вмешиваться в дела светского правления. Так партия решила вопрос о власти в обстановке начавшегося, но еще не завершенного вооруженного восстания. Последующие события подтвердили правильность этого курса. Взаимоотношения между монархом и правительством были в дальнейшем уточнены особым договором, основные пункты которого гласили:

«1. Богдо-хан Монгольского государства Джебзун-Дамба-хутухта, являющийся священным главой желтой религии, не должен касаться дел государственных, в отношении же всех дел религиозных пользуется неограниченными правами.

2. Богдо-Джебзун-Дамба-хутухта, будучи ханом Монгольского Народного государства, в котором существует образ правления конституционной монархии, отправляет всякого рода государственные дела через посредство председателя Народного правительства...

4. Законодательные акты, издаваемые по инициативе правительства для укрепления и улучшения основ Монгольского Народного государства, а также ради народного блага, могут быть приведены в исполнение только после доклада богдо-хану. Такие законы не могут быть ни отвергнуты, ни аннулированы богдо-ханом. Законодательные предположения другого характера могут быть при докладе возвращены богдо-ханом для вторичного обсуждения, однако, не более одного раза...

6. В случае государственного переворота или возникновения внутренней смуты, правительство может, отступая от положения мирного времени, самостоятельно, не докладывая богдо-хану, принимать важные меры или издавать законы...» [12].

1 ноября 1921 г. состоялась торжественная церемония вступления этого договора в силу. Богдо-гэгэн и Народное правительство дали клятвенное обязательство соблюдать условия договора, вследствие чего он и вошел в историю как «Клятвенный договор».

«Клятвенный договор» узаконил в Монголии конституционно-монархический строй, при котором власть монарха была чрезвычайно ограниченной, а Народное правительство имело практически неограниченные полномочия.

Спустя три года на I Великом Хурале, отчитываясь о работе правительства, его председатель Церен-Дорджи остановился на этом вопросе. Он сказал: «Внимательно присматриваясь к настоящей и прошлой жизни как Монголии, так и иностранных

[11] «Постановления съездов, конференций и пленумов ЦК МНРП», стр. 51.

[12] «Современная Монголия», 1934, № 1, стр. 23, 24.

государств, надо было с отвращением отвернуться от старых деспотов и тогда же немедленно ввести в Монголии республиканский строй правления. Но приходилось учитывать дух времени и объективную психологию массы, — вот почему нам пришлось популярного в народе главу нашей религии, богдо-гэгэна, возвести в монархи с ограниченными правами. Но наряду с ним должно было работать правительство, имеющее неограниченные права» [13].

Монгольская Народная партия, как мы уже отмечали, в период подготовки революции пыталась создать в стране единый национальный фронт, направленный на завоевание национальной независимости.

Однако феодалы во главе с богдо-гэгэном упорно отклоняли предложения об образовании единого национального фронта. Политика богдо-гэгэна и окружавших его светских и духовных феодалов была направлена против революции. Свидетельством этого являются многочисленные попытки богдо-гэгэна и его клики «остановить» революцию, разложить народное движение и деморализовать его руководителей. Богдо-гэгэн не раз обращался к верующим с воззваниями, убеждая аратов не верить революционерам. Еще 5 июля, накануне вступления в Ургу головных отрядов революционной армии, богдо-гэгэн издал свое очередное обращение, в котором пытался очернить вождей революции, дезориентировать аратство и убедить солдат революционной армии сложить оружие и вернуться домой, чтобы «усердно помогать делами государству и религии». Весь огромный ламский пропагандистский аппарат был пущен в ход, чтобы довести каждое такое обращение «святейшего» богдо до аратов. Однако даже религиозный авторитет богдо-гэгэна не смог восстановить аратство против Народной партии, против революции. Изменившееся соотношение сил в стране в пользу народа, в ущерб феодалам было отражено в «Клятвенном договоре». Но он не означал окончания борьбы. Наоборот, победа народной революции положила начало острой борьбе феодалов против народно-революционного строя, за реставрацию феодализма.

Первые шаги народной власти

11 июля 1921 г. было провозглашено создание постоянного Народного правительства, в котором пост премьер-министра и министра иностранных дел занял Бодо, министра финансов — Данзан, военного министра и главнокомандующего — Сухэ-Батор, министра юстиции — Максор.

[13] «Протоколы I Великого Хурала». Улан-Батор, 1925, стр. 33.

Правительство приступило к работе в исключительно сложной обстановке. Экономическое и политическое положение страны было тяжелым, государственная казна опустела. По всей стране продолжали рыскать бандитские шайки из остатков отрядов китайских солдат и русских белогвардейцев. Они еще удерживали за собой некоторые районы страны, пытаясь укрепиться в них.

Старый феодальный аппарат власти был дезорганизован и враждебен новому народному правительству. Феодальная реакция в стране готовилась к решительной борьбе против народной революции, поощряемая к тому реакционными кругами Японии и Китая.

Сложным было также и положение внутри Народной партии. Она еще нуждалась в серьезном организационном укреплении для того, чтобы стать монолитной революционной партией трудового аратства. Между тем к руководству партией проникли чуждые и враждебные элементы, ослаблявшие и дезорганизовавшие ее.

Монгольский революционный союз молодежи (МРСМ), учредительный съезд которого состоялся 22—25 июля 1922 г., в первые годы своего существования не мог составить серьезную опору партии, так как нуждался в улучшении организационного и идеологического руководства. Лишь к 1924 г. МРСМ преодолел организационные и идеологические недостатки с помощью Коммунистического Интернационала молодежи, членом которого он был.

В этой сложной обстановке Народной партии и революционному правительству предстояло завершить очищение страны от остатков интервенционистских банд; урегулировать отношения с соседними государствами на основе признания независимости демократической Монголии; укрепить обороноспособность государства.

Важнейшими задачами народной власти были также осуществление демократизации политического строя; ломка старого феодального аппарата угнетения и эксплуатации народа; подавление сопротивления феодалов; улучшение материальных условий жизни народа; созыв Великого Хурала народных представителей для принятия Конституции и окончательное утверждение независимого народно-демократического монгольского государства.

Преодолевая трудности, партия и правительство с успехом разрешили поставленные задачи, спасли народ от гибели и рабства и вывели его на путь прогресса. Успехам Народной партии способствовали победы Красной Армии на Дальнем Востоке: ликвидацией в 1922 г. японской интервенции было завершено полное освобождение советской территории. Благо-

приятные условия для дальнейших побед монгольского народа создавала и развивавшаяся в Китае антиимпериалистическая революция, сковывавшая и ослаблявшая китайскую реакцию.

Желая ускорить уничтожение белогвардейских банд, народное правительство осенью 1921 г. обратилось к советскому правительству с просьбой отложить вывод из Монголии советских войск и оказать помощь в ликвидации белогвардейских отрядов в Западной Монголии. 28 октября 1921 г. было получено согласие советского правительства. Частям Красной Армии был отдан приказ принять участие в операциях против банд Бакича и других белогвардейских атаманов. К концу 1921 г. освобождение Монголии от белогвардейских интервентов было в основном закончено, и в 1922 г. страна была полностью объединена под властью Народного правительства.

Советско-Монгольский договор от 5 ноября 1921 г. Беседы монгольской делегации с В. И. Лениным

Осенью 1921 г. Народная партия и правительство направили в Москву для переговоров о заключении договора о дружбе миссию, в состав которой входил Сухэ-Батор. В результате переговоров 5 ноября в Москве было подписано Соглашение об установлении дружественных отношений между РСФСР и Монголией, согласно которому прежние договоры и соглашения, заключенные между бывшим царским правительством и властями автономной Монголии, аннулировались. Советская Россия признала Народное правительство единственно законным правительством Монголии, подтвердило свой отказ от прав и привилегий по договорам, навязанным в свое время монголам царизмом.

Народной Монголии было безвозмездно передано оборудование русских почтовых и телеграфных контор, расположенных на монгольской территории; дореволюционный долг Монголии был аннулирован. Соглашение предусматривало обмен полномочными дипломатическими представителями и консулами между РСФСР и Монголией.

Договор 1921 г. явился первым равноправным международным договором в истории Монголии. Принцип равенства сторон проходит красной нитью через все его пункты.

Члены монгольской делегации посетили В. И. Ленина и беседовали с ним. О содержании этой беседы можно судить по записи, оглашенной в декабре 1934 г. на IX съезде Монгольской народно-революционной партии. Как видно из этой записи, монгольские делегаты задали В. И. Ленину ряд вопросов, касающихся судеб народной революции. Они, в частности, спросили его мнение о том, что является главной задачей монгольских революционеров.

«Тов. Ленин разъяснил нашей делегации международное положение нашей страны и указал, что в силу географического положения МНР империалистические державы в случае войны будут стремиться захватить нашу страну и превратить ее в плацдарм военных действий против другой страны. «Поэтому,— сказал Ленин,—единственно правильным путем для всякого трудящегося в а ш е й страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами СССР. Эту борьбу изолированно вести нельзя, поэтому создание партии монгольских арат является условием успешности их борьбы».

«Будет ли победоносной национально-освободительная борьба?» Ответ тов. Ленина: «Я сам участвую в революционном движении 30 лет и по личному опыту знаю, как трудно любому народу освободиться от своих внешних и внутренних поработителей. Но несмотря на то, что Монголия страна скотоводческая, а основная масса населения ее — пастухи-кочевники, она достигла в своей революции больших успехов, а главное, — закрепила эти успехи созданием своей народно-революционной партии, задача которой—стать массовой и не быть засоренной чуждыми элементами».

«Не следует ли народно-революционной партии превратиться в коммунистическую?» Ответ: «Я этого не рекомендую, так как «превратиться» одной партии в другую нельзя». Разъяснив сущность коммунистической партии как партии пролетариата, тов. Ленин сказал: «Много еще надо будет поработать революционерам над своим государственным, хозяйственным и культурным строительством, пока из пастушеских элементов создастся пролетарская масса, которая впоследствии поможет „превращению" народно-революционной партии в коммунистическую. Простая перемена вывески вредна и опасна».

Тов. Ленин широко развил нашей делегации идею возможности и необходимости некапиталистического развития МНР, причем главным условием, обеспечивающим переход на путь некапиталистического развития, является усиление работы народно-революционной партии и правительства, чтобы в результате этой работы и усиления влияния партии и власти росли кооперативы, прививались новые формы хозяйствования и национальной культуры, чтобы вокруг партии и правительства сплачивалось аратство за экономическое и культурное развитие страны. Только из островков нового хозяйственного уклада, созданного под влиянием партии и правительства, сложится

новая некапиталистическая экономическая система в аратской Монголии» [14].

Советы В. И. Ленина легли в основу всей деятельности МНРП, составив основное содержание ее генеральной линии.

Монголия и Китай

Народное правительство Монголии пыталось установить дружественные отношения также и со своим южным соседом — Китаем. Однако все попытки, предпринятые в этом направлении, не имели успеха. Реакционное правительство Китая не желало признавать независимости народного монгольского государства, оно стремилось восстановить в Монголии господство китайского компрадорского капитала и феодальной бюрократии.

Сменявшие друг друга у власти в Китае милитаристские клики были лишь марионетками в руках империалистических государств, враждебно встретивших рождение независимого демократического монгольского государства. Реакционная клика китайских милитаристов, поддерживаемая империалистической Японией, готовила вооруженную интервенцию в Монголию. С помощью своего ставленника Чжан Цзо-лина японский империализм рассчитывал задушить Монгольскую народную революцию.

В июле 1921 г. Чжан Цзо-лин созвал специальное совещание по вопросу организации карательной экспедиции в Монголию. На совещании присутствовали представители феодалов Внешней и Внутренней Монголии. Однако осуществлению планов японских и китайских милитаристов помешала борьба, вспыхнувшая среди отдельных китайских милитаристских группировок, отражавших интересы различных империалистических держав.

После провала попытки организовать вооруженную интервенцию империалистические страны вынуждены были искать другие способы борьбы против молодого монгольского государства. В июле же в Ургу из Калгана прибыл консул США Сокобин, предложивший народному правительству свое посредничество в переговорах с правительством Китая. Однако Монгольское народное правительство отказалось от услуг Сокобина. 10 сентября 1921 г. оно официально обратилось к правительству Советской России с просьбой взять посредничество на себя. Но и посредничество советского правительства не принесло желаемых результатов.

---

[14] «IX съезд Монгольской Народно-революционной партии». Улан-Батор, изд. «Современная Монголия», 1934, стр. 32, 33.

Внутренняя политика народного правительства

Исключительные трудности стояли перед партией и народной властью в связи с задачей демократизации страны и повышения жизненного уровня народных масс. Существование старой системы управления исключало возможность подлинно демократических преобразований, направленных против крепостничества, феодальных привилегий и феодальной эксплуатации.

Подготовленных кадров из среды аратов было еще очень мало. Аппарат власти фактически находился в руках враждебного революции класса феодалов и чиновничества, которые саботировали законы и распоряжения народной власти, вели подрывную работу, всемерно противодействуя развитию антифеодальной революции. Стремясь поставить государственный аппарат на службу народу, партия и правительство проводили неоднократные чистки. Однако необходимо было сломать всю феодальную бюрократическую машину и создать государственную систему новой, народной власти. Без такой коренной перестройки декреты правительства, касавшиеся отношений между аратами и феодалами, имели в известной мере декларативный характер.

Одной из первых мер, направленных на осуществление этой задачи, явился созыв Временного Малого Государственного Хурала из представителей всех сословий. Хурал был органом совещательным и должен был обсуждать законопроекты, разработанные правительством. Членами Хурала были представители аратов, князей, ламства.

27 октября 1921 г. Временный Малый Государственный Хурал был открыт. Участвовавшие в его работе араты сидели рядом со своими бывшими господами и наравне с ними обсуждали государственные вопросы. Эти араты затем становились агитаторами за новые, революционные порядки, вовлекали других в строительство народно-революционного строя.

В 1922 г. Народное правительство отменило привилегии феодалов и круговую поруку, сократило уртонную повинность, распространило на шабинаров воинскую и другие общегосударственные повинности.

Большое значение имело принятое в конце 1922 г. «Положение о хошунных дзасаках, свободных ванах, гунах и тайджи» (т. е. о владетельных и невладетельных феодалах), которое наносило сокрушительный удар по старым феодальным привилегиям, уравнивая в правах феодалов и трудящихся, ликвидируя крепостную зависимость аратов и устанавливая равенство сословий перед законом.

«Положение» уничтожило феодальный институт наследования, по которому власть над хошунами, пастбищами и крепостными аратами переходила от отца к сыну. Согласно «Положению» собрание представителей хошуна могло принять решение об отстранении от должности хошунного дзасака, если он «не соответствует своему назначению». «Положение» устанавливало, что все граждане должны нести одинаковые повинности. Феодалы имели право быть избранными на должность хошунного правителя, но за невыполнение распоряжений правительства, незаконные поборы с населения и прочее они немедленно смещались. «Положение» требовало, чтобы все хошунные дарги решали дела не единолично, а путем обсуждения на хошунном собрании или на заседании членов хошунного управления.

Институт хамджилга объявлялся уничтоженным. Сборы с населения на личные нужды феодалов отменялись, запрещалось принудительное использование аратов в качестве домашних слуг.

Одним из результатов освобождения аратства от крепостной зависимости было массовое передвижение населения из аймака в аймак, из хошуна в хошун. Данные переписей 1918 и 1924 гг. свидетельствуют, что за эти годы население в аймаках Тушету-хана и Цецен-хана уменьшилось соответственно на 2,1 и 10,5%, а в аймаках Сайн-нойон-хана и Дзасакту-хана, наоборот, увеличилось на 25,5 и 45,6%. Размах охватившего страну процесса нового расселения трудящихся становится особенно очевидным в связи с перегруппировкой населения между хошунами. В аймаке Тушету-хана, например, население уменьшилось в девяти хошунах, но в других девяти хошунах увеличилось; в аймаке Сайн-нойон-хана население сократилось в 11, а возросло в 21 хошуне, в аймаке Цецен-хана число жителей уменьшилось в 23 хошунах, а увеличилось — в четырех; в аймаке Дзасакту-хана население сократилось в трех хошунах и возросло в 14. Наибольший процент увеличения жителей в хошуне составил 470, а процент уменьшения — 83 [15].

Народное правительство в конце 1921 г. упразднило сословный суд и для реформы судебной системы образовало специальную комиссию. Были отменены пытки.

В марте 1923 г. был принят закон об органах местного самоуправления, согласно которому все органы власти, начиная с дарг десятков и кончая центральным правительством, должны избираться народом. Должность хошунного дарги отныне превращалась в выборную, причем голосование должно было быть тайным. Аратство воспользовалось предоставленными

[15] См. «Хозяйство Монголии». 1926, № 1, стр. 89—93.

ему правами и при выборах хошунных дарг в 1923—1924 гг. сместило 90% старых феодальных правителей.

Новые законы народного правительства ознаменовали начало революционной ломки феодального аппарата власти. Они наносили сильнейший удар по феодальному строю, хотя формально и не лишали еще феодалов права участвовать в управлении страной. В условиях чрезвычайной отсталости страны потребовались годы для полного внедрения принципов демократического самоуправления.

Напряженная обстановка на южной границе потребовала от партии и народной власти особого внимания к вопросам обороны страны. Была введена всеобщая воинская повинность с двухлетним, а затем трехлетним сроком военной службы, созданы школы по подготовке командных кадров из аратства, приняты меры по оснащению войск современным оружием, по обучению их личного состава, улучшению технического и материального снабжения.

На пост военного министра и главнокомандующего армией был назначен Сухэ-Батор, выполнявший эти обязанности до конца жизни. Постоянная угроза новых военных вторжений с юга вынуждала Народное правительство направлять большую часть средств скромного государственного бюджета первых лет революции на нужды обороны.

Создавая основы новой народной государственности, Народная партия и правительство приступили к экономическому и культурному строительству. В декабре 1921 г. был организован Монгольский центральный народный кооператив (Монценкоп), имевший вначале всего 70 пайщиков и 14 тыс. серебряных долларов паевого капитала. Только что созданной кооперативной организации предстояло разрешить сложную задачу. Обладая незначительными средствами, не имея опыта и кадров, она должна была вступить в борьбу за полное вытеснение из страны иностранного капитала, почти монопольно господствовавшего на рынках Монголии.

Следует отметить, что победа народной революции в Монголии не только не ослабила заинтересованности капиталистического мира в монгольском рынке, но, наоборот, вызвала на первых порах усиление притока иностранного капитала в страну. В 1923 г. в стране были зарегистрированы 2323 торговые фирмы, в числе которых было 1400 китайских (66%), 62 англо-американских (3%), 166 русских частных (7%) и 655 монгольских частных (24%).

В 1923 г. в Монголии было продано товаров на сумму 16 680 тыс. мексиканских долларов, причем на долю китайских фирм пришлось 60%, англо-американских — 20, русских частных — 3, монгольских частных — 4, советских — 2, Монценко-

опа—11%. этой суммы[16]. В 1922 г. доля Монценкоопа в общем торговом обороте составила всего 0,1%, в 1924 г. его удельный вес в торговле страны возрос до 3,8%. Так началась борьба за завоевание экономической самостоятельности народного монгольского государства, которая являлась важнейшим условием укрепления национальной независимости страны.

В начале своего существования монгольский кооператив был народным только по названию. Его первыми пайщиками и учредителями были главным образом ургинские чиновники и феодалы, многие из которых рассчитывали нажиться за счет кооперации. Первым председателем правления кооператива был владетельный князь хошуна Дайцин-вана аймака Тушетухана — один из самых богатых феодалов в стране; а его крупнейшим пайщиком — сам богдо-гэгэн. Из пяти членов правления лишь один состоял в Народной партии. Таков был состав первого национального кооператива. В 1923 г. II съезд партии в специальном решении отметил извращения в практике кооперативного строительства и наметил меры к превращению Монценкоопа в действительно народную массовую кооперативную организацию.

Одним из первых завоеваний монгольской народной революции, давших аратству действительное улучшение материального положения, было освобождение его от дореволюционной задолженности ростовщикам. Как сказал в своем отчете I Великому Хуралу Церен-Дорджи, «народное правительство издало распоряжение о расследовании подобных долгов с тем, чтобы уплачены были только действительные долги и то в определенные сроки. Вообще же, впредь до урегулирования вопроса о долгах и впредь до особого распоряжения уплата долгов вовсе была приостановлена»[17]. Борясь против ростовщичества, правительство запретило монастырям взимать какие-либо проценты за предоставленные ими ссуды скотом или товарами и установило максимальный процент за ссуды деньгами или серебром[18] (12% в год). Принимая такое решение, правительство

[16] Летом 1923 г. в Москву выехала из Урги торговая делегация. Результатом ее переговоров с советским правительством явилось открытие осенью того же года в Урге отделения советского Госторга. Это была первая советская фирма в Монголии.

[17] «Протоколы I Великого Хурала МНР», стр. 38.

[18] В своем докладе I Великому Хуралу министр юстиции отметил, что «казначейства наших монастырей, давая займы, позволяли себе произвольно, под видом обеспечения важных нужд культа, брать ежемесячно от 5 до 10 проц. за пользование кредитом. Причем бывали такие случаи, когда монастыри в обеспечение краткосрочного займа брали имущественный залог стоимостью 3 лана за 1 лан долга. Как только истекал установленный срок, монастыри присваивали себе взятый залог» («Протоколы I Великого Хурала МНР», стр. 166).

исходило из того, что ссуды скотом и товарами, как правило, предоставлялись аратам, тогда как в денежных ссудах были заинтересованы главным образом чиновники, феодалы и отдельные богатые араты.

Уже в первые годы революции народное правительство приступило к развитию культуры, науки и налаживанию народного образования.

С этой целью в ноябре 1921 г. был создан Комитет наук. Партия и правительство чрезвычайно остро ощущали недостаток подготовленных кадров из аратства во всех областях партийного, государственного, хозяйственного и культурного строительства.

В связи с этим в 1922 г. при Министерстве внутренних дел был организован отдел народного образования, открывший в 1924 г. в стране 23 светские школы.

Кроме того, все министерства ежегодно готовили необходимые им кадры на различного рода краткосрочных курсах. Если в период автономии расходы на просвещение составляли всего 5 тыс. лан в год, то в 1923 г. на народное образование было израсходовано 87 355 лан, а в 1924 г. — 183 314 лан.

В эти же годы были сделаны первые шаги и по оказанию помощи аратскому скотоводческому хозяйству. В 1923 г. народное правительство выкупило у частных предпринимателей Сонгинскую противочумную станцию и передало ее в ведение Ветеринарно-зоотехнического управления Министерства внутренних дел.

Государственный бюджет в первые годы революции

Первые успехи государственного, хозяйственного и культурного строительства независимого монгольского государства нашли яркое выражение в росте и структуре бюджета. Первый бюджет народной Монголии в 1922 г. составлял по доходам 3 928 800 лан, а по расходам — 2 640 300 лан; в 1923 г. — по доходам 3 674 800 лан, по расходам — 3 594 600 лан. В бюджетах этих лет доходы превышали расходы, что позволило к 1 января 1924 г. накопить в кассе казначейства чистый остаток в 1 млн. лан, впоследствии использованный государством при проведении денежной реформы.

О структуре доходной части бюджета можно судить по данным 1923 г.

В этом году казначейские доходы монгольского государства составили (в тысячах мексиканских долларах) [19].

Налог с торговых и промышленных предприятий	85,9
Нотариальный сбор	81,1
Сбор с иностранцев за пропуска	3,8
Аренда земельных участков	33.4
Продажа государственного имущества	71,0
Таможенные сборы	1420,0
Сборы за охоту и рыбную ловлю	8,8
Государственные посевы	137,2
Ветеринарное управление	46,1
Налог на скот	785,5
Доход с электростанций	30,1
Доход с типографии	14,4
Аренда покосов	59,6
Почта и телеграф	121,6
Паспортный сбор	62,5
Угольные копи	18,5
Издательство учкома	63,9
Пененная плата	44,0
Разные	660,4

Основным источником государственных доходов были таможенные сборы, которые почти вдвое превышали сумму прямых налогов на скот. Оба вида сборов составляли почти 60% всех доходов.

Государственные расходы в 1923 г. предусматривали финансирование народного хозяйства в сумме 403 800 мексиканских долларов (15,8%), просвещения — 186 300 (7,3%), связи — 138 300 (5,4%), на административно-управленческие расходы было выделено 286 600 (11,1%) и на оборону — 1 537 700 мексиканских долларов (60,4%).

Необходимость укрепления независимости страны и ее народно-революционного строя, интересы строительства регулярной народной армии в условиях угрозы новой интервенции заставляли направлять основную часть средств на оборону страны. Правительство резко сократило непроизводительные расходы, в частности расходы по содержанию двора богдо-гэгэна. В марте 1922 г. правительство определило цивильный лист монарха в 3600 лан в год, на содержание его двора отпустило 8 тыс. и на религиозные нужды — 6 тыс. лан, всего — 17 600 лан (вместо 900 тыс. лан во времена автономии). Правительство запретило финансирование государственным казначейством таких религиозных мероприятий, как ежегодный сбор в Урге богдо-гэгэном 10 тыс. лам. До революции прибывшие на этот сбор ламы в течение двух месяцев содержались за счет государства. Для борьбы за режим экономии и бюджетную

[19] *А. В. Сергеев.* История финансов, кредитов и денег МНР. Диссертация. 1947 г., стр. 91.

дисциплину в июле 1923 г. при правительстве был создан отдел государственного контроля. Ни одно ведомство не могло произвести расход на сумму выше 100 лан без согласования с этим отделом; ему же были предоставлены контрольные и ревизионные функции в отношении всех государственных организаций.

Подготовка к созыву I Великого Народного Хурала. Смерть Сухэ-Батора

Благодаря достигнутым успехам в области социально-экономических преобразований партия и народная власть в 1923 г. получили возможность начать подготовку к созыву Великого Народного Хурала. Перед открытием I Великого Хурала, который должен был завершить образование народно-демократической республики, классовая борьба приняла более острые формы.

Наряду с решением антиимпериалистических задач революции Народная партия, как было показано выше, провела ряд мероприятий, направленных к ликвидации феодальных отношений и утверждению народно-демократического строя. Антиимпериалистические задачи революции с самого начала решались одновременно с антифеодальными. Успешное претворение в жизнь первых находилось в прямой зависимости от степени демократизации страны и, наоборот, никакие демократические преобразования, никакие улучшения материального положения аратства не могли быть прочными, пока сохранялась угроза нового колониального порабощения. В 1921 г. Народная партия не могла пойти на провозглашение республики, на экспроприацию феодальной и монастырской собственности и т. п. Однако партия и правительство отменили крепостное право, ликвидировали феодальные привилегии, ввели налоговое равенство и выборность местных органов власти. Если бы партия оставила в стране все по-старому, если бы она не осуществила этих антифеодальных мероприятий, она обезоружила бы революцию. Но именно поэтому политика партии и правительства вызвала отход от революции тех групп феодалов и чиновничества, которые примкнули к ней в период борьбы с китайскими и белогвардейскими оккупантами. Бывшие союзники стали врагами. Первым выступлением против нового строя был контрреволюционный заговор, во главе которого стоял тибетец Шаджи-лама, купец-ростовщик, близкий к богдо-гэгэновским кругам, в свое время находившийся на службе у Унгерна. Основное ядро заговорщиков составляли тибетские ламы и ростовщики, пользовавшиеся до революции исключительными привилегиями, которые они потеряли при народной власти. В группу

Шаджи-ламы вошли также остатки унгерновской банды. Целью заговора было свержение народной власти. Однако заговор был в конце 1921 г. раскрыт и его участники арестованы.

В 1922 г. возникла новая, более крупная и опасная контрреволюционная организация, руководителем которой стал премьер-министр Бодо, втершийся в доверие партии и пробравшийся к руководству страной. Бодо вошел в контакт с японским ставленником в Маньчжурии Чжан Цзо-лином и с бандитом Джа-ламой, старым врагом революции. Действуя в тесной связи с богдо-гэгэном и его кликой, Бодо готовил свержение народной власти и восстановление при помощи китайских милитаристов и русских белогвардейцев старого феодально-теократического строя во главе с богдо-гэгэном. В заговоре Бодо приняли участие многие феодалы, среди которых были и некоторые члены правительства: Шагдыр-Джаб, Тогтохо (бывший министр юстиции), Да-лама (бывший министр внутренних дел) и др. Этот заговор был также раскрыт.

8 августа 1922 г. заговорщики были арестованы и 15 главарей заговора расстреляны по приговору суда. Остатки шайки Джа-ламы были ликвидированы в конце 1922 г.

Усилившееся сопротивление феодальной реакции потребовало создания специального органа по борьбе с контрреволюцией и шпионажем. В июле 1922 г. была учреждена Государственная внутренняя охрана (ГВО), впоследствии реорганизованная в Министерство внутренних дел. Как показало последующее развитие страны, образование такого органа было целиком оправдано необходимостью защиты революции против контрреволюционного заговорщического подполья, тесно связанного с иностранным империализмом.

22 февраля 1923 г. умер талантливый вождь народной революции Сухэ-Батор.

Враги монгольского народа надеялись, что смерть Сухэ-Батора внесет расстройство в ряды партии и облегчит им осуществление их предательских планов. Но смерть вождя революции не остановила ее победоносного движения.

В июле 1923 г. собрался II съезд Народной партии Монголии. За два с лишним года, прошедших после I съезда, партия из небольшой подпольной группы выросла в правящую партию, насчитывавшую в своих рядах более 3 тыс. членов. Задачей II съезда было подведение итогов пройденного пути, организация борьбы за упрочение народно-революционного строя, за дальнейшее развертывание антифеодальной революции. Съезд обсудил вопрос о местном самоуправлении, о чистке аппарата хошунных дзасаков и чиновников, о перевыборах местных органов власти и о подготовке к созыву I Великого Хурала.

В соответствии с решениями II съезда партии в стране началось претворение в жизнь закона о демократическом местном самоуправлении. При участии представителей партии и правительства были проведены сотни аратских собраний, на которых зачитывались и разъяснялись законы о местных органах самоуправления, о правах и обязанностях ванов, гунов и других феодалов. Эти собрания избирали дарг в десятках и органы управления в багах, сомонах, хошунах и аймаках, — аратство начало применять законы народной власти. Однако демократизация местных органов власти была достигнута еще не везде. В отдельных случаях феодалам и ламам удавалось, используя отсталость масс, срывать выполнение законов. Но тем не менее отстранение феодалов от власти, начатое в центре страны в 1921 г., было теперь в основном осуществлено и на периферии.

По инициативе партии в аймаках были созваны съезды аратов, обсуждавшие мероприятия по улучшению положения аратства и закреплению завоеваний народной революции. Эта кампания всколыхнула глубокие слои аратов. Она способствовала подъему активности народа, укреплению народно-революционного строя и авторитета партии и народного правительства.

В условиях кочевого хозяйства, крайней разобщенности населения, при слабости партийных кадров и противодействии со стороны врагов избрание демократических органов власти местного самоуправления не могло быть проведено в короткий срок. Время нужно было и для того, чтобы исправить ошибки и извращения, допущенные на местах при применении законов народного правительства[20]. Все же к августу 1924 г., когда собрался III съезд Народной партии, формирование местных органов власти в основном было закончено, причем оказалось, что лишь 10% бывших хошунных дзасаков были вновь избраны председателями хошунных самоуправлений.

Провозглашение республики. III съезд партии

20 мая 1924 г. умер богдо-гэгэн. Смерть богдо-гэгэна облегчила разрешение противоречий между развивавшейся антифеодальной революцией и монархической формой правления, ко-

[20] На III съезде партии докладчик Центрального комитета сказал, что в 1923 г. «организация новых органов местного самоуправления, несмотря на участие ячеек партии и союза (молодежи. — *И. З.*), дала нам по трем провинциям (аймакам. — *И. З.*) почти везде феодалов, теократов и их приспешников благодаря подтасовке выборов. Нам пришлось эти выборы аннулировать и назначить новые» («III съезд Монгольской Народно-революционной партии». Улан-Батор, 1924, стр. 49).

торая с каждым днем все меньше соответствовала классовому содержанию государства, и упростила переход от конституционной монархии к народной республике.

3 июня 1924 г. Центральный комитет Народной партии принял решение о провозглашении в Монголии республики. Через десять дней, 13 июня, народное правительство опубликовало постановление, объявившее Монголию республикой без президента, в которой верховная власть принадлежит Великому Хуралу [21].

Принимая такое решение, Народная партия и правительство учитывали те сдвиги, которые произошли в стране. Своей трехлетней работой партия подвела массы к лозунгу республики, облегчив им его понимание. Массы верили партии и шли за ней.

4 августа 1924 г. начал свою работу III съезд Монгольской народно-революционной партии [22], сыгравший крупнейшую роль в истории партии и истории монгольской революции. Впервые на этом съезде была отчетливо сформулирована генеральная линия партии. Руководствуясь известным ленинским положением, III съезд признал практически осуществимым движение Монголии к социализму, минуя капитализм. Участники съезда понимали, что в 1924 г. социалистическое строительство являлось только перспективой, что задачи партии в тот период заключались в создании условий для будущего постепенного перехода к строительству социализма. Необходимо было ликвидировать остатки феодализма, сосредоточить в руках государства командные высоты в экономике, развить производительные силы и культуру страны, поднять материальное благосостояние народа, вовлечь массы в активное строительство народного государства и укрепить независимость страны.

---

[21] Постановление гласило: «...настала возможность осуществить образ правления Вседружественного народного государства. В большинстве народных государств других стран мира существует пост всеобщей главы, так называемого цзунтуна (китайский президент. — *И. З.*), который, в сущности, особенно не отличается от ханов с ограниченными правами. Такой порядок, не считая всех неудобств и значительных материальных расходов, сопряженных со званием цзунтуна, может вызвать вредные недоразумения между Великим Хуралом и правительством в отношении определения прав, входящих в их компетенцию. На этом основании... решено, отказавшись от верховного главы, так называемого цзунтуна, передать верховную государственную власть Великому народному хуралу, а в период между сессиями последнего — народному правительству» («Современная Монголия», 1934, № 3, стр. 3, 4).

[22] До III съезда партия официально именовалась Народной. III съезд постановил переименовать партию в Народно-революционную.

Во время работы III съезда в стране назрел кризис, вызванный контрреволюционным заговором Данзана, занимавшего в то время пост заместителя премьера и главнокомандующего вооруженными силами.

Данзан был выразителем интересов тех капиталистических элементов, которые зарождались в Монголии в связи с освобождением частного скотоводческого хозяйства от крепостничества. Данзан—до 1921 г. мелкий чиновник—сумел после революции пробраться на руководящую работу. Он пытался использовать Монценкоop для личного обогащения. Злоупотребляя своим служебным положением, он стал пайщиком ряда китайских фирм и предприятий. Будучи заместителем председателя Совета министров, Данзан приказал Цецерлигскому аймачному управлению взыскать с населения аймака старые дореволюционные долги китайской фирме Да-шенху, аннулированные народным правительством. Встав на путь антинародной деятельности, Данзан вступил в контакт с китайскими милитаристами, помогая подготовке их вторжения в Монголию. В дальнейшем он превратился в агента японского империализма. Данзан пытался использовать Ургинский гарнизон для открытого мятежа, но потерпел провал. Народные войска остались верными революции.

Разоблачив контрреволюционную деятельность Данзана, съезд партии выделил специальную комиссию для ведения следствия и суда над ним. Когда выдвинутые против Данзана обвинения подтвердились, комиссия приговорила его к расстрелу. Съезд единодушно одобрил действия комиссии.

Данзановщина показала, что нарождающаяся национальная буржуазия являлась противником некапиталистического пути развития и готова была бороться против него. Не случайно именно Данзан на III съезде наиболее активно атаковал генеральную линию партии с правых позиций. Он возражал против включения в резолюцию пункта об укреплении дружбы с СССР, выступал против ликвидации института хошунных феодальных правителей, против установления сроков пребывания представителей власти на своих постах.

III съезду пришлось дать отпор и левацким настроениям, наиболее ярко проявившимся в предложении «сразу перейти к советскому строю» [23].

Разгромом данзановцев и «левых» уклонистов партия завершила идеологическую подготовку к созыву I Великого Хурала народных представителей, открывшегося 8 ноября 1924 г.

---

[23] «III съезд Монгольской Народно-революционной партии», стр. 61.

Великий Народный Хурал (1924 г.). Конституция Монгольской Народной Республики

I Великий Хурал был подлинно народным собранием. Его исторической заслугой является принятие конституции, законодательно оформившей превращение старой феодальной Монголии в Монгольскую Народную Республику.

Согласно конституции земля, ее недра и пастбищные угодья стали народным достоянием. Национализировав землю и недра, государство поставило под охрану закона частную собственность трудовых аратских хозяйств. Феодалы были лишены права собственности на землю, что уничтожало экономическую основу их политического господства. Конституция навсегда отменила феодальные права, титулы и звания.

Провозгласив Монголию «независимой Народной Республикой, в которой вся власть принадлежит трудящемуся народу», конституция объявила основной задачей республики уничтожение остатков феодализма и укрепление нового республиканского порядка на основе полной демократизации государственного управления. Народ стал единственным источником власти в стране. Все органы власти избирались аратами и несли перед ними ответственность. Хуралы трудящихся сделались единственной формой власти народа в центре и на местах. Верховным органом власти в стране являлся Великий Народный Хурал. Согласно конституции Великий Народный Хурал избирал свой исполнительный орган — Малый Хурал, а в период между сессиями последнего верховная власть в стране осуществлялась Президиумом.

Конституция лишила политических прав феодалов, ростовщиков, и других лиц, эксплуатирующих чужой труд, в частности лам, постоянно проживающих в монастырях. Важной функцией нового государства становилось хозяйственное планирование и осуществление монополии государства на внешнюю торговлю. Было провозглашено отделение церкви от государства, свобода союзов, печати.

Таково содержание Основного закона первого на Востоке народно-демократического государства. Образцом для первой конституции МНР послужила советская конституция — самая демократическая в мире. Монгольский народ и его партия стремились создать государство, которое служило бы интересам трудящихся аратов, а не кучке эксплуататоров. Поэтому прообразом Основного закона, призванного определять всю дальнейшую жизнь молодой республики, могла явиться только конституция первой в мире страны социализма.

В основу Конституции МНР легли идеи ленинизма, конкретизированные применительно к особенностям Монголии. Она

превратила государство из орудия угнетения трудящихся в орудие их раскрепощения и создала условия для постепенного перехода на социалистический путь развития в тесном союзе и сотрудничестве с социалистическим советским государством.

В порядке дня I Великого Хурала стоял также вопрос о работе народного правительства, деятельность которого получила высокую оценку. В принятой резолюции Хурал отметил, что если за восемь лет автономии, несмотря на чрезвычайное увеличение податного бремени и внешние займы, общий бюджет страны не превышал 3 млн. лан, то народное правительство, резко снизив налоговые тяготы аратства и не прибегая к внешним займам, довело бюджет до 5 млн. лан. Правители автономной Монголии не смогли создать армию, пригодную для борьбы с китайскими милитаристами, — народное правительство организовало армию, с честью проявившую себя в боях за освобождение страны. В автономной Монголии почти не было светских школ; за три с половиной года своей деятельности народное правительство создало десятки школ.

Великий Хурал единогласно одобрил меры, принятые народным правительством по отношению к разоблаченным врагам народа, которые «стали неоднократно учинять заговоры против народной власти, против всего монгольского народа... Целью их было помочь русским белогвардейцам, японским и китайским милитаристам захватить нашу страну и ее богатства с тем, чтобы при помощи этих иностранных разбойников снова закабалить монгольский народ по примеру прежней автономной Монголии» [24].

Хурал уполномочил правительство и впредь не останавливаться перед самыми суровыми мерами наказания, «если в будущем остатки внутренних хархисов и эдзерхегов (реакционеров.—*И. З.*), неизменные союзники наших врагов, вздумают идти против воли народа, созданной им власти и государства» [25].

Хурал с удовлетворением отметил, что внутренней политике правительства соответствовала правильная внешняя политика, «целиком построенная на дружбе и тесном сотрудничестве с СССР, единственной страной трудящихся, которая одна только может искренно сочувствовать и бескорыстно помогать возрождению монгольского народа» [26]. Великий Хурал поручил правительству и впредь «держаться твердо этой политики и принять все меры к еще большему углублению дружественных и братских отношений с СССР, построив эти отношения на

[24] «Протоколы I Великого Хурала», стр. 47.
[25] Там же, стр. 48.
[26] Там же.

реальной базе политико-экономической смычки и сотрудничества» [27].

Великий Хурал постановил переименовать столицу республики, заменив старое название Урга новым — Улан-Батор-хото (город — Красный богатырь). Великий Хурал принял также новое летосчисление, постановив начать его с года свержения маньчжурского ига (1911 г.).

[27] «Протоколы I Великого Хурала», стр. 49.

Глава вторая

БОРЬБА ПРОТИВ АНТИНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВЫХ И «ЛЕВЫХ» УКЛОНИСТОВ (1924—1932)

Внутреннее и международное положение МНР после I Великого Хурала

Конституция 1924 г. явилась важнейшим рубежом в истории монгольской революции. Она отразила победы, одержанные монгольским народом в первые годы после установления народной власти, когда главные цели борьбы заключались в изгнании интервентов и свержении власти феодалов, в разрушении феодального аппарата угнетения и эксплуатации масс, ликвидации крепостничества, создании независимого государства и утверждении основ народной демократии.

Решения III съезда МНРП и I Великого Хурала поставили перед аратством новые задачи. Наиболее важными из них были: преодоление остатков феодальной раздробленности, подавление сопротивления свергнутых феодалов и ликвидация их как класса, создание единого централизованного государства, дальнейшее укрепление независимости страны. Это должно было способствовать развитию производительных сил, завоеванию экономической независимости, построению фундамента новой экономики и постепенному переходу на путь строительства основ социализма. Борьба за эти задачи должна была составить основное содержание того исторического этапа, в который страна вступила после I Великого Хурала.

Одним из условий успехов на этом пути являлось расширение хозяйственных и культурных связей с Советским Союзом.

Осуществление этой обширной программы было в основном закончено к 1940 г., когда была принята новая конституция, отразившая большие сдвиги в государственном, хозяйственном и культурном строительстве республики. Под знаком борьбы за указанные выше задачи прошли шестнадцать лет от принятой в 1924 г. первой конституции до конституции

© ГПНТБ СОРАН

1940 г. Это время можно разделить на два периода: первый — с 1924 до 1932 г. и второй — с 1932 до 1940 г. Первые восемь лет прошли в основном в борьбе против правых и «левых» уклонистов, так как лишь полный разгром их мог обеспечить выполнение задач революции.

Характерным для первого периода является борьба за генеральную линию народной революции против ее врагов, пытавшихся навязать партии и стране политику, которая неизбежно вела к реставрации феодализма и колониального рабства. Второй восьмилетний период был посвящен главным образом выполнению основной части всей программы — социально-экономической реконструкции страны.

Монголия еще не добилась экономической независимости от стран капитализма. Почти вся внешняя торговля и подавляющая часть внутреннего товарооборота находились в начале первого периода в руках хищнического иностранного, главным образом китайского, капитала. МНР до 1926 г. не имела своей национальной валюты. На рынке обращались китайский серебряный лан, мексиканский серебряный доллар, царские рубли, весовое серебро. Как средство обращения использовались также товары: чай, текстиль, скот и пр. Спекуляция на курсах приносила большие убытки монгольским скотоводам. В худоне (деревне) господствовал натуральный товарообмен.

Экономическая структура страны в начале этого периода была сложной. Одновременно существовало несколько различных общественно-экономических укладов. Завоевание независимости и ликвидация крепостничества привели к исчезновению одних и появлению других видов и форм собственности. Вместо крупных животноводческих хозяйств китайских торгово-ростовщических фирм появилось свободное аратское животноводческое хозяйство, представленное как мелким трудовым натуральным хозяйством, так и крупным хозяйством богатых аратов, применявших наемный труд. Продолжали существовать эксплуататорские хозяйства бывших феодалов, крупные стада и имущество которых, так же как стада и имущество монастырей, революция еще не тронула. Появились новые виды собственности: кооперативная (Монценкооп и его предприятия) и государственная (угольная шахта, электростанция, банк и пр.).

В товарообороте страны также произошли существенные изменения. Позиции китайского торгово-ростовщического капитала значительно пошатнулись, хотя и продолжали еще преобладать на рынках Монголии. Появился и обнаружил тенденцию роста монгольский частный торговый капитал; возникла и быстро развивалась поддерживаемая государством

кооперативная монгольская торговля. В 1923 г. в Монголии начали свою деятельность советские хозяйственные организации.

Подавляющее большинство аратов, их бедняцкая и середняцкая часть, было занято в мелком натуральном хозяйстве. Бывшие феодалы и монастыри, так же как и богатые араты-скотоводы и монгольские купцы, владели крупными эксплуататорскими хозяйствами.

Государственные и кооперативные хозяйства были теми ростками новой народной экономики, опираясь на которые партия боролась за ускорение темпов развития производительных сил и за создание условий для перехода на путь социалистического развития. Советские хозяйственные организации в МНР основывали свое сотрудничество с монгольскими государственными и кооперативными организациями на началах равноправия, оказывали монгольскому народу братскую помощь.

Осуществление программы народнохозяйственного строительства осложнялось острым недостатком подготовленных кадров из аратства. Это было серьезным препятствием, крайне затруднявшим решение очередных задач и приводившим к засорению государственного, хозяйственного и партийного аппарата чуждыми и враждебными элементами. Большая часть работников местных органов власти оставалась еще неграмотной. Трудности усиливались унаследованной от эпохи маньчжурского ига раздробленностью страны на десятки хошунов, продолжавших существовать отдельными изолированными мирками. Экономические связи между хошунами были еще весьма слабыми, технические средства связи отсутствовали, если не считать телеграфных линий Кяхта—Урга, Урга — Калган и некоторых других, связывавших Советскую Россию с ближайшими к границе пунктами на территории МНР.

Ламаистской церкви в ходе революции был нанесен сильный удар, но ее религиозный авторитет среди аратства был еще очень высок. Используя религиозные предрассудки аратов, феодальные заправилы церкви с первого дня революции повели ожесточенную борьбу против партии и народно-демократического строя. Монастыри стали центром феодальной контрреволюции и государственной измены.

Между народным государством и феодальным руководством церкви началась упорная борьба за влияние на массы.

Опираясь на братскую помощь Советского Союза, изучая и используя опыт Коммунистической партии Советского Союза и руководствуясь учением марксизма-ленинизма, МНРП повела аратство на борьбу за генеральную линию, намеченную III съездом партии.

Взаимоотношения с СССР покоились на прочной основе Соглашения 1921 г. Внешняя политика Советского Союза была по-прежнему гарантией независимости и демократического развития Монголии. В соответствии с прямым указанием I Великого Хурала, вопреки противодействию со стороны правых капитулянтов, росли политические, хозяйственные и культурные связи МНР с СССР, расширялась и становилась все более разносторонней помощь Советского Союза монгольскому народу.

По-другому складывались отношения МНР с Китаем.

Китайские милитаристы и гоминдановская реакционная клика, пришедшая к власти в 1927 г., упорно отказывались признать независимую Монгольскую Народную Республику. Являясь орудием империалистической политики Японии, США и Англии, они превратили китайскую территорию в плацдарм для авантюр, направленных против СССР и МНР.

Наиболее опасным врагом МНР оставался японский империализм, который, потерпев поражение в 1918—1922 гг., не сложил оружия. Напротив, в наиболее реакционных и агрессивных японских кругах в это время вынашивались идеи, воплотившиеся в 1927 г. в разбойничьем плане Танака. Не имея в то время возможности прибегнуть к вооруженной интервенции, Япония взяла курс на разложение монгольского государства изнутри. Опираясь на бывших феодалов, правых капитулянтов и «левых» авантюристов, организуя контрреволюционные заговоры, японские империалисты пытались добиться свержения народной власти и восстановления власти феодалов. Используя религиозный авторитет панчен-ламы, японская военщина поселила его в пограничном с МНР районе Китая. Ставка панчен-ламы превратилась в центр контрреволюции в МНР [1].

Первые успехи народно-демократического строительства

Советское правительство 24 января 1925 г. известило правительство МНР о своем намерении отозвать части Красной Армии из Монголии. Этот вопрос неоднократно ставился правительством СССР. Однако правительство Монголии настойчиво просило задержать вывод советских войск в связи с тем, что угроза новой империалистической интервенции продолжала существовать, а монгольские вооруженные силы еще не были достаточно подготовлены к отражению этой угрозы.

[1] Панчен-лама, или панчен-богдо, — духовный сан в ламаистской иерархии, второй по значению после далай-ламы. Полное имя панчен-ламы, о котором идет речь, Лубсан-Тубдан-Чойчжи-Нима-Гэлэг-Намчжал. Потерпев поражение в борьбе за власть против далай-ламы, Гэлэг-Намчжал в 1924 г. вынужден был бежать из Тибета. В дальнейшем он стал активным агентом японского империализма.

К 1925 г. первые демократические преобразования в Монголии были завершены. Красная Армия выполнила свою освободительную миссию. Она помогла молодой народно-революционной армии Монголии очистить страну от интервентов и оккупантов. Вместе с монгольской армией она охраняла молодое народное государство от внешних и внутренних врагов, создав его правительству возможность осуществлять революционную деятельность, не опасаясь вторжения извне и попыток развязать гражданскую войну изнутри.

27 января правительство МНР нотой, подписанной председателем Совета министров и министром иностранных дел Церен-Дорджи, сообщило правительству СССР, что оно выражает свое согласие на вывод находящихся ныне на территории Монголии частей Красной Армии. В своем ответе правительство МНР дало высокую оценку личному составу советских воинских частей, проявивших себя «с самой лучшей стороны в смысле образца дисциплины, культурности и лояльности по отношению населения». Нота выражала чувства аратов МНР, впервые увидевших солдат чужеземной армии, боровшихся за интересы народных масс. Эти солдаты были не врагами аратов, а друзьями, не захватчиками, а защитниками. Правительство МНР, говорилось в ноте, «с величайшим удовлетворением и признательностью отмечая незабвенные заслуги Красной Армии перед монгольским народом в деле освобождения от гнета разбойников, вступления на путь свободного современного культурного, экономического и правового развития и подлинного народовластия, просит Вас передать рабочим и крестьянам героической и единственной в мире в смысле последовательной защиты угнетенных и порабощенных масс Красной Армии, ее руководящим органам и правительству Вашей страны великое спасибо монгольского трудового народа и уверения в вечной признательности и неизменной дружбе.

Монгольский трудовой народ и его правительство считают, что отныне народы Союза и нашей Республики связаны неразрывной общностью судьбы, интересов и великих идей подлинного народовластия и в дальнейшем жизнь обеих республик будет протекать в искренней дружбе и взаимной поддержке в трудных моментах вообще. В частности же, народ и правительство нашей Республики твердо верят в помощь Союза и

Красной Армии, если, паче чаяния, наступят условия, аналогичные с теми, которые наблюдались в 1921 г.» [2].

Ни одной иностранной армии, кроме армии Советского Союза, не мог бы адресовать народ отсталой страны выражения такой глубокой признательности. Только СССР, будучи в то время единственным социалистическим государством, являясь верным оплотом мира, мог рассчитывать на дружбу и любовь народов, борющихся за свободу и независимость. Только Советская Армия, будучи армией социалистического государства, могла приобрести любовь народных масс Монголии.

Вывод советских частей из Монгольской Народной Республики был свидетельством укрепления ее независимости и упрочения в ней народно-демократического строя.

Первые успехи хозяйственного строительства

Завоевав политическую самостоятельность, монгольский народ с особой остротой чувствовал свою экономическую зависимость от хищнического иностранного капитала. Задача ликвидации этой зависимости стояла перед МНРП и народной властью с первых дней победы революции. Организация Монценкоопа и аннулирование иностранных долгов были первыми шагами на пути к этой цели. Большое значение имело также укрепление экономических связей с Советским Союзом. В июле 1924 г. в Улан-Баторе начал свою деятельность Монгольский торгово-промышленный банк. Открытию банка предшествовало обращение правительства МНР к правительству СССР с просьбой об оказании организационной и финансовой помощи в этом важном начинании. Идя навстречу пожеланиям монгольского правительства, правительство СССР согласилось принять участие в организации банка и вложило свою долю в его основные средства. Создание этого банка было важным мероприятием в борьбе за завоевание экономической независимости и за общую социально-экономическую реконструкцию страны.

Одновременно с организацией банка правительство МНР начало подготовку к денежной реформе и введению национальной валюты. 22 февраля 1925 г. правительство МНР постановило выпустить в обращение тугрик. Валюта выпускалась на серебряной основе и полностью обеспечивалась драгоценными металлами и другими ценностями [3]. Осуществление реформы

[2] «Известия Улан-Батор-хото», 15 марта 1925 г.

[3] Тугрик впоследствии был переведен на золотое обеспечение. Тугрик первоначально равнялся 1 р. 31,4 к., позже—1 руб.

было поручено Монголбанку, который 9 декабря 1925 г. ввел в оборот первую партию тугриковых банкнот. Активная поддержка аратства, помощь со стороны Советского Союза и его хозяйственных организаций обеспечили этому мероприятию полный успех. Через два года, 1 апреля 1928 г., правительство МНР, завершая денежную реформу, объявило тугрик единственной законной валютой, допущенной к обращению на территории МНР. Ланы и другие иностранные деньги были изъяты из обращения.

Таким образом, в 1926 г. МНРП и народное правительство сосредоточили в своем распоряжении такие мощные средства борьбы за экономическую независимость и социально-экономическую перестройку страны, как национальная кооперация, национальный банк и национальная валюта.

К этому времени роль Монценкоопа в экономике страны заметно возросла. Если в 1923 г. его удельный вес в общем обороте был меньше 4%, то в 1925 г. он поднялся до 24,9%. В 1926 г. Монценкооп имел в стране 26 отделений. Кооперации принадлежало 14 шерстомоек, девять небольших кишечных заводов. Сотни его передвижных лавок-палаток кочевали по степи, закупали у аратов скот и сырье и продавали им промышленные товары, постепенно вытесняя натуральные формы товарообмена и заменяя их денежными [4].

Также быстро укреплялись позиции Монголбанка, баланс которого на 1 января 1925 г. составил 1 620 900 тгр., а через полтора года, на 1 июня 1926 г., — 9 770 700 тгр. К этому времени банк имел в стране уже шесть отделений. Большая часть банковских кредитов направлялась в национальную кооперацию, незначительная — монгольскому купечеству; иностранным капиталистическим фирмам кредиты не предоставлялись.

Результаты такой экономической политики не замедлили сказаться. Развитие внешней торговли МНР за эти годы свидетельствует о быстром вытеснении из товарооборота иностранного торгово-ростовщического капитала. Доля Китая и капиталистических стран в вывозе из МНР снизилась с 86,3% в в 1923—1924 гг. до 14,5% в 1928—1929 гг., а во ввозе в МНР соответственно с 86,5 до 42,0%. Доля же СССР возросла в экспорте из МНР с 13,7% в 1923—1924 гг. до 85,5% в 1928 — 1929 гг., а в импорте МНР соответственно с 13,5 до 48,0% [5].

Так, в результате наступления, предпринятого народной властью МНР на экономические позиции империализма и торгово-ростовщического капитала, страна приблизилась к завое-

[4] См. «Хозяйство Монголии», 1926, № 6, стр. 135.

[5] «Современная Монголия», 1937, № 3, стр. 37.

ванию экономической независимости. Опираясь на растущую кооперацию, на окрепший национальный банк и на устойчивую национальную валюту, народная республика готовилась к введению государственной монополии внешней торговли.

Экономическое и политическое значение этих успехов для МНР было исключительно велико. Вытеснение иностранного капитала из экономики страны позволяло использовать торговую прибыль для развития народного хозяйства и культуры.

В июле 1929 г. правительство МНР ввело монополию внешней торговли. Немного позже были запрещены частные коммерческие валютные переводы из МНР за границу. Эти мероприятия нанесли окончательный удар по позициям иностранного капитала в МНР. Борьба за экономическую независимость от капиталистических стран закончилась победой монгольского народа.

Строительство единого централизованного народно-демократического государства

Ликвидация пережитков феодальной раздробленности и создание централизованного государства, опирающегося на новый, преданный революции дисциплинированный государственный аппарат, наряду с завоеванием экономической независимости, были важнейшими задачами народной власти. Не решив этих задач, нельзя было двигаться вперед, больше того, нельзя было рассчитывать на сохранение независимости. Начало борьбы против унаследованного от старого режима дробления страны на десятки автономных хошунов было положено еще в первые годы революции ликвидацией власти наследственных хошунных дзасаков и демократизацией местных органов самоуправления. Но к середине 20-х годов для взаимоотношений центра и областей страны были характерны сепаратизм, местничество, хошунная ограниченность.

Обычно в истории всех народов централизованные национальные государства, как и сами нации, складывались в процессе перехода от феодализма к капитализму. Монгольскому народу предстояло консолидироваться в нацию и построить единое централизованное государство в иной исторической обстановке, когда перед ним открылась перспектива перехода от феодализма непосредственно к социализму, минуя капиталистическую стадию. Для монгольского народа борьба за создание единого государства была неразрывно связана с борьбой за коренную реконструкцию экономической основы общества, постепенный переход на путь социалистического строительства.

Ближайшими задачами были установление единства административной системы, ликвидация произвола на местах, укрепление государственной дисциплины, воспитание местных работников в духе понимания общегосударственных интересов, вовлечение самых широких аратских масс в непосредственное управление страной.

В течение 1925 г. были ликвидированы должности наместников в Кобдо, Улясутае и Улан-Баторе; была упразднена особая администрация по управлению шабинарами, а сами шабинары были уравнены в правах с остальным аратством и приписаны к хошунам по месту их жительства. В 1925 г. началась ликвидация внутренних таможен, которые к 1926 г. были уничтожены.

Мероприятием крупнейшего социально-экономического и политического значения, наносившим к тому же сильный удар по пережиткам феодальной раздробленности, явилось проведение в жизнь (с 1925 по 1927 г.) нового законодательства о налогах и местных бюджетах. Это законодательство предусматривало лишение местных органов права налоговой инициативы, переход от натуральных налогов к денежным, прогрессивно-подоходное обложение. Было проведено строгое разделение функций между местными и центральными бюджетами и объединение их в единый общегосударственный бюджет, установлены единые штаты местных органов, введена строгая отчетность и т. п.

Как видим, это законодательство затрагивало широкий круг вопросов. Оно положило конец привилегиям монастырей, владевших огромными стадами, но прежде не облагавшихся налогами. Новые законы впервые в истории Монголии переносили центр тяжести налогового обложения на зажиточные слои населения, освобождая от налогов бедноту.

С введением этих законов отошел в прошлое прежний произвол и был установлен твердый порядок взимания налогов. До 1927 г. в Монголии не существовало единой ставки обложения, вследствие чего в одном хошуне с головы скота брали 50 мунгу, а в другом — в девять раз больше [6]. Были такие хошуны, в которых население вообще не облагалось прямыми налогами, так как хошунные расходы покрывались за счет доходов от сдачи в аренду земли и лесных участков, внутренних таможен, сборов с иностранцев и т. п. Но были зато и такие хошуны, в которых налоговое обложение было непомерно высоким и разоряло аратство.

До 1927 г. штаты аймачных и хошунных учреждений никем

[6] 1 мунгу = 1 коп.

не регулировались и устанавливались по усмотрению их руководителей. Новое законодательство делило все местные органы власти на три категории и устанавливало для каждой из них типовые штаты, превышать которые категорически запрещалось. Новые законы твердо определили, какие расходы подлежат отнесению на государственный, какие на местные бюджеты, а также установили источники доходов местных и центрального бюджетов.

Все это создавало условия для разумного и целесообразного планирования как местных, так и центрального бюджетов, для отчетности и контроля за государственными доходами и расходами.

Естественно, что такая реформа не могла пройти без трудностей. Она потребовала больших усилий со стороны МНРП и правительства. Яростную борьбу против новых законов повели крупные духовные феодалы. Они пытались привлечь на свою сторону массы, ссылаясь на то, что никогда, со времени Абатай-хана, церковь не облагалась налогами, демагогически заявляли, что во все времена бедные и богатые платили одинаковые подати. Церковные феодалы имели основание быть недовольными новыми законами, так как их стада насчитывали, по данным переписи 1926 г., до 3,8 млн. голов скота (т. е. 24,5% общего поголовья скота в стране). Бывшие феодалы, ламы и чиновники также саботировали эти законы. Понадобилось два-три года для того, чтобы преодолеть их сопротивление и провести в жизнь основные положения нового законодательства. Этим был нанесен сокрушительный удар и по пережиткам феодальной раздробленности.

Применение принципа прогрессивности при исчислении налогов, обложение монастырского скота, введение промыслового и подоходного налогов привели к значительному росту государственных доходов. Это позволило в свою очередь ускорить ликвидацию внутренних таможен, освободить от обложения налогами бедняцкие хозяйства и уменьшить налоговое бремя для маломощных аратов, увеличить ассигнования на народное образование, на здравоохранение, приступить к строительству промышленных предприятий [7].

Новые законы значительно усилили регулирующую роль народного государства, так как отдали в его распоряжение еще одну крайне важную командную высоту — единый государственный бюджет.

---

[7] Необлагаемый минимум в 1926 г. был установлен в 5 бодо. Предусматривалась пятипроцентная надбавка на каждую сотню бодо после первых ста. Бодо—условная единица учета скота. 1 бодо=1 быку, или 1 корове, или 1 лошади, или 7 овцам, или 14 козам, или 0,5 верблюда.

В росте государственного бюджета и изменении его структуры уже в этот начальный период существования республики получили отражение первые успехи экономической политики МНРП и народной власти. Бюджет страны в 1926 г. равнялся 10 400 тыс. тгр., увеличившись на 64% по сравнению с 1924 г. Структура доходной части бюджета этих лет показывает непрерывное и довольно быстрое падение роли косвенных налогов (с 55,6% в 1924 г. до 42,7% в 1926 г.; отметим, что косвенные налоги в период автономии составляли 75%, а вместе с царскими займами давали почти 90% всей доходной части богдо-гэгэновского бюджета).

В результате начавшейся реформы налоговой системы заметно увеличились прямые налоги (с 4,19 до 6,43%) и возросли доходы от государственных монополий и предприятий (с 1,27 до 15,09%).

В структуре расходной части бюджета республики отразилась политика правительства, направленная на укрепление политической и экономической независимости страны, на развитие производительных сил, просвещения и здравоохранения. В 1924 г. на промышленное строительство и помощь скотоводству было ассигновано 10,69% всех расходов, а в 1926 г.— 20,27%; на народное образование соответственно 3,22 и 5,59%. В 1925 г. 0,5% всех расходов бюджета впервые было ассигновано на здравоохранение, в 1926 г. расходы на здравоохранение составили 2,71% бюджета (в бюджете богдо-гэгэновского правительства ассигнования на эти цели вовсе отсутствовали).

Конец 1925 г. ознаменовался еще одним крупным мероприятием. В ноябре этого года II Великий Хурал осуществил, наконец, судебную реформу, задержка которой вызывала законное недовольство населения; несмотря на то что страна сделала огромный шаг вперед по пути демократизации, суд в ней оставался почти таким же, как при маньчжурах. Запретив применение старых маньчжурских законов, II Великий Хурал постановил привести судебную систему в соответствие с общими принципами демократического устройства страны. Была введена выборность судебных органов, гласность судебного разбирательства. Основной задачей суда становилась защита интересов трудящихся и охрана народно-демократического государственного и общественного строя. В целях искоренения практики старых судов Хурал предложил правительству укрепить аппарат Министерства юстиции новыми кадрами. Демократическая реформа суда должна была сыграть большую роль в закреплении основ народной демократии и в успешном подавлении сопротивления феодалов.

Дальнейшие мероприятия МНРП и народной власти по социальной и экономической реконструкции страны вызывали все более ожесточенное сопротивление аппарата, который должен был проводить их в жизнь. Засоренность органов управления враждебными элементами ставила под угрозу претворение в жизнь политического курса партии и народной власти. Чистки государственного аппарата, проведенные по постановлениям I, II и III Великих Хуралов, не дали должного эффекта. Задача заключалась не только в том, чтобы изгнать из органов управления бывших феодалов, лам и феодальных чиновников, но и в том, чтобы привлечь к активному участию в работе органов власти сотни и тысячи новых людей из аратской среды, систематически изо дня в день помогать этим людям руководить страной и улучшить их работу. Необходимо было разработать и провести в жизнь ряд мероприятий, которые помогли бы решительно улучшить организационную работу Народно-революционной партии и органов народной власти. Между тем эта организационная работа отставала от уровня задач, стоявших перед партией и страной.

IV съезд МНРП

Внутрипартийное положение, подготовленность партии к решению очередных задач революции были основными вопросами повестки дня IV съезда, открывшегося в сентябре 1925 г. Этот съезд знаменателен тем, что на нем были приняты программа и устав партии.

До IV съезда МНРП руководствовалась в своей деятельности Кяхтинской платформой 1921 г. IV съезд утвердил предложенный Центральным комитетом партии проект временной программы, предложив избранному им Центральному комитету дополнительно разработать и представить на утверждение следующего съезда ее вводную часть, обосновав в ней положение о том, что монгольская народная революция является частью общего освободительного движения угнетенных народов Востока, что решающим условием успеха революционной борьбы монгольского народа является его союз с рабочими и крестьянами Советской России.

Временная программа партии теоретически обосновала генеральную линию, намеченную III съездом. Девятый пункт программы, в частности, конкретизировал меры, обеспечивавшие победу некапиталистического пути развития. В нем говорилось: «В области государственного и хозяйственного строительства вместо частнокапиталистического метода производства и частнокапиталистических порядков, которые привели бы страну к новому закабалению иностранными захватчиками, партия будет проводить политику сосредоточения в руках государства всей хозяйственной и финансовой политики, а также государственного капитализма, в то же время стараясь проводить способы коллективно-общественного ведения хозяйства... развития кооперации и т. д., ведя таким образом страну к достижению такого общественного строя, когда не будет ни угнетателей, ни угнетенных, т. е. к коммунизму» [8].

Отмечая, что освобождение монгольского народа и утверждение его независимости явились результатом Великой Октябрьской социалистической революции, программа признавала «движущей силой национально-освободительного движения в стране... бедняцкие и середняцкие массы, составляющие абсолютное большинство населения, и мелкое скотоводческое хозяйство которых является основной базой экономики страны». Важнейшим программным требованием оставалась окончательная ликвидация феодально-теократического строя, полная демократизация государственного управления, всемерное вовлечение в него широких слоев трудящихся народных масс.

МНРП должна была укрепить тесные связи с трудящимися массами, взять на себя руководство всеми массовыми аратскими организациями — кооперацией, ревсомолом, женским движением и т. д. Исходя в своей деятельности из учения марксизма-ленинизма, проводя правильную политическую линию, партия должна была обеспечить в своих рядах единство воли, строжайшую дисциплину, вносить сознательность и организованность в широкие аратские массы и вести их за собой к полной победе.

Такой должна была быть партия, и такой она стремилась стать. Это стремление было выражено в приветственной телеграмме съезда Центральному Комитету ВКП(б): «От лица всей Монгольской народно-революционной партии съезд заявляет, что революционый опыт РКП(б) всемерно используется нашей партией в ее повседневной работе и что Партия, на основе учения В. И. Ленина, сумеет окончательно вывести монгольский народ на широкую дорогу жизни» [9].

Но такой партией к IV съезду МНРП еще в полной мере не была. Некоторое представление о состоянии местных партийных организаций дают материалы докладов представителей мест. Делегат аймака Хантайширского рассказал, что в аймаке имеется 25 ячеек, объединяющих 839 членов партии, из ко-

[8] «IV съезд Монгольской Народно-революционной партии». Улан-Батор. 1926, стр. 3.

[9] Там же.

торых 542 арата, 139 бывших аристократов и 158 лам; среди членов партии 387 были неграмотными. Делегат Цецерлигмандальского аймака сообщил, что 55 ячеек насчитывают 1110 членов, из них 260 человек в прошлом аристократы или ламы. В этом округе неграмотными были 583 члена партии. В Богдо-хан-ульском аймаке в 24 ячейках состояло 777 членов, в числе которых 92 бывших аристократа и ламы. Грамотных было всего 258 человек. Аналогичное положение было в других местных организациях. Неоднородный классовый состав партии, неграмотность значительной части ее членов создавали большие трудности в осуществлении задач МНРП. Эти трудности усугублялись кочевыми условиями жизни в стране, разобщенностью населения. Худонская ячейка часто объединяла партийцев, живших на расстоянии многих десятков километров один от другого [10]. Необходимо было немедленно приступить к очищению партийных рядов от антинародных элементов, ликвидации неграмотности среди членов партии, организационному укреплению местных ячеек.

Однако эти трудности не были специфическими внутрипартийными трудностями. Они были обусловлены общей экономической и культурной отсталостью страны. МНРП представляла собой своеобразную классовую партию аратской бедноты и середняков, проводившую работу «в первобытной скотоводческой стране, находившейся по соседству с большим революционным государством пролетарской диктатуры», как отметил в 1928 г. представитель Коминтерна на VII съезде МНРП. IV съезд признал, что укрепление работы партии в худоне является ее главной задачей. «Партия не должна ни на минуту забывать, говорилось в четвертом пункте резолюции по худонскому вопросу, что трудящиеся массы худона — это основная движущая сила национальной революции, что в вовлечении передовых, активных бедняцких и середняцких элементов аратской массы в партийные ряды — вся сила, вся мощь Партии» [11].

[10] Делегат Чимит в своем выступлении жаловался, что «бывают часто такие случаи, когда едешь на заседание ячейки, проделывая на коне несколько уртонов (уртон в среднем равен 30 км.—*И. З.*). Приезжаешь на место и узнаешь, что заседания нет, и без пользы возвращаешься домой».

Делегат Ракча в свою очередь заявил: «У нас нет на местах правильной информации. Газеты, журналы и книги, получаемые из центра, очень часто валяются в шкафах. Бывают случаи, когда книги вовсе не разрезываются. То же самое наблюдается в отношении тех законов, которые приходят от правительства в местное самоуправление. Законы лежат спрятанными, и никто в них не заглядывает» («IV съезд Монгольской Народно-революционной партии», стр. 29, 30).

[11] «IV съезд Монгольской Народно-революционной партии», стр. 3.

Резолюция намечала мероприятия по организационному укреплению партии и по повышению теоретического уровня ее членов, обязывала Центральный комитет обеспечить выполнение этих мероприятий.

IV съезд сыграл большую роль в истории МНРП, подняв на принципиальную высоту организационные и идеологические основы строительства партии.

Решения III и IV съездов МНРП, а также I и II Великих Хуралов представляют собой единую генеральную линию, направленную против феодализма, на укрепление и развитие режима народной демократии, подъем трудового аратского хозяйства, ускорение темпов развития государственного и кооперативного хозяйства, победу некапиталистического пути развития страны, укрепление хозяйственных и политических связей с СССР.

Предпосылки образования правого уклона

Руководствуясь генеральной линией и учитывая конкретную обстановку 1925—1927 гг., партия и народная власть должны были безотлагательно организовать наступление на экономические позиции феодализма с тем, чтобы создать условия для полной ликвидации феодалов как класса. Это было той очередной задачей, от разрешения которой зависело дальнейшее развитие революции. Отказ от этой задачи или длительная отсрочка в ее выполнении неизбежно ослабили бы силы революции и умножили бы силы реакции.

Налоговые данные Министерства финансов показывают, что в 1927 г. 700 бывших феодальных хозяйств владели 1 500 тыс. бодо из общего количества 6 624 137 бодо в стране, т. е. что у них было сосредоточено около одной четверти всего поголовья скота [12]. Если к этому добавить, что 24,5% скота владели в 1926 г. монастыри, то получится, что в 1926—1927 гг. около половины всего скота принадлежало бывшим светским и церковным феодалам.

Крупнейшими собственниками в МНР являлись бывшие князья и тайджи, монастыри и разбогатевшие чиновники. Они все еще эксплуатировали значительную часть аратов-бедняков, сдавая им на выпас скот и нанимая их на разные работы. Перепись 1924 г. показала, что около 12 тыс. аратских хозяйств арендовали скот в монастырях. Мы не располагаем данными о том, сколько аратских хозяйств обслуживало стада

[12] «Хозяйство Монголии», 1931, № 3, стр. 25.

бывших светских феодалов. Учитывая, однако, что светские феодалы владели таким же количеством скота, как и монастыри, можно предположить, что и на них работали члены 10—12 тыс. аратских семейств. Таким образом, 20—25 тыс. аратских хозяйств (почти каждое пятое хозяйство в стране) находились в зависимости от бывших феодалов. Кабальные условия аренды фактически возрождали крепостническую отработку. На пленуме ЦК МНРП в марте 1926 г. многие делегаты отмечали, что эксплуатация бедноты продолжается, местные органы плохо защищают аратов-бедняков, не соблюдают законов народной власти.

Сравнительно сильные позиции сохраняли феодалы и в государственном аппарате. Несмотря на то что конституция лишила их избирательных прав, они тем не менее в ряде районов продолжали занимать руководящие должности. В 1927 г. в отчете VI съезду МНРП представитель Центральной контрольной комиссии партии отметил, что в четырех хошунах Цецерлигмандальского аймака, как и в ряде других, из-за отсутствия грамотных аратов сохранилась старая дореволюционная администрация. Разумеется, органы самоуправления, возглавляемые эксплуататорами, не могли стать проводниками линии партии и народной власти. Наоборот, они противопоставляли ей свою линию, антинародную и реакционную. Это нередко приводило к нарушению конституции и законов революционной власти. Так в хошуне Эрдени-Булган председателем и секретарем хурала были бывшие феодалы. Они вынудили местный орган власти назначить настоятеля монастыря и добились освобождения этого монастыря от налогов, что противоречило закону об отделении церкви от государства.

Используя свое влияние в государственном аппарате и в партии, феодалы оказывали серьезное противодействие политике партии и народной власти, стремились задержать развитие антифеодальной революции и добиться восстановления прежних порядков. К этому была также направлена деятельность нарождавшихся капиталистических элементов, заинтересованных в свободе обогащения. В своей борьбе против дальнейшего развития народной революции феодальные и капиталистические элементы опирались на активную поддержку иностранных империалистических государств и милитаристов Китая. Победа гоминдановской реакции в Китае и антисоветский характер политики китайских милитаристских клик, действовавших по заданиям иностранных империалистов, в свою очередь способствовали активизации деятельности реакции внутри МНР. Все это создало предпосылки для возникновения правого уклона в МНРП.

Развитие правооппортунистического уклона и его преодоление

1926—1928 гг. являются годами зарождения, развития и преодоления правокапитулянтского политического курса, который таил в себе тем большую опасность для революции, что проводниками его оказались некоторые руководящие деятели Центрального комитета партии и правительства. Организационная и идеологическая слабость партийных кадров, их недостаточная связь с аратством, равно как и с местными организациями, способствовали усилению правого уклона.

Правые стали на путь отхода от генеральной линии партии как в вопросах внутренней, так и внешней политики. Они недооценивали силу сопротивления свергнутых феодалов и отрицали наличие в стране классовой борьбы. В своем отчетном докладе V съезду партии Дамба-Дорджи, один из лидеров правых уклонистов, бывший в то время председателем Центрального комитета партии, утверждал: «Бывшие феодалы, как политическая сила, представляют внутри страны „мертвый груз", неспособный к борьбе за политическую власть. Какого-либо выступления против революционного строя с их стороны не приходится ожидать. Это политические мертвецы» [13]. Дальше, говоря об эмигрировавших из МНР феодалах, он продолжал: «Зарубежные феодалы сами по себе не представляют опасности».

Вместо того чтобы возглавить борьбу партии и народа против феодалов, заострить бдительность против классового врага, правое руководство пыталось деморализовать партию, посеять среди ее членов настроения самоуспокоенности и примиренчества.

Правые лидеры фактически отошли от курса на некапиталистическое развитие страны. Недооценивая роль капиталистических элементов в экономике Монголии, отрицая, в частности, наличие монгольской торговой буржуазии, они в то же время утверждали, что победа капитализма в стране неизбежна. При этом они пытались убедить партию и народ в том, что не следует опасаться утверждения капитализма, ибо вслед за этим созреют силы, которые свергнут буржуазию и построят социализм.

Как видим, в основе правокапитулянтской политики лежала определенная платформа. Она сводилась к недооценке силы сопротивления разбитого, но недобитого феодализма, опасности роста капиталистических элементов в стране, к переоценке силы и прочности мировой капиталистической системы, ее вре-

[13] Цит. по журн.: «Хозяйство Монголии», 1926, № 4—5, стр. 93.

менной и относительной стабилизации, к неверию в революционные возможности монгольского аратства к недооценке значения помощи со стороны СССР.

Подобная политика неизбежно вела страну на путь капитуляции перед феодально-теократической реакцией и империализмом.

Правые капитулянты всячески тормозили мероприятия, направленные на ослабление экономических позиций бывших феодалов и монастырей, против эксплуатации аратства и роста капиталистических элементов. В результате преступной деятельности правых приостановилось развитие народной кооперации, рост государственного бюджета и торговли с СССР. Правые капитулянты допустили извращения кредитной политики Монголбанка, который в погоне за надежными гарантиями начал отказывать в ссудах малоимущим аратам, толкая их таким образом в кабалу к богачам и феодалам.

Правые отошли от решений III и IV съездов Народно-революционной партии также в вопросах партийного строительства и допустили проникновение в ее ряды антинародных элементов. О степени засорения партии можно судить по отчетному докладу представителя Центральной контрольной комиссии VI съезду, сообщившего, что было исключено много членов, оказавшихся чуждыми МНРП. Среди них были крупные феодалы, которые, пробравшись на руководящие посты в органах самоуправления, пытались использовать свое положение для реставрации старых порядков. В эти годы отмечались такие случаи нарушения конституции, как предоставление избирательных прав членам семей феодалов. Бывшие феодалы стали требовать восстановления феодального титулования. Оглашенные на V Великом Хурале данные показали, что из 373 председателей хошунных самоуправлений 79 были бывшими феодалами.

Вследствие капитулянтской политики правых число лам в стране стало вновь расти (оно увеличилось с 87 300 в 1925 до 94 900 человек в 1928 г.). Вопреки закону, запрещавшему поиски хубилганов, по настоянию реакционных кругов и при попустительстве со стороны правых деятелей партии и правительства был поставлен вопрос о приглашении в страну нового богдо-гэгэна, девятого перерожденца Джебцзун-Дамба-хутухты [14].

[14] V съезд МНРП и III Великий Хурал, состоявшиеся в конце 1926 г., не сумели противостоять правым капитулянтам в этом вопросе. Решение III Великого Хурала гласило: «В отношении приглашения девятого Хутухты воздержаться, так как об этом нет никаких указаний в священных сказаниях, вследствие чего необходимо детальное выяснение этого вопроса в высших инстанциях буддийской иерархии» («Хозяйство Монголии», 1926, № 6, стр. 120).

Во внешней политике правые взяли курс на разрыв связей МНР с СССР, на подчинение республики капиталистическим странам. Дамба-Дорджи установил личный контакт с японскими дипломатами и активно выступал за установление дружественных отношений с империалистической Японией.

Используя политику правых капитулянтов, которая неизбежно вела к реставрации феодального строя и колониального закрепощения Монголии, и опираясь на них, реакция перешла в наступление на завоевания революции.

Курс правых на реставрацию феодализма вызвал сопротивление со стороны основной массы членов партии и руководящих работников местных организаций, связанных с аратскими массами и отражавшими их настроения. Тревога за судьбы страны и революции заставила аратское большинство партии начать борьбу против гибельной политики правых. Возникла так называемая худонская оппозиция, боровшаяся за возврат к генеральной линии партии. Худонская оппозиция требовала, чтобы партия и народная власть приступили к конфискации крупной феодальной собственности, ввели прогрессивный подоходный налог, прекратили кредитование богатых. Оппозиция настаивала на чистке всех учреждений, смелом выдвижении аратов, борьбе против высшего ламства, а также добивалась созыва VII съезда партии.

Участником и руководителем борьбы против правых капитулянтов был Х. Чойбалсан.

В развернувшейся борьбе лидеры правого руководства все больше переходили на путь антипартийного зажима критики, репрессий против сторонников оппозиции, ряды которых, несмотря на это, непрерывно росли.

В сентябре 1928 г. в Улан-Баторе собрался съезд монгольских профсоюзов, объединявших основную массу монгольского рабочего класса и служащих государственных, хозяйственных и общественных организаций. Делегаты съезда в своих выступлениях подвергли острой критике политику и деятельность центральных органов МНРП и правительства.

Съезд избрал в состав руководящих профсоюзных органов сторонников худонской оппозиции. Вскоре после этого состоялся пленум ЦК Ревсомола, на котором также решительно был осужден правокапитулянтский курс ЦК МНРП и ЦК МРСМ. Критика линии и практической деятельности правого руководства партией и народной властью широко развернулась во многих партийных и общественных организациях страны. Незадолго до начала работ VII съезда партии состоялся пленум ее Центрального комитета. На этом пленуме была оглашена декларация

ЦК Ревсомола, содержавшая развернутую критику политической линии правых. Члены Центрального комитета, сторонники худонской оппозиции, со своей стороны выступили на пленуме с платформой, в которой была дана развернутая оценка политики правокапитулянтских руководителей Центрального комитета и международного и внутреннего положения МНР ко времени VII съезда.

В результате длительного обсуждения пленум Центрального комитета принял резолюцию, в которой осудил капитулянтскую политику правых и отметил, что феодально-теократические элементы перешли к попыткам восстановить свои политические права, аннулированные народной властью. Их активизация способствовала «концентрации сил контрреволюции и задержке поступательного движения национальной революции... ЦК не принял против этого необходимых мер, недооценил правую опасность» [15].

23 октября 1928 г. открылся VII съезд МНРП, работа которого проходила при исключительно высокой активности делегатов. Представленный съезду отчет Центрального комитета обсуждался 25 дней. В прениях выступило 199 делегатов.

В результате дискуссии съезд принял решение, резко осудившее политическую линию правого руководства Центрального комитета и подтвердившее генеральную линию, выработанную III и IV съездами партии. Съезд призвал к наступлению на экономические позиции феодализма. Он поручил новому Центральному комитету провести снижение налогов и наладить производственное кооперирование в целях облегчения положения аратов-бедняков.

Съезд постановил провести новую чистку партии, а в отношении вновь вступающих установил три категории. К первой категории, пользующейся наибольшими льготами, относились батраки, бедняки, рабочие и военнослужащие, ко второй — середняки и служащие учреждений, к третьей — все остальные. Члены МНРП, которым принадлежало свыше 200 бодо, должны были сдать излишки в фонд партии или выйти из ее рядов.

V Великий Хурал, состоявшийся вскоре после VII съезда партии, также решительно осудил ошибочную политику правительства и Малого Хурала, проявивших попустительство к случаям грубейшего извращения Конституции и основ государственной политики, сформулированных в решениях I, II, III и IV Великих Хуралов.

---

[15] Цит. по журн.: «Хозяйство Монголии», 1929, № 1, стр. 55—56.

Начало ликвидации феодалов как класса

VII съезд партии и V Великий Хурал разгромили капитулянтскую политику правых. Правые были отстранены от руководства и заменены верными генеральной линии партии людьми.

Новое руководство партии и народного правительства, исправляя ошибки правых, приняло меры к восстановлению и расширению связей с Советским Союзом. Торговля между двумя странами стала быстро развиваться. К 1931 г. СССР превратился в главного покупателя монгольского скота и сырья и поставщика в МНР промышленных товаров. В эти годы по просьбе правительства МНР советское правительство расширило состав советской медицинской экспедиции, работавшей в МНР, увеличило прием монгольской молодежи в учебные заведения Советского Союза, усилило свою помощь в строительстве монгольской промышленности и т. п.

Решения VII съезда и V Великого Хурала способствовали дальнейшему развитию антиимпериалистической и антифеодальной революции. Исходя из директив VII съезда и V Великого Хурала, новое руководство партии и правительства должно было направить свою основную деятельность по линии наступления на экономические позиции феодализма и защиты интересов бедняцко-середняцкого аратства. Новому руководству предстояло очистить партию и государственный аппарат от враждебных элементов, довести до конца борьбу за экономическую независимость МНР от капиталистических стран, завершить создание единого централизованного государства, укрепить командные высоты, чтобы ускорить решение задач демократического этапа революции и обеспечить переход страны к следующему, социалистическому этапу.

В 1929 г. был нанесен уничтожающий удар самой основе феодализма. В этом году было конфисковано имущество 669 хозяйств бывших феодалов. Владельцам было оставлено по 100 хуби [16]. Таким образом, в распоряжение государства поступила феодальная собственность на 146 773 хуби. В дальнейшем, в 1930—1931 гг., была проведена конфискация еще 837 хозяйств (в том числе 205 хозяйств церковных феодалов), причем на этот раз 711 владельцев хозяйств за оказанное ими сопротивление органам власти были привлечены к уголовной ответственности.

Мероприятия по экспроприации феодалов означали, что

---

[16] Х у б и — учетная условная единица, равная 30 тгр. О числе хозяйств, подвергшихся конфискации, и об их собственности см. *А. Сергеев.* История финансов, денег и кредита в МНР.

партия и народное правительство перешли к ликвидации феодалов как класса, политике, вполне подготовленной всем ходом революции, от правильного осуществления которой в значительной степени зависело укрепление основ народной демократии и создание предпосылок быстрейшего перехода к строительству социализма. Однако руководство партии и правительства в силу ряда причин не удержалось на правильных позициях и сползло «влево», потянув за собой на путь левацких перегибов значительную часть партии.

Развитие «левого» уклона

1929—1932 годы явились годами зарождения, развития и преодоления «левого» уклона, ставшего в этот период главной опасностью.

Основываясь на решениях VII съезда МНРП, предлагавшего приступить к простейшему производственному кооперированию аратства на добровольных началах, некоторые руководители партии и правительства начали проводить принудительную организацию высших форм производственного кооперирования. Если конфискация феодальной собственности и ликвидация феодалов как класса были мероприятиями действительно назревшими, то для массовой коллективизации аратства в то время в стране еще не было необходимых условий. Директивы VII съезда подразумевали добровольное объединение аратов для простейших мероприятий, связанных с совместным выпасом скота, строительством колодцев, укрытий для скота (хашанов), использованием гужевого транспорта и т. д. В этих директивах не было и речи о создании коллективных хозяйств высшего типа.

В конце 20 — начале 30-х годов при чрезвычайно отсталой технической основе хозяйства, недостаточной подготовленности масс к вступлению в колхозы, крайне низком уровне культуры и техники массовое строительство колхозов было авантюрой, обреченной на провал. Искусственно, принудительно созданные колхозы были не в состоянии правильно организовать общественное хозяйство.

Желая защитить аратскую бедноту, выпасавшую на кабальных условиях монастырский скот, «левое» руководство Центрального комитета в июле 1930 г. издало специальную инструкцию о принципах расчета монастырей с арендаторами. Условия выпаса монастырского скота, предусматривавшиеся этой инструкцией, были настолько сложны, что могли только озлобить как собственников скота, так и арендаторов.

В результате деятельности «левых» был искажен смысл

другого важного мероприятия, направленного против феодальной верхушки ламства, в защиту эксплуатируемого аратства. В связи с общим пересмотром законов о налогах и введением подоходно-прогрессивного обложения, «левое» руководство распространило обложение не только на монастырский скот, но и на жилища лам, их домашнюю утварь, предметы культа, при этом различия между высшим и низшим ламством.

Стремясь ограничить рост ламства, «левые» уклонисты весной 1930 г. начали кампанию за выход лам в светское состояние, действуя не столько убеждением, сколько принуждением.

Для ослабления влияния ламства в массах «левое» руководство Центрального комитета и правительства решило развернуть антирелигиозную пропаганду. Но в действительности эта «пропаганда» превратилась в грубое издевательство над верующими, в оскорбление их религиозных чувств.

Такая политика по отношению к монастырям и духовенству не ослабляла ламаистскую церковь, а усиливала ее. Вместо того чтобы оторвать рядовых лам от феодальной верхушки, она отталкивала низших лам от революции, укрепляла среди аратства авторитет гонимой церкви и ее представителей, вызывала недовольство аратства, которому были непонятны смысл и значение антицерковных мероприятий.

Прикрываясь директивами VII съезда об ограничении роста капиталистических элементов, «левое» руководство партии и правительства решило заменить старое налоговое законодательство новым, основанным на принципе подоходно-прогрессивного обложения, правильное осуществление которого могло бы стать эффективным средством борьбы против роста капиталистических элементов. Однако «левые» и здесь допустили извращения. Они обложили налогами в индивидуальном порядке середняцкие хозяйства, приравняв их к хозяйствам кулацкого типа. В результате получилось, что «левые» оттолкнули от партии и народной власти значительную часть середняков.

Исходя из тех же соображений об ограничении капиталистических элементов, «левые» руководители решили использовать налоговый рычаг против частной торговли, кустарного и извозного промыслов, что привело к полной их ликвидации.

Таким образом, все важнейшие директивы VII съезда МНРП и V Великого Хурала были извращены «левыми».

Уклонисты использовали VIII съезд МНРП, открывшийся в начале 1930 г., для «теоретического» обоснования своей платформы. Большинство делегатов съезда пошло за «левыми».

На съезде было заявлено, что революция в МНР уже прошла этапы антиимпериалистический и антифеодальный и что она якобы вступила в этап антикапиталистический, т. е. этап непосредственного социалистического строительства. Положив в основу своих директив эту глубоко ошибочную концепцию, съезд последовал за «левыми» лидерами и предложил считать сплошную коллективизацию аратских хозяйств первоочередной задачей партии. В специальной резолюции съезда, посвященной «колхозному движению», говорилось о «поголовном производственном кооперировании трудовых аратских хозяйств и создании высокотоварных кооперативных и государственных хозяйств», о «решительном наступлении на феодальные и капиталистические элементы» и т. п. Перед кооперацией была поставлена задача способствовать переходу населения «к культурно-оседлым формам» и скотоводческо-земледельческому хозяйству.

Ревизуя все предыдущие решения партии, VIII съезд подверг пересмотру вопрос о социальной базе партии. Опорой партии было объявлено не бедняцко-середняцкое аратство, а батрачество и беднота. Съезд рассматривал ламство как единое целое, не видя в нем две разные социальные группы[17].

VIII съезд был целиком подчинен влиянию «левых». Пренебрегая ленинским планом, ориентировавшим монгольских революционеров на длительную работу по преобразованию страны, по созданию островков новой экономики, пренебрегая всем опытом КПСС и учением Ленина, игнорируя, наконец, указания первых съездов МНРП, «левые» утверждали, что за девять лет, прошедших после 1921 г., в стране уже созданы предпосылки для непосредственного социалистического строительства.

Платформа «левых» представляла собой не что иное, как авантюристическую попытку перепрыгнуть через непройденные этапы. Социально-экономические условия страны того времени не давали основания для планирования непосредственного перехода к социалистическому строительству. Большое влияние монастырей, этого оплота реакции, еще далеко не законченная ликвидация феодалов как класса, разобщенность, неграмотность аратства, отсутствие развитой промышленности и малочисленность рабочего класса, низкий уровень скотоводства — все это свидетельствовало о том, что задачи демократического этапа революции еще далеко не исчерпаны. В этих условиях политика «левых» превращалась в преступную авантюру и грозила революции катастрофой.

---

[17] «Резолюции VIII съезда МНРП». «Хозяйство Монголии», 1930, № 4, стр. 16—25.

Губительные последствия «левой» авантюристической политики не замедлили сказаться. С ликвидацией старых кустарных промыслов и вытеснением частника из товарооборота аратство стало страдать от недостатка товаров, так как Монценкоop оказался не в состоянии снабжать всю страну. В аналогичном положении был и Монголтранс, на который легли все грузоперевозки.

В животноводческом хозяйстве политика «левых» привела к тому, что араты потеряли стимул к увеличению поголовья своих стад: лица, владевшие имуществом на сумму свыше 100 хуби (3 тыс. тгр.), облагались налогами в индивидуальном порядке и приравнивались к феодалам. Они лишались права на пастбища и водопой, на получение товаров, на обучение детей в школах. Аратство, не довольное новыми порядками и подстрекаемое контрреволюционной агитацией лам и других агентов реакции, встало на путь массового убоя скота. Политика «левых» уклонистов обошлась стране более чем в 7 млн. голов скота.

Политика «левых» вызвала серьезное недовольство среди аратства, переход массы рядовых лам на сторону контрреволюционного высшего ламства, общее усиление лагеря феодально-теократической реакции.

«Левые» встали на путь подмены органов власти партийными органами. Центральный комитет партии взял на себя функции Совета министров и президиума Малого Хурала, а аймачные комитеты — президиумов аймачных хуралов. Партия предстала перед массами не как их авангард, а как административный орган. За этим извращением последовали массовые случаи нарушения революционной законности и конституции.

В области партийного строительства авантюристическая политика «левых» также привела к отрицательным результатам. Приняв после VII съезда некоторые меры к очищению рядов партии от чуждых элементов, «левые» развернули широкую вербовочную кампанию «имени VIII съезда партии», проводя ее под флагом вовлечения в партию бедняков и батраков. На деле эта вербовочная кампания означала отказ от индивидуального приема в ряды партии действительно лучших передовых аратов, подмену его огульным записыванием в партию десятков и сотен людей без предварительной работы с ними. В результате партия оказалась еще более засоренной, чем раньше.

Итак, приступая к решению какой-либо экономической или политической задачи, «левые» как будто исходили из соответствующих директив VII съезда. Но в процессе разрешения этих задач они отклонялись от существа директив, брали «ле-

вее» генеральной линии, впадали в авантюризм. Так, вместо того чтобы уменьшить влияние ламства на массы, «левые» усиливали его позиции; вместо того чтобы упрочить связи партии с аратством, отрывали партию от него; вместо того, чтобы укрепить партию, ослабляли ее. Начав успешное наступление на позиции феодализма, они в дальнейшем своими перегибами способствовали подготовке реакцией открытых выступлений против революции и народной демократии. Причины ошибок «левых» уклонистов коренились в том, что они игнорировали конкретную социально-экономическую обстановку в стране и ее национально-бытовые особенности, пытаясь механически перенести в МНР лозунги и методы социалистического строительства Советского Союза, не учитывая разницу в исторических и социально-экономических условиях.

Но если большинство членов партии действительно заблуждалось, то часть «левых», стоявших у руководства партией и правительством, как выяснилось впоследствии, не ошибалась, а сознательно проводила провокационную линию, направленную на возбуждение недовольства масс.

Угроза новой империалистической интервенции

В результате агрессии в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии) войска японских империалистов в 1931 г. оказались у границ МНР. Это активизировало деятельность контрреволюционного подполья в стране, которое приступило к форсированной подготовке восстания против народной власти. Непосредственная близость японских войск и возможность использовать недовольство аратства «левыми» загибами внушали внутренней реакции надежду, что на этот раз она будет вознаграждена за крушение своих прежних многочисленных попыток свергнуть народно-демократический строй.

Если в период, когда у власти стояли правые капитулянты, реакционеры рассчитывали на осуществление своих целей легальными методами, то приход к руководству «левых» заставил их уйти в глубокое подполье, возложив все надежды на вооруженную интервенцию извне. Вскоре, однако, реакция поняла, какую услугу может ей оказать политика «левых». Она всячески разжигала недовольство масс, используя новые перегибы руководства.

Была создана большая контрреволюционная организация, объединявшая 38 крупных светских и церковных феодалов, во главе которой стояли Югодзыр-хутухта, Манцзушири-хутухта, Делиб-хутухта, Намачжаб-бэйсэ и др. Эта организация вступила в контакт с китайскими милитаристами, рассчитывая с их помощью задушить революцию и восстановить власть богдо-гэгэна [18].

Заговорщикам казалось, что возникший в 1929 г. советско-китайский вооруженный конфликт, спровоцированный империалистическими государствами, благоприятствует успешному осуществлению их планов. Понимая, что дружба с СССР является гарантией и условием успешного демократического развития независимого монгольского государства, эта шайка хутухт и князей выражала надежду, что СССР будет разгромлен в результате начавшихся военных действий.

Однако враги просчитались. В мае 1930 г. заговор был раскрыт, один из его вожаков Эригдан-дагба, который ехал в Китай для переговоров об интервенции в МНР, был арестован. Оказавшиеся при нем документы передали в руки Государственной внутренней охраны все нити заговора.

Летом 1930 г. заговорщики были преданы суду и понесли наказание.

В том же году феодально-теократические элементы, группировавшиеся вокруг одного из крупных монастырей в Убсанурском аймаке, совершили нападение на хошунное самоуправление, захватили и подвергли пыткам партийных и хошунных работников. Организаторы этого мятежа были связаны с китайскими милитаристами в Синьцзяне. Лозунгами мятежников были: «Долой конфискацию имущества феодалов», «Долой МНР и партию бедняцко-середняцкого аратства», «Присоединение религии к государству и восстановление прежних приношений ламству».

В течение 1931 г. органами Государственной внутренней охраны были ликвидированы контрреволюционные группы, которыми руководил некий Халцзан-Дорджи. Он поддерживал связь с группой заговорщиков-лам в Хубсугульском аймаке, ставшей зародышем крупной и широко разветвленной организации. Весной 1932 г. эта группа подняла контрреволюционный мятеж, охвативший некоторые районы Хубсугульского, Запхынского, Арахангайского и Убурхангайского аймаков.

Как показали судебные процессы над главарями и организаторами этого мятежа, основными целями его являлись «свержение существующей власти и восстановление феодаль-

[18] Свою программу заговорщики изложили в пятом пункте найденного у Эригдан-дагба письма: «Просим передать правительству Великого Китая и Богдо-Нанчен-Эрдени просьбу о помощи для уничтожения народно-революционной партии, дабы дать возможность приглашения 9 перерожденца Богдо-Джебцзун-Дамба-хутухты и прибытия в Монголию Панчен-Эрдени, под религиозным правлением которого стремится быть население Монголии» («Современная Монголия», 1937, № 2, стр. 87).

но-теократической монархии в том виде, в каком она существовала раньше; организация духовной партии с неограниченной властью высшего ламства; аннулирование всех законов революционной власти и, в частности, закона об отделении церкви от государства; аннулирование всех общественно-политических организаций и лишение женщин политических прав»[19].

Главари восстания рассчитывали возвести на ханский престол японского агента панчен-ламу Гэлэг-Намчжала, что отдало бы страну и народ в руки японских империалистов. Мятеж, поддержанный японской интервенцией из Северо-Восточного Китая, должен был обеспечить выполнение планов реставраторов феодализма.

Преодоление левого уклона

В этой опасной для страны и революции обстановке в Улан-Баторе 5 июня 1932 г. собрался Чрезвычайный пленум ЦК и ЦКК МНРП, за которым последовал созыв Чрезвычайной XVII сессии Малого Хурала.

Значение Чрезвычайного пленума ЦК МНРП в истории монгольской революции определяется тем, что на нем было принято решение о ликвидации «левых» загибов. Пленум положил начало так называемому новому курсу в политике. Новый курс отнюдь не представлял собой какой-то новой генеральной линии партии, это было возвращение к основным принципиальным положениям генеральной линии, предусмотренной решениями III и IV съездов МНРП. На основе нового курса партия в дальнейшем успешно завершила строительство фундамента новой экономики и обеспечила стране успешный переход на путь строительства социализма. Пленум констатировал, что «в результате проведения ЦК мероприятий, не отвечающих хозяйственному и культурному состоянию страны, в результате игнорирования национально-бытовых особенностей страны и проведения неверной политики, партия оторвалась от своей опоры — трудового аратства, оттолкнула от себя значительную часть его, а также зажиточные слои в сторону контрреволюционных феодалов и реакционной верхушки ламства»[20].

Чрезвычайный пленум дал развернутую критику политики «левых», допущенных ими грубых ошибок: принудительную коллективизацию, ликвидацию частной торговли и промыслов, перегибы в антирелигиозной политике и т. п. Пленум дал определение особенностей развития МНР и движущих сил монгольской революции на данном этапе, основанное на обобщении опыта, накопленного партией за годы революции.

Если политика «левых» нарушала ленинский принцип руководства массами, отрывала партию от масс и тем самым толкала значительную их часть на путь контрреволюции, то линия Чрезвычайного пленума восстанавливала связи партии с массами и возвращала их под руководство партии. «Левые» исходили из того, что антиимпериалистические и антифеодальные задачи революции уже решены и исчерпаны и на очереди стоит задача социалистического строительства. Чрезвычайный же пленум, трезво оценивая международную и внутреннюю обстановку страны, определил социальную природу Республики как государство антиимпериалистическое и антифеодальное, ставящее задачу перейти на социалистический путь развития, но в данное время только закладывающее фундамент для перехода на этот путь социалистического строительства.

Если «левые» уклонисты пытались декретировать преобразование хозяйства страны в «скотоводческо-земледельческое», то Чрезвычайный пленум подтвердил, что кочевое скотоводство является основой экономики страны и что земледелие в ней будет развиваться в помощь животноводству как его подсобная отрасль. «Левые» подменяли государственную власть партией, пленум же в соответствии с ленинским учением восстановил правильные взаимоотношения между органами народной власти и партией, при руководящей роли последней.

XVII Чрезвычайная сессия Малого Хурала МНР, открывшаяся вскоре после пленума, обратилась к аратству с воззванием, в котором разъясняла международное и внутреннее положение республики и излагала основы нового курса политики. Все законы, принятые «левыми» уклонистами, противоречившие новому курсу, были ею отменены.

МНРП нашла в себе достаточно сил для того, чтобы преодолеть авантюристический курс политики «левых» уклонистов, поставивших революцию перед прямой угрозой реставрации феодального строя и колониальной зависимости.

В результате ликвидации «левых» перегибов и проведения нового курса политики партии и правительству удалось при поддержке большинства аратства предупредить японскую интервенцию и подавить контрреволюционный мятеж, главари которого были схвачены и наказаны по заслугам.

---

[19] «Из приговора специального присутствия Верховного суда МНР». «Современная Монголия», 1937, № 2, стр. 91.

[20] «Современная Монголия», 1934, № 2, стр. 3.

Итоги хозяйственного и культурного строительства республики ко времени III Чрезвычайного пленума ЦК МНРП и XVII Чрезвычайной сессии Малого Хурала МНР

Несмотря на трудности, возникшие в стране в связи с деятельностью правых, а за ними «левых» уклонистов, предательскую роль тех и других, страна за восемь лет добилась существенных достижений в борьбе за подъем народного хозяйства и культуры. Аратские хозяйства, освобожденные революцией от крепостнических цепей и ростовщической кабалы, значительно окрепли.

В эти годы в стране началась организация первых государственных ветеринарно-зоотехнических учреждений. В 1929 г. Монголия получила первую группу национальных кадров ветеринарных работников (12 фельдшеров), окончивших улан-баторский техникум, организованный в 1927 г. В 1931 г. в МНР было уже 13 ветеринарно-врачебных и 25 ветеринарно-фельдшерских пунктов.

Заметно увеличилось сенокошение (1551 десятина в 1924 г. и 20 640 десятин в 1929 г.), появились первые хашаны для скота. Однако политика «левых» в сельском хозяйстве привела к сокращению поголовья. В 1932 г. в стране насчитывалось 16 млн. голов скота, в то время как в 1924 г. поголовье достигало 23,4 млн.

За истекшее восьмилетие было начато промышленное строительство. Если до 1927 г. вся сумма вложений в промышленность МНР равнялась 318 тыс. тгр., то к 1931 г. эта сумма поднялась до 6 612 тыс. тгр.; число рабочих соответственно увеличилось с 225 до 2335 человек. В 1931 г. в Улан-Баторе началось строительство крупного промышленного комбината, а в Хатхыле — современной паровой шерстомойки. СССР оказывал промышленному строительству в МНР братскую помощь финансами, кадрами, материалами и оборудованием.

Важнейшее значение для будущего молодой Народной республики имело вытеснение из экономики страны иностранного торгового и ростовщического капитала, введение государственной монополии внешней торговли и установление тесного экономического сотрудничества с СССР. В 1930—1931 гг. общий оборот советско-монгольской торговли достиг 80 908 тыс. руб. (торговый оборот со всеми другими странами составлял сумму в 4328 тыс. руб.).

Организованное в 1924 г. Министерство просвещения из года в год расширяло сеть школ, проводило работу по ликвидации неграмотности среди взрослых и готовило кадры учителей. В 1931 г. в 110 школах обучалось 7,5 тыс. школьников. Основной трудностью в решении вопросов просвещения было

отсутствие кадров педагогов, подготовка которых впервые началась в 1922 г. на четырехмесячных курсах. В 1928 г. из 170 учителей лишь 61 получил ту или иную специальную подготовку. Остальные 109 учителей были набраны местными органами из числа активистов, большой процент среди которых составляли старые чиновники. В 1928 г. курсы подготовки учителей были превращены в педагогический техникум. В результате этих мероприятий число грамотных в стране стало постепенно расти.

Первыми медицинскими организациями в стране явились советские экспедиции, ежегодно, начиная с 1926 г., командировавшиеся в МНР. Эти экспедиции помогли Народно-революционной партии, народной власти развернуть широкую оздоровительную работу среди аратов, начало которой положили советские врачи, прибывшие в Монголию по приглашению правительства МНР в первые годы революции.

В 1928 г. в Улан-Баторе и в Алтан-Булаке были открыты первые лечебные учреждения; через два года число этих учреждений выросло до двадцати. В 1930 г. департамент здравоохранения Министерства внутренних дел, созданный в 1925 г., был реорганизован в Министерство здравоохранения. Первые национальные медицинские кадры появились в 1931 г. В 1925 г. в стране было 7 врачей, а в 1931 —102; медицинских сестер соответственно 3 и 92. В 1930 г. монастырская тибетская медицина была лишена государственной поддержки и снята с государственного бюджета. Научная медицина завоевала доверие населения, несмотря на яростное противодействие со стороны монастырей.

Успехи, одержанные монгольским народом в строительстве единого демократического централизованного государства, подъем хозяйства и культуры способствовали консолидации монголов в нацию.

Монгольская Народно-революционная партия в течение этих восьми лет приобрела огромный опыт. В борьбе против правых и «левых» уклонистов за чистоту рядов партии и превращение ее в массовую партию революционного аратства росли и крепли партийные кадры. МНРП сделала за этот период большой шаг вперед по пути превращения в подлинную партию нового типа, руководствующуюся учением марксизма-ленинизма.

Глава третья

ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРВОГО ЭТАПА НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ПЕРЕХОД К СТРОИТЕЛЬСТВУ СОЦИАЛИЗМА

События 1932 г. явились серьезным испытанием прочности народно-демократического строя в Монголии. После разгрома «левых» авантюристов необходимо было обеспечить поворот от их гибельной политики к новому политическому курсу. Сложность задачи усугублялась тем, что в стране еще не был полностью ликвидирован контрреволюционный мятеж, вполне реальна была также угроза военного вторжения империалистической Японии.

Новый курс МНРП был не только возвратом к основным принципиальным положениям III и IV съездов — эти положения получили в нем дальнейшее развитие, были дополнены конкретной программой строительства с учетом опыта прошедших лет революции. В отсталой стране, как показала практика, новый курс был единственно правильной линией Народно-революционной партии, закладывавшей основы для постепенного перехода страны на путь социалистического развития.

Осуществление нового курса началось в сложной международной и внутренней обстановке.

На территории Северо-Восточного Китая, оккупированного японскими империалистами, было создано марионеточное государство Манчжоуго. 15 сентября 1932 г. Япония заключила военный союз с «правительством» этого государства, легализовавший пребывание там неограниченного количества ее войск. Но агрессивные планы японских империалистов не ограничивались подчинением Маньчжурии. Они мечтали о покорении Китая, Монголии, советского Дальнего Востока и Сибири, стран Тихого океана. Они возлагали большие надежды на контрреволюционный мятеж, поднятый в МНР их агентами весной 1932 г. Разгром мятежа был серьезным ударом по агрессивным замыслам Японии. Однако и после этого провала она продолжала готовить интервенцию, засылая в МНР шпионов и диверсантов, вербуя их на месте из числа людей, враждебных революции. Эта агентура должна была облегчить японской военщине осуществление ее планов.

Внутренняя обстановка в стране была также напряженной. Резко уменьшилось поголовье скота, в ряде районов ощущался острый товарный голод. Среди аратства существовало недовольство. Дезорганизация государственного и хозяйственного аппаратов, неустойчивость денежной системы—таково было наследство, оставленное «левыми» уклонистами новому руководству. Понадобились чрезвычайные усилия партии, народной власти и всего народа, чтобы преодолеть создавшийся в стране политический и экономический кризис.

Новое руководство должно было начать свою деятельность с ликвидации последствий вредительства «левых» уклонистов. Важным мероприятием на этом пути был созыв аратской беспартийной конференции, состоявшейся в Улан-Баторе с 10 по 20 июля 1932 г. На этой конференции многочисленные представители аратов ознакомились с решениями, принятыми Чрезвычайным пленумом ЦК и ЦКК и Чрезвычайной сессией Малого Хурала.

Конференция единодушно одобрила новый курс и обратилась с воззванием ко всему аратству, призывая его поддержать политику партии и правительства, помочь правительству окончательно разгромить оставшиеся еще кое-где шайки и группы, связанные с контрреволюционным мятежом, и вернуться к мирному труду.

Ликвидация последствий вредительской левацкой политики. Подготовка условий для развернутого наступления против остатков феодализма

В соответствии с решениями III Чрезвычайного пленума ЦК и ЦКК МНРП и XVII Чрезвычайной сессии Малого Хурала новое руководство пересмотрело законы и распоряжения, изданные «левыми», и отменило те из них, которые противоречили новому курсу. Местным органам было предложено распустить принудительно созданные колхозы, коммуны и артели, члены которых не пожелают сохранить своих объединений. Как только исчез элемент принуждения, большинство коллективных хозяйств распалось.

Одновременно с восстановлением принципа добровольности в вопросе коллективизации был произведен коренной пересмотр налогового законодательства. Поощряя развитие ското-

водческого хозяйства, новое руководство приняло в 1933 г. закон о едином налоге с аратских хозяйств, в котором подоходно-прогрессивный принцип обложения был заменен принципом обложения с головы скота. Сократив более чем вдвое общую сумму налога, отменив индивидуальное обложение зажиточных и богатых аратских хозяйств, правительство проявило особую заботу о бедняках. 103 337 бедняцких хозяйств в 1933—1934 гг. были вовсе освобождены от уплаты налогов, а те 84 388 хозяйств, которые должны были внести налог общей суммой 2 895 968 тгр., получили скидки и льготы больше чем на 1 млн. тгр.

Учитывая, что подоходно-прогрессивный принцип обложения, извращенный левацкими загибщиками, приводил к изъятию до 45% условно чистого дохода аратских хозяйств (не только зажиточных, но и бедняцких), становится очевидным большое принципиальное и практическое различие между налоговой политикой «левых» авантюристов и новым курсом.

Законы о промысловом налоге и налоге с монастырских стад также подверглись пересмотру. Руководящим принципом нового закона о промысловом налоге было стимулирование роста производительных сил и расширения товарооборота, развитие частного аратского извоза, кустарных промыслов и частной торговли при одновременном усилении регулирующей роли государства и укреплении государственного и кооперативного хозяйства. Закон предусматривал такие ставки обложения, которые поощряли рост национальной частной торговли и способствовали развитию потребительской кооперации и кустарно-промысловых кооперативных объединений.

Значительно отличался от старого новый закон о налогах на монастырскую собственность, принятый правительством в 1933 г. Новый налог распространялся лишь на скот и хозяйственные постройки монастырей.

Новое руководство отменило военный налог, установленный «левыми». Новый военный налог, принятый в 1933 г., по сравнению с налогом 1932 г. предусматривал различные ставки для высшего, среднего и низшего ламства и был направлен против феодально-теократической верхушки.

Принципиальные отличия налоговой политики нового курса от политики «левых» авантюристов отчетливо выступают при их сопоставлении. Вот основные данные о налогах в МНР в период 1930—1933 гг. (в тыс. тгр.) [1]:

[1] «Современная Монголия», 1935, № 1, стр. 55.

Налог	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Аратский	4000	4343	1759	2300
Военный	665	1105	800	400
Джасский **	2000	2260	379	1000
Промысловый с частников	2661	893***	467	600
Промысловый с государственных и кооперативных организаций	1000	3222	4185	2340
Итого	10 326	11 823	7890	6640

** Джаса — хозяйство, принадлежащее монастырю.

*** Сокращение промыслового налога с частника в 1931 и 1932 гг. объясняется не снижением размера их обложения, а абсолютным сокращением числа частников.

Ряд мероприятий, проведенных партией, создал условия для улучшения политического и экономического положения страны. Это нашло наиболее убедительное выражение в росте аратского скотоводческого хозяйства. Араты, получившие новый стимул к развитию скотоводства, прилагали усилия к восстановлению поголовья скота, резко сократившегося в последние годы. За 1933/34 г. поголовье скота увеличилось на 3,5 млн. голов.

Больших усилий потребовало от нового руководства укрепление государственных финансов и денежной системы. Авантюристическая политика «левых» уклонистов нарушила принципы хозяйственного расчета, дискредитировала идею рентабельности государственных предприятий, подорвала финансовую дисциплину. Монголбанк фактически был превращен в расчетную кассу, отпускавшую деньги колхозам, государственным и кооперативным предприятиям под их раздутые, систематически невыполнявшиеся промфинпланы. Такая финансовая политика привела к тому, что денежная эмиссия стала обгонять рост производства и товарооборота. Создалась реальная угроза устойчивости тугрика.

Новое руководство в 1933 г. резко сократило искусственно раздутый «левыми» государственный бюджет (с 45 млн. в 1932 г. до 23,5 млн. тгр. в 1933 г.) и осуществило кредитную реформу. Согласно новому порядку, Монголбанк стал давать ссуды государственным и кооперативным предприятиям лишь на короткие сроки и только на нужды обращения готовой продукции. Закон уполномочивал Монголбанк применять

© ЭБ ГБОРАН

санкции к неаккуратным клиентам путем опротестования их векселей.

Жесткая финансовая дисциплина, общее сокращение штатов и смет, укрепление хозяйственного расчета, увеличение товарооборота дали положительные результаты. Тугрик вновь стал надежным средством обращения и платежа. Если 1 января 1933 г. в обращении находилось денежных знаков на сумму 22 238 тыс. тгр., то через три года, несмотря на большой рост товарооборота, эта сумма снизилась до 20 161 тыс. тгр. Были ликвидированы как излишние Колхозцентр, Экономсовет и ряд других учреждений.

Завоевав экономическую независимость от империалистических государств, монгольский народ получил возможность приступить к созданию своей индустрии. В 1933 г. из Министерства хозяйства было выделено специальное Министерство торговли и промышленности.

В 1933 г. вступила в эксплуатацию Хатхыльская механизированная шерстомойка, рассчитанная на выпуск 2,5—3 тыс. т. мытой шерсти в год. В марте 1934 г. в присутствии депутатов XVIII сессии Малого Хурала был введен в действие мощный Улан-баторский промышленный комбинат им. Чойбалсана для производства обуви и сукна, механизированной промывки шерсти, обработки крупных и мелких кож. При комбинате была построена электростанция. В 1933 г. началась коренная реконструкция Налайхинского угольного предприятия. В 1935 г. были начаты подготовительные работы, а в 1938 г. закончено строительство узкоколейной железной дороги от Налайхи до Улан-баторского промышленного комбината. Ввод в эксплуатацию этой линии разрешил проблему транспортировки угля, добыча которого значительно выросла.

Развитие промышленности обусловило рост рабочего класса. Число монгольских рабочих, занятых в промышленности, к концу 1934 г. достигло уже почти 2 тыс.

Промышленное строительство в МНР имело огромное экономическое, политическое, оборонное и культурное значение. Рушилось веками проповедовавшееся ламами пассивное отношение к жизни, увеличивалась тяга к знанию, способствовавшая успешному развитию культурной революции.

Снабжение армии МНР снаряжением и обмундированием стало в значительной мере обеспечиваться отечественной промышленностью. Перед страной открывалась перспектива постепенного отказа от импорта товаров, которые можно было изготовить внутри страны.

Крупнейшее хозяйственное и оборонное значение имела окончательная ликвидация остатков феодальной раздробленности. В результате борьбы МНРП за создание единого цен-

трализованного государства были достигнуты решающие успехи в этой области. Однако принятый еще в годы руководства «левых» уклонистов, 6 февраля 1931 г., закон о новом районировании страны не был до конца проведен в жизнь. В МНР сохранялось деление на четыре аймака и Кобдоский округ, который в 1929 г. был преобразован в пятый, Чиндоманиульский аймак. Аймаки делились, как и во времена маньчжуров, на хошуны, объединявшие по нескольку сомонов. Самой мелкой административной единицей являлись десятидворки, которые были в 1926 г. заменены двадцатидворкой (хорин). Хошуны по своей территории, экономическому состоянию, численности населения представляли исключительно пеструю картину. Их территория колебалась от 30 тыс. до 60 тыс. кв. км, а население — от 4 тыс. до 40 тыс. человек.

Согласно новому закону о районировании число аймаков было увеличено, хошуны вовсе упразднены, а сомоны укрупнены. В МНР стало 13 аймаков, около 300 сомонов и 2,5 тыс. багов. Десятидворки и двадцатидворки были уничтожены, а баг, объединяющий 40—50 хозяйств, стал первичной административной единицей [4].

Смысл этой реформы заключался в том, что она приближала административное районирование к экономическому, тогда как старая феодальная система административного деления основывалась на границах, передававшихся по наследству уделов. Сократилось число промежуточных органов управления. Государственный аппарат становился вследствие этого более гибким и дешевым.

Реальная угроза безопасности страны, связанная с японской агрессией в Северо-Восточном и Северном Китае, а также во Внутренней Монголии, заставила партию и народную власть вновь, как и в первые годы революции, проявить особую заботу об обороне Республики и о ее вооруженных силах.

Монгольское аратство окружало любовью свою Народно-революционную армию, начиная с первых дней ее существования, ибо видело в ней надежную защиту против попыток восстановить эксплуататорскую власть бывших господ, нойонов и тайджи, хутухт и хубилганов, против чужеземных угнетателей. Зачастую армия была первой школой молодых аратов. Из года в год в армию уходили неграмотные призывники. В армии они не только овладевали военной техникой, но и учились грамоте. По окончании действительной военной службы они возвращались грамотными, овладевшими теми

[4] В соответствии с принципами марксистско-ленинской национальной политики новое административное районирование предусматривало выделение районов, населенных казахами, в особый национальный округ, впоследствии реорганизованный в Баин-Ульгийский аймак.

или иными специальностями, подготовленными к активной работе в государственном аппарате. Араты, прошедшие службу в МНРА и уволенные в запас, были первыми представителями народной интеллигенции в худоне.

Выросшие за годы революции кадры политических работников, широкая сеть ячеек Народно-революционной партии и Монгольского Революционного Союза молодежи, клубы, боевые листки и газеты — все это способствовало воспитанию сознательных бойцов, преданных родине, партии и народной власти, способных осмыслить важнейшие политические события в стране и за ее пределами. Большое внимание уделялось специальной подготовке военных кадров. В эти годы монгольская народно-революционная армия имела уже своих пехотинцев, кавалеристов, артиллеристов, связистов, саперов, танкистов, летчиков и т. п. Она была немногочисленна, но по технической оснащенности стояла на уровне передовых армий мира.

Для дальнейшего движения вперед МНРП должна была также ликвидировать последствия вредительства «левых» внутри самой партии. Отчет Центрального комитета, представленный IX съезду МНРП осенью 1934 г., указывал, что в результате вербовочной кампании, предпринятой «левыми», число членов партии за короткий срок увеличилось в три раза. Авантюристическая погоня за количественным ростом партии привела к тому, что среди участников контрреволюционного мятежа 1932 г. оказались члены МНРП. В результате чистки партии, проведенной согласно решению III Чрезвычайного пленума, число ячеек партии сократилось с 910 до 282, а число членов партии — с 44 тыс. до 7967 человек.

Партия и правительство развернули широкую разъяснительную работу по вопросам политики нового курса. Сотни и тысячи аратских собраний слушали и обсуждали доклады о деятельности правительства, о новых законах, о внутреннем и международном положении Республики. В 1933 г. на местах были организованы специальные курсы для новых руководителей багов и сомонов. В 1934 г. проведены перевыборы низовых и аймачных партийных органов, а также местных органов власти. Эти выборы показали большой рост политической активности аратов, принявших участие в обсуждении очередных хозяйственно-политических задач.

Сложный переход от политики «левых» авантюристов к политике нового курса был успешно завершен. Страна вышла из острого политического и хозяйственного кризиса 1932 г. Мятеж был подавлен, его главари и организаторы предстали перед открытым судом, суровый приговор которого был с удовлетворением принят аратами. МНРП и народное правительство вновь

обрели поддержку масс, опираясь на которые они могли приступить к решению новых задач. Связь между партией и массами оказалась настолько крепкой, что никаким «левым» уклонистам не удалось ее разорвать.

На основе успехов нового курса создавались предпосылки для развернутого наступления по всему фронту против остатков феодализма, для окончания строительства фундамента новой экономики и перехода на путь строительства социализма.

IX съезд МНРП. VII Великий Народный Хурал

В конце 1934 г. собрался IX съезд МНРП. Партия пришла к нему, очистив свои ряды от классово чуждых элементов. Социальный состав партии в этот период был следующий: аратов 5051 человек (63,3%), интеллигентов и служащих — 2545 человек (32%), рабочих и кустарей 390 человек (4,7%).

В результате роста национальной промышленности и национального рабочего класса в партии впервые появилась рабочая прослойка. Значительно выросло в рядах партии число женщин, достигшее к этому времени 885 человек (около 11%). Однако по-прежнему был низок культурно-политический уровень членов партии, 55% которых были еще не грамотными.

Съезд одобрил и полностью утвердил решения III Чрезвычайного пленума Центрального комитета о политике нового курса. «В соответствии с особенностями нашей страны, пленумом был установлен новый курс, который исправил ошибки и вывел страну из создавшегося в ней тяжелого положения. Этот новый курс следует проводить в жизнь еще более углубленно, пункт за пунктом»[5], — говорилось в резолюции съезда по политическому отчету Центрального комитета партии.

Готовясь к наступлению по всему фронту на остатки феодализма в стране, IX съезд партии впервые в истории монгольской революции подверг специальному обсуждению вопросы культурного строительства. В принятом решении съезд указал, что партия будет стремиться к созданию культуры национальной по форме, революционной по содержанию. Новая культура должна воспитывать аратство в духе солидарности с международным революционным движением рабочего класса и угнетенных народов колоний, в духе борьбы против ламаистской идеологии и преданности народно-революционному строю.

VII Великий Хурал, собравшийся вскоре после IX съезда МНРП, в резолюции по отчету правительства в свою очередь

[5] Эта и другие цитаты из решений IX съезда даются по стенографическому отчету «IX съезд МНРП» (Улан-Батор, 1934).

признал, что политика нового курса является единственно правильной и что она полностью отвечает национальным, политическим, экономическим и культурным условиям страны. «Политика нового курса, оправданная самой жизнью, остается незыблемой и на будущее время» [6].

Хурал отметил первые успехи, достигнутые страной благодаря новому курсу: рост поголовья скота, развитие промышленности, кустарных промыслов и товарооборота, ликвидацию товарного голода, укрепление бюджета и денежного обращения, некоторую интенсификацию аратских хозяйств и т. д.

Хурал обязал правительство и впредь «всемерно развивать частное аратское скотоводство, не создавая никаких препятствий для этого, неослабно помогать бедняцким и середняцким элементам развивать свое частное хозяйство. Увеличить государственное кредитование аратских хозяйств, расширить ветеринарную сеть... Всемерно развивать торговлю и транспорт... Еще более укрепить монополию внешней торговли... усилить развитие частной торговли, в первую очередь — национальной, а также частного аратского транспорта» [7].

В этом постановлении отчетливо выражена линия партии и народной власти, направленная на всемерное развитие инициативы и активности аратов по подъему их частного скотоводческого хозяйства, частной национальной торговли и извозного промысла, на оказание помощи беднякам и середнякам, укрепление монополии внешней торговли и повышение регулирующей роли государства.

IX съезд партии и VII Великий Хурал уделили большое внимание международному положению Республики и вопросам ее обороны. Правительство доложило Хуралу о переговорах, которые велись в 1934 г. в Москве между представителями СССР и МНР. В результате этих переговоров были подписаны соглашения об основах монголо-советской торговли, о расчетном курсе тугрика, о смешанных монголо-советских обществах и др. В соответствии с достигнутыми соглашениями все смешанные предприятия (Монголтранс, Комбинат, Монголшерсть и др.) переходили в собственность правительства МНР.

Делегаты Хурала с большим удовлетворением встретили сообщения о новых проявлениях братской помощи Советского государства и обязали правительство МНР и впредь неуклонно укреплять и расширять дружбу с Советским Союзом.

Директивы IX съезда МНРП и VII Великого Хурала представляли собой конкретный план решительной борьбы с остатками феодализма в стране. Они предусматривали окончание

[6] «Современная Монголия», 1935, № 1, стр. 37.
[7] Там же.

строительства фундамента новой экономики, полную ликвидацию феодалов как класса, создание надежной системы обороны от нападения извне и переход страны на путь строительства социализма.

Народная власть и ламаистская церковь в условиях нового курса

Светские феодалы в 1929—1931 гг. потеряли свои экономические позиции и перестали существовать как эксплуататорский класс. К 1934 г. последним организованным оплотом феодально-теократической реакции и опорным пунктом интервенционистских замыслов внешних врагов были в стране монастыри. Ламство еще сохраняло свои экономические позиции и продолжало пользоваться большим влиянием в массах. Спекуляция на религиозных чувствах народа была по-прежнему источником доходов и политической силы феодальной верхушки церкви, располагавшей все еще огромной армией лам-пропагандистов.

Если правые ликвидаторы переоценивали силу монастырей и капитулировали перед ними, а «левые» авантюристы недооценивали их и пытались ликвидировать административными мерами, то новое руководство партии и правительства, верное принципам нового курса, перейдя к наступлению на этот последний оплот феодализма, стремилось отвоевать у феодалов ламские низы. Была развернута борьба за изоляцию контрреволюционной верхушки ламства, разоблачение ее антинародной деятельности, ее связей с китайскими милитаристами и японскими империалистами. Как показала практика, это была единственно правильная политика. Неуклонно следуя по намеченному пути, МНРП подготовила и в 1937—1938 гг. осуществила окончательный разгром этого осиного гнезда, завершив таким образом ликвидацию феодалов как класса.

8 декабря 1933 г. Совет министров издал постановление о введении института правительственных уполномоченных по контролю за выполнением администрацией монастырей существующих законов. Для начала уполномоченные были назначены в крупнейшие и наиболее влиятельные монастыри Улан-Батора, Улангома, Цицерлига и Баин-тумена.

Принятие правительством «Положения о назначении уполномоченных» вызывалось необходимостью борьбы с попытками монастырской администрации противопоставить себя государственной власти, вопреки установлениям конституции, отделившей церковь от государства и запретившей ей вмешиваться в политическую и общественную жизнь страны. «Ряд за-

конов, — говорилось в положении, — изданных верховными органами власти и направленных на поднятие хозяйственного, материального и духовного развития народа и укрепление национальной независимости страны, сознательно нарушается отдельными монастырями, чем подрывается авторитет государственной власти и интересы народных масс» [8].

Правительство особым распоряжением потребовало от ламской администрации включить в уставы монастырей пункты, обязывавшие руководителей монастырей строго соблюдать издаваемые законы и распоряжения органов власти. Положение возлагало на монастырское начальство ответственность за своевременную уплату установленных налогов и обучение ламской молодежи национальной грамоте.

Совет министров МНР предложил на рассмотрение VII Великого Хурала проект нового закона об отделении церкви от государства. В этом проекте нашли отражение многие ранее принятые правительством важные постановления по вопросам религии, а также мероприятия, вытекавшие из нового курса политики. Закон подтверждал незыблемость принципа свободы совести, отказ государства от поощрения или притеснения религии, запрещение строительства новых монастырей, запрещение отыскивать хубилганов и т. д. Монастыри лишались права вмешиваться в политическую и общественную жизнь страны, присваивать себе административные или судебные функции, использовать религию во вред государству и народу, принимать в ламы лиц, не достигших совершеннолетия и подлежащих призыву в армию, ставить один монастырь в подчинение другому монастырю, устраивать собрания граждан или превращать богослужения в собрания и т. д. Монастыри и ламы должны были подчиняться законам страны и постановлениям центральной и местной власти. Монастырские уставы подлежали регистрации в органах местного самоуправления. Ламы получили право свободного и беспрепятственного выхода в светское состояние. Низшим ламам разрешалось вступать в члены потребительской и кустарно-промысловой кооперации, занимать неответственные должности в хозяйственных предприятиях и учреждениях, заниматься частной торговлей, извозом и другими промыслами.

VII Великий Хурал утвердил предложенный ему проект.

В 1934 г. было начато систематическое обучение рядовых лам национальной грамоте, стала развиваться политико-просветительная работа в их среде; низшие ламы постепенно привлекались к производительному труду. В 1935 г. в 40 кружках, созданных Министерством просвещения, обучалось грамоте более 2 тыс. рядовых лам; 492 из них, успешно сдавшие экзамены, были освобождены от военного налога.

[8] «Современная Монголия», 1938, № 3, стр. 74—75.

Улан-баторское самоуправление приняло меры к тому, чтобы радифицировать и электрифицировать также те кварталы города, где проживали ламы. Для лам стали систематически организовываться лекции и киносеансы. Министерство здравоохранения создало при крупнейших монастырях специальные медицинские пункты.

В феврале 1935 г. Совет министров принял новый закон о военном налоге, согласно которому этот налог должно было вносить все мужское население страны в возрасте от 18 до 45 лет, не состоявшее на действительной военной службе и не уволенное в запас. Таким образом, этот налог был направлен главным образом против лам, не отбывавших воинскую повинность. Особенностью этого налога являлся резко дифференцированный подход к различным слоям ламства. Закон устанавливал три категории плательщиков в зависимости от их социального и имущественного положения: лица, принадлежащие к первой категории, — высшие ламы и бывшие владетельные светские феодалы — должны были платить по 70 тгр. в год; принадлежащие ко второй категории — ламы, постоянно проживавшие в монастырях и бывшие невладетельные светские феодалы — по 30 тгр. в год; к третьей категории — рядовые ламы — по 5 тгр. в год. Закон втрое увеличивал налог во всех категориях для лиц призывного возраста. Ламы, овладевшие национальной грамотой или обучившие грамоте других, получали скидку от 30 до 50%. Освобождались от уплаты налога те ламы, у которых работа по найму или кустарный промысел без эксплуатации рабочей силы был единственным источником существования.

Одновременно с законом о военном налоге правительство приняло постановление о мерах, стимулирующих привлечение лам к производительному труду. Рядовым ламам предоставлялось право поступать на курсы для приобретения любой профессии, на них полностью распространялись все законы по охране труда. Монгольские профсоюзы стали добиваться заключения трудовых соглашений между монастырской администрацией и низшими ламами, нанимаемыми ею для каких-либо работ.

В марте 1936 г. пленум ЦК МНРП в своем решении отметил: «Заботы правительства о культурном подъеме низшего ламства, об обучении его монгольской национальной грамоте, о привлечении его к производительному труду, о его оздоровлении от различных болезней должны продолжаться... В то же время должна вестись настойчивая борьба против всяких попыток со стороны контрреволюционной верхушки ламства

нарушать существующие законы государства; высшие ламы, участвующие в контрреволюционных заговорах против нашей родины, должны нести заслуженное наказание» [9].

Выполняя эту директиву, Совет министров в 1936 г. принял решение об образовании специального фонда кредитования низших лам на приобретение скота, инвентаря и оборудования. Монголбанк выдавал ламам, перешедшим в светское состояние, ссуды сроком на пять лет, из расчета 2% годовых. Наряду с этим правительство в том же году ввело новый подоходный налог на высших лам на общую сумму в 2 млн. тгр. и повысило ставки джасского налога.

Весной 1936 г. Президиум Малого Хурала принял постановление, направленное к сокращению вербовки молодежи в ламы. Такое ограничение было совершенно необходимо, так как из года в год около 35% монгольской молодежи уходило в ламы. К 1936 г. в монастырях страны находилось около 25 тыс. человек, достигших призывного возраста и моложе 18 лет. Постановление запрещало посвящать в ламы мальчиков из семейств, в которых было менее трех сыновей, и обязывало администрацию монастырей отчислить лам моложе 18 лет, принятых в монастырь после декабря 1933 г. Что касается молодых лам, принятых ранее, то им разрешалось оставаться в монастырях, однако от несения воинской повинности они не освобождались.

Такова была в общих чертах новая политика партии и правительства в отношении монастырей и ламства, которая привела, несмотря на сопротивление со стороны монастырской верхушки, к положительным результатам. Низшие ламы стали посещать лекции, собрания, киносеансы, медицинские пункты, школы и курсы, читать газеты, общаться с рабочими и интеллигенцией. Все это расширяло их кругозор, будило любознательность, ставило перед ними новые вопросы, удовлетворительных ответов на которые они не могли получить у своих бакши, гецулей, гелунов и других представителей ламаистской «науки». Рядовые ламы стали втягиваться в общественно-политическую жизнь страны. Показательно, например, обращение к правительству осенью 1936 г. группы рядовых лам улан-баторских монастырей Гандан и Дзунхуре с просьбой разрешить им издавать специальную ламскую газету для борьбы против феодальных порядков в монастырях.

Мероприятия партии и правительства встретили жесточайшее противодействие высших лам, которые использовали всю силу своего религиозного влияния в народе, чтобы сорвать их

[9] «Современная Монголия», 1936, № 3, стр. 29.

выполнение. Распространение в стране научной медицины и ее огромный успех, приведший к почти полному вытеснению ламского знахарства, толкнули ламскую верхушку на путь прямого вредительства. Зимой 1933/34 г. было подожжено здание медицинского техникума, летом 1935 г. ламы организовали массовое отравление больных детей в улан-баторской детской клинике.

Мероприятия партии и народной власти, направленные к ликвидации заболеваний среди лам, их приобщению к производительному труду, общественной жизни страны, отрыву их от монастырей и контрреволюционной верхушки ламства достигли своей цели. Медицинский пункт, открытый при улан-баторском монастыре, в короткий срок завоевал большое доверие рядовых лам. В 1936 г. более 3 тыс. лам была сделана противооспенная прививка, а свыше 700 лам стали постоянными пациентами медицинского пункта. В конце 1935 г. 470 лам работали в Улан-Баторе в качестве шоферов, сапожников, счетоводов, маляров, столяров, шахтеров и т. п., причем значительная их часть переселилась в общежития при предприятиях.

Борьба против контрреволюционной деятельности феодалов и высшего ламства

Правильная политика партии и народной власти грозила феодальным заправилам церкви потерей влияния на низшее ламство. Не желая сдавать своих экономических и политических позиций в стране, высшее духовенство активизировало борьбу против революции.

Провал контрреволюционной авантюры 1932 г., разоблачение японской агентуры, пробравшейся к руководству страной и инспирировавшей «левые» загибы [10], заставили внутреннюю контрреволюцию вновь уйти в подполье. Но деятельность врагов народа продолжалась, чему особенно способствовала японская агрессия в Китае. Центр тяжести антинародной контрреволюционной работы был перенесен на вербовку агентов из неустойчивых и разложившихся работников государственного, партийного и хозяйственного аппарата. Завербованные враги народа должны были маскировать свою вражескую работу мнимым сочувствием политике партии, стараться приобрести доверие масс и пробраться на руководящие посты. Не имея шансов получить поддержку в массах

[10] «Извещение Управления Государственной Внутренней Охраны». «Современная Монголия», 1935, № 1, стр. 139.

и вынужденные скрывать от них свои подлинные намерения, враги народа использовали двурушничество как единственное оставшееся у них средство борьбы против революции. Так подготавливалось создание «пятой колонны», задачей которой был шпионаж, вредительство, провокации и подготовка активного вооруженного выступления против народно-демократического строя.

Одним из первых выступлений контрреволюционного подполья была попытка поджечь 9 июня 1935 г. текстильную фабрику улан-баторского промкомбината. Диверсия была организована по заданию японской разведки группой «Сила помощи», которая вскоре после этого была разоблачена органами ГВО.

Был раскрыт заговор, возглавляемый японским агентом — настоятелем одного из крупных монастырей в Восточном аймаке, Чжамьянтиб-ламой. Открытый процесс этого престарелого шпиона привлек большое число аратов и лам, на которых показания и признания Чжамьянтиба произвели огромное впечатление.

В течение 1935—1936 гг. была ликвидирована крупная контрреволюционная организация, объединявшая более 100 высших лам из 17 монастырей, расположенных вдоль южной границы МНР. Эта группа готовила вооруженное восстание. Верховный суд МНР в октябре 1936 г. на открытых заседаниях разобрал дело заговорщиков и приговорил их к наказаниям.

В 1937—1938 гг. органами государственной охраны был раскрыт контрреволюционный центр высшего ламства во главе с настоятелем улан-баторского монастыря Иондон-хамбо, его заместителем и руководителями 48 других крупнейших в стране монастырей. Процессы разоблаченных в 1937—1938 гг. высших лам показали, какую серьезную опасность представляли собой эти организации.

Отражение интервенционистских попыток японского империализма

В 1937 г. японская военщина намеревалась реализовать свой план вооруженного вторжения в МНР. Японское командование рассчитывало, пользуясь внезапностью и огромным превосходством в силах, раздавить монгольскую армию, занять Улан-Батор и восстановить феодально-теократическую монархию. К началу вторжения агенты японских империалистов внутри страны должны были развернуть широкую деятельность, чтобы облегчить японскому командованию овладение Монго-

лией. В их задачи входило в первую очередь подорвать обороноспособность республики, распустить слухи о слабости МНР и СССР и неизбежном их поражении, о безнадежности сопротивления «непобедимой» японской армии. Они рассчитывали воздействовать на религиозные чувства аратов рассказами о том, что правительство Японии находится в союзе с пан чен-ламой, который во главе многотысячной армии идет в Монголию для того, чтобы наказать отступников и укрепить религию. Подобная пропаганда имела своей целью ослабить и разложить ряды Народно-революционной армии, ее боевую готовность, деморализовать народные массы МНР, лишить их воли к сопротивлению агрессорам.

Враги народа имели, кроме того, задание развалить всю систему управления республикой, внести хаос и путаницу в дела [11], а в момент японского вторжения выступить с оружием в руках против народной власти.

Осуществление плана японских милитаристов превратило бы Монгольскую Народную Республику в колонию, в базу японского империализма [12].

Общая международная обстановка того времени, создавшаяся в результате консолидации блока фашистских итало-германо-японских агрессоров, и так называемая политика «невмешательства» правительств Англии, Франции и США, усилили опасность, нависшую над МНР. В связи с этим правительство МНР решило использовать Протокол о взаимной помощи между МНР и СССР, подписанный 12 марта 1936 г. Еще в ноябре 1934 г. между СССР и МНР было заключено джентльменское соглашение о взаимной помощи в случае вооруженного нападения на одну из сторон. В феврале 1936 г. японскому послу в Москве было указано, что участившиеся столкновения на монголо-маньчжурской границе вызывают серьезное беспокойство у правительства СССР, поддерживавшего с 1921 г. неизменно дружественные отношения с МНР. 1 марта 1936 г. И. В. Сталин в беседе с американским

---

[11] В сентябре 1938 г. враги народа пытались поджечь склады Госторга с огромными запасами товаров; с сентября 1938 г. по март 1939 г. на Промкомбинате было зарегистрировано 95 случаев остановки машин вследствие явного вредительства; на угольных копях Налайха был подожжен склад взрывчатки, были затоплены три шахты, устроен обвал в двух шахтах и т. д.

[12] Генерал Араки в брошюре «Задачи Японии в эпоху Сиова» писал: «Япония не желает допускать существования такой двусмысленной территории, каковой является Монголия, непосредственно граничащая со сферой влияния Японии. Монголия должна быть во всяком случае территорией, принадлежащей Востоку» (т. е. Японии). Цит. по журн. «Современная Монголия», 1937, № 1, стр. 36).

корреспондентом Рой Говардом ясно изложил позицию СССР по вопросу о возможном нападении Японии на МНР. «В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, — сказал И. В. Сталин, — нам придется помочь МНР... Мы поможем МНР так же, как помогли ей в 1921 г.» [13].

Когда возникла реальная опасность японского вторжения, правительство МНР обратилось к Советскому Союзу с просьбой о вводе советских войск на территорию МНР. Советское правительство удовлетворило эту просьбу. В начале сентября 1937 г. в МНР вошли части советских вооруженных сил.

Своевременная помощь Советского Союза расстроила агрессивные планы Японии и спасла независимость Монгольской Народной Республики. Правительство МНР получило возможность довести до конца разгром «пятой колонны» и подготовиться к предстоящим боям, которые были неизбежны, ибо японская военщина не отказалась от интервенции — она только отсрочила ее начало.

Разгром феодально-ламаистской организации нанес удар по планам японских агрессоров, рассчитывавших опереться на контрреволюционный переворот внутри МНР. Потеряв надежду на поддержку со стороны внутренней реакции, японские империалисты сосредоточили все усилия на подготовке крупной военной операции против объединенных советско-монгольских войск. К 1937 г. эта подготовка еще не была закончена, чем и объясняется временное отступление японской военщины.

Практика классовой борьбы учила партию, что нельзя рассчитывать на успешную оборону против внешнего врага, не ликвидировав в своем тылу вражескую организацию диверсантов и шпионов. В 1938—1939 гг. был ликвидирован ламский контрреволюционный центр. Значительная часть монастырей, администрация которых оказалась замешанной в антинародной деятельности и понесла соответствующее наказание, закрылась. Низшие ламы стали покидать монастыри. В результате этого ламаистская церковь в Монголии с ее многочисленными монастырями, огромным скотоводческим хозяйством, богатствами и многотысячной армией лам перестала фактически существовать. Резко сократилось число монастырей, имущество ламской верхушки было конфисковано. Так был разгромлен последний организованный оплот феодализма в стране, последняя мощная опора реакции и империалистической интервенции, доведена до конца ликвидация феодалов как класса. Значительная часть лам, все еще враждебно настроенных к народному строю, не имела уже ни своей организации, ни своего руководящего центра.

Ликвидация «пятой колонны» позволила стране подготовиться к боям с японскими империалистами.

Конфликты вдоль восточной и южной границ МНР с конца 1938 г. и особенно с начала 1939 г. стали учащаться и усложняться. Правительство СССР прилагало все усилия к тому, чтобы положить конец японским провокациям против МНР и найти путь для мирного урегулирования пограничных инцидентов.

Однако неоднократные предупреждения советского правительства не оказывали должного действия. Было очевидно, что японская военщина не остановится ни перед чем для достижения своих целей.

Летом 1939 г. в долине р. Халхин-Гол завязались бои между объединенными советско-монгольскими войсками и мощными японскими силами, вторгшимися в пределы МНР. Армия интервентов насчитывала несколько десятков тысяч солдат и офицеров, сотни танков, самолетов и многочисленную артиллерию. То была целая армейская группировка, перед которой была поставлена задача опрокинуть советско-монгольскую линию обороны на границе и вторгнуться в пределы МНР. В результате многодневных боев эти японские армейские части были полностью уничтожены. Поражение на Халхин-Голе вынудило японскую военщину еще раз отступить.

9 июля 1940 г. в Москве было подписано соглашение между СССР и Японией о границе между МНР и Маньчжоуго. По этому соглашению Монголии возвращались захваченные японо-маньчжурами в 1935—1939 гг. территории.

Это была огромная победа. Опираясь на поддержку Советского Союза, монгольский народ отстоял свою независимость в вооруженной борьбе против сильного и коварного врага. Боевое содружество советского и монгольского народов, возникшее в 1921 г., было еще раз скреплено на берегах р. Халхин-Гол.

Халхингольские события выходят за пределы местного конфликта. Документы кануна второй мировой войны свидетельствуют о том, что разгром японских войск нарушил планы мировой реакции, рассчитывавшей спровоцировать вооруженное столкновение между Японией и СССР. Доблесть советских и монгольских войск помешала осуществлению этих планов.

Так, к концу 1939 г. монгольский народ под руководством МНРП нанес сокрушительный удар по реакционной верхушке

[13] «Известия», 5 марта 1936 г.

ламаистской церкви, закончил ликвидацию феодалов как класса и в вооруженной борьбе против японского империализма отстоял честь, свободу и независимость своей республики.

Успехи на фронте хозяйственного и культурного строительства

Крупные успехи были достигнуты к тому времени и на фронте хозяйственного и культурного строительства.

Основная отрасль экономики страны — кочевое скотоводство, уровень развития которого на протяжении многих веков оставался неизменно низким, находилось все эти годы в центре внимания партии и правительства. Нужно было превратить аратское животноводство из отсталого и малопродуктивного в передовое и высокопродуктивное. Особое внимание уделялось партией и правительством борьбе с эпизоотиями. Недоверие аратства к научной ветеринарии давно уже отошло в прошлое; число ветеринарных учреждений увеличилось с 52 в 1934 г. до 237 в 1940 г.

Борясь за подъем и перестройку скотоводческого хозяйства, партия и правительство не могли пройти мимо вопросов водоснабжения. По просьбе МНР правительство СССР направило в Монголию гидрогеологоразведывательную экспедицию, которая в течение нескольких лет обследовала гидроресурсы аймаков и в ряде пунктов построила опытные усовершенствованные колодцы с различными типами водоподъемных сооружений. Работа экспедиции помогла организовать государственный учет колодцев. При Министерстве животноводства и земледелия был создан специальный департамент по водоснабжению. В принятом правительством МНР в 1936 г. законе об учете, охране и пользовании колодцами отражено большое государственное значение этого важного участка скотоводческого хозяйства Монголии.

Большую роль в развитии народного хозяйства страны сыграло создание в МНР машинно-сенокосных станций. В 1937 г. Советский Союз подарил МНР 10 тракторных машинно-сенокосных станций и направил в Монголию значительное число специалистов, которые должны были обеспечить работу станции и подготовить в течение года монгольские кадры. В 1938 г. число станций было доведено до 24. Впервые в монгольской степи появились тракторные косилки, выросли стога сена. Машинный парк всех МСС в 1938 г. состоял из 107 тракторов, 822 косилок, 540 конных граблей. За два года специальные курсы подготовили 326 трактористов, 194 шофера, 50 помощников механиков для работы в МСС. В сезон

сенокошения на станциях работало до 6 тыс. аратов. «Машинно-сенокосные станции, — говорил маршал Чойбалсан на X съезде партии в 1940 г., — это целая революция в развитии животноводческого хозяйства. Они явились прочной базой перестройки отсталого, кочевого, экстенсивного, раздробленного скотоводческого хозяйства, с остатками феодальных отношений в нем, в передовое современное интенсивное хозяйство, способное обеспечить экономический рост страны» [14].

Революционизирующее значение МСС заключалось в том, что они наглядно показывали аратам возможность создания устойчивой кормовой базы, спасения от бескормицы, на практике учили аратов, что, имея страховой фуражный фонд, можно с успехом бороться против стихийных бедствий.

В дальнейшем условия аратского кочевого животноводства потребовали разукрупнения МСС и перевода их на конную тягу с тем, чтобы они могли обрабатывать сравнительно небольшие участки. Крупные станции были сохранены лишь для обеспечения фуражом армии и скотопрогонных трактов.

Аратское хозяйство в связи с мерами, предпринятыми партией и правительством, стало постепенно переходить на путь интенсификации. Об этом ярко свидетельствуют перемены, происшедшие в стране в период с 1934 по 1939 г. Количество хашанов увеличилось за эти годы с 59,7 тыс. до 174,5 тыс., число колодцев возросло с 9,6 тыс. до 15,9 тыс. Если в 1934 г. сенокошением занималось 22,8 тыс., а земледелием 13.9 тыс. аратских хозяйств, то в 1937 г. — соответственно 38,8 тыс. и 17,8 тыс.

Нельзя, однако, преувеличивать значение приведенных выше данных. Они отражали лишь первые сдвиги на пути превращения монгольского животноводческого хозяйства в культурное и интенсивное. Наряду с достигнутыми успехами аратскому кочевому животноводству по-прежнему большой ущерб наносил падеж скота. В 1939 г. на IV пленуме ЦК МНРП были оглашены данные, из которых видно, что в 1936 г. погибло от разных причин 13,5% общего поголовья скота, в 1937 г. — 7,1%, в 1938 г. — 8,8%. Потери скота в 1939 г. обошлись стране в 65 млн. тгр. Бескормица, болезни, нападения хищников оставались главными причинами больших потерь скота. В 1937 г. из числа павших животных половина погибла от голода, 34% от эпизоотий и 16% было съедено волками. В 1938 г. падеж из-за голода вновь составил 35,1%, от болезней—47,3%, а потери от хищников—17,6%. Одни волки уничтожали в год на 11—12 млн. тгр. скота [15].

---

[14] «Современная Монголия», 1940, № 1—2, стр. 9.

[15] Там же, стр. 57.

Сравнительно медленная интенсификация аратского животноводства обусловливалась наличием феодальных пережитков, ликвидировать которые в короткие сроки было невозможно. Но, несмотря на перечисленные обстоятельства, общее поголовье скота в стране все же росло. Об этом свидетельствуют следующие цифры (в тысячах голов):

Год	Крупный рогатый скот	Лошади	Верблюды	Овцы	Козы	Общее поголовье
1934	2068,0	1638,0	531,9	12 984,0	3884,1	21 106,0
1937	2410,6	1909,4	575,9	14 165,5	4205,0	23 266,4
1940	2874,7	2387,9	660,9	16 135,8	5311,6	27 370,6

Маршал Чойбалсан в марте 1939 г. на 22-й сессии Малого Хурала справедливо отмечал, что «благодаря новому курсу выросла частнохозяйственная инициатива аратства. Араты получили от государства все возможности для лучшего развития своего животноводческого хозяйства».

Значительных успехов добилась страна и в области промышленности. В короткий срок, пользуясь постоянной дружеской поддержкой Советского Союза, промышленность начала завоевывать важное место в экономике страны. Приведенные данные показывают в денежном выражении (в тысячах тгр.) рост продукции государственных и кустарных предприятий с 1934 по 1938 г. [16]:

Продукция	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Государственная	4698,8	12 384,3	16 685,6	21 508,4	29 245
Кустарная . . .	4034,0	3 226,0	4 104,0	6 496,0	12 244
Всего . . .	8732,8	15 610,3	20 789,6	28 004,4	41 489

В 1938 г. продукция промышленности МНР уже составляла 25% розничного товарооборота страны. С 1934 по 1939 г. увеличилось почти в четыре раза число рабочих государственной промышленности, причем 79% из них были монголы.

[16] Доклад Чойбалсана X съезду МНРП. «Современная Монголия», 1940, № 1—2, стр. 13.

За эти годы удвоилась мощность улан-баторской ТЭЦ. Налайхинские угольные копи были полностью реконструированы: введены в строй четыре новые шахты; вырубка, откатка и подъемка угля производились, как правило, врубовыми машинами и транспортерами, а перевозка — вагонетками и узкоколейной железной дорогой. В 1939 г. Налайха дала 200 тыс. т угля вместо 7 981 т в 1927 г. Вступил в строй ряд угольных шахт в Восточном аймаке и в других районах страны.

В 1939 г. в стране началось производство несложного сельскохозяйственного инвентаря. Все старые предприятия были расширены.

Выросла за эти годы и кустарная промышленность. Почти ликвидированная «левыми» уклонистами, она была восстановлена в результате проведения нового курса политики. В 1933 г. был создан специальный союз кустарно-промысловой кооперации, объединявший в 1934 г. 33, а в 1939 г. 145 артелей, в которые входило 8 120 членов и более 500 кустарей-одиночек. В 118 таких артелях работало 543 бывших лам.

Подъем промышленности вызвал необходимость выделить в 1938 г. из объединенного Министерства торговли и промышленности Министерство промышленности и строительства.

Количественные и качественные изменения в экономике страны, происшедшие за годы революции, привели к полной ликвидации натурального товарообмена, недавно еще безраздельно господствовавшего во всех районах страны.

Эти изменения отразились и на характере спроса населения. Мука и сахар, бывшие до революции предметами роскоши, превратились в предметы первой необходимости. Увеличились закупки аратами одежды европейского образца, обуви, дорогих текстильных товаров.

Развернувшееся в стране промышленное строительство и повышение материального благосостояния аратства стимулировали развитие внешней и внутренней торговли. Так, ввоз в МНР в неизменных ценах составлял в 1935 г. 36,6, в 1937 г.— 44,3 и в 1939 г. — 49,1 млн. тгр., т. е. увеличился за пятилетие на 34%. Еще быстрее возрастал экспорт из МНР, который равнялся в 1935 г. 21,2, в 1937 г.—27,7 и в 1939 г.—41,5 млн. тгр.

Внутренняя торговля была полностью сосредоточена в руках народной кооперации и государственных торговых организаций. Монценкоон вырос в мощную действительно аратскую, кооперативную организацию, число пайщиков которой увеличилось с 58 841 в 1934 г. до 133 100 в 1939 г., а паевой капитал— соответственно с 449,7 до 1 532,2 тыс. тгр.

© ГПИБ

Народное правительство в августе 1934 г. приняло закон, который разрешал частным торговцам свободную куплю и продажу и обязывал государственные организации отпускать частникам товары со своих складов[47]. Статья 25 закона запрещала занятие торговлей сотрудникам государственных, хозяйственных и общественных организаций.

Этот закон отчетливо отразил линию МНРП и правительства, направленную на известное оживление под контролем государства деятельности частного национального торгового капитала в целях оказания помощи государственной и кооперативной торговле. Усилению регулирующей роли государства в этой области посвящены статьи 29—32, согласно которым внешняя и внутренняя торговля должна проводиться по ежегодным планам, утверждаемым Советом министров. Закон разрешал образование объединений частных торговцев, но запрещал производить торговые операции монастырям.

Несомненно, закон 1934 г. сыграл свою положительную роль. В начале 1935 г. было организовано государственное торговое общество, предназначенное для снабжения частных торговцев товарами и приобретения закупленного ими сырья и скота. К 1 января 1936 г. органы Министерства финансов выдали 1 042 торговых патента частникам (в том числе 818 монголам). Частный торговый капитал в МНР, играя в товарообороте страны небольшую роль, все же способствовал мобилизации сырьевых ресурсов, обеспечению населения промышленными товарами.

Большое внимание было уделено народному здравоохранению. Сеть лечебных учреждений выросла за 1934—1939 гг. в 11 раз. Было выстроено 20 новых больниц с общим числом коек 1 411. Советские врачи и фельдшеры своей самоотверженной работой способствовали росту авторитета научной медицины. Население все чаще стало прибегать к их помощи. Помимо лечебной помощи, работники медицинских учреждений проводили массовую санитарно-просветительную работу, обслужив в 1939 г. лекциями и беседами 489 тыс. аратов. В 1939 г. во всех аймаках были созданы отделы здравоохранения. В медицинском техникуме в 1939 г. обучалось 248 человек, 90% которых составляли дети рабочих и аратов. В системе здравоохранения в 1936 г. работало 360 врачей, фельдшеров и медицинских сестер, в 1939 г. их число увеличилось до 841.

[47] Статья 18 этого закона гласила: «Развитие частной торговли, проводимой в соответствии с существующими законами, поощряется. Запрещается административное вмешательство в торговые дела частных лиц, если они своей торговой деятельностью не нарушают существующих законов. Национальные частные торговцы пользуются льготами, согласно существующим законам». («Современная Монголия», 1935, № 1, стр. 144)

В 1938 г. приступили к работе первые четыре врача-монгола, получившие высшее специальное образование в Советском Союзе. В массах аратства родилось стихийное движение сбора средств для дальнейшего расширения сети здравоохранения. В 1939 г. на эти цели в распоряжение государства было пожертвовано 200 тыс. голов скота и значительные суммы денег.

Забота партии и народной власти об охране здоровья трудящихся привела к сокращению смертности. Материалы переписей показывают, что за 1933—1937 гг. население МНР возросло на 2,4%. Этот факт свидетельствует о том, что народная революция спасла монгольский народ от угрозы вымирания и создала условия для роста народонаселения.

МНРП и народное правительство вели упорную работу и в области просвещения. В 1934 г. в стране было 59 начальных и 5 средних школ, в 1939 г. их стало 93 и 12. Учащихся в 1930 г. было 3125, а в 1939 г.—7582. Кроме того, в 1939 г. в МНР было 190 школ, которые целиком содержались на средства родителей и потому назывались добровольными; в них обучалось 4292 школьника.

Однако вся школьная сеть в 1939 г. охватывала не более 11% детей школьного возраста. Необходимо учесть, что в условиях кочевой жизни населения МНР начальные и средние учебные заведения могли функционировать лишь как школы-интернаты, что чрезвычайно удорожало обучение. Это вынудило партию и правительство перевести с 1939 г. содержание учащихся за счет родителей, чтобы таким образом высвободить средства, необходимые для расширения всеобщего обучения.

Перепись 1939 г. установила, что в стране насчитывалось 73 тыс. грамотных, что составляло 10% населения. Как ни низок был процент грамотности, все же в этом отношении был сделан шаг вперед по сравнению с предыдущими годами. В МНР в это время было 400 учителей, 1,5 тыс. медицинских работников, 1 тыс. финансово-счетных работников, 2 тыс. работников торговли, 1 тыс. специалистов скотоводства и земледелия, 200 работников искусства и науки. Формирование этого более чем шеститысячного отряда интеллигенции, созданной революцией, было огромным завоеванием народной власти.

В 1940 г. в стране выходило пять газет тиражом 62 тыс. экземпляров и семь журналов тиражом в 28 500 тыс. экземпляров.

На монгольском языке были изданы труды классиков марксизма-ленинизма, а также произведения Пушкина, Горького и др. Основные фонды монгольской типографии в 1925 г. составляли 50 тыс. тгр., а в 1936 г.—710 тыс. тгр., что позволило поднять выработку с 1 млн. печатных листов-оттисков до 12 млн.

В столице и на периферии 18 звуковых кинотеатров регулярно демонстрировали кинохронику о жизни МНР и кинокартины прозводства Монголкино. Государственные театры, цирк, клубы, красные юрты и кинопередвижки несли в народные массы новую культуру, национальную по форме, революционную по содержанию.

К 1940 г. столица была связана со всеми аймаками телеграфом и радиотелеграфом; с пятью аймаками, кроме того, существовала прямая телефонная связь. 3 519 радиоточек составляли радиовещательную сеть республики, донося до далеких кочевий голос столицы.

Социальная природа монгольского государства и политическая линия его народного правительства ярко отражены в бюджете страны. Структура расходной части бюджета МНР изменялась следующим образом (%):

Статьи бюджета	1934 г.	1936 г.	1938 г.	1940 г.
Народное хозяйство	27,1	15,2	22,3	24,3
Оборона страны	34,7	49,3	52,5	44,6
Социально-культурные расходы	12,8	14,4	16,0	21,9
Административно-управленческие расходы	9,2	8,0	5,0	3,8
Прочие	16,2	13,1	4,2	5,4

Несмотря на падение удельного веса народнохозяйственных расходов, абсолютная сумма возросла более чем в три раза. Постоянная угроза японского нападения естественно вызывала необходимость большую часть бюджетных средств направлять на нужды обороны.

Неуклонное проведение политической линии партии и народной власти имело своим результатом существенную социальную перегруппировку внутри аратства. Резко сократилось число неимущих аратов, а вместе с тем и число крупных эксплуататорских хозяйств, тогда как число средних аратских хозяйств значительно увеличилось. По данным Министерства финансов, в 1927 г. в стране было 4565 бесскотных хозяйств, или 3,2%, в 1939 г. таких хозяйств было 2 421, или 1,2%; хозяйств, владевших 200 и больше бодо, к 1939 г. осталось 0,6%.

Народная революция остановила процесс деградации хозяйства, пауперизации и вымирания монгольского аратства. Новый курс политики, последовательно осуществлявшийся партией и народной властью, сочетавший частные интересы трудового аратства с интересами государства, способствовал строительству фундамента новой экономики и переходу страны на путь развития основ социализма.

X съезд МНРП и VIII Великий Хурал. Завершение первого этапа народно-демократической революции. Новая конституция МНР

В марте 1940 г. собрался X съезд МНРП. Партия в это время состояла из 752 первичных партийных организаций, в которых было 13 385 членов. МНРП опиралась на массовые организации рабочих, служащих, интеллигенции и аратов (Ревсомол с 17 тыс. членов, 12-тысячную организацию профсоюзов, потребительскую кооперацию, объединявшую 130 тыс. пайщиков, хуралы, как местные органы народной власти, и др.), осуществляла через них постоянную связь с народом. Во время избирательной кампании 1940 г. по выборам в местные хуралы и в VIII Великий Хурал весьма значительное число аратов приняли участие в обсуждении вопросов государственного строительства. На 14 аймачных и городских хуралах присутствовало 1 593 делегата, из которых 720 были рядовыми аратами [18].

X съезд МНРП одобрил политическую линию и практическую работу Центрального комитета и отметил, что именно благодаря новому курсу политики оказались возможными крупные успехи, достигнутые в области хозяйственного и культурного строительства. В принятой новой программе X съезд отметил, что партия руководит борьбой монгольского народа, исходя из учения марксизма-ленинизма.

«Политика МНРП, — говорилось в программе, — направлена на окончательное выкорчевывание остатков феодализма в экономике страны, на борьбу с пережитками феодализма в сознании людей, для обеспечения некапиталистического развития страны и подготовки перехода в дальнейшем к социализму». Практически партия будет бороться за «всемерное развитие народного хозяйства страны, содействие со стороны государства широкому развитию и улучшению трудового хозяйства аратов, помощь со стороны государства добровольным коллективным объединениям трудящихся аратов, широкое развитие сети машинно-сенокосных станций на конной тяге, развитие в стране животноводства, промышленности, транспорта, при ограничении и вытеснении капиталистических, эксплуататорских элементов, неуклонное повышение благосостояния трудящихся, их материального уровня, а так-

[18] В результате перевыборов 1940 г. был обновлен руководящий состав местных органов. 9 председателей аймачных управлений (из 14), 261 председатель сомонных управлений (из 318), 1948 председателей багов (из 2419) были избраны впервые.

же всемерное развитие науки и техники, грамотности и культурности населения»[19].

Учитывая изменения, происшедшие в социально-экономической структуре страны, X съезд признал необходимым выработать новую конституцию. Вскоре после съезда ее проект был разработан, опубликован и подвергнут всенародному обсуждению.

В июле 1940 г. в Улан-Баторе открылся VIII Великий Хурал. В отчетном докладе правительства были кратко перечислены важнейшие события последних шести лет, изложена политическая линия и освещена практическая деятельность народной власти, направленная, как отмечалось в докладе, на преодоление трудностей и успешное решение тех сложных и ответственных задач, которые стояли перед страной и народом в отчетном периоде. Делегаты Хурала подвергли отчет активному обсуждению и обстоятельной критике. Особое внимание при этом было уделено вопросам, связанным с международным положением страны и ее обороной. Хурал единодушно одобрил работу правительства.

Обсуждение и утверждение новой конституции было главной задачей VIII Великого Хурала. В докладе о проекте Конституции маршал Чойбалсан перечислил основные изменения в классовой и экономической структуре монгольского государства.

За годы, предшествующие VIII Великому Хуралу, был ликвидирован класс феодалов, уничтожен торгово-ростовщический капитал, прекратило свое существование паразитическое сословие лам, причем большая часть низших лам была приобщена к общественно-полезному труду. Внутренней торговлей полностью овладели государственные и кооперативные организации, а частный капитал оказался оттесненным в область мелкой розничной торговли и играл в общем товарообороте ничтожную роль. Внешняя торговля находилась целиком в руках государства. Кочевое животноводство — база экономики страны — встало на путь подъема, хотя темпы его еще были крайне медленны. Возникла и успешно развивалась национальная государственная и кооперативная промышленность. В стране появился национальный рабочий класс. Его зарождение и рост не были связаны, как в капиталистических странах, с массовым разорением крестьянства а явились следствием подъема аратского хозяйства и жизненного уровня трудящихся. Молодой монгольский рабочий класс наряду с народной интеллигенцией стал ведущей силой

[19] «Монгольская Народная Республика». Сборник статей. Изд-во АН СССР, 1952, стр 368.

в строительстве и дальнейшем развитии демократического государства нового типа. В изменившихся условиях монгольское государство нуждалось в новом основном законе. VIII Великий Хурал утвердил новую конституцию, первая статья которой гласила, что МНР — независимое государство аратов-животноводов, рабочих и интеллигенции, государство трудящихся, обеспечивающее стране некапиталистический путь развития для перехода в дальнейшем к социализму.

Конституция объявляла, что власть в стране принадлежит трудящимся города и худона и осуществляется через народные хуралы, которые составляют политическую основу МНР. Годы, прошедшие после принятия Конституции 1924 г., блестяще подтвердили на опыте МНР выдвинутое В. И. Лениным на II Конгрессе Коминтерна положение о том, что «идея советской организации проста, и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям», что «крестьянские Советы, Советы эксплуатируемых, являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями...»[20].

Хуралы трудящихся оказались той особой национальной формой, в которой нашла свое выражение ленинская идея крестьянских советов, советов эксплуатируемых. Они выдержали испытание временем, прочно вошли в быт и сознание народа, подтвердив таким образом, что идея крестьянских советов действительно вполне применима к условиям стран с докапиталистическими отношениями.

Конституция провозгласила честный и добросовестный труд почетным долгом каждого гражданина, основой развития народного хозяйства, укрепления обороноспособности и роста благосостояния трудящихся. В этом определении роли труда заключена одна из решающих особенностей народно-демократического режима, ведущего страну по пути к социализму и коммунизму.

Землю и ее недра, фабрики и заводы, шахты и рудники, железнодорожный, водный, автомобильный и воздушный транспорт, средства связи, банки, машинно-сенокосные станции конституция объявила собственностью государства.

Неприкосновенность частной собственности аратов на скот и орудия производства, сырье, жилище, домашнюю утварь, доходы и сбережения, а также право наследования гарантировались конституцией. В этом нашла свое выражение одна из особенностей Монгольской Народной Республики, экономическую основу которой в то время все еще составляло

[20] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 218.

единоличное трудовое аратское хозяйство, основанное на частной собственности на орудия производства, но не эксплуатирующее наемную рабочую силу. Народно-демократическое государство обеспечивает такому хозяйству всестороннюю помощь, способствует добровольному производственному кооперированию аратов и переходу их к коллективному хозяйствованию.

Конституция узаконила существование государственной и кооперативной собственности, включая добровольно обобществленный скот и другие средства производства в аратских производственных объединениях.

Эти три вида собственности — государственная, кооперативная и частная собственность трудовых аратских хозяйств — определяют социально-экономическую природу современного Монгольского народно-демократического государства. Эксплуататорские хозяйства согласно конституции подлежали ограничению и постепенному вытеснению.

«Развитие МНР по некапиталистическому пути и переход в дальнейшем к социализму — гласила ст. 4 конституции — обеспечивается осуществлением на основе государственного плана преобразований в хозяйственной, культурной и общественной жизни МНР, а именно: содействием со стороны государства всемерному развитию и улучшению трудового хозяйства аратов, помощью государства добровольным и коллективным объединениям трудящихся аратов, развитием сети машинно-сенокосных станций на конной тяге, развитием в стране животноводства, промышленности и связи».

Новая конституция сохранила принципы строительства местных и центральных органов власти, принятые в 1924 г., углубив их демократический характер. Высшим органом власти в стране был признан Великий Народный Хурал, созываемый раз в три года и состоящий из делегатов, избираемых местными хуралами. Великий Хурал избирал Малый Хурал, который в периоды между созывами Великого Хурала, осуществлял верховную власть в стране. Сессии Малого Хурала должны были созываться ежегодно, а в промежутках между сессиями органом верховной власти был Президиум Малого Хурала. Местными органами власти являлись аймачные, сомонные, баговые хуралы депутатов трудящихся. Городские и аймачные хуралы состояли из депутатов, избираемых нижестоящими хуралами, а сомонные хуралы — из делегатов, избираемых общими собраниями аратов в багах.

Новая конституция, как и конституция 1924 г., предоставила избирательные права всем гражданам обоего пола, достигшим 18 лет, независимо от национальности, вероисповедания, образования и имущественного положения. Вместе с

тем, она подтвердила лишение избирательных прав бывших светских и духовных феодалов, участников контрреволюционных заговоров, а также ростовщиков и лиц, эксплуатировавших рабочую силу.

Новая конституция Монгольской Народной Республики отразила победы, одержанные народом под руководством Народно-революционной партии за 16 лет, прошедших со времени III съезда партии и I Великого Народного Хурала.

За истекшие годы существенно изменилась социально-экономическая структура МНР. Натуральное хозяйство перестало быть господствующим укладом в экономике страны, превратившись в один из пережитков феодализма. Преобладающим укладом в экономическом строе республики стало простое товарное хозяйство — хозяйство подавляющего большинства аратов и кустарей-ремесленников. Социалистический уклад вырос в мощную силу, безраздельно господствовавшую в промышленности, механизированном транспорте, связи и торговле. Наряду с этим появились отдельные частнокапиталистические хозяйства, возникавшие в недрах простого товарного хозяйства при частной собственности на скот и свободной торговле. В условиях народно-демократического строя развитие частнокапиталистических элементов ограничивалось политикой народной власти.

К концу первого этапа революции в МНР сложилось два основных общественно-экономических уклада: простое товарное хозяйство и государственно-кооперативное.

В процессе борьбы против феодализма и его пережитков, строительства единого централизованного народно-демократического государства и фундамента новой экономики монгольский народ к концу 30-х годов консолидировался в нацию. Особенности новейшей истории монгольского народа определили своеобразие процесса формирования монгольской нации.

В условиях развития от феодализма к социализму, минуя капитализм, монгольская нация не могла складываться по образу и подобию старых буржуазных наций — в новой исторической обстановке она формировалась как нация социалистического типа, являющаяся неразрывной и неотъемлемой частью международного лагеря мира, демократии и социализма.

Антифеодальный, буржуазно-демократический этап революции к 1940 г. был в основном закончен. Страна вступала в новый период своей истории — период строительства социализма.

Глава четвертая

К СОЦИАЛИЗМУ, МИНУЯ КАПИТАЛИЗМ

X съезд МНРП и VIII Великий Хурал являются в истории современной МНР вехами огромного значения. Решения X съезда партии и VIII Великого Хурала развернули перед народом план дальнейшего хозяйственного и культурного строительства страны по пути к социализму, минуя капитализм.

«Основной и решающей задачей МНР на ближайшие годы, — говорилось в программе партии, — является всемерное развитие народного хозяйства страны, содействие со стороны государства широкому развитию и улучшению трудового хозяйства аратов, помощь со стороны государства добровольным коллективным объединениям трудящихся аратов, широкое развитие сети машинно-сенокосных станций на конной тяге, развитие в стране скотоводства, промышленности, транспорта, при ограничении и вытеснении капиталистических эксплуататорских элементов, неуклонный подъем благосостояния трудящихся, их материального уровня, а также всемерное развитие науки и техники в стране, грамотности и культурности населения» [1].

В новых условиях существенно менялись функции государства. На первое место выдвигалась функция хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная. Однако укрепление оборонной мощи страны по-прежнему стояло в центре внимания.

Приступая к осуществлению новой программы, руководящие органы МНРП и народной власти продолжали неослабно следить за международными событиями. Поощряемые реакционными англо-франко-американскими кругами, германо-итало-японские агрессоры непрерывно расширяли сферу действия своей разбойничьей политики. Они захватывали одну страну

[1] «Монгольская Народная Республика», стр. 368.

за другой, не встречая при этом сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны правящих кругов этих стран. Опьяненные временными успехами фашистские агрессоры строили планы завоевания мирового господства. Политика «Мюнхена» только поощряла агрессоров и способствовала развязыванию мировой войны. Настойчивая и последовательная борьба за мир, против агрессии, проводившаяся СССР, не встречала поддержки правительства Англии, Франции и США, стремившихся к союзу с фашистскими государствами против СССР, рассчитывавшими подавить таким образом освободительную борьбу своих народов и народов зависимых стран.

Партия и Народно-революционное правительство МНР отлично понимали, что отступление японского империализма после разгрома их войск на берегах Халхин-Гола и соглашение 9 июля 1940 г. имеют временный характер. Японская военщина лишь выжидала подходящего момента, чтобы вновь вторгнуться в пределы МНР. Не случайно японцы в том же 1940 г. ввели в марионеточном Манчжоуго всеобщую воинскую повинность, явно готовясь к новым военным авантюрам.

Прочно опираясь на трудовое аратство, рабочий класс и интеллигенцию, на завоеванные командные высоты в экономике страны и на дружбу с Советским Союзом, МНРП и правительство МНР приступили к выполнению директив X партийного съезда и VIII Великого Хурала.

Внутренняя политика народной власти

Борьба за дальнейший подъем сельского хозяйства нашла свое яркое выражение в планах развития земледелия (в частности в гобийских районах) и в ряде других мероприятий. Народная власть приступила к решению проблемы, перспективное значение которой для всей страны и особенно для населения гобийских пустынных и полупустынных степей было исключительно велико. Еще в начале 1940 г. Совет министров обязал Комитет наук МНР развернуть в Гоби опытную работу по выращиванию некоторых сельскохозяйственных культур. В феврале 1941 г. Совет министров обсуждал первые итоги проведенных опытов и отметил, что полученные данные свидетельствуют о возможности выращивания в этих районах определенных продовольственных и кормовых культур [2]. Совет министров принял решение начать освоение земельных массивов Гоби.

[2] См. «Сборник законов и основных постановлений правительства МНР», вып. I. Улан-Батор, 1941, стр. 66.

В феврале был также принят закон о машинопрокатных пунктах (МПП), который устанавливал, что такие пункты должны быть организованы в каждом сомоне. Главными задачами МПП являлось оказание помощи аратам в проведении посевных работ, заготовках сена для скота, внедрение сельскохозяйственных машин, содействие более полному использованию живого тягла и простейшему производственному кооперированию аратских хозяйств.

Учитывая, что закон об аратском налоге, принятый в 1935 г., устарел и не соответствует новой обстановке, Совет министров представил на утверждение XXIV сессии Малого Хурала проект нового закона о едином налоге с животноводческих хозяйств. Этот закон, утвержденный 14 февраля, вновь вводил в стране подоходное и прогрессивное обложение, распространявшееся на доходы от скота, кустарных и других промыслов (где применялся наемный труд). Освобождались от налогов доходы от земледелия, сенокошения, охоты, от обобществленного скота в производственных объединениях и т. п. Отражая политику партии, направленную к ограничению и вытеснению капиталистических элементов, закон вводил прогрессивное увеличение налоговых ставок в зависимости от суммы облагаемого дохода. Хозяйства, облагаемый доход которых был определен в 121—300 тгр., платили налог в размере 3% от этой суммы, тогда как хозяйства с доходом выше 10 тыс. тгр. платили 25%[3]. Так, справедливый сам по себе принцип подоходного и прогрессивного обложения, в свое время извращенный «левыми» авантюристами, в новых условиях в результате правильной политики МНРП и правительства был введен в жизнь и с удовлетворением принят трудящимися.

В системе налоговых льгот нашла свое выражение забота об увеличении поголовья скота. Хозяйства, в которых падеж скота был сведен до минимума и общее поголовье увеличивалось на 20%, совершенно освобождались от обложения, а увеличившие поголовье на 15% получали скидку в размере 75% от суммы налога. Значительные льготы предоставлялись хозяйствам, вошедшим в производственные объединения, а также хозяйствам многосемейных аратов.

В 1941 г. были введены обязательные государственные поставки аратами продуктов животноводства. Старая система закупок государственными и кооперативными организациями сырья у аратов перестала удовлетворять возросшие потребности отечественной промышленности и внешней торговли. В январе 1941 г. Президиум Малого Хурала принял постановление, согласно которому все аратские хозяйства, имеющие более 100 овец, обязаны сдать государству по 1 кг шерсти с каждой овцы[4]. При этом, идя навстречу интересам аратства, правительство значительно повысило заготовительную цену на шерсть, а также провело ряд других мероприятий, стимулирующих сдачу аратами шерсти государству. Бедняцкие аратские хозяйства были освобождены от обязательных поставок.

XXIV сессия Малого Хурала утвердила также закон об обязательных государственных перевозках грузов аратским транспортом. Закон обязывал каждое аратское хозяйство в зависимости от имеющегося у него рабочего скота перевезти в течение года определенное количество грузов. За каждый перевезенный тонна-километр арату уплачивалось 20 мунгу. От обязательных грузоперевозок освобождались лишь бедняцкие хозяйства.

Успехи промышленного строительства и рост рабочего класса, общий хозяйственный подъем и растущие потребности государства сделали необходимым внесение серьезных поправок в действовавшее трудовое законодательство. Закон о труде, принятый XXIV сессией Малого Хурала, провозглашал, что в основе дальнейших успехов в развитии хозяйства и укреплении оборонной мощи страны, в поднятии жизненного уровня и культуры населения лежат честный труд, крепкая трудовая дисциплина и рост производительности труда.

«У нас в республике, — говорилось в законе, — развитие животноводства, государственной и кооперативной промышленности, машинно-сенокосных станций, торговли, связи, строительства и других отраслей государственного и кооперативного хозяйства обеспечивает любому гражданину республики возможность работать в меру своих способностей на благо своей родины, получая заработную плату в меру количества и качества затраченного труда»[5].

На основании этого закона Совет министров МНР в феврале 1941 г. принял постановление о введении единых трудовых книжек для всех рабочих и служащих.

Конец 1940 г. ознаменовался важным событием. Правительственным постановлением от 6 декабря было решено организовать первый в стране Государственный университет с зоотехническим, медицинским и педагогическим факультета-

[3] В законе было оговорено, что хозяйства бывших феодалов, бывших крупных чиновников и высших лам подлежат обложению в размере 30% облагаемого дохода независимо от размеров последнего.

[4] Один верблюд приравнивался восьми овцам, две козы — одной овце.

[5] См. «Сборник законов и основных постановлений правительства МНР», вып. 1, стр. 33.

ми. Решение о создании национального университета было подготовлено успехами среднего образования, обеспечивавшими ежегодный набор студентов для нового вуза. Открытие первого в МНР университета явилось итогом той огромной работы по подъему национальной культуры, которая на протяжении многих лет проводилась Народно-революционной партией и народной властью. Значительность этого постановления подчеркивается тем, что оно было принято в период второй мировой войны, когда в большинстве капиталистических стран свертывалась сеть школ и высших учебных заведений.

Бурный рост национальной культуры поставил на очередь вопрос о реформе архаического монгольского алфавита. 25 марта 1941 г. Совет министров и президиум ЦК МНРП на совместном заседании постановили положить в основу новой монгольской письменности русскую графику, ибо «дальнейшее культурное развитие страны может идти только путем укрепления дружественной связи с народами Советского Союза и освоения богатейшей русской культуры»[6]. Это решение сыграло огромную роль в борьбе за дальнейший рост культуры, облегчило овладение грамотой.

Серьезные количественные и качественные изменения, происшедшие во всех отраслях государственного, хозяйственного и культурного строительства страны, а также новые задачи, поставленные X партийным съездом и VIII Великим Хуралом, потребовали новых, более совершенных методов государственного планирования. Нужно было, чтобы оно осуществлялось специальным органом, руководящим плановой работой ведомств и объединяющим их работу. Такой орган должен был разрабатывать сводные, на первое время годовые народнохозяйственные планы и подготавливать условия для перехода к длительному перспективному планированию. В июне 1940 г. было образовано специальное Управление планирования, учета и контроля при Совете министров МНР.

Страна набирала силы для нового, более быстрого движения вперед, к социализму.

МНР в годы Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии

Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР глубоко взволновало монгольский народ. 22 июня 1941 г. в

[6] «Сборник законов и основных постановлений правительства МНР», вып. 1, стр. 122.

Улан-Баторе состоялось совместное заседание президиума Малого Хурала, Совета министров и президиума ЦК МНРП. «Весь народ нашей свободной и независимой республики, — говорилось в решении заседания, — связанный узами кровной нерушимой дружбы с советским народом, с глубочайшим презрением заклеймит этот вероломный акт со стороны фашистской Германии, ответит всемерным усилением дружбы советского и монгольского народов, будет верен обязательствам, принятым на себя по договору о взаимной помощи, заключенному между МНР и СССР 12 марта 1936 г.

Правительство МНР и президиум ЦК МНРП заверяют народы Советского Союза и трудящихся всех стран мира, что они непоколебимо будут продолжать укрепление дружбы с советским народом, окажут необходимую помощь СССР в победоносном ведении Отечественной войны, которую навязал ему германский фашизм»[7].

По всей стране прокатилась волна митингов и собраний, посвященных борьбе советского народа против гитлеровских оккупантов. В городах и кочевьях, на предприятиях и в учреждениях — всюду араты, рабочие и служащие, обсуждая события, единодушно выражали мысли и чувства, свидетельствовавшие о прочности уз братской дружбы монгольского народа и народов СССР. В эти дни монгольский народ показал, что он преисполнен благородного стремления оказать помощь народам СССР, чтобы совместными усилиями отразить нападение коварного врага и уничтожить его. В стране стихийно развернулась кампания сбора подарков воинам Советской Армии, принявшая в короткое время исключительно широкий размах. В течение двух-трех месяцев были собраны и к ноябрю 1941 г. отправлены в СССР на фронт первые эшелоны с подарками.

Правительство МНР и ЦК МНРП с предельной ясностью изложили свою позицию в первые же дни войны, заявив о том, что МНР окажет необходимую помощь Советскому Союзу в борьбе против фашистских агрессоров.

Новая международная обстановка потребовала соответствующей перестройки внутренней жизни страны. Обсуждению задач в области внутренней политики был посвящен пленум ЦК МНРП в ноябре 1941 г. В своем постановлении пленум ЦК отметил, что «великая справедливая отечественная война, которую ведут сейчас народы Советского Союза, есть война за дело свободы всего человечества, а стало быть, есть

[7] «Сборник законов и постановлений правительства МНР», вып. 2. Улан-Батор, 1942, стр. 207.

война за интересы и монгольского народа, за свободу и независимость Монголии» [8].

Отметив тесную связь между Отечественной войной народов СССР против гитлеровской Германии и перспективами борьбы за свободу и независимость народов всего мира, пленум ЦК МНРП подчеркнул в своем решении, что «самой важной и основной задачей МНР в настоящее время является задача всемерной помощи народам Советского Союза в их борьбе с гитлеризмом, ибо без победы над гитлеризмом, угрожающим порабощением всех народов мира, невозможно дальнейшее свободное и успешное развитие МНР» [9].

Советский Союз, ведя тяжелую войну против гитлеровских захватчиков, не всегда мог оказывать МНР помощь в прежних масштабах. Ноябрьский пленум Центрального комитета призвал всех членов партии, всех аратов, рабочих и интеллигенцию приложить все усилия к тому, чтобы полнее использовать внутренние ресурсы МНР для развития собственного производства товаров широкого потребления. Пленум поставил перед партией и народом конкретные задачи: уже в 1942 г. обеспечить собственным производством удовлетворение потребности страны в муке не менее чем на 25%, а в фураже, овощах, соли и пшене полностью; резко увеличить выработку строительных материалов; повысить производительность отечественной пищевой промышленности и т. п. Мобилизация всех внутренних ресурсов для производства товаров, ранее ввозившихся из СССР, должна была стать основной задачей экономической политики МНР.

Пленум ЦК МНРП призвал к еще более широкому сбору средств в фонд обороны СССР и подарков воинам Советской Армии. Монгольский народ горячо откликнулся на этот призыв.

12 января 1943 г. недалеко от Москвы специальная делегация во главе с маршалом Чойбалсаном передала советским воинам колонну танков «Революционная Монголия», приобретенных на средства, собранные трудящимися МНР. Танковая колонна «Революционная Монголия» с надписями на бортах машин «Чойбалсан», «Хатан-Батор Максаржаб», «Арахангай» вошла в состав вооруженных сил СССР и образовала 44-ю гвардейскую танковую Бердичевскую бригаду. Воины этой бригады прошли славный путь, завершившийся в Берлине у стен рейхстага. За боевые подвиги бригада была награждена семью орденами, в том числе орденом Боевого Красного Знамени МНР.

[8] «Сборник законов и постановлений правительства МНР», вып. 2, стр. 5.

[9] Там же.

Трудящиеся МНР на свои средства приобрели также авиационную эскадрилью, названную ими «Монгольский арат», и вручили ее представителям советских вооруженных сил. Эскадрилья вошла в состав 2-го гвардейского истребительного авиационного Оршанского Краснознаменного полка. Ее летчики участвовали в боях за освобождение Белоруссии и Литвы и сбили в одном только 1944 г. 38 фашистских самолетов.

В 1944 г. в дар Советской Армии из МНР было отправлено 10 тыс. лошадей и 127 вагонов подарков ее бойцам и офицерам.

Всего в МНР за годы войны было собрано в фонд помощи советским воинам 58 млн. тгр.; 40 тыс. голов скота было, кроме того, пожертвовано советскому населению освобожденных районов и 5 млн. тгр. переданы в фонд помощи инвалидам войны и детям-сиротам. Не было в стране такого аймака, сомона или бага, завода или артели, учреждения или организации, где трудящиеся не внесли бы свой вклад в это всенародное движение. Восемь сомонов Селенгинского аймака, например, за 1941—1944 гг. передали в фонд помощи СССР 200 тыс. тгр. и 3680 индивидуальных подарков, араты четырех сомонов Средне-Гобийского аймака за это же время собрали около 220 тыс. тгр., араты Восточно-Гобийского аймака к концу 1944 г. отправили 26 вагонов подарков на фронт. Рабочие и служащие предприятий Улан-Батора, Алтан-Булака, Сухэ-Батора и других городов республики систематически проводили воскресники, а заработанные деньги пересылали в СССР.

Газета «Унэн» писала: «Тишина монгольских просторов не была нарушена грохотом войны, но и Монголия почувствовала себя на военном положении. Монголия вела напряженную жизнь военного тыла, связанного крепкими узами с передовыми линиями фронта» [10].

Посильно помогая народам СССР в их борьбе против германо-фашистских захватчиков, Народно-революционная партия и народная власть не забывали о необходимости крепить обороноспособность собственных рубежей. По призыву партии и народной власти араты, рабочие и служащие с начала 1942 г. стали создавать отряды народного ополчения, проходившие систематическую военную подготовку с тем, чтобы в случае необходимости помочь регулярным частям МНРА отстоять свободу и независимость Родины. За годы войны более чем в пять раз увеличилась оснащенность стрелковым вооружением монгольской армии, в полтора раза выросла ее артиллерия, удвоилось число военных самолетов и танков.

[10] «Унэн», 11 июля 1945 г.

«Не видя для себя в дни войны более важной задачи, чем бесперебойная помощь советскому народу в его борьбе против нашего общего врага, — говорил секретарь ЦК МНРП Сурунжаб в докладе, посвященном 24-й годовщине народной революции,—наш народ в то же время не щадил своих сил для укрепления обороноспособности нашей Родины» [11].

Растущая сила монгольской армии, ее постоянная готовность отразить любое нападение сыграли существенную роль в сложившейся на Дальнем Востоке обстановке, удерживая японскую военщину от нападения на МНР и СССР.

Годы войны, особенно на первых порах, вызвали трудности в снабжении страны продовольствием и товарами широкого потребления. Правительство МНР оказалось вынужденным пойти на некоторое ограничение свободной торговли в стране и ввести нормированный отпуск продуктов.

XXV сессия Малого Хурала, состоявшаяся в январе 1942 г., подвела итоги хозяйственной деятельности за 1941 г. Отметив, что промышленность в 1941 г. расширила ассортимент вырабатываемых изделий широкого потребления более чем на 60 наименований, сессия Малого Хурала утвердила план на 1942 г. Этот план предусматривал дальнейший рост животноводства, сенокошения и посевов, увеличение заготовок скота, сырья и продуктов земледелия, выпуска продукции государственной и кооперативной промышленности при одновременном снижении ее себестоимости и т. п.

Монгольский народ ответил на директивы плана новым трудовым подъемом. Трудовое соревнование аратов, рабочих и служащих достигло невиданного в стране размаха.

Еще в ноябре — декабре 1941 г. состоялось первое республиканское совещание передовиков животноводства, в котором приняли участие 417 аратов. 136 делегатов впервые в жизни увидели столицу республики, а 112 вообще ни разу не выезжали за пределы своего аймака. Среди присутствующих 118 человек были членами МНРП и Ревсомола. Все участники совещания добились выдающихся производственных показателей. Каждый из них накосил в 1941 г. в среднем по 54,5 ц сена, в то время как по республике на одно аратское хозяйство было накошено лишь 22,8 ц сена. Применяя более передовые методы хозяйствования, участники совещания добились того, что имели в среднем по 232 головы скота на хозяйство, тогда как по республике на одно аратское хозяйство приходилось 133 головы.

Целью совещания было изучить и распространить опыт передовых животноводов страны, чтобы добиться общего

[11] «Унэн», 12 июля 1945 г.

подъема животноводства. Делегаты проявили высокую активность и понимание своего патриотического долга, 122 человека выступили в прениях, 301 предложение поступило в президиум совещания в письменном виде. Было принято обращение ко всем аратам, работникам госхозов и машинно-сенокосных станций с призывом не жалеть сил и труда для увеличения поголовья скота в стране. В обращении говорилось: «Мы не можем развиваться без крепкой экономики, а скотоводческое хозяйство является основой нашей экономики». Совещание отметило, что «никогда еще в истории нашей страны не ценился так высоко труд рядового арата-скотовода, как он ценится сейчас нашей партией и правительством... Только благодаря нашей революции монгольский народ получил возможность свободного развития своего животноводческого хозяйства в интересах улучшения личной жизни и укрепления экономической мощи своей родины» [12].

Совещание призывало аратов развернуть строительство утепленных скотных дворов, лучше использовать рабочий скот, бороться с его потерями, расширять строительство колодцев, посевы зерновых и огородных культур, объединяться в производственные кооперативы и т. д.

В ноябре 1943 г. состоялось второе республиканское совещание передовиков животноводства, в работе которого принял участие 351 делегат. Материалы этого совещания отражали огромный рост жизненного уровня всего аратства страны. Об увеличении количества скота в хозяйствах всех участников совещания свидетельствуют следующие данные:

	1921 г.	1943 г.	в % к 1921 г.[13]
Верблюды	655	2190	334,3
Крупный рогатый скот	1141	6395	560,5
Лошади	1061	8073	751,0
Овцы	6866	46 199	672,5
Козы	1933	11 890	997,5
Всего	11 656	74 744	701,5

В мае 1943 г. состоялось первое республиканское совещание ударников промышленности и транспорта, в котором приняли участие 385 работников производства. Для подавляющего большинства из них работа в промышленности и транспорте была уже единственным занятием, 63% делегатов име-

[12] «Сборник законов и постановлений правительства МНР», вып. 2, стр. 15

[13] «Сборник законов и постановлений правительства МНР», вып. 4. Улан-Батор, 1944, стр. 27. (Проценты исчислены нами.—*И. З.*)

ли производственный стаж более 5 лет; 150 участников совещания перевыполняли нормы выработки до 200%, остальные же давали 200—500 и более процентов нормы. Среди делегатов было 26,5% женщин [14].

Совещание обратилось к правительству СССР с приветственным письмом, в котором говорилось: «В нашей стране коренным образом изменился взгляд на труд. Каждый трудящийся знает, что он работает не на капиталистов, а на себя, на благо своей родины... Всеми нами руководит одно стремление — давать больше продукции и лучшего качества для родных братьев-воинов, героически сражающихся с гитлеровскими бандитами, и для трудящихся нашей страны. Мы знаем, что чем упорнее мы трудимся, чем больше используем мы местные ресурсы, чем больше выпускаем изделий, тем сильнее удар по врагу, тем ближе победа» [15].

Совещание обсудило доклад заместителя председателя Совета министров Лубсана об итогах и очередных задачах развития промышленности. В прениях по докладу выступило 77 делегатов; 48 делегатов, не успевших выступить с трибуны совещания, передали в президиум свои письменные предложения.

Выступления участников совещания свидетельствуют о глубоком понимании ими своего долга перед родиной.

Работница одной из столичных артелей Долгор в своей речи заявила: «Сейчас, когда такой важный и серьезный момент, нельзя сидеть сложа руки... Людей, не любящих трудиться и освобождающих себя от честного труда, ...я не считаю людьми. Я думаю, что настоящим патриотом, любящим свою революционную страну, является только тот человек, который упорно работает над собой, овладевает техникой, учится, честно и добросовестно трудится» [16].

Другой участник совещания, рабочий-ударник Даван-Хорло, отметил: «Сейчас не мирное время, как раньше. В такое время долг каждого трудящегося — всемерно помогать Советскому Союзу, ведущему Великую освободительную войну против нашего общего врага... Каждый рабочий должен помнить, что выполняя нормы и план, полностью используя все рабочие часы, сберегая каждую минуту рабочего времени, как золото, укрепляя дисциплину, бережно ухаживая за техникой и рационально используя ее, мы обеспечиваем успех общего дела» [17].

[14] «Сборник законов и постановлений правительства МНР», вып 3 Улан-Батор, 1943, стр. 31—33.
[15] Там же, стр. 35.
[16] Там же, стр. 36.
[17] Там же.

Совещания ударников промышленности и транспорта и передовиков животноводства проходили под лозунгом «Дадим стране больше скота и сырья, больше товаров, усилим нашу помощь народам Советского Союза». Эти совещания служили неоспоримым доказательством того, что вслед за островками новой экономики в МНР стала расти новая идеология, укрепилось социалистическое отношение к труду, что сыграло огромную роль в решении тех хозяйственных задач, которые тогда, в условиях войны, стояли перед страной.

Совет министров МНР в ноябре 1942 г. принял постановление о привлечении к трудовой повинности для работы на предприятиях лиц, не занятых в скотоводческом хозяйстве, не состоящих на службе в государственных, кооперативных или общественных предприятиях и учреждениях и не имеющих патента на торговлю или промысел. Народно-демократический строй требовал, чтобы все граждане страны были заняты тем или иным производительным трудом; законы страны исключали возможность паразитизма.

Экономическая политика МНРП и народной власти, встреченная с одобрением и поддержанная всем народом, стала вскоре давать результаты. В связи с ростом внутреннего производства резко сократился ввоз в страну муки и некоторых продовольственных и промышленных товаров. В 1942 г. МНР перестала ввозить из-за границы овощи, фураж и соль, в 1943 г. — животное масло. В стране выросла новая отрасль промышленности — пищевая, для руководства которой в 1942 г. было образовано специальное Министерство пищевой промышленности.

В эти годы особенно возросла организующая и направляющая роль Народно-демократического государства во всех областях народного хозяйства и культуры. В 1944 г. Монголию постигло тяжелое стихийное бедствие: после засушливого лета наступила крайне суровая зима. Снег, глубина которого местами достигала 1 м, покрыл почти всю территорию республики. Создалась угроза массового падежа скота от холода и бескормицы, что могло нанести серьезный удар по всему народному хозяйству. Но правительство МНР и ЦК МНРП вовремя приняли меры по организации планомерной перекочевки населения и скота из пострадавших районов, по снабжению аратов кормом для скота, продуктами, теплой одеждой. Заместитель премьер-министра МНР Лубсан докладывал XXVIII сессии Малого Хурала в феврале 1945 г., что 212 сомонов из 314 вынуждены были в эту зиму организовать перекочевку более 50 тыс. аратских хозяйств и перегон более 7 млн. голов скота, причем 82 сомона откочевали в полном составе вместе с сомонными органами власти. В долине р. То-

ла на сравнительно небольшой площадке длиной в 60 км и шириной в 30 км скопилось около 1 млн. голов скота. В конце 1944 г. налетевшая буря рассеяла конские табуны Центрального, Средне-Гобийского и Хентейского аймаков. В приграничный с Китаем район Баин-Мункэ сомона Восточно-Гобийского аймака бурей пригнало около 70 тыс. лошадей. В результате принятых мер этот табун был сохранен и возвращен владельцам [18].

Помощь и поддержка, оказанные аратам народной властью, своевременное вмешательство государства привели к тому, что урон, нанесенный стихийным бедствием, будучи значительным, не имел катастрофического характера, был во много раз меньше, чем подобного рода потери в дореволюционное время.

Подводя итоги 1944 г., Совет министров МНР и ЦК МНРП в своем постановлении об организации сенокошения в сезон 1945 г. подчеркивали решающее значение заготовки кормов для скота на зиму. Партийная печать отмечала, что «без достаточных запасов сена на зиму невозможно добиться ежегодного нормального прироста скота». Газета «Унэн» писала: «Не только отдельные аратские хозяйства, но и целые сомоны, например, Баин-Дунг и Баин-Ул, сомоны Восточного аймака, заготовившие в прошлом году достаточное количество сена для подкормки скота, не потеряли ни одной головы скота от истощения, невзирая на дзуд» [19].

Менее четверти века прошло с тех пор, как монгольский народ, опираясь на братскую помощь Советского Союза, приступил к строительству своего независимого народно-демократического государства, но расстояние, отделявшее старую дореволюционную Монголию от современной МНР, огромно. В прошлом прекращение или даже сокращение ввоза в страну товаров из-за границы неизбежно влекло за собой товарный голод и полную хозяйственную разруху. В 40-х годах, когда временно уменьшился приток товаров из СССР, МНР не только не стала слабее, но, наоборот, экономически и политически окрепла и усилилась.

Полуколониальная, хищнически эксплуатируемая страна отсталого скотоводства, не имевшая не только промышленности, но даже развитого ремесла, страна сплошной неграмотности, целиком находившаяся во власти религиозных предрассудков и суеверий, Монголия превратилась в сильное самостоятельное государство, неуклонно идущее по пути прогресса.

О прочности народно-демократического строя свидетельствовал принятый президиумом Малого Хурала в ноябре 1944 г.

[18] См. «Унэн», 5 января и 6 февраля 1945 г.

[19] «Унэн», 26 июля 1945 г.

закон о предоставлении избирательных прав лицам, ранее лишенным этих прав. Принятие этого закона было обусловлено тем, что «а) лица, лишенные избирательных прав, не представляют собой в настоящее время организованной силы, противостоящей народно-демократическому строю, не служат угрозой его существованию; тем более, что количество их по республике незначительно и составляет 0,08% по отношению ко всему населению МНР; б) подавляющее большинство лиц, лишенных избирательных прав, на протяжении более чем 10 лет занимаются общеполезным трудом и фактически являются трудящимися» [20].

В этом законе была выражена огромная морально-политическая победа, одержанная монгольским народом в результате длительной борьбы против класса феодалов.

В трудные для страны годы не прекращалась работа в области народного просвещения. «Только за последние 5 лет, — писала «Унэн», — сеть начальных школ в республике более чем утроилась, сеть 7-летних школ возросла более чем в два с половиной раза... в 1937/38 учебном году в школах страны обучалось всего лишь около 5 тыс. учащихся, тогда как в 1944/45 учебном году обучается около 40 тыс. За указанный период число учителей увеличилось с 237 человек до 2 тыс.» [21].

Учитывая, что население успешно овладевало новой письменностью, Совет министров и ЦК МНРП в мае 1945 г. приняли постановление о переводе с 1 января 1946 г. всей печати и государственного делопроизводства на новый алфавит.

Партия и народная власть принимали все меры к тому, чтобы народные массы знали и понимали смысл происходивших в стране и во всем мире событий. В январе 1945 г. в своем выступлении на пленуме ЦК МНРП генеральный секретарь ЦК МНРП Цеденбал обратился к членам партии с призывом идти в массы и нести им правдивое слово о положении страны. Он говорил: «Так идите в народ и расскажите прямо: да, конечно, у нас сейчас трудностей больше, чем, скажем, было три-четыре года назад, до войны. Однако в тысячу раз было бы труднее нам, если бы на нас нагрянул коварный враг, а нагрянул бы он наверняка, если бы не советский народ и Красная Армия, которые на своих плечах вынесли и выносят всю тяжесть, все неисчислимые трудности войны, которые ценой своей крови отстояли нашу свободу... Расскажите, что наша партия и правительство правильно ориентировали и ориентируют свой

[20] «Сборник законов и постановлений правительства МНР», вып. 2, стр. 34.

[21] «Унэн», 19 января 1945 г.

народ на нашего великого друга—Советский Союз. Разъясните, что наш народ был бы обречен на гибель, если бы не ориентировался на Советский Союз, не укреплял бы братскую дружбу с ним»[22].

Священная война МНР против японского империализма

8 мая 1945 г. фашистская Германия капитулировала. Героическая борьба народов СССР совместно с народами стран антигитлеровской коалиции завершилась блестящей победой. Единственным препятствием на пути к полному и повсеместному прекращению кровопролития оставалась империалистическая Япония, продолжавшая вооруженное сопротивление. Верное своему союзническому долгу, заинтересованное в быстрейшем прекращении войны и наступлении мира во всем мире, правительство СССР 8 августа 1945 г. заявило, что начиная с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией.

10 августа МНР также объявила войну империалистической Японии. В тот же день была опубликована Декларация Малого Хурала и правительства МНР, излагавшая причины и цели войны.

«Малый Хурал и Правительство МНР, — говорилось в Декларации, — побуждаемые чувствами извечных чаяний монгольского народа к своей свободе, независимости и полной суверенности... верные своим обязательствам по договору о взаимопомощи между МНР и СССР... а также вдохновляемые едиными стремлениями демократических государств и свободолюбивых народов мира — быстрее добиться всеобщего мира, чтобы внести свой вклад в дело объединенных наций, — сим торжественно объявляет священную войну против Японии на стороне Объединенных наций и полностью присоединяется к заявлению Советского правительства, объявленному 8 августа в Москве» [23].

Выступая в день объявления войны по монгольскому радио, маршал Чойбалсан заявил: «По приказу правительства наши войска перешли государственную границу и вступили на территорию Внутренней Монголии, где они успешно продвигаются вперед...» [24].

Вся история XX в. и особенно история существования МНР наглядно показала монгольскому народу, что он не сможет чувствовать себя в безопасности, пока существует японский империализм. Желая обеспечить действительную безопасность

[22] «Унэн», 26 января 1945 г.
[23] «Унэн», 11 августа 1945 г.
[24] Там же.

своему государству, чтобы создать условия для ускорения темпов мирного демократического развития страны к социализму, монгольский народ присоединился к народам СССР, ко всем свободолюбивым народам мира и вместе с ними выступил на борьбу против самого опасного своего врага — империалистической Японии.

Народно-революционная армия МНР под верховным командованием маршала Чойбалсана, имея в своем составе главным образом конно-механизированные части, в тесном боевом взаимодействии с войсками маршала Советского Союза Малиновского нанесла удар по японским вооруженным силам и их позициям во Внутренней Монголии и Северо-Восточном Китае. Этот удар явился неожиданностью для японского командования, которое было твердо уверено, что бездорожная и безводная пустыня Гоби служит надежной защитой позиции японской армии со стороны МНР. Но доблестные воины МНР, преодолевая огромные трудности, прошли через пустыню. Продвигаясь с боями вперед по 40—50 и больше километров в сутки, преодолевая сопротивление врага, части МНРА заняли ряд оборонительных рубежей противника и населенных пунктов. В их числе был Долоннор, в окрестностях которого халхаские феодалы 254 года назад положили к ногам маньчжурских завоевателей проданную ими свободу и независимость страны.

22 августа 1945 г. была опубликована беседа Ю. Цеденбала, находившегося в рядах МНРА в качестве начальника Главного политического управления армии, с корреспондентом газеты «Унэн». Цеденбал сообщил, что монгольские «войска продвигаются вперед, испытывая на своем пути большие трудности. Стоит невыносимая жара, днем все раскаляется, а ночью трудно продвигаться по тяжелым сыпучим пескам в полной тьме... Особенно остро ощущается потребность в воде... Пройдя 200 км от границы, наши части встретили в местности Ара-Цаган-нур сыпучие пески. В некоторых местах даже танки завязали в песках. Отсутствие воды, изнурительная жара, бездорожье создают огромные трудности, но наши воины, преодолевая их, стремительно продвигаются вперед... Нам приходится доставлять горючее, продовольствие на расстояние почти 2 тыс. км» [25].

Проделав тысячекилометровый марш, части МНРА вместе с частями Советского Забайкальского фронта вышли к Ляодунскому заливу. Японские войска были разгромлены, Япония капитулировала. Враг, в течение ряда десятилетий стоявший у южных границ МНР, не прекращавший попыток закабалить страну, был разбит. Правое дело восторжествовало.

[25] «Унэн», 22 августа 1945 г.

Плебисцит 20 октября 1945 г.

Разгром японского империализма упрочил международное положение МНР. В результате переговоров, происходивших в августе 1945 г. в Москве между Советским Союзом и гоминдановским правительством Китая, последнее согласилось признать МНР суверенным и независимым государством в ее современных границах, если плебисцит подтвердит желание монгольского народа сохранить свою независимость.

Правительство МНР и весь монгольский народ с большим удовлетворением приняли сообщение о результатах советско-китайских переговоров. Объединенное заседание Малого Хурала, Совета министров МНР и ЦК МНРП, заслушав сообщение премьер-министра маршала Чойбалсана о результатах советско-китайских переговоров, отметило в своем постановлении, что они от имени всего монгольского народа «с чувством глубокой радости и удовлетворения одобряют и приветствуют советско-китайский договор и другие соглашения, как закладывающие основу прочного и длительного мира и дружбы народов на Востоке» [26].

МНР с первого дня своего существования стремилась к установлению мирных, добрососедских отношений с Китаем, и не по вине республики это стремление почти 25 лет не могло быть осуществлено.

ЦК МНРП и правительство МНР призвали народ высказаться, желает ли он сохранить свою национально-государственную независимость. Плебисцит был назначен на 20 октября 1945 г. В этот день все взрослое население республики потянулось к пунктам голосования, где должна была решиться будущая судьба страны. В голосовании участвовало 487 409 человек, т. е. 98,4% взрослого населения. За сохранение монгольского независимого государства высказались все 487 409 человек — 100% голосовавших [27].

Подавая голос за существование независимой Монголии, народ тем самым выступал за сохранение и дальнейшее укрепление народно-демократического строя. Годы существования республики убедили аратов в правильности генеральной линии МНРП, внешней и внутренней политики народной власти, показали, что только народная демократия дает им возможность развернуть свои творческие силы, создать условия для перехода к социализму. Этим определялось исключительное единодушие,

[26] «Унэн», 1 сентября 1945 г.
[27] «Сборник законов и постановлений правительства МНР», вып. 7. 1945, стр. 2—3.

проявленное монгольским народом в памятный день 20 октября 1945 г.

«Семьдесят лет мне и только 45 из них я прожил настоящей человеческой жизнью» [28], — заявил во время голосования арат второго бага Шанха-сомона Убурхангайского аймака Сурун. «Мне 80 лет, — говорил другой арат, — я видел тяжелые годы. На моих глазах изменяется жизнь, монгольский народ узнал радость и счастье». 92-летняя Солиху из Тумен-Долгор сомона Чойбалсановского аймака сказала: «Девять моих детей живут зажиточной жизнью. Когда я сравниваю их счастливую жизнь с моей прежней тяжелой жизнью, — разница как между днем и ночью» [29]. Эти и подобные им многочисленные заявления отражали подлинное отношение к судьбе своей страны. Центральный орган МНРП и правительства МНР газета «Унэн» писала в день плебисцита: «Сбылись чаяния нашего народа, боровшегося за свою независимость. Осуществлена заветная, давно лелеянная мечта видеть свою родину свободной, сильной, независимой, принимающей дань уважения народов. Поистине исполинские трудности стояли перед нашим народом на пути к свободному и независимому существованию. Тем величественнее, тем красочнее победы, одержанные нашим народом, тем безграничнее наша благодарность многолетнему другу нашему — советскому народу» [30].

Международное положение МНР после капитуляции Японии

5 января 1946 г. правительство Чан Кай-ши официально признало независимость МНР, а 13 февраля заявило, что готово установить с МНР нормальные дипломатические отношения. Однако от выполнения своих официальных заверений реакционная гоминдановская клика всячески уклонялась. Дипломатические отношения между МНР и Китаем не налаживались, гоминдановцы вернулись к своей прежней откровенно враждебной позиции по отношению к народной Монголии. Объясняется это тем, что антинародное правительство Чан Кай-ши полностью подчинило свою политику планам и воле реакционных кругов США.

Совершенно иначе развивались отношения между МНР и СССР. В связи с истечением срока действия Протокола о взаимной помощи от 12 марта 1936 г. в Москве 27 февраля 1946 г. был подписан Договор о дружбе и взаимопомощи со сроком

[28] «Унэн», 22 октября 1945 г.
[29] «Унэн», 23 октября 1945 г.
[30] «Унэн», 21 октября 1945 г.

действия 10 лет, воспроизводивший положения Протокола 1936 г. Одновременно было подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и МНР, которое констатировало, что экономическое и культурное сотрудничество, установившееся между СССР и МНР со времени образования МНР, оказалось плодотворным и соответствующим интересам обеих стран. Исходя из этого, обе стороны согласились развивать и укреплять существующие между ними связи в области народного хозяйства, культуры и просвещения. Выполнение этого Соглашения обеспечивалось заключением отдельных договоров между соответствующими хозяйственными, научными и культурно-просветительными учреждениями СССР и МНР.

27 июня 1946 г. правительство МНР обратилось в Организацию Объединенных Наций с просьбой о приеме МНР в члены ООН. Резко реакционный и агрессивный курс политики, проводимый тогдашними правительствами США и Великобритании, помешал удовлетворению этой законной просьбы МНР.

18 октября 1946 г. правительство МНР обратилось к правительствам СССР, США, Великобритании, Франции и Китая с просьбой о включении ее представителя в состав Дальневосточной комиссии, образованной в декабре 1945 г. решением Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Англии для наблюдения за выполнением Японией условий капитуляции. Правительство республики указывало, что на протяжении своего существования МНР являлась одним из оплотов мира на Дальнем Востоке, препятствовавшим распространению японской агрессии в глубь Азии. С июня 1941 г. Монголия полностью стала на сторону Объединенных Наций, внеся свою долю в общее дело победы над империалистической Японией. Несмотря на неоспоримую обоснованность и справедливость претензий МНР, они вследствие противодействия США не были удовлетворены.

XI съезд МНРП. Первая пятилетка

В декабре 1947 г. в Улан-Баторе открылся XI съезд Народно-революционной партии. В отчетном докладе Центрального комитета, с которым выступил маршал Чойбалсан, был подведен итог прошедшему после X съезда партии семилетнему периоду, столь богатому событиями всемирно-исторического значения.

Отчетные данные ЦК МНРП служат ярким свидетельством того, что МНРП, руководствуясь марксистско-ленинской теорией и неуклонно следуя своей генеральной линии, успешно

разрешила ответственнейшие задачи, вставшие перед ней в период Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии и войны советского и монгольского народов против японского империализма. В результате правильного руководства партии и народной власти упрочилось международное положение республики. МНР вышла из всех испытаний не только не ослабленной, но наоборот, значительно усилившейся.

Постоянное внимание партии и народной власти к вопросам развития скотоводства страны нашло свое выражение в значительном увеличении сети предприятий государственной ветеринарно-зоотехнической службы, укреплении сельского хозяйства национальными кадрами специалистов, улучшении заготовки кормов. С 1940 по 1947 г. более чем удвоилось число ветеринарных пунктов, в несколько раз увеличилось число высшего и среднего ветеринарного персонала и других специалистов сельского хозяйства.

Следствием этого явилось заметное сокращение падежа скота от эпизоотий, повышение настрига шерсти, увеличение делового выхода молодняка и т. д.

Новых успехов добилась промышленность, утроившая выпуск продукции. Число рабочих в государственной и кооперативной промышленности поднялось с 13,3 тыс. до 19,4 тыс. человек. О качественном росте кадров свидетельствуют такие факты, как увеличение инженерно-технических работников-монголов в 2,5 раза, повышение на 79% выработки одного рабочего, рост рядов ударников и т. д.

Значительные достижения отмечались в области народного просвещения. Расширилась сеть начальных школ, утроилось число средних школ и в пять раз увеличился контингент учащихся. Грамотность населения достигла 55%. Страна имела 12 техникумов (педагогический, финансовый, медицинский, зоотехнический, связи, два ветеринарных и др.), которые в 1947 г. выпустили 256 специалистов. Были созданы три высших учебных заведения: университет, учительский институт и высшая школа партийных кадров. Университет к 1947 г. уже выпустил свыше 80 специалистов. Начальные школы страны получили за семь лет 1698 учителей (из них 25% женщин), тогда как ко времени X съезда в стране было всего 417 учителей.

Столь же быстрыми темпами развивалось народное здравоохранение. Число врачебных пунктов увеличилось на 70%, больниц — на 90%, фельдшерских пунктов — на 100%. Получили распространение учреждения по охране материнства и детства: родильные дома и молочные кухни, детские и женские консультации, детские ясли и сады, дома отдыха и курорты.

В 1940 г. в стране издавалось шесть газет и восемь журналов. К XI съезду в МНР стало выходить 28 газет и 10 журналов.

Крупнейшей заслугой XI съезда МНРП является утверждение первого пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры республики. До этого, начиная с 1941 г., сводные народнохозяйственные планы составлялись в МНР лишь на один год. Общие успехи социально-экономического развития МНР и накопленный опыт позволили перейти к длительному перспективному планированию. Для этого Управление планирования, учета и статистики при Совете министров МНР было в конце 1945 г. реорганизовано в Государственную плановую комиссию. Госплан подготовил проект пятилетнего плана, который и был представлен на обсуждение XI съезду партии.

Доклад о первом пятилетнем плане развития хозяйства и культуры республики сделал секретарь Центрального комитета партии Юмжагийн Цеденбал. «Основной экономической и политической задачей пятилетнего плана, как указал докладчик, является всемерное развитие производительных сил страны на основе максимального использования внутренних ресурсов и особенно неуклонное развитие основы экономики нашей страны— животноводства, дальнейшее развитие культуры, просвещения, здравоохранения с тем, чтобы обеспечить дальнейший быстрый экономический и культурный рост нашего государства, всемерное повышение благосостояния нашего народа, а также политической сознательности и трудовой активности трудящихся масс и привлечение их к активному участию в осуществлении пятилетнего плана; дальнейшая решительная борьба с остатками феодализма в экономике и его пережитками в сознании людей» [31].

Исходя из этих установок, план предусматривал рост поголовья скота к 1952 г. почти на 50%, широкое строительство хашанов и колодцев, дальнейшее развитие сенокошения, улучшение пастбищ путем подсева трав и увеличение делового выхода молодняка. Особое внимание в плане было уделено расширению ветеринарно-зоотехнического обслуживания. Посевные площади в аратских хозяйствах должны были возрасти к 1952 г. на 55%, а площадей искусственно орошаемых земель — в девять раз. План намечал значительное повышение урожайности, укрепление аратских производственных объединений и превращение государственных хозяйств в культурные высокотоварные хозяйства.

Объем промышленной продукции должен был возрасти к 1952 г. на 96,8%. План намечал освоение отечественной промышленностью некоторых новых видов производства. Продолжалась механизация транспорта, намечалось установление авиационной связи столицы со всеми аймачными центрами; предусматривалась телефонная связь не только со всеми аймаками, но и с большинством сомонов; в каждом аймачном центре планировались электро- и радиостанции; в столице МНР намечалось строительство водопровода.

Пятилетний план определял сумму капитальных вложений в 25 337 800 тгр. Производительность труда за пять лет должна была вырасти на 40—60% а себестоимость продукции снизиться на 12—25%. Число рабочих и служащих должно было увеличиться на 32,6%. Удельный вес товаров отечественного производства в 1952 г. в общем розничном товарообороте возрастал до 58—63%. На финансирование предприятий культуры и здравоохранения отводилось 32,3% общей суммы капиталовложений, промышленности — 13,8, коммунально-бытового строительства—12, жилищного строительства—11% и т. д.

В области здравоохранения план намечал значительное увеличение числа больниц и больничных коек, врачебных и фельдшерских пунктов, домов отдыха, детских учреждений и учреждений по охране материнства.

План предусматривал окончательную ликвидацию неграмотности к концу пятилетки и переход к всеобщему среднему образованию. В 1952 г. полиграфическая промышленность страны должна была выпустить газетной, журнальной и книжной продукции вдвое больше, чем в 1947 г. Таковы общие положения первого пятилетнего плана, который был направлен на дальнейшее укрепление социалистического сектора в народном хозяйстве страны, развертывание культурной революции и ускорение темпов развития производительных сил.

Народные массы МНР с воодушевлением приняли задания первой пятилетки. На фабриках и заводах, в кустарно-промысловых артелях, в государственных зерновых и животноводческих хозяйствах, в аратских производственных объединениях и в единоличных аратских хозяйствах развернулась напряженная работа по выполнению заданий первой пятилетки.

Укрепление международного положения МНР

Международная обстановка в годы первой монгольской пятилетки складывалась благоприятно для страны, что создавало возможность концентрировать силы и средства на решении народнохозяйственных и культурных задач пятилетки. Правительство МНР установило дипломатические отношения со всеми странами народной демократии в Азии и Европе. Эти отноше-

[31] «Унэн», 18 декабря 1947 г.—Данные о пятилетнем плане взяты из материалов, опубликованных в «Унэн» во время работы XI съезда МНРП.

ния вскоре приобрели характер тесного экономического и культурного сотрудничества, основанного на равноправии и братской взаимной помощи. Особенно важное значение имело для МНР установление дружбы с Китаем, ставшее возможным в результате победы китайского народа, провозгласившего 1 октября 1949 г. свою Народную Республику.

6 октября 1949 г. правительство МНР отправило в Пекин приветственное послание, в котором заявляло: «От имени всего монгольского народа Правительство МНР поздравляет героический китайский народ с провозглашением Народной Республики Китая и созданием Центрального Народного Правительства, выражающего подлинную волю свободолюбивого китайского народа, и искренне желает всему народу Народной Республики Китая дальнейших успехов в деле строительства независимого и свободного, демократического и сильного Китая... Правительство МНР считает, что отныне с провозглашением Народной Республики Китая и созданием Центрального Народного Правительства открывается новая эпоха в добрососедских отношениях между народами наших стран, и выражает глубокую уверенность в успешном развитии дружественных отношений между МНР и Народной Республикой Китая на благо наших народов» [32].

В тот же день посол МНР в Москве сообщил представителю изгнанной из Китая гоминдановской клики, что его правительство прекращает отношения с бывшим правительством Китая, «которое фактически лишилось всякой власти в стране и не может больше представлять китайский народ» [33].

Образование Китайской Народной Республики означало, что отныне МНР уже не придется опасаться за свои южные границы, теперь она со всех сторон окружена дружественными странами, политика которых, как и ее собственная, основана на принципах мира, дружбы и равноправного сотрудничества. Дружественные связи между МНР и КНР крепли и ширились. В октябре 1952 г. между ними было заключено Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, а также ряд частных соглашений: о почтовом обмене, о товарообороте и платежах и т. п.

Также успешно развивались экономические и культурные связи между МНР и остальными народно-демократическими странами Азии и Европы.

Героическая борьба корейского народа против иностранных империалистов и их южнокорейских приспешников нашла в МНР широкий отклик. В стране развернулось движение солидарности с Кореей. Среди рабочих и служащих, а также среди аратства начался сбор средств в фонд помощи корейскому народу. В Корею из МНР направлялись делегации для вручения подарков и выражения чувств братской дружбы и солидарности трудящихся МНР героическому корейскому народу.

[32] «Унэн», 7 октября 1949 г.
[33] Там же.

Монгольская Народная Республика, находясь в лагере мира, демократии и социализма, активно участвовала и участвует в борьбе за мир во всем мире. Монгольский народ послал летом 1947 г. свою делегацию во главе с Ю. Цеденбалом на Всемирный конгресс сторонников мира. В выступлении на этом конгрессе Цеденбал сказал: «Мы с гордостью заявляем, что наш народ не ошибся, выбрав себе верного, справедливого и вечного друга в лице Советской страны, что он бесконечно счастлив дружбой с Советским Союзом, ибо она — эта дружба — источник благосостояния нашего народа, ибо она не ослабляет, а укрепляет нашу независимость... укрепляет и обогащает нашу страну, всемерно способствует развитию нашего народного хозяйства и культуры, ибо в результате этой дружбы жизнь нашего населения не ухудшается, а улучшается и повышается из года в год его благосостояние. Вот почему, как все истинные и честные друзья мира, мы ценим эту дружбу с Советским Союзом и его миролюбивую политику» [34].

8 апреля 1950 г. Президиум Малого Хурала МНР принял специальную декларацию, в которой от имени всего монгольского народа выражалось согласие с Обращением Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. «Президиум Малого Хурала МНР настоящей Декларацией присоединяется к мирным предложениям Постоянного комитета... о прекращении гонки вооружений путем сокращения военных бюджетов и численности воинских контингентов, о безусловном запрещении атомного оружия, прекращении интервенционистских войн в Индонезии, Малайе, Вьетнаме и др., прекращении во всем мире репрессий по отношению к сторонникам мира и заключении Пакта мира между Великими державами» [35].

686 782 человека — все взрослые граждане МНР — подписались под Стокгольмским воззванием Постоянного комитета сторонников мира.

Второй Всемирный конгресс сторонников мира, как известно, обратился к парламентам всех стран с предложением принять закон об охране мира и о запрещении пропаганды войны. 27 февраля 1951 г. президиум Малого Хурала утвердил Указ, устанавливавший, что лица, виновные в пропаган-

[34] «Унэн», 26 июля 1949 г.
[35] «Унэн», 9 апреля 1950 г.

де войны в любой форме, будут караться тюремным заключением на срок от 10 до 25 лет с лишением гражданских прав и конфискацией имущества.

В 1949 г. в Сан-Франциско был заключен сепаратный мирный договор между правительством США и правительством Японии. Правительство МНР не могло не обратить особого внимания на этот договор, и 25 сентября 1951 г. Министерство иностранных дел МНР опубликовало заявление, в котором говорилось: «Монгольский народ, глубоко заинтересованный в действительном мирном урегулировании с Японией и недопущении возрождения японского империализма, решительно выступает против заключенного в Сан-Франциско договора подготовки войны и агрессии» [36].

Борьба за выполнение плана первой пятилетки

Отношения между МНР и СССР в годы первой пятилетки продолжали развиваться на основе традиционной, исторически сложившейся дружбы и мирного сотрудничества. С помощью СССР в МНР была построена железная дорога Наушки—Улан-Батор, соединившая Улан-Батор и Москву прямой железнодорожной линией. 7 ноября 1949 г. эта дорога вступила в строй.

Новая железнодорожная магистраль имела крупнейшее народнохозяйственное и культурное значение. Она полностью освободила автомобильный и гужевой транспорт страны от перевозки грузов на важнейшей транспортной линии. На эту дорогу пришли работать новые отряды монгольского рабочего класса и технической интеллигенции, вдоль ее трассы появились новые населенные пункты.

Введение в эксплуатацию дороги Наушки — Улан-Батор позволило правительству МНР ликвидировать в том же году последние остатки еще сохранявшейся в стране уртонной повинности, по которой аратские хозяйства обязаны были обеспечивать рабочим скотом почтовые и пассажирские перевозки между аймаками, а внутри аймаков — между сомонами. Хотя общие размеры уртонной повинности были неизмеримо меньше, чем в дореволюционное время, тем не менее она отрицательно влияла на развитие аратского животноводческого хозяйства.

Указ Президиума Малого Хурала от 26 июля 1949 г. устанавливал, что с 1 октября этого же года должна начать функционировать государственная уртонная служба, обеспечивающая государственными транспортными средствами почтовые и пассажирские перевозки на территории всей республики. С 5 октября уртонная повинность для аратов была отменена.

[36] «Унэн», 26 сентября 1951 г.

В эти годы жизнь страны проходила под знаком борьбы за выполнение плана первой пятилетки. Главное внимание партии и народной власти было направлено на подъем животноводческого хозяйства. На пути к решению этой задачи стояли большие трудности, главные из которых были связаны с тем, что уровень развития животноводческого хозяйства республики зависел от более чем 200 тыс. мелких, распыленных, индивидуальных аратских хозяйств. Обобществленный сектор в сельском хозяйстве в это время занимал еще сравнительно незначительное место в общем балансе сельскохозяйственного производства республики. Следует к тому же учесть, что общее поголовье скота в МНР по сравнению с 1941 г. за последние годы несколько снизилось. Это объясняется трудностями военного времени, а также рядом климатически неблагоприятных лет, вызывавших падеж скота.

В феврале 1949 г. IX Великий Народный Хурал утвердил закон о государственном планировании прироста скота в аратских хозяйствах, согласно которому местные органы должны были разрабатывать годовые планы для каждого хозяйства. Для повышения заинтересованности аратов в непрерывном увеличении поголовья их скота; скот, выращенный аратами сверх государственного плана, не облагался налогами и обязательными поставками.

В начале третьего года пятилетки пленум ЦК МНРП обсудил итоги развития животноводства МНР за 1949 г. и задачи на 1950 г. В 1949 г. 52,5% аратских хозяйств выполнили и перевыполнили данные им годовые государственные планы увеличения поголовья скота (кроме крупного рогатого), что обеспечило выполнение общего плана по единоличному сектору на 98,9%. Поголовье скота в аратских хозяйствах выросло по сравнению с 1948 г. на 6,4%, в госхозах на 112,8%, в производственных объединениях на 140%.

«Однако в целом по республике, — говорил на пленуме Чойбалсан, — состояние животноводства продолжает оставаться неудовлетворительным» [37]. 40% всех сомонов страны, 33% багов, 47,5% всех индивидуальных аратских хозяйств планов по животноводству не выполнили, а в 12% сомонов и в 19% багов поголовье скота не только не выросло, но, наоборот, сократилось.

Обобществленный сектор был еще слабым. В стране насчитывалось всего 112 аратских производственных объединений.

[37] «Унэн», 26 января 1950 г.

В большинстве из них были плохо поставлены учет и отчетность, в некоторых не было даже производственных планов, четвертая часть таких объединений вообще не уделяла внимания животноводству. Государственные хозяйства также нуждались в серьезном организационно-хозяйственном укреплении. Все это свидетельствовало о том, что решительный перелом в развитии животноводства еще не произошел.

Пленум наметил на 1950 г. ряд важных мероприятий, направленных на укрепление животноводческого хозяйства. Среди них следует отметить начало закрепления пастбищных угодий за аймаками, сомонами и багами, образование в аймаках переходящего страхового фуражного фонда, освоение не обеспеченных водой пастбищ, площадь которых в стране достигала 30 млн. га.

Вскоре Совет министров МНР и ЦК МНРП утвердили на 1950 г. дополнительный план, намечавший закладку первых 1200 т концентрированных кормов и 60 тыс. т сена в государственный неприкосновенный фуражный фонд, а также 51,5 тыс. т сена в местные страховые фонды. Отпуск сена из государственного неприкосновенного фонда мог производиться лишь по специальному решению Совета министров.

Более успешно проходило выполнение пятилетки в промышленности. Но и здесь встретились серьезные трудности, связанные главным образом с борьбой за повышение производительности труда, улучшение качества продукции и снижение ее себестоимости. Растущая промышленность нуждалась в новых кадрах, источником которых был худон. Однако с развитием животноводства в сельском хозяйстве также повысился спрос на рабочую силу. Некоторая часть рабочих покидала город, возвращаясь в степь. У приходивших им на смену сельских жителей были еще сильны отсталые настроения, многие из них не привыкли к организованному труду. Этим главным образом объясняется то, что производственные показатели значительного числа рабочих были еще неудовлетворительны.

Наряду с этим на предприятиях насчитывались десятки и сотни ударников, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки. На промышленном комбинате им. Чойбалсана, например, в 1949 г., втором году пятилетки, сотни ударников выполнили уже задания третьего года пятилетки, а 46 человек успели выполнить норму всех пяти лет. В 1952 г. в Улан-Баторе было зарегистрировано 754 случая выполнения рабочими от 6 до 14 годовых норм. В 1951 г. 3064 рабочим улан-баторских предприятий было присуждено почетное звание «Ударник МНР», а в 1952 г. этого звания были удостоены 3314 рабочих. Аналогичное положение было и в кустарно-промысловой кооперации.

Успешное развитие народного хозяйства создало условия, позволившие отменить введенную в годы войны систему нормированного отпуска населению промышленных и продовольственных товаров. Совет министров и ЦК МНРП приняли постановление о переходе с 1 мая 1950 г. к свободной торговле всеми товарами на всей территории республики.

Избирательная реформа 1949 г. Смерть Чойбалсана

Годы первой пятилетки МНР были ознаменованы новым укреплением народно-демократического строя. В феврале 1949 г. IX Великий Народный Хурал принял решение о дальнейшей демократизации избирательной системы путем замены не вполне равных избирательных прав равными, многостепенных выборов прямыми, открытого голосования тайным. На основании нового избирательного закона 10 июня 1951 г. состоялись всеобщие прямые выборы депутатов Великого Народного Хурала путем тайного голосования. Монгольская народно-революционная партия шла на эти выборы в блоке с беспартийными тружениками МНР. Из 489 377 избирателей (по 295 округам) приняли участие в голосовании 489 031 человек, или 99,92%. За кандидатов блока МНРП и беспартийных голосовали 99,67%.

Первая сессия Великого Народного Хурала первого созыва, избранного по новой избирательной системе, открылась в Улан-Баторе в июле 1951 г. Мандатная комиссия доложила Хуралу, что из 295 избранных депутатов — 179 членов МНРП и 116 беспартийных; 113 аратов и 35 промышленных рабочих; 244 мужчины и 51 женщина.

В октябре 1952 г. по всей стране проходили выборы местных органов власти. Предстояло избрать 49 641 депутата. Итоги выборов показали, что народные массы МНР полностью принимают политическую линию Народно-революционной партии, вполне доверяют ей и поддерживают ее. Выборы явились демонстрацией любви и преданности народа своей партии.

В 1952 г. монгольский народ понес тяжелую утрату. 26 января после продолжительной и тяжелой болезни скончался маршал Чойбалсан. «С именем товарища Чойбалсана, — писали в своем обращении к народу ЦК МНРП, президиум Великого Народного Хурала и Совет министров МНР, — отдавшего всю свою жизнь делу народной революции и процветания нашей страны, связана вся история нашей партии и нашего государства, идущего по пути к социализму» [38]. Смерть

[38] «Унэн», 27 января 1952 г.

Чойбалсана вызвала глубокий скорбный отклик в сердцах всех монголов и миллионов друзей МНР в зарубежных странах.

27 мая 1952 г. президиум Великого Народного Хурала назначил на пост премьер-министра республики Юмжагийн Цеденбала, выдающегося государственного и политического деятеля республики. Он родился в 1915 г. в семье арата, получил образование в СССР, работал секретарем Улан-баторского горкома и Центрального айкома, был министром финансов. На X съезде МНРП избран секретарем Центрального комитета. В период 1941—1945 гг. Ю. Цеденбал занимал пост начальника Главного политического управления МНРА, оставаясь в то же время секретарем ЦК МНРП.

Итоги первого пятилетнего плана

1952 г. был последним годом первой пятилетки. В марте 1953 г. пленум ЦК МНРП рассмотрел итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры МНР. Секретарь Центрального комитета Дамба в своем докладе привел данные, свидетельствующие о том, что пятилетний план развития народного хозяйства был в основном выполнен. Однако задание пятилетки, предусматривавшее рост поголовья скота примерно на 50%, оказалось значительно недовыполненным, хотя за истекшие пять лет в животноводческом хозяйстве страны и наметились определенные сдвиги в сторону повышения культуры животноводства.

Поголовье скота в республике за годы пятилетки выросло на 8,7% (в единоличных аратских хозяйствах на 7,1%, в государственных хозяйствах — на 112,5%, в аратских производственных объединениях — в 6,5 раз). Сенокошение почти достигло размеров, предусмотренных планом, сенокосная площадь увеличилась с 5,9 тыс. до 82,8 тыс. га, число крытых помещений для скота выросло почти в четыре раза, почти удвоилось число колодцев, оказался перевыполненным план развития ветеринарно-зоотехнической службы.

К 1953 г. в стране действовало 59 ветеринарно-врачебных и 718 ветеринарно-фельдшерских пунктов. В результате проведенной работы уже к 1950 г. удалось ликвидировать заболевания крупного рогатого скота чумой, от которой животноводство несло тяжелые потери; развернулась борьба за ликвидацию других болезней скота.

Промышленность страны за пятилетку сделала крупный шаг вперед. Ее продукция выросла на 51%, производительность труда в системе Министерства промышленности поднялась на 28,8%, в системе Министерства пищевой промышленности на 17,4%, себестоимость продукции снизилась на 17,5%. За пять лет был введен в строй ряд предприятий горнорудной промышленности, расширены улан-баторская теплоэлектроцентраль, мебельная фабрика, автомеханический завод и др. Численность рабочих и служащих в стране увеличилась на 34,7%

За эти годы поднялось материальное благосостояние народных масс; в 1952 г. по сравнению с 1947 г. продажа населению муки возросла на 30%, пшена — более чем в шесть раз, чая—в два раза, тканей—на 42%, табака—на 37%. Ввоз в МНР увеличился на 26,9%, а вывоз — на 15,6%

План расширения сети больниц и врачебных пунктов был выполнен на 110%. Число врачей-монголов возросло больше чем в три раза, фельдшеров-монголов — на 47,4%.

Число учащихся в начальных школах увеличилось за истекшие годы на 88,4%, в десятилетках—в четыре раза, в семилетках — на 33,3%, в техникумах — на 27%, в вузах — в два раза. В семь раз возросло число преподавателей с высшим образованием. Страна получила за пять лет 2702 специалиста, окончивших монгольские техникумы, и 425 специалистов, окончивших Государственный университет. В конце 1952 г. уже 92% граждан страны были грамотными. На каждые 10 тыс. жителей приходилось 25 студентов высших учебных заведений.

Итоги первой пятилетки свидетельствовали о том, что, наряду с быстрыми темпами роста национальной промышленности, новыми яркими достижениями в области культуры, страна еще не могла полностью преодолеть отставание животноводческого хозяйства; итоги пятилетки отражали трудности, которые стояли на пути строительства социализма в МНР.

Новые мероприятия по дальнейшему развитию животноводства. Производственное кооперирование. Избирательные кампании 1953—1954 гг.

Народно-революционная партия и народная власть, исходя из итогов первой пятилетки, поставили перед собой задачу ускорить темпы развития животноводства. В этих целях в течение 1953—1954 гг. был осуществлен ряд мероприятий. В марте 1954 г. Совет министров принял постановление о списании недоимок прошлых лет по обязательным поставкам молока и жиров со всех аратских хозяйств, по поставкам мяса, шерсти и других видов сырья, а также по налогам с аратских хозяйств, имевших в 1953 г. менее 300 голов ско-

та. С хозяйств, имевших от 300 до 500 голов скота, списывалось до 50% недоимок по этим поставкам и налогам, владельцы 500 и более голов скота не освобождались от погашения недоимок.

Вскоре после этого правительство МНР издало закон, согласно которому устанавливался новый порядок определения размеров обязательных поставок государству. До 1954 г. размер поставок определялся не по фактическому наличию скота в хозяйстве, а по количеству скота, предусмотренному для этого хозяйства государственным планом. По новому закону хозяйства, имеющие менее 10 бодо, совершенно освобождались от обязательных поставок, нормы поставок для остальных хозяйств устанавливались в зависимости от количества скота, имевшегося у них в наличии.

В том же году правительство МНР провело снижение цен на промышленные товары в размере от 16,6 до 54,6% и на продовольственные товары в размере от 6 до 23,1%. Это было четвертое за послевоенные годы снижение цен (первое проводилось в 1946 г., второе — в 1947 г., третье — в 1948 г.). Вскоре была уменьшена более чем на 25% сумма скотоводческого налога с аратских хозяйств, повышены закупочные и заготовительные цены на скот и сырье; государственные конно-сенокосные станции снизили ставки оплаты работ по заготовке кормов и сена.

Все эти меры имели целью создать наиболее благоприятные условия для подъема животноводства.

Наряду с этим партия и народная власть проводили серьезную работу по оказанию помощи аратским производственным объединениям в организационно-хозяйственном укреплении. Наиболее важным мероприятием в этом направлении была разработка нового примерного устава объединения. По новому уставу членами объединений не могли быть лица, эксплуатирующие чужой труд; общественное хозяйство являлось основным для членов объединения, а их личное хозяйство допускалось лишь в качестве подсобного. Была определена норма обобществления скота для вступающих и норма личной собственности членов объединений. В Хангайской зоне члены объединений могли иметь в личной собственности до 100 голов, а в Гобийской зоне до 150 голов скота. Общественное производство в объединениях организовывалось на основе постоянных бригад и обязательного минимума трудодней, а распределение доходов между членами объединений производилось по трудодням.

Новый примерный устав объединений был поставлен на обсуждение состоявшегося в Улан-Баторе в марте 1955 г.

I Республиканского съезда передовиков производственных объединений и утвержден им.

В октябре 1953 г. впервые в истории страны происходили всеобщие равные прямые выборы народных судей и народных заседателей. Из 99,5% избирателей, принявших участие в выборах, 99,6% отдали свои голоса за кандидатов блока МНРП и беспартийных граждан МНР. Было избрано 76 судей и 3878 народных заседателей.

В связи с истечением срока полномочий Великого Народного Хурала первого созыва в июне 1954 г. состоялись выборы нового состава Хурала. Из участвовавших в выборах 99,95% избирателей за кандидатов блока МНРП и беспартийных проголосовало 99,89%. В Великий Народный Хурал были избраны 101 арат, 57 промышленных рабочих и 137 служащих. Все промышленные рабочие, избранные в Хурал, были ударниками производства. 192 депутата были членами МНРП; 115 депутатов имели высшее или незаконченное высшее образование. Среди депутатов было 66 женщин.

В октябре в стране проходили очередные выборы местных хуралов депутатов трудящихся. Эти выборы в свою очередь ярко продемонстрировали тесную сплоченность народа вокруг Народно-революционной партии и народной власти. Было избрано 32 140 депутатов, среди которых 21,89% женщин. Все депутаты являлись кандидатами блока МНРП и беспартийных трудящихся. В выборах приняло участие 99,98% избирателей, а за выставленных кандидатов голосовало 99,99%.

XII съезд М Н Р П. Второй пятилетний план развития хозяйства и культуры МНР

18 ноября 1954 г. начал свою работу XII съезд МНРП. К этому съезду Монгольская народно-революционная партия — испытанный руководитель монгольского народа — пришла единой и монолитной. За семь лет, прошедших после XI съезда, существенно изменился качественный состав партии. В 1947 г. в ее рядах насчитывалось всего 4,7% рабочих, в 1954 г. они составляли уже 14,9%; аратов было 54,1%, стало 38,6%; представители интеллигенции прежде составляли 41,2%, теперь 46,5%. В 1954 г. 28% членов партии имели высшее, среднее или специальное образование. Женщин среди членов партии было 15%. Неизмеримо вырос идеологический и теоретический уровень членов партии, практический опыт руководства МНРП массами в борьбе за построение социализма.

Отчет о работе Центрального комитета был сделан Ю. Цеденбалом, давшим глубокий анализ периода между XI и XII съездами МНРП и современного положения республики, а также наметившим очередные задачи партии [39].

Докладчик указал, что в итоге борьбы за выполнение первого пятилетнего плана монгольский народ добился значительных успехов в развитии производительных сил и культуры страны. За эти годы улучшились хозяйственные показатели в социалистическом секторе сельского хозяйства.

Однако, несмотря на все эти достижения, пятилетний план по животноводству оказался невыполненным. Это объясняется не только ошибками планирования и настроениями беспечности и самоуспокоенности среди некоторой части партийного и государственного актива. Основной причиной является то, что животноводство почти целиком находилось в руках мелких производителей, хозяйства которых не имели достаточных стимулов для быстрого роста.

Задача партии заключалась в создании условий для систематического увеличения поголовья скота всеми аратскими хозяйствами. Аратские хозяйства, в которых не хватало рабочей силы, могли нанимать работников при условии строгого соблюдения законов о труде. Политика партии и правительства в развитии животноводства была направлена на всемерную поддержку и подъем трудовых аратских хозяйств при одновременном развитии и укреплении социалистического сектора сельского хозяйства, на ограничение и вытеснение капиталистических элементов. В своей политике в худоне партия опиралась на беднейшее аратство, всемерно укрепляла союз со середняками, составляющими подавляющее большинство худонского населения.

Перед партией стояла задача дальнейшего расширения на основе полной добровольности производственных объединений, которые должны были явиться прочным фундаментом будущего крупного общественного хозяйства в худоне.

Съезд отметил успехи, достигнутые промышленностью страны, и рост монгольского рабочего класса. Рабочий класс МНР, как сказал в своем отчетном докладе Цеденбал, «все больше становится самостоятельной политической силой, способной возглавить строительство социализма в нашей стране». Учитывая положение МНР как члена лагеря социализма, продолжал докладчик, в котором активно действуют принципы сотрудничества и взаимной братской помощи, партия и народная власть не считают своей задачей во что бы то ни стало

[39] Все данные о работе и решениях XII съезда МНРП нами взяты из газеты «Унэн».

развивать все отрасли тяжелой промышленности. Каждая из стран социалистического лагеря может развивать ту отрасль тяжелой индустрии, которая в первую очередь необходима для народного хозяйства и для развертывания которой имеется сырьевая база. Именно в духе этого принципа развивается и будет в дальнейшем развиваться наша промышленность». МНР будет иметь полную возможность подвести техническую базу для социалистической перестройки сельского хозяйства страны, опираясь на помощь СССР и на экономическое сотрудничество со странами социалистического лагеря. Данные отчетного доклада свидетельствуют о том, что значительно поднялся материальный уровень жизни народа. Реальная заработная плата увеличилась на 46%. В 1954 г. было продано товаров на 50% больше, чем в 1947 г. Небывалого расцвета достигла национальная культура.

Цеденбал сообщил съезду, что 15 сентября 1952 г. между правительствами СССР, КНР и МНР было подписано соглашение о строительстве железной дороги от Цзинина, на территории КНР, до Улан-Батора. Трудно было переоценить значение этого важнейшего события в жизни монгольского народа. Железная дорога соединив Улан-Батор с промышленными и культурными центрами КНР, связала между собой Советский Союз, МНР и КНР. Тем самым создавались благоприятные условия для расширения всестороннего политического, экономического и культурного сотрудничества МНР с великими соседними державами — СССР и КНР.

Цеденбал сообщил также, что правительство СССР в начале 1954 г. передало правительству МНР советскую долю участия в Торгово-промышленном банке МНР, в результате чего банк полностью превратился в национальное предприятие.

Касаясь вопросов внешней политики МНР, Цеденбал сказал: «Наше неизменное и искреннее стремление обеспечить для своего народа обстановку мирного созидательного труда было и остается незыблемой основой внешней политики, которую проводило и неуклонно будет проводить правительство МНР, выполняя волю своего народа и выражая его кровные интересы и чаяния... Навеки связав свою судьбу с великим советским народом, наш народ спас себя от империалистического порабощения и обеспечил возможность перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию развития... У нас нет такого участка народного хозяйства и национальной культуры, развитию и укреплению которого наши советские друзья не оказали самой деятельной, бескорыстной помощи. У советского народа мы учимся строить новую жизнь,

приобретаем практический опыт и знания, необходимые нам в строительстве социализма».

Великая победа китайского народа и образование Китайской Народной Республики коренным образом изменили международное положение МНР. «Мы с огромным удовлетворением можем отметить, — продолжал Цеденбал, — что в настоящее время все границы МНР кругом — это границы мира, дружбы и взаимного уважения».

Являясь прочной составной частью международного социалистического лагеря, МНР в 1954 г. поддерживала дипломатические отношения и укрепляла узы братской дружбы с Китайской Народной Республикой, с Корейской Народно-Демократической Республикой, с Демократической Республикой Вьетнам, а также странами народной демократии Европы: Польшей, Чехословакией, Венгрией, Румынией, Албанией, Болгарией и Германской Демократической Республикой.

Доклад об основных директивах по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства и культуры МНР был сделан заместителем премьер-министра республики Б. Ширендыбом. Он развернул перед делегатами съезда обширную программу дальнейшего движения страны вперед к социализму. Директивы второй пятилетки исходили из «требований объективных экономических законов, в частности — основного экономического закона социализма, сфера действия которого у нас расширяется по мере развития социалистического сектора». Основной идеей новой пятилетки являлась задача добиться существенного подъема животноводства и дальнейшего развития всех отраслей народного хозяйства, при неуклонном росте и укреплении социалистического сектора, дальнейшем ограничении и вытеснении капиталистических и эксплуататорских элементов. Проводя этот курс, партия намеревалась и впредь опираться на беднейшее аратство, на все более крепнущий союз рабочего класса и аратства.

Объем государственных капиталовложений в сельское хозяйство во второй пятилетке должен был увеличиться более чем в семь раз по сравнению с первой. Для механизации производственных процессов в животноводстве, в сенокошении, сеноуборке, посеве и уборке урожая, в строительстве производственных и жилых помещений предполагалось создать шесть государственных машинно-животноводческих станций (МЖС), что должно было содействовать производственному кооперированию аратских хозяйств. Главной целью всех этих мероприятий было добиться роста поголовья скота в государственных хозяйствах в 3 раза, в сельскохозяйственных объединениях в 9 раз и в индивидуальных аратских хозяйствах на 10%. Для этой цели намечалось новое значительное расширение

сети ветеринарно-зоотехнических учреждений, рост земледелия и сенокошения, улучшение работы конно-сенокосных станций, расширение объема работ по обводнению пастбищ и посевов, массовое строительство хашанов, подготовка кадров и т. п.

Особое внимание план уделял развитию земледелия.

Был намечен рост уровня промышленного производства к 1957 г. на 46% по сравнению с 1952 г. (в 3,6 раза больше уровня 1940 г.). Планировалось увеличение производительности труда в государственной промышленности на 21,1%, а в кооперативной — на 27,4% и соответственное снижение себестоимости на 20 и 17%. Товарооборот государственной и кооперативной торговли предполагалось увеличить за это время на 36%.

Большое внимание план уделял вопросам здравоохранения, дальнейшему развитию народного образования, науки и культуры. Исходя из того, что в стране уже была ликвидирована неграмотность, пятилетний план предусматривал введение в худоне обязательного всеобщего начального образования для детей школьного возраста. Одновременно развертывалась подготовка к введению обязательного семилетнего образования в основных городских пунктах страны. За эти годы планировалось открыть 28 начальных, 24 семилетних и 12 десятилетних школ, а также техникумы по подготовке специалистов для железнодорожного транспорта, строительства, пищевой и горнорудной промышленности.

Таковы были основные задачи нового пятилетнего плана развития МНР.

Как и в годы первой пятилетки, МНРП выступила в роли организатора народных масс в борьбе за выполнение и перевыполнение заданий второй пятилетки. Этой цели была подчинена вся деятельность партии, вся работа органов народной власти. Монгольский народ, и в первую очередь его рабочий класс, воодушевленный сознанием своего высокого патриотического долга, показал образцы трудового героизма, что и обусловило успех второго пятилетнего плана.

В апреле 1957 г. заместитель председателя Совета министров Республики Л. Ценде в своем докладе об итогах выполнения плана первых четырех лет второй пятилетки и о государственном плане на 1957 г., сделанном на IV сессии Великого Народного Хурала, привел ряд фактов и цифр, свидетельствующих о том, что за истекшие четыре года страна достигла больших успехов на пути подъема экономики и культуры [40].

Поголовье скота в Республике, по отчетным данным на 1 сентября 1956 г., увеличилось на 7,4% по сравнению с 1952 г.

[40] См. «Монголын Сонин», Улан-Батор, 6 и 7 апреля 1957 г.

Окреп и проявил тенденцию быстрого роста социалистический сектор сельского хозяйства: образованы новые госхозы, выросли численно и окрепли аратские сельскохозяйственные объединения, в рядах которых находится уже 20% всех аратских хозяйств. Удельный вес обобществленного стада, сосредоточенного в госхозах и СХО, поднялся с 2,7 в 1952 г. до 18% в 1956 г. Важно при этом отметить, что поголовье скота увеличилось в госхозах в 2,4 раза, в СХО—в 14 раз, а в индивидуальных аратских хозяйствах сократилось на 10%.

Быстрыми темпами росло в стране земледелие. Посевные площади за четыре года выросли на 60%, причем в госхозах они удвоились, в СХО увеличились в 6 раз, в индивидуальных аратских хозяйствах возросли на 10%. Заготовки сена за истекшие годы также весьма значительно поднялись, а в СХО они увеличилось почти в 11 раз. «Таким образом,—говорил в своем докладе Л. Ценде, — земледелие превращается в важнейшую отрасль нашего сельского хозяйства».

Приведенные данные дают основание полагать, что в МНР кочевничество начинает отходить в прошлое, уступая постепенно место оседлому социалистическому сельскому хозяйству, в котором широкое применение получает техника.

Продолжалось расширение ветеринарно-зоотехнической сети, в результате чего нагрузка на один ветеринарно-врачебный пункт сократилась с 386 тыс. голов скота в 1952 г. до 240 тыс. в 1956 г.; а на один ветеринарно-фельдшерский пункт—соответственно с 32 до 22 тыс. голов скота. Проведена большая работа по обводнению безводных районов, что дало возможность ввести в хозяйственный оборот новые значительные массивы пастбищных угодий и обеспечить искусственным поливом посевы.

Государство широко финансировало мероприятия по подъему сельского хозяйства. Если в годы первой пятилетки бюджетные ассигнования составляли в среднем на одно аратское хозяйство 400 тгр., то за четыре года второй пятилетки эта сумма более чем удвоилась.

Однако в целом по Республике, несмотря на значительные успехи, плановое задание по увеличению поголовья скота за четыре года оказалось выполненным лишь на 96,6%. Пятилетний план в области промышленности по всем основным показателям выполнен досрочно, в четыре года. Продукция промышленности к 1957 г. возросла по сравнению с 1952 г. на 48%, что дает 10,3% среднегодового прироста продукции (по плану 7,8%). «Благодаря самоотверженному труду нашего рабочего класса, — отметил докладчик, — борющегося под руководством МНРП в авангарде всего монгольского народа за строительство социалистического общества в МНР... темп роста промышленного производства за 4 года второй пятилетки был в 4,5 раза больше, чем в годы первого пятилетнего плана».

За эти годы монгольская промышленность освоила производство ряда новых сельскохозяйственных машин и запасных частей к ним, а также предметов народного потребления. Осуществлена реконструкция ряда старых предприятий и сданы в эксплуатацию новые. Производительность труда в промышленности повысилась на 29,6%.

За четыре года государство вложило в промышленность около 410 млн. тгр., что в 2 раза превышает капиталовложения за все пять лет первой пятилетки. Начато строительство 20 новых крупных промышленных и коммунально-бытовых объектов.

Крупнейшим событием второй пятилетки явилось завершение строительства и сдача в начале 1956 г. в эксплуатацию железной дороги Улан-Батор — Дзамын-Удэ, являющейся южным участком трансмонгольской железной дороги. «Уже в первые годы своего функционирования, — говорил Л. Ценде, — она серьезно способствует дальнейшему развитию народного хозяйства МНР, росту рабочего класса, подготовке национальных технических кадров, оказывает большое влияние на процветание культуры и на подъем благосостояния народных масс». Грузооборот железнодорожного транспорта в 1956 г. возрос в 7,4 раза по сравнению с 1955 г., а по сравнению с 1952 г. в 16,4 раза.

Учитывая напряженность баланса рабочей силы и большой объем строительства, развернувшегося во всех областях народного хозяйства, правительство МНР обратилось к правительству Китайской Народной Республики с просьбой направить в МНР китайских рабочих и крестьян, желающих оказать помощь монгольскому народу в строительстве социализма. Прибытие многотысячной армии представителей китайского рабочего класса и крестьянства для принятия непосредственного участия в строительстве социализма в МНР способствовало ускорению темпов роста народного хозяйства. С помощью китайских друзей в Сухэ-Баторе было закончено строительство новой спичечной фабрики, сдан в эксплуатацию фарфоровый завод в Улан-Баторе.

За годы второй пятилетки значительно повысился жизненный уровень народных масс. Возросла номинальная (на 25,8%) и реальная (почти на 40%) заработная плата рабочих и служащих, а реальные доходы аратов и членов СХО в 1956 г. были на 57% выше уровня 1952 г.

Быстро повышался культурный уровень населения. 93% детей школьного возраста в 1956 г. были охвачены учебой в школах. За четыре года второй пятилетки вузы дали стране около 2 тыс. специалистов: педагогов, врачей, ветеринаров, зоотехни-

ков, экономистов и т. п. В МНР сейчас приходится один врач на каждые 2400 жителей и 8—9 больничных коек на каждую тысячу жителей, причем население получает медицинскую помощь бесплатно, за счет средств государственного бюджета.

Все мероприятия партии и народной власти, осуществленные за годы второй пятилетки, как и в предыдущие годы, были направлены на повышение благосостояния народа, имели единственную цель — подъем материального и культурного уровня жизни трудящихся.

Предварительные итоги второй пятилетки убедительно свидетельствуют о том, что монгольский народ, руководимый Народно-революционной партией, опирающийся на братскую помощь стран социалистического лагеря, создал прочную материальную базу для новых успехов на пути строительства социализма.

Годы второй пятилетки были для МНР также годами дальнейшего упрочения ее международного положения и роста ее международного авторитета. Узы тесной братской дружбы и разностороннего сотрудничества прочно связывают МНР со всеми странами социалистического лагеря, как в Азии, так и в Европе. МНР поддерживает также дружественные отношения с Индией, Бирмой и Индонезией. За 1955 и 1956 гг. Монгольскую Народную Республику посетило 19 правительственных делегаций из 13 стран, а также представители культуры и искусства более чем из 20 стран. В свою очередь деятели культуры и искусства МНР за эти два года посетили 17 европейских и азиатских стран.

Вся внешняя политика правительства МНР преследует одну цель: обеспечить стране и народу возможность мирного, созидательного труда, а также способствовать упрочению мира во всем мире. Забота о мире проходит красной нитью через все внешнеполитические акты монгольского правительства. Мир— во внешней политике, строительство социализма — во внутренней политике — такова программа деятельности Республики и правительства монгольского народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История монгольского народа в новое и новейшее время открывается периодом борьбы против маньчжурских завоевателей, длившейся около полутора веков и принимавшей различные формы, от мирных протестов до массовых вооруженных выступлений 1754—1758 гг.

В XVII—XVIII вв. Монголия играла крупную роль в международных отношениях на Дальнем Востоке и в значительной части Центральной Азии (в первую очередь во взаимоотношениях между империей маньчжурских завоевателей и Русским государством).

В дальнейшем, в период упрочения маньчжурского господства, монгольский народ стал объектом жестокой эксплуатации со стороны не только своих светских и церковных феодалов, но и маньчжурского военно-феодального государства.

Во второй половине XIX в. у власти в Китае еще оставалась маньчжурская (Цинская) династия, но все решающие экономические и политические позиции уже захватили в свои руки крупнейшие капиталистические государства — Англия, Франция, Россия, США, Япония. Последствия постепенной потери Китаем независимости распространялись и на являвшуюся одной из частей Маньчжурской империи Монголию, которая становилась колонией полуколониальной страны. В этом одна из своеобразных черт развития Монголии на рубеже XIX и XX вв., отразившаяся в дальнейшем и на ходе монгольской народной революции.

Отсталая колониальная экономика Монголии была обречена на деградацию, влекущую за собой массовое разорение ее трудящегося населения. Внутренние социально-экономические противоречия и сложная внешнеполитическая обстановка в небывалой степени обострились в эпоху империализма, когда Монголия стала объектом межимпериалистической борьбы главным образом между царской Россией и Японией.

© ГПИБ СО РАН

Давно назревший конфликт между производительными силами и производственными отношениями в Монголии требовал разрешения. Лишь победоносная национально-освободительная и социальная революция могла избавить Монголию от гибели. Революция стала для страны объективно-исторической необходимостью.

Русская революция 1905—1907 гг., пробудив Азию, нашла свой отклик и в Монголии, где наметившийся со второй половины XIX в. подъем освободительной борьбы стал в XX в. приобретать характер массового национально-освободительного движения. Большое влияние на это движение оказала революционная борьба китайского народа, поднявшегося в 1911 г. против прогнившей династии маньчжурских завоевателей. Известную роль в успехах национально-освободительного движения в Монголии сыграла также поддержка русского царизма, преследовавшего свои империалистические цели. Власть маньчжурской династии была ликвидирована. Но Монголии не удалось добиться подлинной самостоятельности и свободы. Она превратилась в феодально-теократическую монархию, экономически и политически зависимую от царской России. Однако образование автономного монгольского государства объективно представляло собой шаг вперед.

Воодушевленный Великой Октябрьской социалистической революцией монгольский народ восстал против внешних и внутренних поработителей, совершил победоносную революцию. В результате народной революции 1921 г. с помощью братского советского народа Монголия освободилась от колониального рабства и завоевала национальную независимость. Монгольский народ свергнул феодалов и взял власть в свои руки, сбросил с себя цепи крепостной зависимости, создал народно-демократическое государство.

Победа Октября открыла Монголии путь к освобождению от национального и социального гнета, путь к социализму и коммунизму, минуя капитализм. Монгольская народно-революционная партия, зародившаяся в 1919 г., с первых дней своего существования развивалась под знаменем марксизма-ленинизма, осуществляя на практике союз революционного монгольского крестьянства с международным пролетариатом, в частности с рабочим классом России, получая от него идейное руководство. В результате победы Великой Октябрьской революции молодое монгольское народно-демократическое государство получило разностороннюю помощь от СССР — первой страны пролетарской диктатуры.

За неполных четыре десятилетия существования народной власти древняя страна кочевого скотоводства, считавшаяся накануне революции одной из самых отсталых стран в мире,

неузнаваемо преобразилась. За годы революции монгольский народ под руководством Народно-революционной партии добился замечательных успехов. В настоящее время Монгольская Народная Республика — независимое, суверенное государство, в котором вся власть принадлежит народу. В стране созданы и успешно развиваются национальная промышленность, современный транспорт и средства связи, являющиеся общенародной, социалистической собственностью, полностью ликвидирована неграмотность и осуществлена культурная революция. За эти годы в МНР сложился и вырос национальный рабочий класс, ставший ведущей силой в монгольском обществе. Залогом прочности и жизнеспособности монгольского народно-демократического государства является союз рабочего класса и трудового крестьянства, возникший и окрепший в ходе борьбы за некапиталистический путь развития страны, за победу социализма. В настоящее время в стране развертывается процесс социалистического преобразования сельского хозяйства. Завершение этого процесса превратит МНР в страну победившего социализма.

Результаты созидательного труда монгольского народа исключительно ярко выражены в совместном заявлении об итогах переговоров между правительственными делегациями Советского Союза и Монгольской Народной Республики, происходивших 14 мая 1957 г.[1]. В процессе обмена мнениями выявилось единство взглядов сторон в оценке современного международного положения и единодушное стремление СССР и МНР развивать и укреплять дальше братское сотрудничество между народами обеих стран. Стороны отметили плодотворные результаты советско-монгольской дружбы, начало которой было положено в дни революционных боев 1921 г. Дружба между СССР и МНР с течением времени получила дальнейшее всестороннее развитие, охватывая все новые области хозяйственного, государственного и культурного строительства. Отношения между СССР и МНР представляют собой пример новых, подлинно социалистических отношений между большими и малыми странами, основанных на принципах пролетарского интернационализма.

Советский Союз в порядке помощи народному хозяйству МНР только за последние 10 лет предоставил республике долгосрочные кредиты на льготных условиях в размере 900 млн. руб. За это же время было безвозмездно передано правительству МНР разного советского имущества на сумму более 100 млн. руб. С помощью СССР в МНР была создана мест-

[1] «Правда», 17 мая 1957 г.

ная нефтяная промышленность, которая уже сейчас в состоянии удовлетворить значительную часть потребности республики в нефтепродуктах, а также заложена основа для развития местной горнорудной промышленности. В данное время при материально-технической и финансовой помощи СССР в МНР идет строительство восьми новых объектов промышленного, сельскохозяйственного и коммунально-бытового характера и шесть крупных машинно-животноводческих станций и жилых домов.

СССР безвозмездно передал в собственность МНР все предприятия треста «Монголнефть» и на весьма льготных условиях — советскую долю участия в акционерном обществе «Совмонголметалл». Помимо этого, в собственность МНР также переданы сооружения и оборудование аэропортов в Улан-Баторе и Сайн-Шанде вместе с некоторым числом самолетов. Советский Союз согласился и впредь оказывать МНР помощь в дальнейшем развитии ее хозяйства и культуры.

Оба правительства заявили, что в своей внешней политике «усилия обеих стран будут и впредь направлены к упрочению мира между народами, установлению дружественных отношений со всеми государствами независимо от их политического и общественного строя на основе принципов мирного сосуществования».

Повседневная практика братского сотрудничества между СССР и МНР доказала, что советский народ, его коммунистическая партия и правительство практически осуществляют завет великого Ленина, который еще в 1916 г. говорил, имея в виду отношения будущих социалистических государств к отсталым и слабым странам: «Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и *своим интересом* сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет *непрочен*. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам „бескорыстную культурную помощь"... т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму»[2]. Именно такую политику проводил Советский Союз на протяжении всей истории советско-монгольских отношений, являющихся примером тех отношений, которые устанавливаются в мире по мере того, как народы освобождаются от гнета империализма, выходят на путь суверенного развития и строительства социализма.

Монгольский народ, ликвидируя свою былую отсталость, в наши дни уверенно выдвигается в ряды передовых народов мира.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 23, стр. 55

Во время переговоров делегации ЦК КПСС и ЦК МНРП единодушно отметили крупное международное значение, особенно для слаборазвитых стран, опыта строительства социализма в МНР. Этот опыт «убедительно показал, как на практике осуществлялось предвидение великого Ленина о том, что трудящиеся таких отсталых стран, какой была дореволюционная Монголия, взяв власть в свои руки и опираясь на помощь и поддержку социалистических стран, могут успешно осуществлять переход к социализму, минуя капиталистическую стадию развития».

В ходе своего развития народно-демократическая революция в Монголии прошла через два основных этапа. К 1940 г. в основном были выполнены задачи первого, общедемократического этапа революции: разрушен старый феодальный аппарат угнетения и эксплуатации трудящихся, создано единое народно-демократическое централизованное государство, сложилась система экономических командных высот, поставленных на службу некапиталистическому развитию страны, ликвидированы феодалы как класс. В 1940 г. МНР перешла к этапу социалистической революции. Этот период характеризуется ликвидацией остатков феодализма в экономике, развитием всех отраслей народного хозяйства и культуры, укреплением социалистического сектора. Если на первом этапе монгольское народно-демократическое государство выполняло функции революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, то на втором — оно все шире и полнее выполняет функции диктатуры рабочего класса.

Опыт МНР свидетельствует, что восставшие против империализма и колониализма народы отсталых стран могут преодолеть все трудности и успешно двигаться к социализму, минуя капитализм, при условии руководства действительно народными, революционными партиями, вооруженными учением марксизма-ленинизма и развивающимися как массовые партии нового типа. Такой партией является Монгольская народно-революционная партия, показавшая себя подлинным организатором и вдохновителем побед монгольского народа.

История МНР убедительно свидетельствует о миролюбии монгольского народа и его правительства. Борьба за нерушимый мир во всем мире и сейчас составляет главную задачу и цель всей внешней политики Монгольской Народной Республики.

Не за горами то время, когда МНР станет страной победившего социализма. Над решением этой задачи трудится монгольский народ, руководимый своей Народно-революционной партией.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. Общественный строй Монголии в XVII—XIX вв. 6

Глава вторая. Международное и внутреннее положение Монголии во второй половине XVII в. Завоевание Халха-Монголии маньчжурами 28

Глава третья. Укрепление маньчжурского господства в Халхе. Ойратское ханство в первой половине XVIII в. 58

Глава четвертая. Антиманьчжурское освободительное движение в Монголии в 1754—1758 гг. Гибель Ойратского ханства . . 86

Глава пятая. Монголия под властью маньчжурской династии . . 113

Глава шестая. Монголия в эпоху империализма. Освободительное движение 1911—1912 гг. и образование автономного Монгольского государства 134

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая. Великая Октябрьская социалистическая революция и народная революция в Монголии. Образование Монгольской Народной Республики (1921—1924) 157

Глава вторая. Борьба против антинародной политики правых и «левых» уклонистов (1924—1932) 195

Глава третья. Завершение первого этапа народной революции. Переход к строительству социализма 226

Глава четвертая. К социализму, минуя капитализм 256

Заключение 295

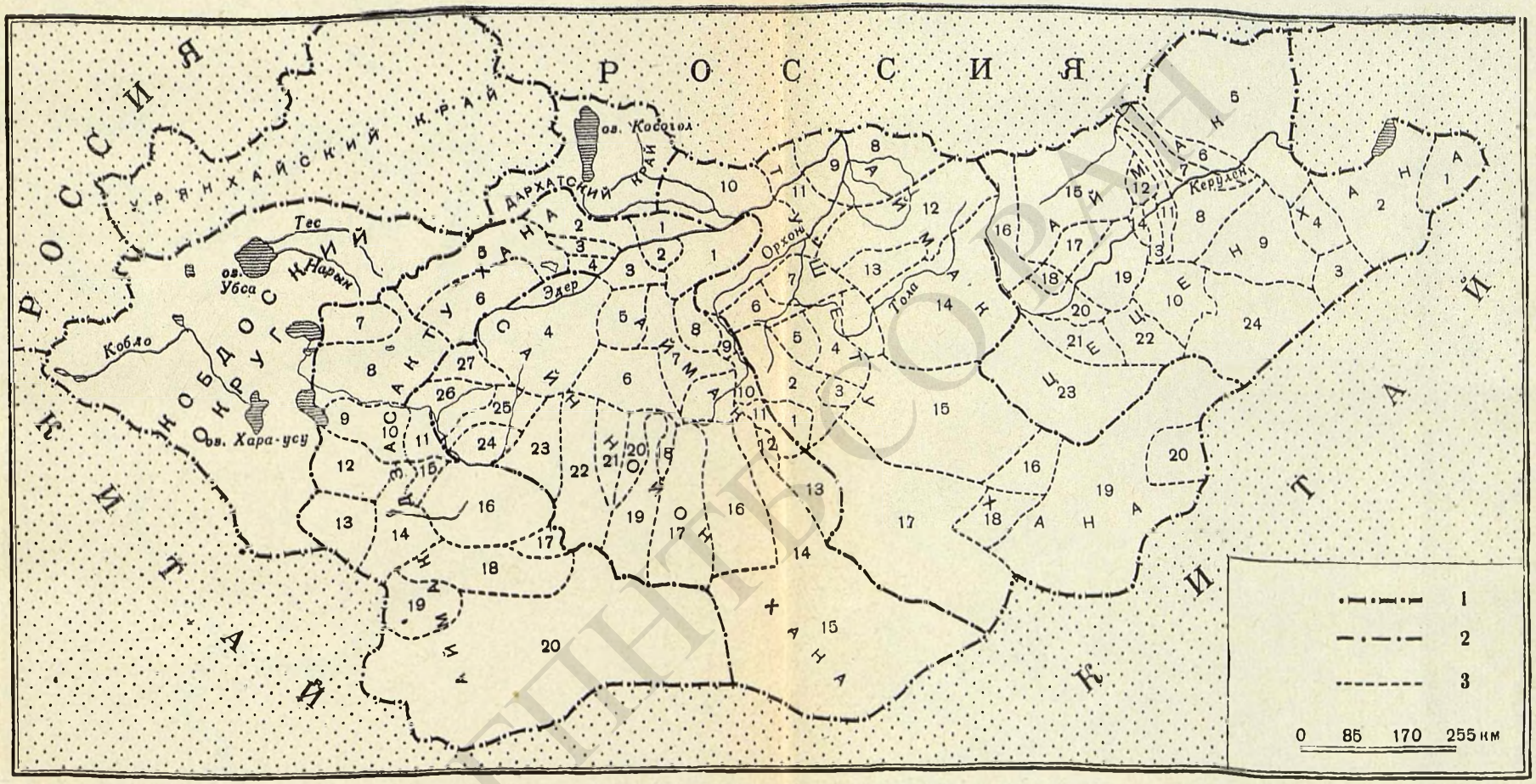

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
14	15 снизу	требовавших	требовавшими
138	16 сверху	эксплуатировавших и обиравших	эксплуатировавшими и обиравшими
158	5 сверху	угнетенных	угнетенных в прошлом
161	17 сверху	примыкающей к Советской России и Китаю	примыкающей к жизненным центрам Советской России и Китая
217	7 сверху	культа, при этом	культа, не делая при этом
250	20 снизу	расходов,	расходов, их
257	14 сверху	разгрома их войск	разгрома войск
280	4 сверху	в 1949 г.	в 1951 г.

Зак. 2446

© ГПНТБ СО РАН

Внешняя Монголия в период автономии

Аймак Цецен—хана. Хошуны: *1* — Эрхемсык-бейсе; *2* — Ильден-ван; *3* — Хурцу-ван; *4* — Уйдзин-бейсе; *5* — Ачиту-бейсе; *6* — Сарул-гун; *7* — Эрдени-гун; *8* — Далай-ван; *9* — Эсту-бейсе, *10* — Эрхе-гун; *11* — Дархан-ван; *12* — Дайчин-бейсе; *13* — Судзукту-бейсе; *14* — Сургулин-гун; *15* — Джонон-ван; *16* — Дархан-бейсе; *17* — Мерген-гун; *18* — Батор-бейле; *19* — Цецен-хан; *20* — Зорикту-бейсе; *21* — Ахай-гун; *22* — Биширельту-ван; *23* — Цецен-ван; *24* — Мандай-ван

Аймак Тушету—хана. Хошуны: *1* — Далай-гун; *2* — Тушету-хан; *3* — Цецен-ван; *4*—Зорикту-ван; *5* — Уйдзин-гун; *6* — Биширельту-гун; *7* — Джонон-гун; *8* — Дайчин-ван; *9* — Ахай-гун *10* — Эрдени-ван; *11* — Батор-ван; *12* — Ильден-гун; *13* — Дархан-ван; *14* — Дайчин-бейле, *15* — Тушету-ван; *16* — Судзукту-гун; *17* — Сумья-гун; *18* — Мерген-ван; *19* — Цогто-гун; *20* — Ачиту-гун

Аймак Сайн нойон—хана. Хошуны: *1* — Сарул-гун; *2* — Эрхе-бейсе; *3* — Мерген-гун; *4* — Далай-чойнхор-цин-ван; *5* — Эйтес-гун; *6* — Цецен-цин-ван; *7* — Заин-пандита; *8* — Тушету-гун, *9* — Биширельту-бейсе; *10* — Судзукту-бейсе; *11* — Зорикту-гун; *12* — Ахай-бейсе; *13* — Ильден- бейле; *14* — Уйцзин-ван; *15* — Эсту-бейле; *16* — Сайн нойон-хан; *17* — Эрдени-пандита-хутухта; *18* — Дайцин-ван; *19* — Дархан-гун; *20* — Цогто-туше-гун; *21* — Цин-судзукту; *22* — Эрдени- цин-ван; *23* — Джонон-бейле; *24* — Нарбончи-хутухта; *25* — Хошучи-бейсе; *26* — Батор-бейсе; *27* — Ачиту-гун

Аймак Цзасакту—хана. Хошуны: *1* — Хатан-батор-ван; *2* — Ахай-гун; *3* — Далай-гун; *4* — Мерген-туше-гун; *5* — Владение Дурехчи-вана и Джалхан-дза-хутухты; *6* — Цогто-ван; *7* — Ачиту-ван; *8* — Цецен-ван; *9* — Зорикту-ван; *10* — Батор-ван; *11* — Уйдзин-туше-гун; *12* — Эйдени- бейсе; *13* — Дархан-бейсе; *14* — Дайцин-ван; *15* — Судзукту-туше-гун; *16* — Дзасакту-хан; *17* — Ильден-туше-гун; *18* — Эсту-бейсе; *19* — Биширельту-дзасак; *20* — Джонон-ван

© ЦЕНТРОАЗИЯ

Карта Монгольской Народной Республики